

КРАТКАЯ

ИСТОРИЯ

АВСТРАЛИИ

Стюарт Макинтайр

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
АВСТРАЛИИ

A Concise
HISTORIA
of Australia

Stuart Macintyre

CAMBRIDGE
UNIVERSITY PRESS

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
АВСТРАЛИИ

Стюарт Макинтайр

Перевод с английского

ВЕСЬ
МИР
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2011

УДК 94(9)
ББК 63.3(8)
М 15

Перевод с английского
Т.И. Есиповой (гл. 7–9), Н.Л. Некрасовой (гл. 1–6)

Редактор
канд. ист. наук О.А. Зимарин

Куратор серии «Национальная история»
канд. ист. наук Л.М. Троицкая

Макинтайр С.

М 15 Краткая история Австралии / Стюарт Макинтайр; пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2011. — 360 с. (Национальная история)
ISBN 978-5-7777-0421-4

Книга известного ученого, профессора Мельбурнского университета Стивена Макинтайра считается одним из лучших общих очерков истории Австралии в мировой научной литературе. Автор внимательно и критично рассматривает все основные проблемы изучения прошлого страны, описывает ключевые события и процессы австралийской истории. В книге развенчиваются некогда господствовавшие стереотипные представления об Австралии, как стране, чья история начинается лишь с прибытия английских каторжников и надзирателей. Для автора — миф и идеология «Белой Австралии» давно изжили себя, как и пренебрежительное отношение к истории и культуре аборигенных народов. Особенностью работы Макинтайра является органичное сочетание политической, экономической и культурной составляющей истории страны. Книга дает великолепное представление о духе и национальном самосознании австралийцев и в этом качестве представляет большой интерес не только для тех, кто изучает и преподает историю, но и для действительно широкого круга читателей.

УДК 94(9)
ББК 63.3(8)

Перевод книги на русский язык осуществлен по второму изданию книги: Stuart Macintyre.
A Concise History of Australia. Cambridge: Cambridge University Press, 2004
и публикуется по согласованию с Cambridge University Press.

На обложке: Панорама города Сидней. Харбор Бридж.

Напечатано в России

ISBN 978-5-7777-0421-4

© Stuart Macintyre, 2004
© Перевод на русский язык,
Издательство «Весь Мир», 2011

Оглавление

Выражение признательности	9
Глава 1. Истоки	13
Глава 2. Пришельцы (ок. 1600–1792)	30
Глава 3. Покорение (1793–1821)	50
Глава 4. Освобождение (1822–1850)	70
Глава 5. Невольники прогресса (1851–1888)	106
Глава 6. Национальное переустройство (1889–1913)	146
Глава 7. Жертва (1914–1945)	185
Глава 8. Золотой век (1946–1974)	234
Глава 9. Воссоздание Австралии (1975–2004)	283
Глава 10. Что дальше?	337
Приложения	
Премьер-министры Австралийского Союза (с 1901 г.)	345
Генерал-губернаторы Австралийского Союза (с 1901 г.)	346
Список литературы	347

*Моим дочерям
Мэри и Джесси.
Это и их история*

Выражение признательности

Любая краткая история неизбежно опирается на очень большое число научных исторических исследований. Австралийские историки увидят, насколько широко я основываюсь на их работах. Я многим обязан своим друзьям и коллегам, прочитавшим предварительный вариант рукописи и высказавшим свои замечания. Это Джеффри Болтон, Верити Бургман, Джой Дамуси, Патриша Гримшо, Джон Херст, Джилл Рой, Джон Мортон, Питер Николсон, Тим Роуз и Патрик Вулф. Я хотел бы выделить Джилл Рой за ее служение профессии историка и Джеффри Болтона, который был моим первым преподавателем австралийской истории и который до сих пор остается моим учителем. Я многим обязан и своим студентам, которым преподаю, и аспирантам, чьими исследованиями руковожу.

Я благодарен Филиппе Макгиннес, ведущему научному редактору издательства «Кембридж юниверсити пресс» в Австралии, настойчиво побуждавшей меня написать эту книгу и оказавшей мне помощь в работе над ней. Джанет Макензи, вместе с которой я начинал свою научную работу в аспирантские годы, отредактировала мою рукопись, не теряя благожелательности по отношению к автору. Джонатан Ричи и Ким Торни помогли мне в исследованиях. Я признателен Мартину Уолшу и Розе Брезак, облегчившим мне выполнение моих академических обязанностей; коллегам по исто-

рическому факультету Мельбурнского университета — за то, что снисходительно относились к моим отлучкам, и Австралийскому совету по исследованиям, предоставившему мне грант.

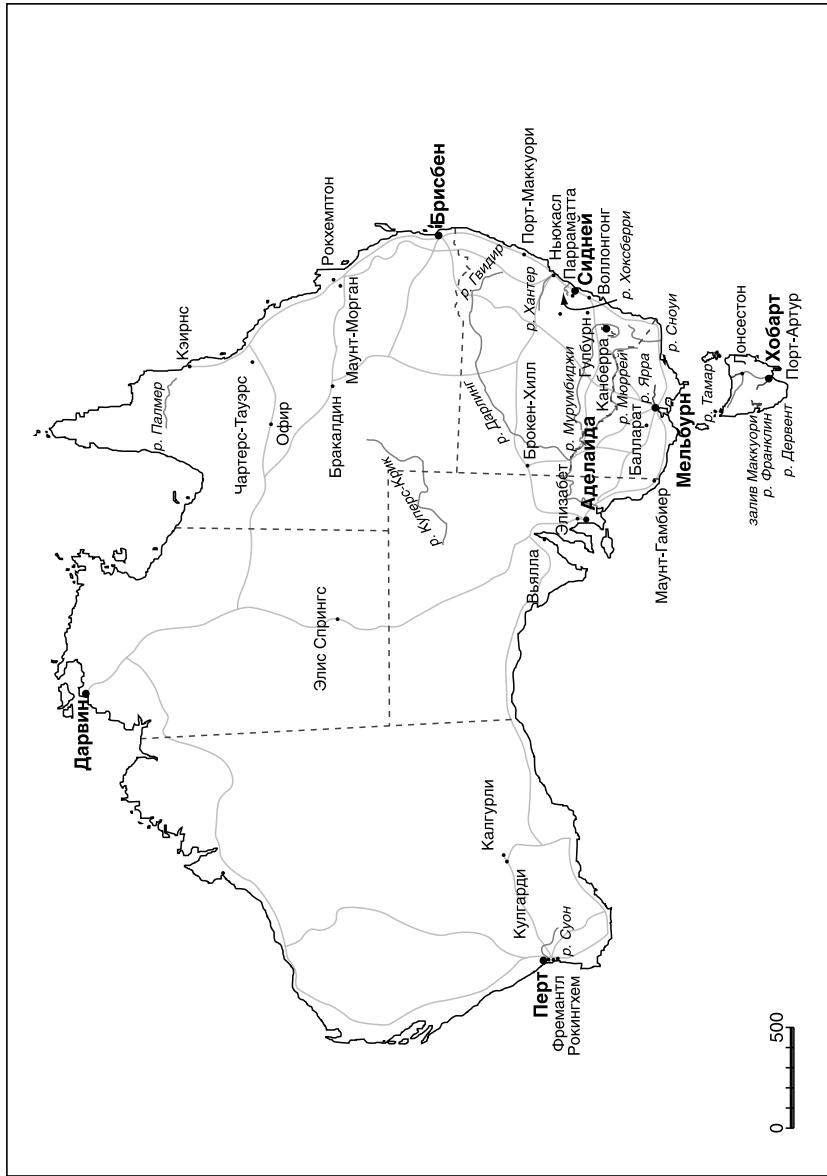
Любая краткая история страны предназначенная для международной аудитории, дает автору возможность обратиться к широкому кругу читателей, но одновременно бросает ему вызов. Местный любитель истории выискивает знакомые вехи и ждет привычного описания предмета. Зарубежный читатель меньше знаком с уже устоявшимися подходами. Повествовательная история, составленная из стандартных описаний, вряд ли сможет помочь понять Австралию тем, у кого нет никаких предварительных знаний о ней. Недостаточно просто упомянуть имя, если читатель не встречал его где-то раньше. Я исходил из того, что мой читатель знает об Австралии не много, и пытался писать свою картину грубыми мазками, подчиняя детали общему впечатлению.

Это всегда рискованно. Специалисты будут досконально изучать текст, выискивая упоминание о волнующих их проблемах. Тот, кто уверен, что знает конкретные причины событий, станет уделять главное внимание именно им, что в конечном счете и определит его отношение к тексту в целом. Такое «взвешивание» пропорций в содержании книги является неизбежным. Впрочем, то, как я расставил акценты, вполне ясно указывает на характер моего собственного понимания и мои приоритеты. Моя задача, тем не менее, состояла в том, чтобы представить такое повествование, которое бы объясняло, почему его составные части занимают свое законное место в национальной истории и то, в силу чего они вызывают споры. Я пытался представить австралийскую историю в рамках более широкого исторического контекста, частью которого она является, и провести сравнения с историей других частей мира. Тем самым я обращался к зарубежному читателю, который, быть может, видел австралийские фильмы и в какой-то степени знаком с природой этой страны по телевизионным передачам, но который редко встречает упоминания о ней в новостях. Работая над книгой, я представлял себе приезжего, который уже получил представление о том, как выглядит страна, и как ведут себя австралийцы, но которому трудно понять логику, соединяющему и то и другое. Я надеялся, что моя книга поможет ему увязать то, что он на самом деле видит и слышит, с тем, как все это возникло.

Я посвятил эту книгу двум своим дочерям, рожденным в Англии и выросшим в Австралии, которые слишком часто видели своего отца в роли педагога, но которые всегда и сами учили его тому, что их интересовало и заботило.

При переработке первого издания я кое-что обновил в начальных главах и сделал существенные добавления к девятой главе. Уэйн Гирлинг помог мне собрать дополнительный материал, и я благодарен за советы Алану Аткинсону, Питеру Бейлхарцу, Энди Браун-Мей, Майклу Клайну, Грэму Дэвисону, Пауле Хэмилтон, Катарине Мэссам, Питеру Мэтесону и Питеру Спирритту.

*Стюарт Макинтайр
Март 2004 г.*

Карта Австралии: главные реки, крупные и малые города

Глава 1. Истоки

Когда и как появилась Австралия? По одной из версий происхождения страны — той, которую преподают уже многим поколениям школьников и которая утвердилась в литературе и искусстве, в монументах и празднованиях годовщин, — австралийская история берет свой отсчет с конца XVIII в. Европейцы уже в течение нескольких столетий плавали в южных морях, когда английский мореплаватель лейтенант Джеймс Кук в 1770 г. достиг восточного побережья континента, дал ему название Новый Южный Уэльс и объявил его владением британского монарха. Через 20 лет английское правительство отправило экспедицию с целью заселения Нового Южного Уэльса. Двадцать шестого января 1788 г. командующий экспедицией Артур Филлип принял на себя управление восточной частью страны. Тысяча офицеров, солдат, гражданских чиновников и заключенных, которые высадились у Сиднея с одиннадцати судов Первого флота, создали плацдарм для прибытия последующих иммигрантов — заключенных и свободных людей, распространившихся по всему континенту, которые исследовали его, расселялись на нем, владели им и подчинили его себе.

Это история дремлющей земли, которая была разбужена целеустремленностью энтузиастов. Приход цивилизации на эту землю

зафиксирован летописцами Первого флота, описавших, как новые переселенцы выгружали привезенное с собой добро, расчищали лесистые склоны Сиднейской бухты, возводили первое жилище. Стук топора — удары английской стали о древние эвкалипты — нарушил тишину девственной природы. Благодаря научным устремлениям Кука и неутомимой прозорливости Филлипа эта странная и далекая цитадель природы вышла из забвения.

Пришельцы привезли с собой скот, растения и инструменты. Они также взяли с собой ментальный инструментарий, сформированный объективной рациональностью Просвещения и связанной с ней верой в человеческие способности. Для них были свойственны моральная определенность и незыблемое чувство долга, присущие евангелическому христианству, а также неодолимое стремление к приобретательству, рожденное рынком. Благодаря такому образу мыслей и действий установилось европейское господство над остальным миром. А оно, в свою очередь, сформировало определенное понимание того, что есть экономика, ресурсы, мореплавание, торговля, ботаника, зоология, антропология — и история.

История стала новым механизмом регулирования и управления природой, понимания событий и даже влияния на них. Новое осознание географии и хронологии, пространства и времени как объективно заданных и измеряемых явлений содействовало пониманию истории как отрасли знаний, не зависящей от позиции наблюдателя, хотя в то же время оно отражало непрекращающийся процесс совершенствования и прогресса, оправдывающих приход нового на смену старому. В этом смысле история Австралии стала одной из последних глав в британской, европейской и мировой истории.

Такая версия рождения Австралии подчеркивала ее необычность и архаичную новизну. Во флоре и в фауне, даже в ее жителях смешались все существующие классификации; они были одновременно и старыми и новыми. Однопроходные и сумчатые — теплокровные животные, размножавшиеся яйцами или носившие детенышей в сумке, воспринимались как первобытные предшественники плацентарного млекопитающего и в то же время как причуда природы. Именно это привело в замешательство судьбу и поэта Нового Южного Уэльса первых лет Баррона Филда.

Кенгуру! Кенгуру!
 Ты — дух Австралии самой
 С ее воссозданной судьбой,
 Отринувшей свое уединенье
 И возвестившей скорое рождение
 На свете новой части пятой —
 Наследницы, счастливо воспринятой...*

В этом варианте австралийской истории новизна места (до того как стать Новым Южным Уэльсом, Австралия называлась Новой Голландией) сглаживалась причастностью ее судьбы к имперским истокам. Колониальная история начинается с британских и европейских достижений. За грубыми импровизациями на самой дальней границе поселений Британской империи стояло наследие институтов, обычаев и ожиданий. Военно-морской офицер, который в 1803 г. наблюдал за усилиями группы каторжан, впрягшихся в телегу, по самые оси увязшей в нескончаемых песках дюн, успокаивал себя предвидением рождения «второго Рима, вырастающего из коалиции этих бандитов... который не будет иметь себе равных в обращении с оружием и в занятиях искусством».

Селение это было впоследствии всеми покинуто, офицер вернулся в Англию, а другие не уехали — остались и превратили его мечты в реальность. Но они уже не представляли себе Австралию как имитацию чего-то уже существующего, они изобретали нечто совершенно новое — Новый Свет, который сможет избежать ошибок Старого Света. Для тех, кто пришел вслед за Первым флотом, этот просторный остров-континент открывал возможность расстаться с бедностью, классовыми различиями, привилегиями и начать все заново. С превращением к середине XIX в. колонии для преступников в свободные, самоуправляемые доминионы сместились акценты — на смену колониальному копированию пришло национальное экспериментирование. С началом золотой лихорадки, заселением земель и ростом городов мысль повернулась от зависимости к самостоятельности и от истории, разрабатывавшей имперское наследие, к истории процесса самопознания.

В течение XIX в. и значительной части XX в. настроения колониального национализма питали стремление к отмежеванию Авст-

* Перевод О.А. Зимарина. Во всех случаях, когда автор перевода не указан, им являются переводчики данной книги.

ралии от Англии и Европы. Затем, когда последние связи с империей были разорваны, даже этот способ отличать отпрыска от родителя утратил смысл. На его месте выросла идея Австралии как пристанища для всех желающих со всех частей света. Эта идея взрастила принципы мультикультурного общества, сформировавшиеся в последние десятилетия XX в., и еще глубже подорвала фундаментальное значение 1788 г. Размытость истоков превратила австралийскую историю в рассказ о путешествиях и прибытиях, давно ставший общим достоянием и бесконечно повторяемый. Но эта смутная история имела слишком условный характер. Она не отвечала потребности в эмоциональной составляющей и не могла успокоить совесть. Желание иметь объединяющее национальное прошлое, которое связало бы людей с этой землей, было подавлено ощущением отсутствия корней и новизны, лишенной глубины. Стремление к собственной национальной культуре, принадлежности к ней было отвергнуто изначальной узурпацией. История колонизации уступила истории вторжения.

К концу XX в. было уже невозможно дальше поддерживать вымысел об Австралии как о *terra nullius**, где до ее заселения в 1788 г. не обитал человек, где не было ни законов, ни власти, ни истории. Существование альтернативных истоков стало очевидным. В Австралии или, вернее, на части древнего материка Сахул — крупного острова-континента, простиравшегося на север до Папуа — Новой Гвинеи и охватывавшего современный остров Тасмания — существовала цивилизация, уникальная по своей долговечности. Она была заселена, по меньшей мере, 40 тыс. лет назад. Приобретавшая все более широкое признание, намного более объемная история Австралии нашла отклик в сознании людей конца XX в. В этой истории обнаружились древнейшие и богатейшие образцы социальной организации, экологических приемов и методов, языков, искусств, духовных верований. Усвоив аборигенное прошлое, некоренные австралийцы обрели чувство принадлежности к своей стране.

Однако для них это было связано не просто со стремлением к примирению и гармонии, а с тем, что они находились лицом к лицу с аборигенами. Открытие более давней истории и возрождение аборигенной организации и культуры происходили одновременно, при этом один процесс подпитывал другой, и все же у каждого из них была своя динамика. Для аборигенов и островных народов

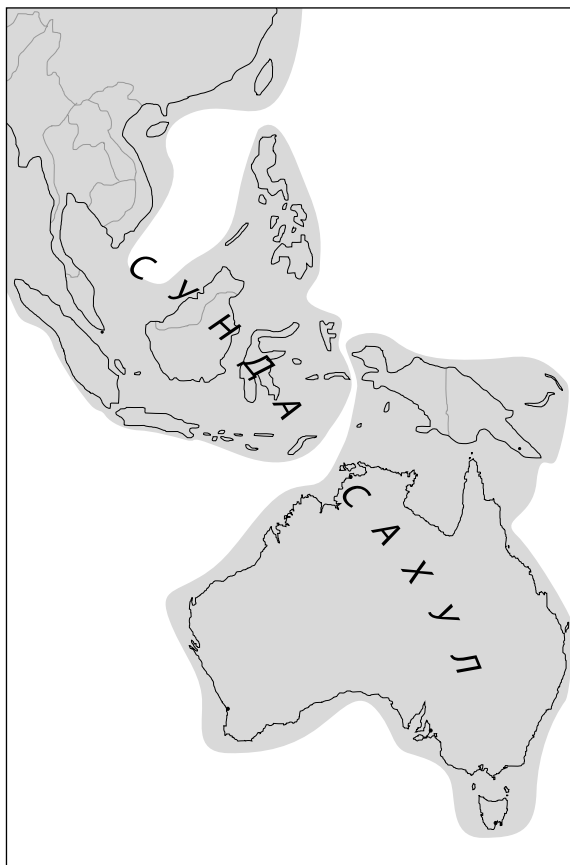
* Ничья земля (лат.). — Здесь и далее примечания переводчиков и редактора.

пролива Торреса европейское вторжение было травмирующим событием с далеко идущими последствиями для их образа жизни, здоровья, благосостояния и самой идентичности. Но их история — это также и история выживания, сохранения обычаев и традиций, рассказов и песен, в которых они содержались. Хотя, приобретая известность, культура аборигенов привлекла внимание к проблеме их выживания и принадлежащих им прав; уступать кому-нибудь контроль над ней они не желали.

Для ученых, даже наиболее сочувственно настроенных к коренному населению, в связи с этим возникла необходимость поиска новых условий, при которых они могли бы продолжать свои исследования. Антропологи больше не могли рассчитывать поселиться внутри местной общины, наблюдать за ее образом жизни, записывать ее свидетельства и выступать от ее имени. Этнологи больше не имели возможности определять племена или степень кровного родства аборигенов. Археологи не могли продолжать раскопки, не считаясь с чувствами аборигенов; фактически им пришлось прекратить сбор артефактов и человеческих останков. Даже отодвигая назад первое известное датирование присутствия аборигенов в Австралии, они были вынуждены соблюдать все эти ограничения. Вторая версия истории Австралии — та, что начинается она не с 1788 г. н.э., а, по меньшей мере, 50 тыс., а возможно, и 60 тыс. или более лет назад, одновременно более противоречива и изменчива и более убедительна.

Противоречива она не только из-за вопросов о принадлежности культуры, но и в силу содержащихся в ней вызовов интеллектуального и эмоционального характера. Даже если присвоение других культур допустимо, то возможно ли их постичь? Старая версия истории видела в аборигенах только трагическую и раздражающую помеху, рассматривала их как жертву железным законам прогресса. Латинский термин *ab origines* буквально означает: «те, кто был здесь с самого начала». Несмотря на попытки найти взамен другие, более конкретные обозначения, вроде тех, что используются в отношении коренных народов в других районах мира, термин *aborigines* применительно к исконным жителям Австралии устоялся, потому что как нельзя лучше подчеркивает неизменность их присутствия на континенте.

Остатки образа жизни аборигенов были собраны и вставлены в причудливую мозаику доисторической эпохи, чтобы раскрыть иерархию народов, находящихся на различных стадиях социаль-

Архипелаг Суэнда и материк Сахул

ного развития, в зависимости от степени его сложности, изоэренности и наличия внутреннего потенциала. Вызывала интерес их устная традиция, которая проливала свет на эту доисторическую эпоху. Ведь, не имея письменных свидетельств, хронологии и политической власти, аборигены не имели и собственной истории. Лишенные как реальной индивидуальности, так и роли в истории, начавшейся в 1788 г., они были не более чем объектом истории.

Именно такое понимание истории сегодня подвергается сомнению в новой концепции прошлого Австралии. В 1992 г. Выс-

ший суд страны установил, что применение доктрины *terra nullius* в момент, когда британское правительство предъявило претензии на владение континентом, «опиралось на дискриминационные измышления о коренном населении». Выступая полгода спустя перед аборигенами, премьер-министр пошел еще дальше. «Мы забрали исконные земли и разрушили исконный образ жизни, — заявил Пол Китинг. — Мы принесли болезни. Алкоголь. Мы совершали убийства. Мы забирали детей у матерей. Мы осуществляли политику дискриминации и исключения из общества».

Китинг говорил об этих несправедливостях прошлого в духе примирения, утверждая, что, «признавая историческую правду, нам нечего бояться и нечего терять». Тем не менее в последние годы каждое из его высказываний встречало возражения. Его преемник Джон Говард отклонил рекомендации Совета по примирению. Правительство Говарда отвергло выводы официального расследования проблем детей «украденного поколения», отнятых у родителей из семей туземцев, и ограничило действие права аборигенов на землю. Другие настаивали на том, что коренные жители страны были примитивным народом, не способным оказать серьезное сопротивление, и что заселение Австралии Британией «было наименее насильственным из всех столкновений европейцев с Новым Светом». Вопрос о происхождении нации еще никогда не вызывал таких ожесточенных споров.

Остров-континент Австралия образовался в далеком прошлом; по мнению ученых, при расколе огромного праматерика Пангея. Сначала расположенная на севере Лавразия отделилась от Гондваны на юге. Затем от Гондваны отделилась территория, из которой впоследствии образовались Индия, Африка, Южная Америка и Новая Зеландия. Она стала перемещаться на север, а еще позже — вероятно, 50 млн лет назад — то же самое произошло с Австралией и Новой Гвинеей, пока они не остановились, не дойдя до архипелага, протянувшегося от Индокитая до Тимора. Несмотря на подъемы и спады океанических вод в периоды потепления и похолодания, этот похожий на плот массив земли всегда был окружен водой. Глубокий пролив, отделяющий сегодня Юго-Восточную Азию от северо-западного побережья Австралии, иногда сужался буквально до сотни километров, но никогда не смыкался. Море всегда отделяло Сахул — континентальный шельф, охватывающий Австралию, Тасманию и Новую Гвинею, — от Сунды —

архипелага, включавшего в себя Малайзию, Суматру, Борнео и Яву. Этот разрыв стали называть линией Уоллеса по имени ученого, в XIX в. показавшего, что именно здесь неизменно пролегла граница между евразийской и австралийской, а также новогвинейской флорой и фауной.

Таким образом, Австралия была изолирована. При этом в геологическом отношении она была необычайно стабильна: там было не много разломов и складок земной коры, которые в других местах порождали высокие горные массивы или глубокие ущелья. Все это вместе с почти полным отсутствием оледенений и незначительной вулканической деятельностью сохранило древний, плоский материк, богатый полезными ископаемыми, но с неглубоким почвенным покровом. Погодные явления и эрозия вымывали из почвы питательные вещества. Поразительно многообразный растительный и животный мир, который сформировался и расцвел в этих условиях, адаптировался к значительным изменениям климата. Тропические леса то разрастались, то сокращались, внутренние озера разливались и пересыхали. Плотоядные животные были менее выносливыми, чем травоядные.

Когда примерно 10 тыс. лет назад завершился последний ледниковый период и сформировалась современная береговая линия, Австралия протянулась на 3700 км от северных тропиков до южных широт и на 4400 км с востока на запад. Большую территорию занимала засушливая равнина, а значительная часть осадков, выпадавших на горную цепь, расположенную вдоль восточного побережья, стекала в Тихий океан. Дождей здесь выпадало намного меньше, чем на любом другом континенте, и осадки были неустойчивыми. Не так давно учеными был выведен индекс колебаний Эль-Ниньо для измерения климатического феномена, наступающих в период прекращения действия пассатов, дующих с востока через Тихий океан. Тогда теплая вода скапливается у побережья Южной Америки и приносит на американский континент сильные бури; более холодная вода на другой стороне Тихого океана, напротив, сокращает испарение и образование облаков и тем самым вызывает продолжительные засухи на востоке Австралии. Цикл Эль-Ниньо длится от двух до восьми лет, и климатологи смогли это проследить по регистрационным записям в ретроспективе вплоть до начала XIX в. Вероятно, он существовал задолго до начала наблюдений и повлиял на формирование природы Австралии.

Специалисты в области естественной истории, которых восхищает богатое разнообразие этой своеобразной среды, обнаруживают в ней удивительную приспособляемость. Растения, выжившие в таких условиях, пускают глубокие корни в поисках влаги, имеют узкие листья и твердую кору, что сводит к минимуму испарение и потерю драгоценной жидкости, а разбрасываемые ими семена сохраняют всхожесть, даже пролежав в течение длительного времени на сухой земле. Они экономны при восполнении питательных веществ и расточительны при размножении. Некоторые из них, например эвкалипты, над лесами которых стоит голубоватая дымка, вызванная раскаленным солнцем, активно использовали эти условия, усышая землю горючим опадом, чтобы сжечь конкурентов и стимулировать собственное возобновление. Если посмотреть на Австралию с этой точки зрения, то весь обширный, будто бы дремлющий континент выглядит как арена жестоких сражений, где победа достается эвкалиптам, способным вызывать огненные вихри.

Такие пожары периодически вызывались и ударами молний или другими природными явлениями, но впоследствии появился еще один поджигатель — человек. Обретение человеком власти над огнем обеспечило защиту, тепло, свет и энергию: домашний очаг стал местом и символом человеческого общества. Вполне вероятно, что именно привлеченные зрелищем столбов дыма, поднимающихся над северо-западным побережьем материка Сахул, люди с оконечности островов Сунда решили пересечь разделяющее их море. Мы не знаем, когда был совершен этот переход, почему и даже каким образом. Возможно, использовались бамбуковые плоты, причиной могло стать перенаселение, а случилось это, по-видимому, в то время, когда Тиморское море было мелким. Ближайшая к нам по времени известная нижняя точка — на 100 м ниже современного уровня моря — существовала около 18 тыс. лет назад, однако есть четкие свидетельства заселенности материка в более ранний период. Такая же нижняя точка существовала около 140 тыс. лет назад, но это, наверное, слишком раннее время для заселения. В промежутке между этими двумя приблизительными датами — около 70 тыс. лет назад — уровень моря упал примерно на 60 м по сравнению с сегодняшним днем и восстановился до современного уровня только после окончания последнего ледникового периода за последние 10 тыс. лет.

Археологические свидетельства присутствия человека в Австралии находятся практически на пределе возможностей досто-

верной датировки. Прибытие сюда людей не позднее 40 тыс. лет назад сегодня общепризнано; есть убедительные доводы в пользу 60 тыс. лет, но нельзя исключать и их более длительного присутствия. Кроме того, увеличивается совокупность доказательств быстрого заселения Австралии, причем при протяженности области проживания человека от насыщенных буйной растительностью тропиков на севере до ледниковой суровости юга, на богатых влажных почвах побережья и в засушливой глубинной части. Когда бы ни появился впервые след человека на австралийской земле, он знаменовал собой новое достижение *homo sapiens* — миграцию морем с африкано-евразийского массива на новую землю.

На самом деле, конечно, мой собственный народ — Риратьюнга — происходит от великого Дьянкавы, который пришел издалека, через море, с острова Баралку. Когда мы умираем, наши души возвращаются на Баралку. Дьянкава приплыл сюда со своими двумя сестрами на каноэ по пути, указанному утренней звездой, которая привела их к берегам Йелангбара на восточном побережье Земли Арухем. Они прошли пешком далеко через всю страну, следуя за дождевыми облаками. Когда им была нужна вода, они втыкали посох в землю, и оттуда шла пресная вода. От них мы узнаем названия всех существ на земле, они научили нас всем нашим Законам.

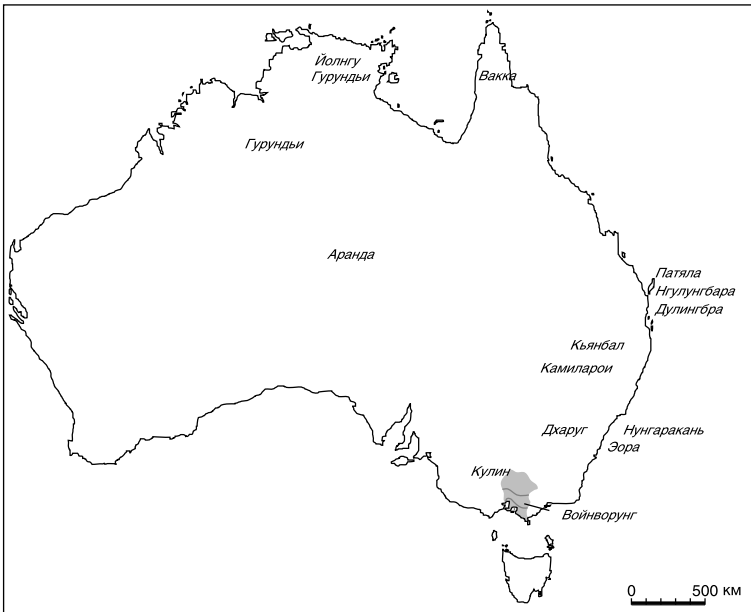
История Дьянкавы, рассказанная Вандьюком Марикой, лишь одна из множества историй аборигенов. Другие рассказывают об ином происхождении, о предках, пришедших с земли или с неба, и о способности людей к мутации вместе с другими формами жизни. Это история о происхождении, начавшемся с путешествия, о знаках, которые привели предков к месту назначения, о щедрости земли, поддержавшей их. Такие истории сотворения есть и у других народов, есть они и в книгах Бытия и Исхода в Ветхом Завете, но они мало затрагивают сознание тех, кто все еще их читает сегодня. Истории предков, зафиксированные в рассказах, песнях и ритуалах, имеют особое значение в жизни аборигенов, поскольку выражают особенно тесную связь с их землей. События, которые произошли во Время сна или Сновидений — неточный перевод слова «алчера» («альтерре»), которое использует народ аррернте в Центральной Австралии, — сотворили холмы и впадины, растения и животных и запечатлели свой дух в этих местах.

Сохранение и практическое применение этих знаний, таким образом, подтверждает, что эта земля хранима. Вот как человек из Северной территории, Падди Япальярри Стюарт, объясняет их значение.

Первым моим учителем был дед моего отца, а потом, некоторое время спустя, отец учил меня так же, как его отец, рассказывая «юкуррпа» [Сновидение], а затем мой отец рассказывает ту же историю, что и его отец, а сейчас он учит меня, как жить по такой же «юкуррпа» и следовать по тому же пути, которому следовал мой дед, а затем мой отец, а потом я собираюсь учить моих внуков так же, как меня учил отец.

Когда отец был жив, вот чему он меня учил. Он учил меня традициям, таким, как традиционные узоры на теле, или голова кенгуру Сновидение (то, что мы называем марлу Сновидение), или орел Сновидение. Он научил меня петь песни больших обрядов. Наши родные в семье должны иметь такие же Сновидения и петь песни так же, как мы, танцевать, как мы, делать рисунки на теле или на щитах или на вещах, и этому меня научил отец. Мое Сновидение — кенгуру Сновидение, орел Сновидение и волнистый попугай Сновидение, так что у меня в моей «юкуррпа» три вида Сновидений, и я должен их держать. Вот чему научил меня отец, и этому я должен научить моих сыновей, а мой сын должен учить своих сыновей так же, как мой отец учил меня, и так это будет передаваться от дедов сыновьям и следовать этой «юкуррпа». Никто не знает, когда она закончится.

Падди Япальярри Стюарт записал это свидетельство на магнитофон на своем родном языке в 1991 г. Он говорит о преемственности Сновидения, о передаче его от деда и отца к сыну и внуку, из поколения в поколение и в потоке времени; однако настойчивое повторение об обязанности сохранять и передавать свои три «юкуррпа» свидетельствует о возможной коррозии традиции под влиянием секуляристских изменений. Затем он доказывает, что сохранение Сновидения должно быть «действительно строгим», чтобы его семья не «потеряла его, как документ, или не выбросила и не отдала другим семьям». Наложение новых технологий на традиционное знание усиливает контраст между обязательной традицией и хрупким прошлым, с которым можно легко расстаться. Историю, зафиксированную на бумаге,

**Аборигенная Австралия,
с указанием расположения групп населения,
упоминаемых в данной книге**

Источник: Horton D.R. (ed.). The Encyclopaedia of Aboriginal Australia. Canberra: Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies and Auslig 1994.

Редактор энциклопедии предупреждает, что «на карте указаны только общие места расположения крупных народов, в которые могут входить более мелкие группы, например, роды, диалекты или отдельные языки группы. Границы приблизительные. За подробной информацией о группах аборигенных народов в конкретных районах обращайтесь в соответствующие земельные советы. Данная карта непригодна для использования при предъявлении исков о признании права собственности и других земельных претензий коренных жителей».

как и другие документы, например, свидетельство о праве на землю, можно потерять или уступить другим. История, которая проживается и возобновляется в семейных узах, остается вашей собственностью.

Аборигены, заселяя Сахул, сталкивались с условиями, коренным образом отличавшимися от тех, в которых они жили на островах

Сунда. Отсутствие хищников — здесь было не много хищных соперников людей — давало им изначально огромное преимущество. Они селились в чрезвычайно разнообразных экологических зонах — тропических северных лесах, ледниковых нагорьях Тасмании, засушливых внутренних районах — и были вынуждены приспособливаться к основательным климатическим изменениям. На протяжении сотен поколений люди адаптировались к другим, изменчивым условиям окружающей среды и, со своей стороны, научились манипулировать ими, увеличивая запасы пищи. Занимаясь охотой и собирательством, они жили за счет окружающей природы, при этом четко и глубоко знали ее возможности и характер сезонных изменений. В социальном плане аборигены организовались в расширенные семьи с конкретными правами и конкретными обязанностями и правилами, регулировавшими их взаимодействие с другими людьми.

Охотник-собиратель — это и технический термин, и нечто большее. Он указывает на способ материальной жизни и означает этап в человеческой истории. Сорок тысяч лет назад, когда Австралия была населена охотниками-собирателями, каждое человеческое общество в каждой части света занималось охотой и собирательством. Впоследствии на смену охоте-собирательству пришло сельское хозяйство в Европе, большей части Азии, Африке и Америке. Сельское хозяйство позволило увеличить производительность человеческой деятельности, обеспечило большую плотность населения, привело к возникновению городов и связанных с ними всевозможных удобств жизни. Поскольку появилась возможность производить больше, чем нужно для обеспечения существования, началось накопление богатства и разделение труда. Такая специализация содействовала совершенствованию техники, развитию торговли и промышленности; она поддерживала армии, правителей и бюрократов, способных контролировать крупные политические образования при соответствующем расширении производства.

Когда англичане и другие европейские исследователи впервые столкнулись с австралийскими аборигенами, они нашли для этого общества охотников-собирателей место лишь на нижней ступени лесенки прогресса человечества. Историк XIX в. Джеймс Бонвик, много писавший об истории аборигенов, подчеркивал идиллические достоинства их образа жизни, но всегда исходил из того, что они обречены уступить место европейским порядкам. Для него, как

и для большинства его современников, коренное население представляло первобытную древность, лишенную возможностей для изменений, — «они не знали прошлого, они не хотели будущего».

Более поздние интерпретации предлагают противоположное объяснение. Исследователей, изучающих доисторическую эпоху (впрочем, одно только сохранение в научном обиходе термина «доисторическая эпоха» указывает на то, что «чувствительность» наших способов измерять историческое время несовершенна), поражает удивительная живучесть и приспособляемость обществ охотников-собирателей. Демографы полагают, что они поддерживали весьма удачный баланс численности населения и ресурсов. Экономисты приходят к выводу, что охотники-собиратели производили излишки продуктов и изделий, торговали ими, добивались технических достижений, и все это при затрате меньших усилий, чем земледельцы. Лингвистов изумляет многообразие и развитость их языков. Антропологи различают сложные религии, регулировавшие жизнь и деятельность этих народов, закодированную экологическую мудрость, гарантированное генетическое разнообразие и сохранявшееся социальное единство. Учитывая их эгалитарную социально-политическую структуру, обширные торговые сети и прежде всего богатство духовной и культурной жизни, знаменитый французский антрополог Клод Леви-Стросс называл австралийских аборигенов «интеллектуальными аристократами».

Такой пересмотр изменил жесткую иерархию стадий исторического прогресса, проходившего через последовательные этапы — от первобытного до современного, — и позволяет нам оценить совершенство самой долговечной цивилизации в мировой истории. Тем не менее сохраняется задача объяснения очевидной неспособности австралийских аборигенов противостоять вторжению 1788 г. При всех своих преимуществах и умении справляться с проблемами на протяжении более чем сорока тысячелетий коренное население не сумело сохранить суверенитет при столкновении с английскими колонистами. Безусловно, в проявлении такой неспособности оно было далеко не одиноко: другие общества охотников-собирателей, а также сельскохозяйственные общества и даже общества, имевшие более широко развитые институты торговли, уступали европейским завоеваниям в XVII, XVIII и XIX вв. Австралийский опыт указывает на особую уязвимость изолированной цивилизации перед лицом внешней агрессии.

Аборигены не были полностью отрезаны от внешних контактов. Местная собака динго появилась в Австралии примерно 4 тыс. лет назад; она стала первым и единственным одомашненным животным. Торговцы из Юго-Восточной Азии бывали на северном побережье прежде европейских колонистов, они привозили посуду, ткани, металлические орудия труда. Такие внешние влияния имели, однако, гораздо меньшее значение, чем внутренние процессы перемен, производимых самими аборигенами. Заселение континента аборигенами почти наверняка ускорило истребление прежней мегафауны. Использование огня для выжигания поросли и создание новых пастбищ для оставшихся сумчатых животных, а также систематические сборы урожая основных культур изменили ландшафт. Введение технических новшеств ускорялось по мере того, как создавались новые инструменты: палка-копалка и лопата, рыболовная сеть и каноэ, бумеранг и копьемедалка, синок и копье, топор с рукояткой и специализированные каменные инструменты. Строительство запруд и каналов для ловли угрей обеспечивало компактное существование населения численностью несколько сотен человек, которые вели полуоседлый образ жизни.

Об их изобретательности свидетельствует то, что многие из таких предметов отсутствуют на острове Тасмания, который отделился от материка 10 тыс. лет назад, тогда как исчезновение общин аборигенов на более мелких островах Флиндерс и Кенгуру говорит о неустойчивости удаленных поселений. Интенсификация экономики охоты и собирательства, вероятно, обеспечивала жизнь более многочисленного населения — численность населения нам неизвестна, но, по последним оценкам, в 1788 г. здесь проживало, вероятно, до 750 тыс. человек.

Такой образ жизни поддерживал население на уровне, обусловленном наличием пищи в особо скудные периоды, но это не была постоянная борьба за существование. Охота на дичь, рыболовство, ловля зверей и сбор растений были элементами сложной системы управления окружающей средой; а наряду с ними существовали и другие виды деятельности: обеспечение жильем и одеждой, новыми инструментами, торговля и коммуникация, поддержание закона и порядка, проведение обрядов и ритуалов. Образ жизни аборигенов, видимо, оставлял много времени для отдыха, занятий культурой и искусством, но, проводя разграничение между работой и отдыхом, мы разделяем сферы жизни, которые существовали в единстве. В равной мере художественное выражение вошло в самые

важные формы материальной практики, религия аборигенов охватывает все аспекты жизни. Именно эта органичность верований и социальной жизни привлекает большое количество современных поклонников мудрости Времени Сновидений: космология, которая предписывает людям необходимые знания и наполняет каждое их действие духовным смыслом.

Может быть, именно глубокое уважение традиций гасило более радикальные преобразования, которые могли позволить аборигенам противостоять вторжению 1788 г.? Течение времени и изменения во времени, занимающие такое существенное место в западной мысли, не так важны в онтологии аборигенов. Если территория первична и место неизменно, то история не может иметь такого же определяющего значения. Для европейцев, которые завладели землей, история была мощным прогрессивным импульсом постоянных перемен и улучшений. Для аборигенов рисунок событий был ритмичным и линейным. Время Сновидений было, собственно, не временем, а набором неизменных событий. В обществе, состоящем из мелких групп, члены которых осторожно ступают по следам тех, кто шел перед ними, изменения могли иметь только постепенно нарастающий характер.

Конечно, может показаться, что их экономика и формы организации ограничивали возможность концентрации ресурсов или оказания дружного сопротивления. Базовой единицей была расширенная семья, входившая через брачные союзы, верования и язык в более крупные территориальные группы. Европейцы называли такие группы племенами, но сейчас у этого термина осталось мало приверженцев и предпочтительным обозначением стало слово «народ», например народ зора современного Сиднея или народ вайюк современного Перта. Эти народы, в свою очередь, взаимодействовали с соседними народами посредством торговли, вступая в союзы или вражду: существовало около 250 различных языковых групп, но большинство аборигенов многоязычны. Время от времени они собираются вместе в больших количествах на торжества, размеры и продолжительность которых определяется количеством еды. Будь у них зерно и домашний скот, эти ограничения, возможно, были бы слабее, увеличилась бы плотность заселения, накапливались бы в значительных объемах богатство и власть; но аборигены не одомашнивали животных, за исключением собаки динго, и не занимались земледелием.

Это не говорит об отсутствии подобной практики. Перемещение людей в Сахул происходило, пока Австралия еще была соединена с Новой Гвинеей перешейком у полуострова Кейп-Йорк, исчезнувшего 8 тыс. лет назад. К тому времени в горах Новой Гвинеи держали свиней, а сады расчищались для выращивания колоказии*. Аборигены в районе Кейп-Йорка продолжали добывать мясо охотой, а растительную пищу — собирательством. Такое предпочтение — а это мог быть только намеренный выбор, поскольку аборигены Кейп-Йорка овладели такими предметами новогвинейцев, как барабаны, бамбуковые трубки и каноэ с выносными уключинами, — возможно, объясняется различиями в качестве почв и климатических условиях. На остальной территории Австралии производство и хранение сельскохозяйственной продукции в силу природных условий, вероятно, было невыгодно. Если Эль-Ниньо представляет собой явление не одного лишь последнего времени, то из-за периодического отсутствия дождей на двух третях территории материка в восточной его части полагаться на выращивание зерновых было бы слишком рискованно. Аборигены занимались мигрирующим земледелием с использованием палки для разжигания огня, а не оседлым подсечно-огневым земледелием; они ухаживали за своими растениями, посещая места их произрастания, пасли скот на открытых пастбищах, не используя кормушки, забивали скотину на мясо на выгуле, а не на ферме. Они отыскивали другие источники существования, используя простые жилища, а не рассчитанные на долгое время строения, и переносной набор инструментов, отвечавших их потребностям. Такой была их изобретательная и точно выверенная реакция на вызовы уникальной природной среды.

* *Колоказия* — многолетнее травянистое растение с клубневидно утолщенными корневищами и крупными сердцевидными листьями. Имеет пищевое и кормовое значение.

Глава 2. Пришельцы (ок. 1600–1792)

Рассказы, посвященные Сновидению, говорят об истоках, имеющих одновременно специфический и общий характер. Они описывают конкретные события, случившиеся в конкретных местах, но эти события не датированы, поскольку охватывают и прошлое, и настоящее, неся в себе непреходящий смысл. Археологи и специалисты по доисторической эпохе стремятся к разной степени точности, тем не менее их гипотезы и предположения способны обеспечить лишь весьма приблизительные данные относительно первого появления человека в Австралии. История второго заселения, напротив, известна до мельчайших подробностей. В Австралию отправились 1066 человек. Они прибыли на одиннадцати судах в Новый Южный Уэльс из Портсмута — морского порта на юге Англии — через Тенерифе, Рио-де-Жанейро и Кейптаун. Плавание длилось немногим более восьми месяцев и было тяжелым — во время перехода 31 человек умер. Остальные достигли северного берега залива Ботани 18 января 1788 г., но высадились восемь дней спустя в 12 км к северу, в заливе Порт-Джексон. На расчищенной площадке лесистого склона, на месте центральной части современного Сиднея, был поднят британский флаг, ознаменовавший официальное вступление во владение новой колонией командира экспедиции капитана Артура Филлипа.

В нашем распоряжении есть его отчет об этой экспедиции, о заселении и другие опубликованные документы, а также официальные инструкции, донесения, судовые журналы, дневники и письма тех, кто находился рядом с ним. Нам известны имена каждого из них, их должности и обязанности, привезенные ими грузы, скот, растения и семена, даже книги, которые они принесли на берег, создавая колонию. Мы можем восстановить действия колонистов подробнее, чем любые другие аналогичные события, поскольку это был один из позднейших эпизодов в истории европейской экспансии, вобравший в себя организационные возможности, накопленные самым мощным государством Европы. Кроме того, поселение в Новом Южном Уэльсе стало плацдармом для британского овладения всей Австралией, а высадка в Сиднейской бухте — моментом формирования новой нации, которая впоследствии вновь законодательно закрепила свое происхождение в праздновании 26 января — Дня Австралии.

Тем не менее при праздновании годовщин, а также в бесконечном потоке литературы о создании европейской Австралии ведутся непрерывные дебаты. В 100-летнюю годовщину британского заселения Австралии, в 1888 г., радикальные националисты выступили против официальных торжеств в связи с тем, что из истории страны вычеркнуты упоминания о каторжниках, которые составляли большинство среди прибывших с Филиппом. Пятьдесят лет спустя критики со стороны аборигенов бойкотировали повторное законодательное закрепление факта высадки переселенцев и провозгласили 26 января Днем протеста и скорби. Во время празднования 200-летия в 1988 г. официальные организаторы организовали проход по Сиднейской гавани судов со всего мира и предпочли отказаться от повторения флотилией маршрута от Портсмута; но это стремление к всеобщему коммерческому участию вместо соблюдения вызывающей споры точности воспроизведения события не смягчило протеста аборигенов, которые выбросили в воды Сиднейской бухты экземпляр новой книги о двухсотлетней истории страны. Даже государственный орган, ответственный за организацию празднования Дня Австралии, подробно рассматривал альтернативы празднику 26 января, более приемлемые с учетом щепетильных моментов в настроениях общества конца XX в.

Как общественная церемония празднования, так и трактовка учеными такого явления, как переселение англичан — его зарожде-

ние, цели, достижения и последствия, — все это сегодня, как никогда прежде, вызывает бурные дебаты. Это был один из пунктов крупного имперского замысла или спонтанная импровизация? Каково было предназначение Австралии: служить местом ссылки преступников или быть стратегическим и торговым плацдармом? Страна начиналась с «неописуемой безысходности и сумятицы», как выразился виднейший историк страны, или была средоточием порядка и искупления грехов? Это было вторжение или мирное завоевание, расхищение или модернизация, место ссылки или надежды, отчуждение или присоединение? Накапливаются результаты научных исследований, которые расширяют более точные сведения о событиях периода формирования страны, но с течением времени ослабевает наша связь с этими событиями, они обретают многозначность. С окончанием эпохи европейских империй и возрождения коренных народов история второго заселения Австралии не более понятна, чем первого.

Расширение Европы началось с внутренних завоеваний. Навязывание с начала II тысячелетия христианской эры монархической системы правления и рыночной экономики варварам и язычникам в пограничных районах подготовило почву для продвижения европейцев на север — на Балтику, на восток — через Урал, на запад — в Атлантику, на юг — к африканскому побережью и дальше — в Восточную Азию. Эти передвижения набирали темп начиная с XV в., но сначала численность участвующих в них была ограничена. Целью были новые приобретения с помощью торговли и завоеваний, при этом европейцы получали новые знания (компас и порох), осваивали технологии (арбалет и печатный станок) и узнавали новые продукты питания (картофель и томаты) других цивилизаций.

В Азии, где предприимчивые европейцы встретили просвещенные общества с высокоразвитой экономикой, они создавали гарнизоны и торговые центры для приобретения специй, кофе, чая и тканей. На американском континенте неожиданные доходы им принесли драгоценные металлы, а в странах Карибского бассейна они эксплуатировали сахарные и табачные плантации, используя рабов, доставляемых из Африки. В значительных количествах они селились только в Северной Америке и районах Южной Америки с умеренным климатом: даже в 1800 г. лишь 4% европейцев проживало за рубежом.

Существовали неевропейские империи — маньчжуры в Китае, Великие Моголы в Индии, Османы и Сефевиды, ацтеки и инки, — но ни одна из них не устояла перед растущей европейской мощью. Они создавались на больших континентальных территориях; европейские империи представляли собой перекинутые через океаны обширные структуры, европейцы были мобильнее и предприимчивее. Испания, Португалия, Голландия, Франция и Англия — основные морские государства на Атлантическом побережье европейского полуострова — сталкивались и соперничали друг с другом, форсируя дальнейшее развитие и обновление. Однако такое соперничество требовало все больших затрат. Англия и Франция, ставшие в XVIII в. двумя ведущими европейскими державами, были истощены непрерывными войнами на море и на суше. Из Семилетней войны (1756 – 1763) Англия вышла победительницей, получив контроль над Северной Америкой и Индией. В следующей схватке Франция захватила несколько островов Вест-Индии, а Англия уступила большинство территорий в Северной Америке своим собственным колонистам в итоге Войны за независимость (1774 – 1783). К тому времени Франция находилась на грани революции, а Англия — под бременем жестокой нехватки средств и людских ресурсов, необходимых для содержания своего имперского гарнизонного государства.

Утрата Англией американских колоний в конце XVIII в. ознаменовала новый этап в существовании империи. Англия была вынуждена повернуться от Атлантики на восток, и заселение Австралии стало частью ее экспансии в Азии и Тихоокеанском регионе. Этот же поворот привел к пересмотру путей управления империей. После завершения в 1815 г. Наполеоновских войн произошло смещение акцента с дорогостоящей военной акции, необходимой для защиты торговых монополий, с сопутствующим ей бременем внутреннего налогообложения, на экономическое развитие на основе самодостаточности и на свободную торговлю. Этот переход был менее заметен в Индии, где затраты на расширение империи были переложены с британских налогоплательщиков на плечи местного крестьянства, чем в таких переселенческих колониях, как Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка.

Эти колонии переселенцев, как и бывшие британские колонии в Соединенных Штатах и испанские колонии в Аргентине и Уругвае, выделяются как особая зона европейской экспансии. В них почти не предпринималось усилий по поддержанию существующе-

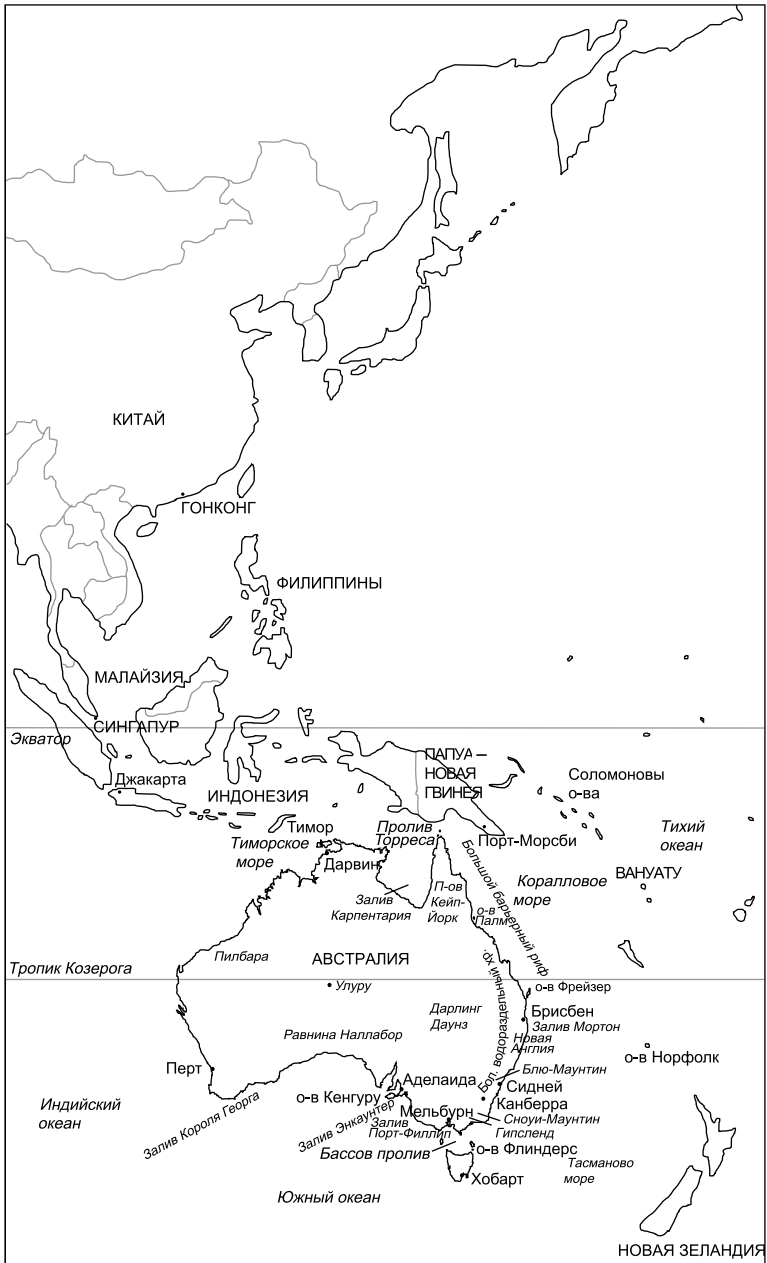
го порядка, налаживанию коммерческих отношений с местными жителями или привлечению их в качестве рабочей силы; напротив, эти территории расчищались и заселялись как новые плацдармы для активной деятельности европейцев. Умеренный климат вполне подходил для содержания европейского домашнего скота, пастбищ и сельскохозяйственных культур; местная флора и фауна были менее разнообразны и менее устойчивы к сорнякам и сельскохозяйственным вредителям, которых принесли с собой европейцы; коренное население истребляли завезенные болезни. До XIX в. поселенческие колонии играли в европейской имперской системе второстепенную экономическую роль. Позднее, по мере того как широкая индустриализация создавала массовый рынок для продукции этих целинных земель, они стали наиболее богатыми и быстро растущими регионами за пределами Европы.

Описание колониального заселения Австралии, исходящее из логики экономического и экологического империализма, оставляет слишком много неясностей, нуждающихся в объяснении. Подразумеваемый вывод о том, что австралийские аборигены просто исчезли с появлением европейских болезнетворных микроорганизмов, столь же неудовлетворителен, как и предположение, что в Новой Зеландии маори не оказали никакого реального сопротивления пришедшим туда белым людям. Европейцам пришлось приложить серьезные усилия, чтобы подчинить себе коренные народы в районах заселения; не меньше усилий потребовалось и для оправдания экспроприации того, что им принадлежало. Отношение к местным жителям как к культурно и расово неполноценным людям оправдывалось ссылками на провидение и судьбу. Англичане пришли в Тихоокеанский регион с сознанием собственного превосходства как наследники западной цивилизации и носители сокровенных смыслов христианства, усиленных дальнейшими достижениями в области научных знаний, промышленного прогресса и свободы. Последнее может показаться маловероятным преимуществом для колонии, начавшей свое существование с заключенных, но это не умаляло его влияния. Свобода британца базировалась на повиновении монарху при системе конституционного правления, охранявшей права подданного. Пример американских колоний и республиканских принципов, провозглашенных там, а также во Франции, служил полезным напоминанием о последствиях нарушения этих прав.

Поселенческие общества, созданные Европой, стали ее продолжением и новыми истоками. С громадным успехом они приме-

няли и адаптировали технологии, наряду с растениями культивировали принципы и возвращали их туда, где они возникли с новыми возможностями. Тем не менее даже в Соединенных Штатах и бывших испанских и португальских колониях в Центральной и Южной Америке, освободившихся от их господства с целью формирования характерных черт демократических национальных государств, граждане из числа переселенцев сохраняли привязанность к своему происхождению. Новые республики определяли себя как белые братства. Как бы они ни подчеркивали свое отличие от родственников в метрополиях, как бы ни адаптировались — сознательно или непроизвольно — к местному образу жизни, они оставались чуждыми коренным народам. Нация, возникшая на лугах Австралии, как и те, что сформировались на просторах Северной Америки, на равнине и в пампасах Аргентины, была креольским обществом, претендующим на свое место в европейской диаспоре.

В Тихоокеанском регионе британцы отставали. Испанцы, португальцы и голландцы раньше их пришли на архипелаг, протянувшийся по западному краю океана. Всей восточной частью региона от Магелланова пролива до Калифорнии владела лишь одна Испания. Между этими двумя сторонами бассейна Тихого океана протянулось 15 тыс. км водного пространства, испещренного тысячами вулканических и коралловых островов, лишь немногие из которых могли привлечь внимание европейцев достаточной площадью или богатством. За 40 тыс. лет до прихода европейцев люди стали плавать на эти острова и заселять их. С началом освоения Сахула в океан отправились несколько волн переселенцев. Этот процесс достиг своей кульминации в начале прошлого тысячелетия, когда люди достигли острова Пасхи на юге и Новой Зеландии на востоке. Эти морские народы занимались земледелием, держали домашний скот и имели самые разнообразные формы государственного устройства. В 1567 г. испанцы отправили экспедицию на Соломоновы острова в поисках золота, но она закончилась массовыми убийствами с обеих сторон. В 1595 и 1605 гг. они повторили это рискованное предприятие на Соломоновых островах и островах Вануату, которое испанский мореплаватель португальского происхождения Педро де Кирос назвал «Австралией Святого Духа», с тем же результатом. В 1660 г. его коллега, испанец Луис Торрес, плавал на запад через пролив, отделяющий Австралию от Новой Гвинеи.

Австралия и регион

Тем временем португальцы двинулись на юг из Индии и дошли до Тимора, а возможно, и до австралийского побережья. За ними пришли голландцы, которые в XVII в. создали торговую империю в Вест-Индии. Плавая по маршруту от Голландии до Батавии, их суда огибали мыс Доброй Надежды и шли затем на восток при ветре преимущественно с Индийского океана, а затем поворачивали на север, к острову Ява. Учитывая сложность определения долготы, многие из их кораблей ошибочно приходили к западному побережью Австралии иногда с роковыми для себя последствиями — благодаря работам по определению местонахождения, изучению и извлечению содержимого обломков голландских судов Западная Австралия стала центром морской археологии. В середине XVII в. голландцы составили карту западной части Австралии, которую они называли Новой Голландией, и поместили некоторые детали побережья, тянувшегося дальше на восток. В 1606 г. Вильям Янсен прошел через пролив Торреса и, не зная этого, вдоль северо-восточной оконечности Австралии. В 1642 г. Абель Тасман возглавил экспедицию, которая нанесла на карту южную часть острова, названного сегодня его именем, и восточное побережье Новой Зеландии.

Были ли это берега одного материка, оставалось тогда неясным. Очевидно было лишь, что большая южная земля была отделена от Антарктиды и что она омывалась и Индийским, и Тихим океанами. Такое расположение продолжает создавать неопределенность. Начиная с 1788 г. австралийское население в основном обитало на восточном побережье, омываемом Тихим океаном, а его острова привлекали австралийских торговцев и миссионеров, администраторов и путешественников. Австралийцы обычно считают себя, так же как и новозеландцы, частью Океании, им нравится думать, что у них особая связь с самыми мощными из всех англоговорящих стран на другой стороне океана. Но для тех, кто живет в Западной Австралии, ближайшим соседом является Индонезия, при этом у них более тесные исторические связи с Индией, Южной Африкой и даже Маврикием. По мере смещения баланса сил в регионе австралийцы все больше претендуют на то, что они входят в Азию, и рассматривают свое прежнее присутствие в Тихоокеанском регионе как романтический эпизод на тропических островах, далеко удаленных от деловых центров азиатских «тигров».

Разница заключается не только в экономических преимуществах. Тихий океан означает целый мир широко раскинувшейся

Зарисовка аборигенов на каноэ, сделанная в 1770 г., возможно, Джозефом Бэнксом. О его обращении к искусству в качестве вспомогательного средства в научных исследованиях говорит тщательно зафиксированная конструкция лодки и способ ловли рыбы (Британская библиотека)

плеяды островных народов, живущих в гармонии с природой, где колониальное воображение найдет спокойную первобытность благородных дикарей, настроенных дружелюбно и гостеприимно. Азия представляла собой тугой узел народов с формами государственного управления, культурами и традициями, устоявшимися еще прочнее, чем европейские. Молодые национальные государства на Атлантическом побережье, устанавливая контроль над более древними цивилизациями евразийского континента, закрепляли различие между Западом и Востоком. Территории к востоку от Средиземного моря стали называться Востоком — местом, откуда приходит солнце. Восток стал обозначать образ жизни, который в целом был хуже, чем жизнь на Западе: праздный, иррациональный, деспотичный и обветшалый.

Такая типизация чужих, которую критик Эдвард Сэд называет «ориентализмом», имела особое значение в колониальной Австралии, где география вступала в противоречие с историей. В восприятии колонистами пространства, лежащего между ними и метрополией, очарование смешивалось со страхом. В качестве британской колонии Австралия приняла терминологию, которая различала

Ближний, Средний и Дальний Восток, пока перед угрозой японского вторжения в 1940 г. ее премьер-министр внезапно не признал: «То, что Великобритания называет Дальним Востоком, для нас ближний север».

Для первых европейских мореплавателей Австралия была *Terra Australis Incognita* — южной землей за пределами известного мира. В воображении тех, кто давно ее предчувствовал, это была земля мифических животных и несметных богатств, чистое пространство, открывавшее простор для фантазий. Первые картографы начертили неотчетливой формы материк и украсили его пышной растительностью и великолепием дикой природы. Однако испанская экспедиция на Соломоновы острова не обнаружила «ни экземпляров биологических видов, ни золота и серебра, ни товаров для торговли, ни каких-либо других источников дохода, а все люди там оказались обнаженными дикарями». А Тасман сообщал, что на открытом им на острове, названном им Землей Ван-Димена (современная Тасмания), нет «ничего, что может приносить доход», «только бедные, голые люди, которые бродят по берегу; без риса, без обилия фруктов, очень бедные и злые». После того как ее коммерческие перспективы свели к нулю, большая южная земля стала местом фантазий. В «Путешествиях Гулливера» (1726) Джонатан Свифт поместил свою воображаемую Лилипутию в Южную Австралию, а в заключительной, 12-й главе сатирически изобразил обычную историю заселения Нового Света.

...Например, буря несет шайку пиратов в неизведанном им направлении. Наконец юнга открывает с верхушки мачты землю. Пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбоем. Они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием. Дают стране новое название, именем короля заведуют ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве заложников, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву*.

Это было удивительное пророческое предсказание основания Нового Южного Уэльса.

* Перевод Б.М. Энгельгардта.

Обобщенный портрет кисти Августа Эрла под названием «Женщина Нового Южного Уэльса». Классическая красота фигуры и лица вступает в контраст с уничижительной карикатурой на аборигенов, подвергшихся влиянию европейских пороков, того же художника, представленной в следующей главе (с. 64) (Национальная библиотека Австралии)

Интересы Франции и Англии в Тихом океане возродились в середине XVIII в. с возобновленным ощущением существующих там возможностей. Обе страны направляли ряд кораблей; названия некоторых — «Географ», «Натуралист», «Начинание», «Открытие», «Исследователь» — свидетельствуют о целях этих экспедиций. Экспедиции снаряжались правительствами в сотрудничестве с учеными Французской академии и деятелями британского адмиралтейства. Они испытывали новые навигационные приборы и доводили картографию до новых стандартов. В этих экспедициях участвовали естествоиспытатели, астрономы, пейзажисты, рисовальщики-ботаники, которые проводили измерения, составляли описания, собирали и классифицировали образцы флоры и фауны, неизменно ведя поиск растений, пригодных для распространения и использования. Это были благоразумные мужчины, жаждавшие скорее знаний, чем богатства.

Самым известным среди этих мореплавателей стал Джеймс Кук — опытный моряк, возглавивший три экспедиции в Тихий океан. Первая экспедиция (1768 — 1771) направилась к острову Таити для ведения наблюдений за прохождением планеты Венера через солнечный диск затем на юг и, позже, на запад для подробного изучения двух островов Новой Зеландии и восточного берега Австралии в проливе Торреса. Всего с одним судном — реконструированным углевозом, переименованным в «Индевор» («начинание»), — да и оно было длиной всего 30 м, он смог нанести на карту более 8 тыс. км береговой линии и определить границы австралийского

Кук, взмывший в облака как герой и жертва европейских открытий в Тихом океане. С одной стороны от него изображена Мировая слава, с другой — Британия (Библиотека имени Александра Тёрнбулла, Веллингтон, Новая Зеландия)

острова-материка. Со второй экспедицией (1772–1774) Кук проплыл на юг дальше, чем кто бы то ни было до него, и провел испытания нового хронометра для определения долготы на море по лунным таблицам. Во время третьей экспедиции (1777–1779) он был убит островитянами на Гавайях. Кук стал примером для следующих поколений морских исследователей. Он был героем своего времени — настоящий провидец, находчивый и смелый человек, укоро-

щавший свою горячность, предпочитавший догадкам точные наблюдения, сочетавший любознательность с внутренней убежденностью. Впоследствии Кук был назван основателем и открывателем Австралии. На посмертной гравюре он изображен возносящимся после смерти в облака с секстантом в руке.

В первой экспедиции рядом с ним был молодой дворянин — ученый Джозеф Банкс, впоследствии директор сада «Кью-Гарденз» в Лондоне, который он превратил в главный центр сбора и рассылки образцов ботаники, а также президент Королевского общества, член Тайного совета и патрон колонии Новый Южный Уэльс. Участвовал в ней и Дэниэл Соландер — ученик шведского натуралиста Карла Линнея, чья система классификации растений послужила основой для обработки сотен образцов, собранных в ходе экспедиции. Инструкции Кука предписывали после проведения наблюдений за проходом Венеры плыть на юг от Таити, где «есть основания предполагать возможность обнаружения континента или земли большого размера»; в случае если она не будет найдена, Кук должен был следовать на запад и совершить плавание вокруг Новой Зеландии. Он выполнил и то и другое — первое безрезультатно, второе превосходно — и затем решил продолжить плавание в западном направлении.

Девятнадцатого апреля 1770 г. на «Индеворе» увидели землю у входа в Басов пролив у юго-восточной оконечности австралийского материка. По мере того как судно продвигалось вдоль побережья на север, Банкса поразила земля, пустая, «как тощая корова» с «костями, упирающимися в настил из досок». Двадцать восьмого апреля «Индевор» вошел в большую бухту, окаймленную, по словам Кука, «прекрасными лугами, какие только могут быть». Банкс и Соландер целую неделю были заняты сбором образцов растений, птиц и животных, до тех пор неизвестных европейской науке. Они назвали ее «залив Ботани». Еще четыре месяца экспедиция продвигалась на север, пережив катастрофу в районе Большого Барьерного рифа, и фиксировала многочисленные подходы к берегу, делая зарубки на деревьях. Наконец, на острове Позешн самой северной точки Кейп-Йорка, Кук заявил права на все восточное побережье под названием Новый Южный Уэльс.

Представление о том, что Кук открыл Австралию, поражает сегодня многих точно так же, как претензии Великобритании на суверенитет над ней. Как можно найти то, что уже известно? Его плавание к Новой Зеландии предшествовали походы полинезий-

ских моряков тысячу лет назад, он высадился в Австралии через 40 тыс. лет после первоначального обитания здесь человека. Часто цитируемое описание Куком аборигенов свидетельствует о восприятии благородных дикарей с позиций европейского Просвещения.

Из того, что я сказал о коренных жителях Новой Голландии, кому-то может показаться, что это самые несчастные люди на Земле, но на самом деле они намного счастливее нас, европейцев; не имея никакого представления не только об излишествах, но даже о самых необходимых удобствах, к которым так стремятся в Европе, они счастливы в том, что не знают их. Они живут в Безмятежности, не нарушаемой Неравенством положения; Земля и море по собственной воле снабжают их всем необходимым для жизни.

Тех аборигенов, которых встретил Кук, безусловно, не интересовали европейские удобства. Они отвергли предложенные им безделушки, воспротивились его попыткам завязать дружеские отношения и подожгли кустарники, когда он высадился на берег. «Все, что им было нужно, — это чтобы мы ушли». Присутствие Кука в районе Тихого океана в качестве исследователя, присвоение им владений, попытка преодолеть культурные различия с помощью одновременно примирения и применения силы привели к его смерти на гавайском побережье. В международных дебатах среди антропологов постколониальной эпохи он фигурирует как символ решающей проверки предела понимания одной культуры другой. В австралийской истории белого населения Кук предстает как герой, образ которого тускнеет, в устных повествованиях аборигенов он представляется мощным разрушителем, вторгшимся на чужую территорию. Он не столько открыл Австралию, сколько сделал ее доступной для заселения британцами.

Решение о заселении было принято британским правительством через 15 лет после возвращения Кука и Банкаса, представивших свои доклады о Новом Южном Уэльсе. К тому времени Британия утратила свои североамериканские колонии и не имела больше возможности перевозить туда заключенных, что она делала в течение большей части XVIII в. Был разработан план создания новой исправительной колонии. Первоначально предполагалось

разместиться в Африке, но, когда там не удалось найти подходящего места, в «Тезисах плана», представленных кабинету лордом Сиднеем — министром внутренних дел, отвечавшим за дела колоний, выбор пал на залив Ботани, и в 1786 г. план утвердили.

Причины такого выбора вызывают бурные споры. Одни считают, что главной целью было убрать опасную социальную проблему — и чем дальше, тем лучше. Другие утверждают, что залив Ботани имел стратегические преимущества. Расположенный на стороне, скрытой по отношению к Голландской Ост-Индии, он мог служить военно-морским плацдармом для британской экспансии в Азиатско-Тихоокеанский регион. После утраты острова Нантакет в Соединенных Штатах это позволило бы возобновить китобойный промысел. Главное, полагают они, эта территория давала два ценных товара — древесину и лен. В обоих остро нуждался флот для изготовления мачт, парусов, канатов и снастей, а вторая экспедиция Кука обнаружила, что на острове Норфолк, расположенном в 1700 км от залива Ботани, и то и другое произрастало в изобилии. Споры вокруг мотивов заселения трудноразрешимы ввиду обстоятельств имеющихся в архивах официальных документов. «Тезисы плана» дают основания в пользу обеих версий, поскольку в них план описывается как «реальное избавление от заключенных, а их транспортировка выгодна и им самим и государству». Возможно, английский чиновник, который готовил этот план, объединил наличие льна и древесины с «устранением ужасных преступников из страны». Те, кто утверждает, что Австралия заселялась как свалка для заключенных, видят в таком зловещем замысле новое начало. Те, кто придерживается идеи геополитического замысла, стремятся к более решительной преемственности с имперскими планами.

Новая колония явилась результатом морских исследований, торговли и пенологии*. Хотя затраты на расширение империи легли тяжелым бременем на британскую экономику, коммерческие выгоды распределялись неравномерно. Новое богатство и новые пути его увеличения, проникновение коммерции и погони за доходами во все аспекты человеческих отношений усиливали тяжесть социального положения и взаимных обязательств, что увеличивало рост преступности. Правительство, которое представляло собой временное собрание обладавших собственностью законодателей,

* *Пенология* — наука о наказаниях и тюрьмах.

крохотные административные органы и местные судьи отвечали на возникающие проблемы расширением уголовного кодекса, квалифицируя даже малейшее нарушение как тяжкое преступление. Между таким недостаточно серьезным устрашением, как дисциплинарное взыскание в виде штрафа или телесного наказания, и применением смертной казни существовало промежуточное наказание — длительное заключение, но местные тюрьмы не могли вместить непомерно возросшее количество заключенных. Поэтому раньше осужденных переправляли в американские колонии, где их труд мог эксплуатироваться путем продажи его местным предпринимателям. Те, кто прибывал до суда и избегал виселицы, составляли теперь основу нового поселения.

Создание колонии из заключенных было более чем смелым предприятием. Поскольку покупать труд заключенных здесь было некому, они должны были стать самостоятельной общиной крестьян-собственников. Среди 759 заключенных мужчин было больше, чем женщин, в соотношении три к одному. Поскольку их следовало контролировать, вместе с ними были отправлены четыре экипажа моряков. В связи с отсутствием правительства предусматривалась военная колония, но для соблюдения верховенства закона были созданы суды для защиты обычных прав. Губернатор колонии Артур Филип был капитаном военно-морского флота, но выполнял гражданские функции.

Первый флот, включавший два военных корабля, шесть транспортных судов и три судна с запасами, вез с собой семена и рассаду, плуги и упряжь, лошадей, скот, овец, свиней, коз и домашнюю птицу, а также запас продовольствия на два года. Первоначальное обследование залива Ботани показало, что эта песчаная, болотистая местность непригодна для заселения; Кук и Банкс осматривали ее поздней осенью, а Филип прибыл туда в разгар лета, когда зеленый покров уже был выжжен солнцем, и было видно, насколько он скуден. К северу располагалась превосходная гавань — Порт-Джексон — обширное защищенное водное пространство, имевшее небольшие бухты; залив окружал великолепный амфитеатр лесистых склонов. Сиднейская бухта имела источники пресной воды. Однако даже здесь почва была бедной, и впервые посеянные овощные культуры в скором времени завяли и погибли. Топоры тупились о сучковатые, искривленные стволы шарикового и приречно-го эвкалиптов, лопаты ломались о песчаник, скрытый под тонким слоем земли, скот отбивался от стада, животные умирали или были

съедены. Моряки отказывались охранять заключенных, большинство из которых не брали земельные участки, а трудились на государственных фермах за питание. Для женщин, которых призывали создавать супружеские пары, было большим везением найти надежного спутника жизни. Тем временем экспедиция, направленная на остров Норфолк, обнаружила, что местный лен не поддается обработке, а сосны оказались пустотелыми.

В октябре 1788 г. Филлип отправил корабль к мысу Доброй Надежды за дополнительными запасами и сократил рацион питания; корабль вернулся в мае 1789 г. с провизией, а большое судно снабжения, отправленное из Англии, так и не прибыло. Рацион питания все сокращался и сокращался, пока в апреле 1790 г. недельный паек не был доведен до килограмма крошащейся соленой свинины, килограмма кишащего долгоносиками риса и килограмма старой муки, которую ссыльные кипятили с местной зеленью. Это были голодные годы — люди боролись за пищу, вялая апатия охватывала даже самых энергичных. Ситуацию облегчало то, что продовольствие распределялось поровну, без каких-либо привилегий, без различия чинов. И тем не менее хирург колонии писал о «стране и местности настолько страшной и омерзительной, что она заслуживает лишь отвращения и проклятий».

Прибытие в середине 1790 г. Второго флота с новыми запасами и в следующем году — Третьего флота облегчили кризис, хотя к тому времени четверть бывших на борту заключенных умерли во время плавания, а те, кто выжил, были не способны работать. Возделывание плодородной почвы в районе Парраматта в верхней части залива гарантировало выживание. К концу 1792 г., когда Филлип вернулся в Англию, посевы зерновых, огороды и фруктовые сады занимали 600 га. В гавани была рыба, на равнине Камберленд — пастбища. Стоило колонистам приспособиться к палящей летней жаре — в декабре 1788 г. температура достигала 44°C, — климат смягчился. Организм британцев, настроенный на более высокие широты, суровую зиму и влажную, плодородную землю с обилием растительности, привыкал к пьянящим запахам раскаленного, сухого и скудного растительного покрова, приглушающего ослепительную яркость солнечных лучей. Командующий полком Нового Южного Уэльса, направленным туда в 1792 г., к своему огромному удивлению, обнаружил «вместо камней, которые я ожидал увидеть... цветущие и приносящие всевозможные плоды сады».

Филлип руководил всей колонией в течение отчаянных первых лет, пока обострение почечнокаменной болезни не вынудило его вернуться в Англию. В декабре 1792 г. он забрал с собой кенгуру, собак динго, растения, геологические образцы, рисунки и двух аборигенов — Беннелонга и Йеммерраванни. Главная неудача постигла его в отношениях с коренным населением района. Ему было поручено «наладить контакт с коренными жителями и добиться их расположения, обязав всех наших подданных жить с ними в мире и дружбе». Филлип попытался выполнить задание, предлагая в знак доброй воли подарки и наказывая любого из своих, кто докучал местным жителям. В 1790 г., даже когда в него самого было пущено копьё, он запретил применять карательные меры. Убедившись в безуспешности своих усилий по установлению близких отношений, Филлип захватил несколько коренных жителей. Первый — Арабану умер во время эпидемии оспы, охватившей местное население через год после прибытия европейцев. Другой — Беннелонг бежал, но после ранения Филлипа вернулся, чтобы вновь наладить отношения. Только когда копьё было пущено в британского охотника Джона Макинтайра, губернатор решил прибегнуть к беспощадному возмездию, приказав солдатам принести шесть голов аборигенов.

Эта военная операция провалилась, и Филлип вернулся к своим бесплодным попыткам сохранения мира. Не все контакты были враждебными, аборигены помогали колонистам ловить рыбу, обменивали свои инструменты и оружие на топоры, зеркала, одежду. Европейцы оказывали помощь аборигенам, нуждавшимся в лечении оспы. Это общение проходило в процессе преодоления языкового барьера и различий в восприятии, особенно остро проявлявшихся, когда одна сторона захватывала имущество или нарушала обычаи другой. Европейское огнестрельное оружие и европейские болезни давали оккупантам смертоносное преимущество, и около 3 тыс. жителей территории вокруг залива Порт-Джексон обходили стороной постройки, сгрудившиеся на его берегу, а также группы людей, выходивших оттуда на поиски пропитания. «Наше общение с ними не было ни частым, ни сердечным», — писал один из морских офицеров. Сначала он думал, что метание копий и нападение с дубинками на отставших были вызваны «духом злобного легкомыслия», но, исходя из последующего опыта, он пришел к «выводу, что эти беды нам приносили ничем не спровоцированные грубость и оскорбления в их адрес

со стороны безнравственных личностей среди нас». Другой полагал, что до тех пор, пока аборигены «придерживаются мысли о том, что мы отняли у них их жилища, они должны неизменно считать нас врагами».

Британцы завладели Новым Южным Уэльсом согласно выведенной из международного права доктрине о том, что это была *terra nullius* — «ничья земля». Территория может быть получена во владение на основании завоевания, согласия или первоначального проживания. В первых двух случаях приобретение суверенитета не ликвидирует имущественных прав жителей, а в третьем — таких прав не существовало, поскольку жители считались находящимися в первобытном состоянии без государственной власти, права или собственности. Кук отправился в плавание в 1768 г. на поиски большой южной земли с заданием «с согласия коренных жителей вступить во владение... или, если вы обнаружите, что эта земля необитаема, объявить ее владением Его Величества, установив надлежащие знаки и надписи в качестве первооткрывателей и первых владельцев». Исходя из своих наблюдений в ходе плавания вдоль восточного побережья в 1770 г., Кук и Банкс поручились, что аборигены немногочисленны и являются просто кочевниками, а не собственниками. Соответственно они оставили свои надписи на деревьях и объявили территорию британским владением; по тем же основаниям британское правительство посчитало Новый Южный Уэльс более удачным местом для колониального заселения, чем Новая Зеландия, поскольку здесь не требовалось никакого договора или акта покупки у жителей.

Поэтому Филиппа и его офицеров удивило количество аборигенов вокруг поселения. Они вскоре поняли, что у этих людей существовали социальная организация, поселения, обычное право и имущественные права. Все претензии на суверенитет и владение на основании статуса «ничьей земли» явно базировались на ошибочном толковании ситуации в Австралии, что не помешало Филиппу поднять в 1788 г. британский национальный флаг «Юнион Джек» и экспроприировать собственность жителей Сиднейской бухты. Только после того, как Высокий суд вынес в 1992 г. решение по делу Мабо, состоялось юридическое признание того факта, что аборигены были собственниками и владельцами своих традиционных территорий. Аналогичное признание более раннего или продолжающегося суверенитета еще предстояло.

Мы не располагаем прямыми свидетельствами тех аборигенов, которые имели дело с первыми европейскими переселенцами, и не можем воссоздать их восприятие процесса узурпации. Из описаний того времени нам известно, что Арабану, Беннелонга и других приводили в ужас такие варварские эксцессы, как порка, они были потрясены демонстрацией мушкетного огня, их забавляли европейские манеры и формы подчинения. Мы можем только догадываться, какой была реакция аборигенов на вторжение в священные места, разрушение среды обитания, косившие их болезни и растущее понимание того, что незваные гости намерены остаться. Их общество характеризовалось общей и обязательной традицией. Семейные и общинные ограничения вносили порядок, взаимопомощь и преемственность. Аборигены столкнулись с новым общественным устройством, в котором преобладала самостоятельность индивида, и формой политической организации, основанной на обезличенной регламентации. Свобода выбора и потенциал для совместных действий вели к обновлению и наращиванию капитала. Его эгоизм и нравственные разногласия вели к социальным конфликтам, преступности и ссылке. Такая встреча не могла не быть травмирующей.

Глава 3. Покорение (1793–1821)

Тюрьма, расположенная в 20 тыс. км от суда, вынесшего приговор ее обитателям, неизбежно обходилась дорого. Когда выяснилось, что за счет производства оснастки для военно-морского флота издержки на содержание такой тюрьмы покрыть не удастся, особую актуальность приобрела необходимость достижения хотя бы некоторого самообеспечения этих отдаленных поселений. Труд в кандалах сковывал производительность, поэтому колонию Нового Южного Уэльса следовало организовать как тюрьму «на открытом воздухе». Отбывание срока без надежды в итоге получить свободу вызывало у людей чувство гнетущего отчаяния, так что колонию для преступников нужно было как-то видоизменить.

Помимо признания необходимости перемен британское правительство давало своей новой территории очень мало указаний. В 1789 г. Францию потрясла революция, из которой родилась радикальная республика, провозгласившая в качестве своей национальной цели и международной миссии принципы свободы, равенства и братства. В 1793 г. Англия присоединилась к европейскому альянсу, стремившемуся покончить с революционной угрозой. После временного перемирия в 1802 г. бывший республиканский генерал Наполеон Бонапарт, теперь уже император, одолел всех своих оппонентов на континенте, и Англия осталась единственным препят-

ствием на пути к французскому господству. За то время, что понадобилось для окончательного разгрома Наполеона в 1815 г. при Ватерлоо, войны на море и на суше крайне истощили силы Англии. Из-за острой потребности в живой силе количество вывозимых преступников сокращалось: после прибытия 4,5 тыс. заключенных в первые четыре года в 1793 – 1800 гг. их было менее 2 тыс., а в следующем десятилетии — только 4 тыс. человек. Джон Хантер, морской капитан, служивший на Первом флоте и вернувшийся в Англию еще до Филиппа, возвратился в Австралию, чтобы сменить его на посту губернатора, только в конце 1795 г., предоставив офицерам управлять колонией. Преемником Хантера в 1800 г. стал военный моряк Филипп Гидли Кинг, который до этого был губернатором острова Норфолк и которого в 1806 г. сменил Уильям Блай, служивший под командованием Кука.

Эти назначения свидетельствуют, что война усилила стратегическое значение британского контроля в Тихом океане. После столкновения Мэтью Флиндерса с французской экспедицией на южном побережье Австралии во время его плавания вокруг Австралии в 1802 г. Кинг выслал из Сиднея отряд для занятия Земли Ван-Димена (название Тасмании, данное голландским мореплавателем). Другой флот из моряков и заключенных отправился из Лондона в 1803 г. для создания поселения в заливе Порт-Филипп в юго-восточной части материка; найдя место непригодным, он ушел к Земле Ван-Димена и присоединился к ранее высланному отряду в Хобарте, в устье реки Дерузэнт. Еще одна группа основала дополнительную базу в Лонсестоне в устье реки Теймар на севере острова в 1804 г. В том же году Кинг восстановил колонию-поселение в Ньюкасле в устье реки Хантер — в 100 км к северу от Сиднея.

Первые годы на Земле Ван-Димена были такими же голодными, как и на материке. Они ознаменовались неурожьем, воровством и побегам заключенных. Губернатор Дэвид Коллинз все это уже видел раньше в Сиднейской бухте. Он так же упорно, как и Филипп (у которого он служил секретарем), пытался поднять в колонии дисциплину, но в 1807 г. ограбили его самого. Колония на острове выживала за счет дичи и рыбы, пока не была засеяна пахотная земля и собран урожай. Деньги колонисты зарабатывали охотой на китов и тюленей.

За эти годы поселения англичан сконцентрировались на побережье. Такие населенные пункты, как Сидней, Хобарт и Лонсестон, были выбраны благодаря их близости к океану, а также в на-

дежде на перспективы развития удаленных от побережья территорий. Восторженное описание Сиднейской гавани Филлипом — «тысяча линейных кораблей может маневрировать там в абсолютной безопасности» — подчеркивало значение этого фактора. Быстрое возведение портовых сооружений, внимание, которое уделялось завершению исследования побережья Австралии, говорили не только о заселении австралийского материка, но и о вступлении во владение юго-восточной частью Тихого океана, о создании новых морских баз для расширения британского присутствия к востоку от Индии.

В начале своей деятельности колонисты тоже сначала смотрели на море и лишь потом обращали свой взор внутрь страны. Еще в 1792 г. вновь прибывшие офицеры Корпуса Нового Южного Уэльса организовали доставку одним из кораблей товаров из Кейптауна; в том же году в Сидней прибыло первое американское торговое судно. В Тихом океане уже велась охота на китов, из которых добывался жир, а транспортные суда, зафрахтованные в Первый флот в качестве китобойных, высадив людей, могли плавать по соседним морям. Вскоре в Бассовом проливе начали забивать тюленей и экспортировать шкуры в Китай — тюлений и китовый промыслы будут приносить в колониальную экономику больше средств, чем продукция земледелия вплоть до 1830-х годов. Купцы привозили свинину с Таити, картофель из Новой Зеландии, ром из Бенгалии. Они получали и перепродавали сандаловое дерево с Фиджи, жемчуг и *bêche-de-mer* (трепангов) с островов Меланезии. Резкий запах смолы и соленого воздуха, крики морских птиц перебивали запах эвкалипта и веселые крики сорок.

Первыми торговлей занялись офицеры колонии, но вскоре к ним присоединились предприимчивые бывшие каторжники и амбициозные молодые люди, занимавшиеся торговлей в других частях Британской империи, которых увлекли открывшиеся здесь возможности. Выигрыш от земельных операций здесь у них был, очевидно, больше и, безусловно, прочнее. С 1793 г. те, кто занимался вопросами обороны и управления в колонии, получили право иметь земельные наделы, при этом если солдаты, так же как и бывшие каторжники, получали наделы площадью до 20 га, то для их начальников никаких ограничений не было. Кроме того, военные и гражданские чиновники могли использовать труд каторжников на своих фермах. Наконец, для них существовал готовый рынок сбыта в лице государственного комиссариата, который за-

купал сельскохозяйственную продукцию для продовольственных пайков. В силу двойственной роли чиновников, выступавших в качестве государственных служащих и одновременно частных предпринимателей, очень скоро возникла двойственная экономика. Ее формировали государственный сектор, куда входили государственные фермы и их работники из числа каторжников, другие рабочие на стройках и в сфере обслуживания, а также частный сектор торговцев и фермеров, получавших выгоду от государственных щедрот. Оба сектора зависели от британского правительства в том, что касалось получения земли, которую правительство забирало у аборигенов и передавало поселенцам, предоставления рабочей силы в виде доставки заключенных, а также капиталов, вливавшихся в колонию в виде расходов государства на содержание комиссариата.

Руководство этой необычной системой со стороны английского правительства осуществлялось эпизодически и непоследовательно. Время от времени оно отдавало губернатору распоряжения о расширении государственных ферм и требовало экономить на закупках у частных производителей. Однако губернаторы, от которых Лондон ожидал сокращения расходов, по понятным причинам не могли устоять перед искушением исключить заключенных из списков получателей пайков, приписав их к тем самым чиновникам, которые давали рекомендации по распределению рабочей силы и земельных наделов. В результате происходила приватизация государственного сектора, расцветало кумовство, и в конечном счете возникла клика разбогатевших за счет государства колонистов. Так, к 1801 г. казначей Новоюжноэльского корпуса Джон Макартур стал обладателем более чем 1 тыс. га земли и 1 тыс. овец.

Макартур и его жена жили вблизи реки Парраматта на ферме «Элизабет», названной в честь супруги казначея. Там они выращивали пшеницу и садовые деревья. «Сейчас весна, — писала миссис Макартур своей английской подруге в сентябре 1798 г., — и глаз радуется невероятно красивый разнообразный пейзаж — миндаль, абрикосы, груши и яблони — все в цвету». К 1800 г. в районе Парраматты и окружающей ее местности, покрытой редколесьем, которую Элизабет Макартур сравнила с «английским парком», насчитывалось 1500 колонистов. Основная часть этой территории была больше пригодна для выпаса овец и скота, чем для выращивания сельскохозяйственных культур, и крупные землевладельцы

Ранний рисунок, изображающий воинов-аборигенов, был сделан чертежником экспедиции Кука в 1770 г. Двое мужчин из племени гвийягал изображены в образе классических героев, дающих решительный отпор завоевателям (Национальная библиотека Австралии)

на равнине Камберленд быстро переключились с земледелия на овцеводство и скотоводство.

Зерновые выращивали на плодородных низинах вдоль реки Хоксбери, которая течет через равнину на север и на которой к 1800 г. поселилась еще тысяча колонистов. Это были в основном бывшие каторжники, которые на небольших участках вручную обрабатывали землю, выращивали пшеницу и маис, могли иметь домашнюю птицу или несколько свиней, жили в мазанках с земляными полами, вечером готовили пищу в облаке дыма на огне, над которым поднималась выложенная из торфа и древесной ко-

ры труба. Не имея средств, они не могли вырваться из оков мелко-фермерского хозяйства, оставаясь в зависимости от цен и кредитов, контролируемых торговцами. Среди таких фермеров теку-честь была очень высокой.

Существовавшая модель расселения на реке Хоксбери привя-зывала и солдат, и бывших каторжников к земле. Это старый прием, который римляне и китайцы применяли задолго до того, как его взяли на вооружение англичане для обеспечения безо-пасности на беспокойных границах. Набеги на колонистов у Хок-сбери начались почти сразу же, как только аборигены из народа даругу попытались собрать новый урожай с участков, где у них раньше рос батат. Конфликт из-за скудных ресурсов быстро пе-рерос в серьезные столкновения, и уже в 1795 г. из Сиднея была направлена военная экспедиция, перед которой поставили зада-чу убить туземцев и их повесить на виселицах, — прежний при-каз о проявлении дружелюбия и доброты остался в прошлом. К 1800 г. в войне на Хоксбери пострадало 26 белых и много боль-ше аборигенов. Тем временем человек из народа зора Пемулвуй, метнувший копье в Джона Макинтайра в 1790 г., организовал сопротивление колониальному вторжению, в том числе пред-приняв нападения на колонистов Парраматты, которые прекра-тились лишь в 1802 г., когда его застрелили, а голову заспиртова-ли в бочке и отправили в Англию Джозефу Банксу.

В Австралийском словаре биографий нет статьи о Пемулвуйе. В 1960-х годах, когда редакторы этого авторитетного справочного издания готовили к печати том, в который она должна была войти, аборигены считались чем-то вроде мелкой помехи на пути коло-низации и упоминались в лучшем случае как трагический след в истории Австралии. Теперь Пемулвуй возвышен до положения героя: в 1987 г. вышел роман, прославлявший его как «Воина раду-ги» (*Rainbow Warrior*), а в 1991 г. его именем была даже названа школа для аборигенов в старой части Сиднея. Сейчас Пемулвуй считается первым великим лидером сопротивления, пытавшимся отразить британское вторжение и положившим начало непре-рывной борьбе за выживание аборигенов. Сопротивление втор-жению, безусловно, было всеобщим, и последующее его отрица-ние в колониальной истории свидетельствует только о том, какой страх оно вызывало в то время, но оно не было единственным про-явлением ответной реакции. Аборигены, кроме всего прочего, передавали свои знания о земле; они обменивали продовольствие

и сырье на английские товары; они адаптировались к присутствию пришельцев на приграничных пастбищах. Но для установления более стабильных экономических отношений требовалось, чтобы аборигены отказались от своего особого образа жизни, а захватчики — признали их права собственности на ресурсы или инкорпорировали их в трудовой процесс. Ни одна из сторон не была готова к такому компромиссу.

Одной из причин регулярных конфликтов были сексуальные отношения. С самого начала среди колонистов существовало огромное несоответствие в численности мужчин и женщин — в соотношении примерно четыре к одному до конца 1820 г. Основатели колонии понимали, что в такой ситуации будут возникать беспорядки, и сообщили Филлипу, что его мужчины могут брать женщин с тихоокеанских островов. Во время плавания Первого флота Филлипу и офицерам с огромным трудом удалось изолировать заключенных женщин от мужчин, а поддержка, которую он оказывал прибывающим парам, должна была означать поощрение цивилизующей роли семейных отношений. Губернатор при этом особо опасался распространения гомосексуализма среди мужчин и считал, что наказание за содомию должно быть чрезвычайно жестким. «Я хотел бы, чтобы такой преступник содержался под стражей, пока не появится возможность передать его туземцам Новой Зеландии и позволить им съесть его». Поскольку эти варианты тихоокеанского сожителства и наказания были изначально обречены, физическое влечение и беспорядочные сексуальные отношения создавали тяжелую проблему для начальства исправительной колонии.

Филлип также считал, что со временем аборигены, возможно, «позволят своим женщинам выходить замуж и жить» с каторжниками. Как только взоры колонистов обратились к местным женщинам, они стали воспринимать их как свою собственность. Сначала отчеты офицеров о встречах в окрестностях Сиднея излагались изящным языком цивилизованных мужчин, встретивших женщин, живших в природной среде, «лесных нимф» и «черных, как сажа, сирен», невинных в своем обнаженном бестыдстве. В тщательно составленных повествованиях эти образованные англичане подчеркивали, что туземки находятся в полном подчинении у своих спутников жизни, и, исполненные нравственного отвращения, порицали аборигенов, которые предлагали им женщин. Сексуальные контакты между солдатами, каторжни-

ками и аборигенками были обычным явлением и отмечены распространением венерических болезней. Тем не менее длительные отношения устанавливались нечасто, а отсутствие взаимопонимания относительно характера этих контактов обычно вызывало трения. Созданию семьи мешало то, что слишком часто страсть и любовь пересиливали позор и презрение, которые вызывали смешанные браки.

На рубеже веков уже были налицо зачатки постоянного проживания. Пять тысяч британских постоянных жителей Нового Южного Уэльса были поровну поделены между Сиднеем и территорией в глубине страны (и еще тысяча на острове Норфолк), что указывает на равновесие между торговой и сельскохозяйственной деятельностью. Колония приближалась к достижению самообеспечения продовольствием, а быстрый рост местного предпринимательства поддерживал уровень жизни, по крайней мере сопоставимый с уровнем жизни метрополии. Такое успешное переселение, состоявшееся намного быстрее, чем это ранее происходило при колонизации в Северной Америке, вызывало изменение принципов, на которых основывалась колония, начинавшаяся как место наказания.

В соответствии с предназначением поселения как места ссылки Филлип запретил строительство любых судов, кроме самых мелких; тем не менее с 1800 г. на западном побережье Сиднейской бухты активно функционировала судостроительная верфь. Колония организовывалась как место отбывания наказания в целях сдерживания преступности, но само по себе ее успешное создание казалось наградой для преступников. Это нашло отражение в ироничном замечании английского священнослужителя Сиднея Смита о том, что «старинное занятие — карманные кражи, — разумеется, не станет более постыдным оттого, что оно может в конце концов привести к владению фермой в тысячу акров на реке Хоксбери».

Более того, условия жизни заключенных, видимо, убеждали их в собственной несправимости. Критически настроенный капеллан колонии Сэмюэл Марсден в 1798 г. жаловался губернатору Хантеру, что «беспорядки, распутство и безнравственность... насквозь охватили все поселение»; сам Хантер сообщал, что «никогда нигде в мире не были собраны вместе более испорченные, распутные и нерелигиозные люди». Джереми Бентам, реформатор

уголовного права, призывал британское правительство принять его проект строительства в Англии тюрьмы нового типа, архитектура которой позволила бы держать всех заключенных под постоянным наблюдением, что приведет их к раскаянию. Однако схема транспортировки преступников имела изъяны как экономического, так и нравственного характера.

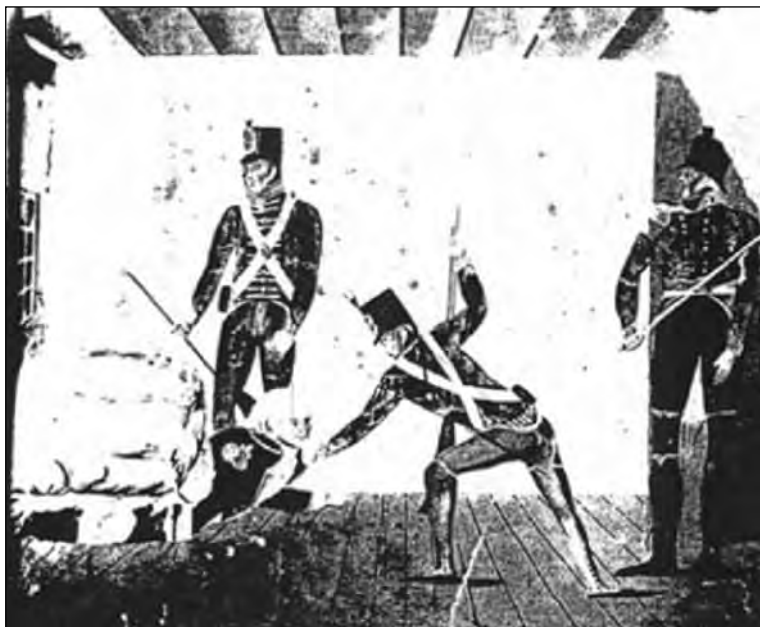
Все эти мнения диктовались ценностями и исходными посылами, которые есть в любом рассуждении о заключенных и до сих пор присутствуют в доводах даже наиболее последовательно объективных историков. Те, кто сочувствует заключенным, широко используют популярные баллады и листовки, а также протесты современных гуманистов, представляя колонистов жертвами сурового уголовного кодекса и жестокого режима. Восстанавливая широкую панораму прошлых событий в книге «Роковой берег» (*The Fatal Shore*, 1987), Роберт Хьюз рисует Австралию раннего периода как место изгнания, ссылки, лишений и смерти — своего рода ГУЛАГ. Тот, кто подходит к истории со строгими мерками, определяя характер заключенных по архивам уголовных дел, считает их преступниками. Специалисты по экономической истории, которых заключенные интересуют больше как рабочая сила, прорабатывая эти же архивы, видят в них людей, владевших практическими навыками, которые они правильно использовали. Историки феминистского направления в 1970-х годах рассматривали мужскую озабоченность безнравственностью женщин-заключенных как свидетельство деспотичного патриархата, однако последующие поборники женских подвигов воссоздавали истории их жизни, представляя этих женщин образцовыми матерями. Каждая из этих школ толкования истории стремится освободить каторжников от оков предрассудков, но любая попытка безнадежно увязает в сложном переплетении слов и образов, используемых для их изображения.

Среди заключенных, прибывших в первые годы, большинство составляли англичане, одну пятую — ирландцы и небольшую часть — шотландцы. Большинство были осуждены за имущественные преступления и везли с собой лишь кое-какие пожитки. Среди них были Генри и Сьюзен Кейбл — обоим было по двадцать с чем-то лет, — которые познакомились в тюрьме Нориджа и, прибыв с Первым флотом, привезли с собой ребенка. Узел с одеждой, купленной для них на пожертвования, исчез во время плаванья, и по первому гражданскому иску, рассмотренному в коло-

нии, они получили компенсацию. Кейблам невероятно повезло — Генри стал констеблем, а затем успешным коммерсантом. Благодаря этому делу был создан важнейший прецедент. Эти сосланные не были преступниками, которые «не могут рассчитывать на закон», как выразился знаменитый английский юрист XVIII в. Блэкстоун, но были подданными Короны, которые обладают законными правами.

В период основания колонии, кроме того, были определены основные условия содержания заключенных. Те, кто находился на общественных работах и на государственном довольствии, работали в первой половине дня, а затем им разрешалось работать на себя — зарабатывать на оплату жилья, поскольку правительство их жильем не обеспечивало, и на спиртное, табак или другие «утехи». Те, кто был определен к хозяину, получали от него питание и жилье, а нередко тоже дополнительный доход — учетные книги лавочников свидетельствуют о разных покупках, сделанных каторжниками, вплоть до нарядной одежды. В обоих случаях дисциплина наводилась с помощью плети; могли применяться порки до 500 ударов, но только по указанию судьи. К тем, кто продолжал проявлять неповиновение, применялись дальнейшие санкции, в том числе перевод в специальный штрафной поселок, организованный в Ньюкасле в 1804 г. Эти карательные меры дополнялись «пряником» в виде досрочного освобождения, дававшего право работать на себя, — это новшество ввел губернатор Кинг. Женщины-заключенные, не имевшие партнера или не назначенные прислугой, выполняли более легкие работы, хотя в первые годы некоторые из них подвергались порке; обычным наказанием было заключение под стражу.

После истечения срока приговора или при досрочном помиловании заключенный получал свободу. К 1800 г. две трети колонистов Нового Южного Уэльса были свободными, но большинство из них были бывшими каторжниками, и избавиться от этого статуса было нелегко. Даже те, у кого не было шрамов на спине, в глазах уважаемых колонистов несли на себе несмываемое клеймо. Разногласия между «избранными» и «отбывшими срок» — теми, кто прибыл свободным, — и сосланными касались всех аспектов коллективной жизни в замкнутом, тесном обществе и находили продолжение в следующих поколениях, пока в конце концов «местных уроженцев» не стало больше по численности и среди колонистов не возобладали их воззрения.

В 1808 г. офицеры Новоюжноуэльского корпуса свергли губернатора Уильяма Блая. Карикатуру, изображающую, как солдаты якобы нашли Блая, спрятавшегося у себя под кроватью в Доме правительства, одержавшая победу хунта выставила в Сиднее (Библиотека Митчелла)

Ответная реакция каторжников не поддается однозначной оценке. Те из историков, кто стремится «нормализовать» опыт каторжников, подчеркивают сравнительные преимущества новых возможностей, более хороший климат и питание, их демографическую активность и права, парадоксальным образом заново восстановленные в условиях режима, в котором место социальных связей и обычаев заняли нормы и правила. В этих аргументах многое справедливо: некоторые каторжники накопили значительные состояния, большинство из них лучше питалось, их дети находились в более благоприятной ситуации, они острее чувствовали свои права, чем сельскохозяйственные рабочие или городская беднота в Великобритании.

Тем не менее как измерить в этих сопоставлениях роль тирании плети? Как просчитать одиночество и оторванность от родных, не-

избежность подчинения произволу и абсолютную беспросветность будущего? С самых первых лет некоторые заключенные предпочитали либо скрываться в лесах, либо, рискуя жизнью, уходить в океан на утлых суденышках. Джордж Басс, хирург и мореплаватель, который в 1797 г. впервые прошел проливом (названным его именем), отделявшим Землю Ван-Димена от материка, обнаружил на необитаемом острове пять беглецов и вернул их на берег, откуда им предстояло пройти пешком 700 км до Сиднея. Некоторые заключенные, скрываясь от правосудия, погибали, другие подолгу жили среди аборигенов. В 1791 г. группа из двадцати одного каторжника отправилась на север от Парраматты и на вопрос одного из колонистов, куда они направляются, ответили: «В Китай».

Офицеры, сообщившие об этой нелепой затее, истолковали ответ заключенных как свидетельство их полного невежества, на что, вероятно, те и рассчитывали. В отношениях между надзирателями и заключенными проявлялся взаимный антагонизм: в противовес официальной и принудительно навязанной власти преступники создали свой собственный стиль личного общения, использовали блатной язык бывалых каторжан и соответствующие способы уклонения от обязанностей даже при видимости повиновения. Характер подчинения и сопротивления определялся официальными правилами, правами, установленными британскими законами, а также менее ощутимыми, но иногда более действенными понятиями обладания правом, заложенными в народных обычаях. Заключенные пользовались своим знанием норм и правил, подавая жалобы по поводу жестокого обращения или недостаточного питания. Они проводили коллективные акции протеста: отказ от работы, порчу имущества, демонстрации молчаливого несогласия или театральных жестов, как это сделала, например, группа женщин-заключенных, которые повернулись спиной к губернатору и, задрав юбки, пошлепали себя по ягодицам.

Определенный уровень безопасности обеспечивала численность протестующих, но в 1804 г. в отношении самого массового и открытого выступления против тюремного режима были применены беспощадные карательные меры. Ирландские заключенные, осужденные за участие в восстании 1798 г., подняли мятеж на государственной ферме в Касл-Хилл. Триста мятежников сначала двинулись к Парраматте, а затем направились за помощью к фермерам на реку Хоксбери. Военные догнали повстанцев, мятеж был

подавлен. Человек десять убили на месте, восемь повесили, многие были подвергнуты порке с целью получения информации.

Второе восстание последовало через четыре года и получило название «ромовой революции». Оно прошло без кровопролития, а осуществили его офицеры из Корпуса Нового Южного Уэльса, которые сбросили губернатора Уильяма Блая. Его прислали в 1806 г. для наведения порядка. Блай имел репутацию сторонника строгой дисциплины во флоте. За четверть века до этого он спровоцировал знаменитое восстание экипажа корабля «Баунти», а затем отправил 18 человек в открытой лодке; им пришлось пересечь половину Тихого океана. По прибытии в Сидней Блай своим деспотизмом быстро сумел восстановить против себя полковых офицеров, отдав приказ о запрете выдачи продовольствия или жалования спиртными напитками. Этот вид бартера возник в 1792 г., когда группа офицеров во главе с Джоном Макартуром закупила партию рома. Он обычно использовался в качестве платежного средства и нередко становился причиной разорения фермеров из бывших каторжан.

Губернаторы Хантер и Кинг пытались ограничить торговлю спиртным; Кинг вернул в Лондон одного из ее инициаторов — Макартура за то, что тот на дуэли ранил вышестоящего офицера. Макартуру удалось выйти в отставку. Показывая влиятельным британским оптовикам привезенные им образцы шерсти, он убедил их в потенциальных выгодах разведения в Австралии овец и вернулся из Лондона с ордером на выделение ему дополнительных 2 тыс. га. Когда после одной из стычек Блай конфисковал торговую шхуну и отдал Макартура под суд, последний уговорил своих бывших коллег захватить власть. Блай был помещен под домашний арест, а в 1809 г. отплыл в Хобарт. Командующий войсками принял титул лейтенанта-губернатора, а Макартур стал именовать себя «секретарем колонии». Члены хунты обзавелись дополнительными землями и рабочей силой.

Лондон не мог оставить без внимания этот вызов своему законоустановленному правлению и прислал полковника Лаклана Маккуори со своим полком на смену дискредитировавшему себя Корпусу Нового Южного Уэльса. Еще до того, как в результате завершения Наполеоновских войн в 1815 г. пошла новая волна переселенцев, полковник существенно укрепил колонии, и, как это нередко случалось в Британской империи, местный кризис дал тол-

чок новой экспансии. Маккуори был организатором и строителем. Он открыл банк и ввел местные деньги, произвел перепланировку Сиднея и начал реализацию обширной программы общественных работ. В рамках этой программы происходило строительство дорог, мостов, маяка на мысе Иннер-Саут-Хед, казарм для солдат, а также мужских и женских барачков для заключенных, здания больницы (финансируемой за счет лицензии на импорт спиртных напитков), настолько солидного, что часть его до сих пор занимает одна из палат парламента. Маккуори предпочитал прямоугольную планировку и застройку в стиле георгианской симметрии.

Через три года после его прибытия европейцы обнаружили путь через горный хребет, спускавшийся к восточному побережью. Выглядевшее с берега темно-синей линией горизонта равнины Камберленд, это рельефное плато оказалось лабиринтом из крутых уступов, препятствовавших всем предыдущим поискам прохода. После того как завоевание Голубых гор в 1813 г. открыло колонии путь за пределы равнины Камберленд, Маккуори построил большую дорогу к расположенному по другую сторону гор новому городу Батерсту, что способствовало широкому заселению богатых пастбищных земель. Крошечные поселения Хобарт и Лоунсестон стали одновременно разрастаться на север и на юг в коридоре плодородной земли, одинаково пригодной для земледелия и пастбищного скотоводства и хорошо обеспеченной водными ресурсами. В 1816 – 1820 гг. быстро увеличивался приток заключенных — более 11 тыс. прибыло в Новый Южный Уэльс, 2 тыс. — на Землю Ван-Димена. Население материковой колонии достигло в 1820 г. 26 тыс., островной части — 6 тыс. человек.

Маккуори, потомственный шотландский помещик, ставший профессиональным военным, был ревностным деспотом, считавшим Новый Южный Уэльс местом для «перевоспитания, так же как и наказания осужденных». Для этого требовалось укрепление дисциплины (отсюда строительство барачков для заключенных), но и предоставление возможности искупления вины, поскольку «как только человек выходит на свободу, его прежнее положение не должно оставаться в памяти или вредить ему». Губернатор свободно распоряжался данной ему властью помилования заключенных за хорошее поведение; он продолжал выделять им земельные наделы по истечении срока заключения, одобряя их сельско-

Первый известный выполненный маслом портрет аборигена был выставлен Августусом Ерлом в 1826 г. На нем изображен Бунгари — человек из племени куринг-гай, которого первые губернаторы ценили как переговорщика; Маккуори наградил его нагрудным знаком «Король чернокожих». Художник изобразил Бунгари в торжественной позе на фоне форта в Сиднейской гавани. На более поздней литографии его лишили сановного достоинства, поместив рядом аборигенку с трубкой и выпивкой на одной из грязных улиц Сиднея (Национальная библиотека Австралии)

хозяйственную деятельность в большей степени, чем развитие овцеводческих хозяйств крупных землевладельцев.

Особое снисхождение Маккуори проявлял к образованным и успешным бывшим каторжникам, таким, как хирург Уильям Редферн, архитектор Фрэнсис Гринуэй, купец Симеон Лорд и поэт Майкл Робинсон. Назначение этих людей на официальные должности и то, что их принимали у губернатора дома, возмущало местную «элиту», равно как и то, что Маккуори препятствовал приезду свободных переселенцев, которых после 1815 г. стала привлекать все более процветающая колония. «Неужели нет другого способа попасть в Новый Южный Уэльс, кроме воровства?» — задавал вопрос один из сотрудников Британского казначейства в 1812 г. Не пугала Маккуори и неконституционность назначения им членами нового Верховного суда адвокатов из бывших каторжников, несмотря на возражения председателя Суда.

Он настаивал: «Эта страна должна стать домом, и при этом счастливым домом, для каждого освобожденного заключенного, который этого заслуживает».

Дисциплина и перевоспитание требовали соблюдения общественной морали и личной сдержанности. Маккуори запретил купание нагишом и непристойное поведение в пабах и борделях. Он отказывал в разрешении на сожительство с женщиной-заключенной, а широкие возможности, которые он предоставлял исправившимся мужчинам, прочно удерживали женщин в лоне семьи и домашнего уюта. Он ввел день отдыха в воскресенье. Такое активное вовлечение в колониальный проект христианства ознаменовало разрыв с прошлым, поскольку, когда первые губернаторы Филлип, Хантер и Кинг сгоняли неохотно собиравшихся каторжников на проповеди о гражданском повиновении, они делали это не столько из благочестия, сколько потому, что Англиканская церковь была одной из ветвей государства.

Священнослужители, пытавшиеся перевоспитать своих подопечных, успеха не достигли. Мужчины-заключенные делали из Библии и молитвенников игральные карты; женщины сворачивали из религиозных брошюр папильотки. Один испанский священник, посетивший колонию в первые годы, был поражен поверхностным характером богослужений. «Первое, что приходит в голову колонистам и правительству наших колоний, — это установить крест и возводить храмы». Первые годы основания колонии в Новом Южном Уэльсе благоприятствовали отправлению религиозных обрядов в стиле военных капелланов, что было поверхностным по форме и мало касалось личной веры.

Религиозный подъем начался с новых форм пастырства. В 1798 г. с острова Таити прибыли одиннадцать миссионеров, потерпевших неудачу в своих попытках обращения в христианство полинезийцев. Это были члены Лондонского миссионерского общества, основанного тремя годами раньше неконформистскими конфессиями с целью обращения язычников. С появлением проповедников методистского и конгрегационалистского толка религия стала менее формализованной и иерархичной, с особым акцентом на личное обращение к Богу и спасение. Если Сэмюэл Марсден, выдающийся англиканский священник, выступая с места мирового судьи и с кафедры проповедника, громко порицал безнравственность уголовных преступников, то неконформисты стремились вернуть грешника на путь добра. Признавалось также право католиков на от-

правление своего культа. Еще в 1803 г. Кинг позволил ирландскому заключенному выполнять функции священника, но в следующем году тот был лишен этой привилегии, когда возникло подозрение, что ирландец использовал мессы для планирования мятежа в Касл-Хилл. В 1820 г. из Ирландии по собственной воле прибыли еще два священнослужителя с официальным разрешением на отправление религиозных обрядов для своих соотечественников.

Марсден сам был новообращенным. Через миссионерское общество Англиканской церкви в надежде на христианизацию жителей тихоокеанских островов в 1814 г. он лично возглавил миссию на Северный остров Новой Зеландии. Маори как представителей «высшей расы» можно было освободить от грехов дикости и обратить в христианство с помощью осознания преимуществ цивилизации, которые стали бы для них очевидны, если их обучить сельскому хозяйству и торговле. Торговля и Евангелие оказались ненадежными партнерами в поселении Марсдена в заливе Пленти, однако он не питал особых надежд то, что аборигены их освоят, и не стал участвовать ни в учебной ферме, которую в том же году для них организовал Маккуори, ни в Туземном институте, основанном для обучения их детей, которым руководил миссионер, принадлежавший к Конгрегационалистской церкви.

«Нужны, видимо, только воспитание временем, мягкими методами и дружелюбным обращением, чтобы поднять этих бедных непросвещенных людей на существенный уровень цивилизации», — убеждал губернатор министра по делам колоний. Он учредил ежегодное собрание, или Конгресс аборигенов, в Парраматте. Все началось в 1814 г. с раздачи ростбифа, сливового пудинга, табака, одежды и одеял в качестве символов даров христианской цивилизации, а также с вручения мужчинам-аборигенам нагрудных знаков как легко различимых атрибутов власти.

Эти попытки вовлечения аборигенов в жизнь колонии вылились в колониальную экспансию и привели к возобновлению конфликта. В 1816 г. Маккуори предпринял карательную акцию, в результате которой четырнадцать человек были убиты. Хотя он все еще сохранял «приверженность своему первоначальному плану стараться приручить и цивилизовать этих диких, грубых людей», стало ясно, что добиться этого можно, только вырвав их из привычного образа жизни. Аборигенки, участвовавшие в Конгрессе 1816 г., заплакали, когда группа детей из Туземного института в опрятных костюмах и платьях прошествовала мимо них вместе

с миссис Маккуори и женой миссионера. Эти слезы отзываются до сих пор.

К тому времени у губернатора возникли собственные проблемы. Он внес в жизнь колонии порядок и организованность, настаивал на том, что она должна быть местом исправления, так же как и наказания, и соразмерял требования «избранных» и нужды вышедших на свободу. Фермеры-овцеводы продолжали получать землю и рабочую силу, поскольку Маккуори занимался распределением большинства вновь прибывших, но им не позволялось монополизировать предоставляемые возможности, так чтобы 90% населения, бывшие каторжники и их потомки, владели половиной материальных ценностей. Но из-за многочисленности прибывших после 1815 г. система распределения нарушилась. С увеличением количества заключенных, находившихся на попечении губернатора, росли и расходы. К местным критикам Маккуори, утверждавшим, что он предпочитал падших свободным и предприимчивым, присоединились лондонские чиновники, которые осуждали его за затраты на организованные им общественные работы. В 1819 г. Лондон направил главного судью колонии в Тринидаде Дж.Т. Бигге для проведения расследования в Новом Южном Уэльсе. Прежде чем Бигге представил свой первый отчет в 1822 г., Маккуори подал в отставку.

В 1803 г. Мэтью Флиндерс, составив для Британского адмиралтейства карту побережья Австралии, прибыл в Сидней. Поскольку его судно «Инвестигейтор» было непригодно для дальнейшего плавания, он отправился в Англию на шхуне, но она тоже не выдержала перехода через Индийский океан, и он зашел на французский остров Маврикий за помощью. К тому времени Франция снова оказалась в состоянии войны с Англией, и местный губернатор арестовал Флиндерса. Он пробыл под стражей до 1810 г. В 1814 г. вышел рассказ Флиндерса «Путешествие в *Terra Australis*», но прошло еще три года, прежде чем Маккуори обратил внимание на содержащееся в нем суждение автора. «Если бы я позволил себе несколько изменить первоначальное название, то я бы переделал его в АВСТРАЛИЯ; поскольку так приятнее для уха». В конце года Маккуори предложил дать это название всему острову-материку вместо принятого «Новая Голландия», которое, строго говоря, относилось только к его половине. Двадцать шестого января следующего года он отметил тридцатую годовщину основания колонии официальным выходным днем и праздничным балом. День годов-

щины стал ежегодным праздником, а слово *Australian* («Австралиец») — названием независимой газеты, основанной в 1824 г.

Британцы заняли лишь небольшую часть Юго-Восточной Австралии. На Земле Ван-Димена они расположились на центральной равнине; в Новом Южном Уэльсе распространились на север и юг вдоль побережья и на запад по трансальпийским склонам. Охотники на тюленей и другие искатели приключений пытались пройти дальше, но заселение материка было ограничено дугой в 150 км от Сиднея. Если к тому времени на Земле Ван-Димена завоеватели численно превосходили аборигенов, то в Новом Южном Уэльсе они все еще оставались в меньшинстве, составлявшем, видимо, не более одной трети всего населения. В центральной и западной части Нового Южного Уэльса было много аборигенных народов, но гораздо больше их жило на севере и западе континента, где они еще не повстречали белого человека, не видели его скот и сельскохозяйственные культуры и не слышали звука его мушкета. И тем не менее пришествие завоевателей оставило там свои следы, так же как остались шрамы от оспы у выживших в период распространения этой болезни, завезенной колонистами. Эти следы поселения служили плацдармом для последовавшей за ним гораздо более быстрой экспансии, верными признаками которой стали опустевшие тюленьи лежбища, вырубленные деревья и истощенные пахотные земли, предвещавшие дальнейшее опустошение.

Империя переселенцев, по словам одного американского географа, означала «укоренение европейцев на завоеванных землях», трансплантацию технологий, институтов и образа мыслей таким образом, что «колонии переселенцев стали жить собственной жизнью настолько, что ничего подобного не было ни в каких других имперских владениях». Процесс колонизации в Австралии был очевиден, но не менее очевидным был и связанный с ним процесс приспособления к новому месту со стороны колонистов. В новой жизни сливалось то, что они привезли с собой, с тем, что они нашли здесь. «Безусловно, это новый мир, новое творение. Каждое растение, каждая раковина, дерево, рыба и животное, птица, насекомое отличаются от старого мира», — писал Томас Палмер*, миссионер-унитарий, радикал, высланный из Шотландии за подстрекательство к мятежу. И для него условия жизни из-

* Палмер Томас (1747–1802), принадлежал к числу диссидентов внутри Англиканской церкви, выступавших с позиций унитаризма и отрицания троичности Бога.

менились. Он был свободен от обычных ограничений, имел право заниматься торговлей и судостроением и даже посылать свои критические замечания в адрес губернатора Хантера. Все здесь было шиворот-навыворот, и даже попытки воссоздания знакомых институтов рождали некоторый гибрид. Сформировалось энергичное и зачастую озлобленное общество, в котором неволя означает свободу, джентльмен ропщет, а отверженный пользуется расположением губернатора. Но затем, после прибытия комиссара Бигге, империя нанесла ответный удар.

Глава 4. Освобождение (1822–1850)

Через месяц после прибытия Джона Бигге в Сидней у него возникли разногласия с Лакланом Маккуори по поводу назначения освобожденного из заключения хирурга Уильяма Редферна на должность мирового судьи. За последующие 15 месяцев своего расследования комиссар пришел к выводам о будущем австралийских колоний, которые находились в явном противоречии с представлениями губернатора. Вероятно, эти разногласия были неизбежны. У Бигге и Маккуори было разное происхождение, образование, темперамент и ожидания в отношении империи. Маккуори — профессиональный военный и горячий сторонник патернализма — всегда считал Новый Южный Уэльс «крупномасштабным исправительным учреждением или убежищем». Здешнему обществу, по его мнению, было предначертано превратиться из пенитенциарного в свободное и «однажды стать одной из величайших и самых процветающих колоний, принадлежащих Британской империи», но это будет зависеть от реабилитации преступников под попечительством самого Маккуори. Бигге, хладнокровный и методичный, а к тому же и более молодой, привнес с собой менталитет юриста и склонность к оценке местной ситуации по английским стандартам.

Они принадлежали к разным поколениям, были представителями разных эпох. Маккуори, которому было далеко за пятьдесят,

был свидетелем распада кланового общества на Гебридских островах у западных берегов Шотландии и превращения нации, к которой он принадлежал, в северных британцев на службе у империи. В нем сочетались ценности разума и настроений XVIII в. с привычкой командовать, а порядок, к которому он стремился, был проникнут идеями патернализма и покровительства. Теперь, когда у него за плечами было сорок лет военной службы, в империи царил мир. Поражение Наполеона избавило Англию от внешней угрозы, огромные усилия, которых требовала война, теперь можно было направить на развитие торговли и промышленности. Проведя ряд политических и административных реформ, имперское гарнизонное государство сократило бремя расходов, повысило свою эффективность и преобразовало олигархический режим правления в более широкое представительное правление. Накопление богатств за счет ограничительного регулирования и исключительных прав торговли постепенно уступало место открытому рынку, в котором могли участвовать все желающие. Свобода торговли и максимально возможное невмешательство государства в дела частного бизнеса — *laissez faire* — стали к середине XIX в. руководящим принципом британской политики.

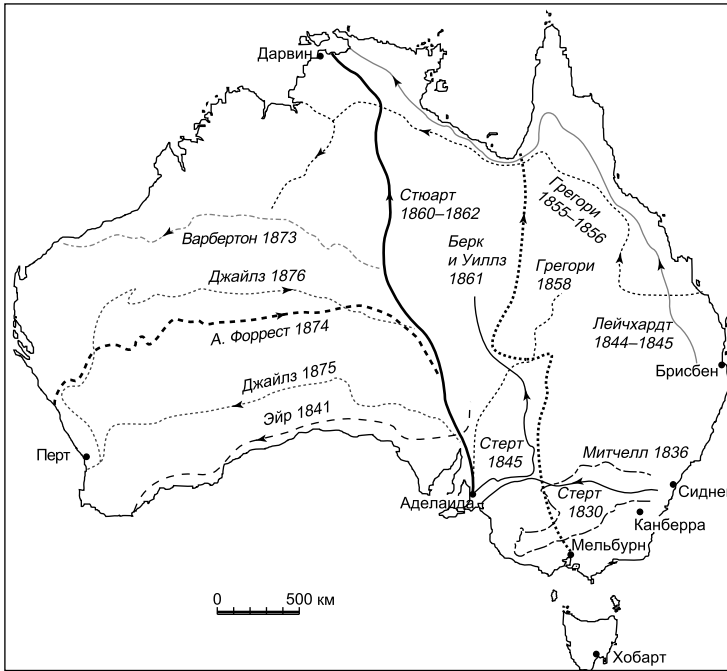
По мере того как логика рыночных отношений одерживала победу, она проникала во все аспекты жизни личности и общества. Строй, опирающийся на рядовых членов общества, взаимоотношения в котором строятся на личной и частной основе, породил представление об обществе как о совокупности самостоятельных, самоуправляемых индивидов, каждый из которых стремился к максимальному удовлетворению своих потребностей или к максимальной выгоде. Прагматики предлагали простой алгоритм поведения: при наличии соответствующих институциональных стимулов естественное стремление человека испытывать наслаждение и избегать страданий будет выливаться в поведение, способствующее общему благу. Бигге как государственный чиновник, приверженный господству закона, которому к завершению вызванной войной чрезвычайной ситуации было всего тридцать с лишним лет, стал одним из первых проводников соответствующей политики трансформации власти. В сфере исполнения наказаний, как и в политической экономии и большинстве других областей социальной политики, закрепилась доктрина утилитаризма, направленная на преобразование субъекта в объект бюрократического управления. Преступник нуждается в устрашении.

Бигге предстояло изучить перспективы Нового Южного Уэльса и как тюрьмы, и как колонии, но в указаниях министра по делам колоний в первую очередь подчеркивалось, что транспортировка должна «вызывать настоящий ужас».

В трех отчетах, представленных Бигге в 1822 и 1823 гг., предлагалось, как это сделать. Устрашение требовало более жесткого наказания осужденных за счет укрепления порядка. Нельзя проявлять к ним особое снисхождение или позволять им зарабатывать в свободное время на городские развлечения; напротив, следует назначать их на сельскохозяйственные работы под строгим надзором. Заключение по истечении срока наказания должны не получать земельные наделы, а зарабатывать на жизнь. Их нельзя допускать на ответственные государственные должности, им следовало оставаться в подчиненном положении. В рекомендациях Бигге относительно пенитенциарной системы одновременно определялось будущее развитие колонии. Оно опиралось на свободных колонистов, которые будут владеть землей, нанимать заключенных в работники и производить шерсть, — Джон Макартур был услышан. Для этого потребуются система правления, подходящая для свободных подданных Короны: законодательство, ограничивающее произвол губернатора, и судебная система, охраняющая правопорядок.

По мере осуществления этих рекомендаций трансформировалось колониальное присутствие в Австралии. Овцеводство процветало, а привлеченное им значительно возросшее число колонистов хлынуло за пределы поселений. Землепроходцы и землемеры открывали внутренние территории, на южном и западном побережье планировались новые поселения. Отношения между аборигенами и колонистами на широко раздвинувшейся границе ухудшались, выливаясь в постоянные столкновения. Ужесточение надзора над осужденными, численность которых намного возросла, усугубляло конфликты между освободившимися и избранными. Ограничения, введенные в отношении правления на основе чрезвычайных полномочий, открыли путь трехсторонней борьбе за власть между этими двумя группами и губернатором. Австралия была инкорпорирована в империю торговли, техники, этикета и культуры, хотя в то же время стали более заметны ее собственные отличительные особенности.

Исследование внутренних территорий страны после пересечения Голубых гор в 1813 г. пошло быстро. Серия экспедиций начи-

Маршруты землепроходцев

ная с 1817 г. использовала Батерст в качестве базы, с которой они двигались по рекам внутренней части страны, стекавшим с западных равнин Нового Южного Уэльса в реку Муррей, и к 1830 г. исследовали ее до устья на южном побережье. Северные экспедиции вышли через высокогорье Новой Англии на Дарлинг-Даунс в 1827 г. и в Западный Квинсленд в 1832 г. Путешествие в Порт-Филлип состоялось в 1824 г., в 1836 г. были подробно изучены пастбища Западной Виктории, а в 1840 г. был открыт путь через Сноуи-Маунтинс в Гипсленд. К тому времени были установлены топография и ресурсы юго-восточной части страны.

В колониальной версии истории Австралии землепроходцы занимают центральное место. Они были знамениты в свое время, а впоследствии память о них увековечена в статуях и памятных знаках, их прославляют в учебниках — даже сегодня школьники наносят маршруты их путешествий на контурные карты конти-

нента. В рассказах землепроходцы предстают героями имперской мужественности: мечтатели, проникавшие в дикие места, переживавшие нападения необузданных и коварных туземцев, побеждавшие голод и жажду в стремлении познать эту землю. В публикациях последнего времени их героический образ померк. В эпической версии истории исследования новых земель опускается роль охотников на тюленей и перегонщиков скота, путешественников и отверженных, которые зачастую предшествовали землепроходцам. Когда помощник топографа Земли Ван-Димена Джон Ведж в 1826 г. совершил землепроходческую экспедицию в горный юго-западный район, он обнаружил там тайное жилище беглого преступника. Томас Митчелл, главный топограф Нового Южного Уэльса, достигший Викторианского побережья в 1836 г., нашел там хижины китобоев и неподалеку семейную ферму. Прославлявшие землепроходцев сводили до минимума и роль проводников-аборигенов. У Митчелла их было трое, и, когда он радовался «земле, такой притягательной и при этом необитаемой», редко выдавался день, чтобы в его дневнике не было записи о встрече с хозяевами этой земли. Если присутствие там аборигенов признается, то на смену представлениям о совершении открытий первопроходцами приходит понимание того, что они привносили свой собственный вид знаний в своих собственных целях.

Землепроходцы, таким образом, изымаются из сферы имперского величия и мужественности и становятся объектом беспристрастных культурологических исследований. Современные авторы, работающие в этом направлении, подробно изучают архивы землепроходцев, рассматривая текстуальные особенности, записи о деталях ландшафта, названиях и об их значении, обращая внимание на то, как они уходят от описания своих землепроходческих изысканий как акта завоевания. Критики постколониального периода показывают, как землепроходцы использовали литературные приемы, чтобы представить эту страну живописной и многообразной, и как стремились к картографической точности, чтобы представить ее изученной и доступной. Они указывают на экспрессивность повествования, с помощью которой землепроходцы описывали угрозу, исходившую от враждебных аборигенов. Находчивость таких исследователей иногда все проясняет. Они дают возможность убедиться в том, что эта земля не пребывала в спячке, ожидая, что ее откроют, но обрела фактиче-

ское существование лишь в результате самого акта прибытия, завоевания и присвоения ей имени. Но эта же находчивость иногда избыточна. Нам вряд ли необходимо разбирать и читать между строк записи Томаса Митчелла, чтобы понять, что его землепроходческая деятельность представляла собой акт завоевания, поскольку об этом открыто говорится в его дневниках. Об этом же говорит и его отчет о столкновении на реке Муррей в 1836 г., в ходе которого аборигены «бросились к реке, мои люди преследовали их, стараясь застрелить как можно больше... Таким образом, за очень короткое время на берегах реки Муррей вновь воцарилась обычная тишина пустыни, и мы продолжили свой путь в безопасности».

Майор Митчелл был человеком военным, шотландским профессиональным военным, который применил знания топографии, приобретенные на полях сражений в Испании в период Наполеоновских войн. Некоторые эпические подвиги землепроходцев в XIX в. совершали британцы, которые родились слишком поздно, чтобы добиться военной славы, и для которых завоевание неизвестной территории служило свидетельством мужественности, проявленной на службе империи, — эта традиция продолжалась долго и прекратилась накануне Первой мировой войны с экспедицией Роберта Скотта на Южный полюс в 1912 г. В Австралии она достигла кульминации в не менее амбициозной экспедиции от южного к северному побережью под руководством дворянина англо-ирландского происхождения Роберта О'Хара Берка, которая отправилась в путь в 1860 г. из Мельбурна и погибла в Центральной Австралии годом позже. К тому времени местные жители добились более значительных успехов. Они путешествовали налегке в необжитые места, у них было меньше забот и приспособленное к местным условиям снаряжение. Когда рассказами о них насильно пичкают школьников, землепроходцы сливаются в их представлении в скучный образ какого-то бородатого мужика; свободные от подтекстов культурных исследований, их мотивы и методы становятся более понятными.

Быстрыми темпами развивалось овцеводство. На протяжении 1820-х годов скотоводы переместились с равнины Камберленд (которую теперь окружали 19 новых графств, растянувшиеся на расстояние более 250 км от Сиднея) через Голубые горы и вдоль ручьев и рек во внутреннюю часть страны. В 1830-х они вышли за границы 19 графств и в скором времени заняли пастбища к югу от

реки Муррей, которые стали называться районом Порт-Филлип. На Земле Ван-Димена в 1832 г. линии заселения к северу и югу от баз в районе устья реки сомкнулись и стали быстро расширяться. поголовье овец на материке возросло со 100 тыс. в 1820 г. до 1 млн в 1830 г. и со 180 тыс. до 1 млн в островной колонии. Разведение других животных, особенно крупного рогатого скота, и выращивание зерновых культур также быстро расширялись, но в течение следующих двух десятилетий по объему производства овцеводство превышало все другие отрасли европейской экономики. Овцеводы со своими стадами шли в авангарде захвата земель. поголовье овец Нового Южного Уэльса насчитывало 4 млн в 1840 г. и 13 млн в 1850 г. К тому времени в районе дуги, протянувшейся более чем на 2 тыс. км от Брисбена к Мельбурну и далее до Аделаиды, было примерно две тысячи скотоводов.

Австралийские овцы давали шерсть для английского прядильного и ткацкого производств. С механизации текстильного производства началась промышленная революция, превратившая Британию в центр мирового производства текстиля. Хотя самых впечатляющих успехов добилась хлопчатобумажная промышленность Ланкашира, в фабричных городах Йоркшира постоянно увеличивалось производство шерстяных тканей, одежды, одеял и ковров, требовавшее все больше высококачественной шерсти. В 1810—1850 гг. английский импорт овечьей шерсти вырос в десять раз. Испания, а затем и Германия обеспечивали этот спрос, но, поскольку австралийские производители повысили качество шерсти благодаря внедрению породы мериносов, они все больше завоевывали британский рынок — одну десятую его в 1830 г., четверть в 1840 г., половину в 1850 г. К тому времени объем продаж австралийской шерсти достигал более 2 млн ф. ст. в год — более 90% общего объема экспорта. Это был главный продукт Австралии, в течение столетия обеспечивавший ее процветание и экономический рост.

Шерсть производилась в условиях, которые позволяли вновь прибывшим быстро добиваться успеха: обилие земли по минимальной цене; мягкий климат, в котором зимой не требовалась раздача корма вручную; дорогостоящая продукция, которая не портилась за время длительного путешествия к рынку и покрывала транспортные расходы. Такие возможности привлекали демобилизовавшихся после Наполеоновских войн армейских и морских офицеров, а также младших сыновей из дворянских семей Англии и Шотландии, стремившихся обладать собственным име-

нием. Приезжающему нужен был начальный капитал для закупки скота; затем он нанимал работников и отгонял своих животных на окраину колонии; предъявлял права на территорию, которая могла простираться на 10 км и больше; формировал стада под присмотром пастухов, которые их пасли днем и собирали в загон на ночь; сводили баранов с овцами для увеличения стада; стригли, мыли, прессовали шерсть и отправляли ее на продажу.

На этом первом, головокружительном этапе в овцеводстве можно было сколотить состояние, но это было занятие для молодого мужчины, и притом не робкого десятка. Засуха, пожар или болезнь могли разорить даже самых решительно настроенных. Снижение спроса на шерсть в Британии в конце 1830-х годов привело к обвалу цен, и миллионы овец пришлось пустить на сало. Ненадежность условий, так же как отсутствие права собственности на землю, заставляла овцевода заботиться о скорой прибыли, поэтому помимо улучшения поголовья мало что делалось для повышения эффективности или сохранения ресурсов. Стада съедали местные травы. Копыта утрамбовывали почву, препятствуя подросу. Участки голой земли вокруг скотных дворов, разрушенные овраги и грязные водные источники служили признаками вторжения овцеводов.

Об этом же свидетельствовали человеческие потери, разрушенная среда обитания и обезлюдившие места сбора местных аборигенов, черепа и кости, брошенные непохороненными на местах массовых убийств, и названия, которые стали ассоциироваться с некоторыми из них. Был ручей Бойня на реке Гуидир на севере Нового Южного Уэльса, где в 1838 г. 60 – 70 аборигенов «перестреляли, как ворон на деревьях»; река Рыжая в низовьях Муррея, в которой в 1841 г. вода была красной от крови, и другие места, запечатлевшие злодеяния прошлого с ужасающей откровенностью: гора Расселение, Земля Убеждения, Воюющие холмы, остров Убийца, Лагерь Черепов. Белые колонисты иногда изгоняли из памяти подобные отвратительные эпизоды, а иногда сохраняли их в местном фольклоре, чтобы потом, 170 лет спустя, за кружкой пива в сельском пабе Нового Южного Уэльса старожил мог рассказать, как первые переселенцы «загнали всех черных на верхушку горы и стреляли в них, пока все они не попадали вниз».

Аборигенские версии таких столкновений содержат свои, дополнительные аспекты. Их изложение носит одновременно конкретный и обобщающий характер — в них повествуется о событиях, происшедших в определенных местах, и об их более широком

значении. «Почему черные нападают на белых?» — спросил южно-австралийский комиссар полиции у аборигенов, выживших в стычке на реке Руфус. «Потому что они пришли в страну черных людей», — ответили ему. Таким образом, вовсе не забывая о присутствии коренных жителей, наступление белых расширило понимание принципиальной схемы завоевания, начавшегося с первой высадки британцев. «Ты — капитан Кук, ты убиваешь мой народ», — твердил один скотовод из Северной территории в 1970-х годах.

Насилие достигло таких масштабов, что белые колонисты называли 1820-е и 1830-е годы «Черной войной». От этого наименования в скором времени отказались, и всплыло оно только в последние 25 лет, когда более полно был восстановлен факт присутствия аборигенов в австралийской истории. В 1979 г. историк Джеффри Блейни высказал мнение о том, что в Мемориале Австралийской войны должно быть запечатлено признание войны между аборигенами и европейцами. В 1981 г. известный историк приграничных отношений Генри Рейнолдс высказал мысль о том, что следует помещать имена погибших аборигенов на наших мемориалах и кенотафах «и даже в пантеоне национальных героев».

Стремление к включению аборигенов в более широкую национальную мифологию постоянно встречает сопротивление. Сторонники господства белой расы отвергают его полностью. Белые традиционалисты не склонны признавать неприглядные аспекты завоевания как существенный элемент австралийской истории и осуждают «траурных» историков, настаивающих на таких неприятных темах. Возражения в последнее время ужесточились вплоть до отрицания: независимый историк Кейт Виндшаттл утверждал, что массовые убийства в пограничных районах — это миф, выдуманный своекорыстными гуманистами и увековеченный бесчестными интеллектуалами. Его обвинение в адрес ведущих историков в том, что они сфабриковали свою историю, оказалось манной небесной для консервативных публицистов. Виндшаттл настаивает на том, что британское заселение было мирным, поскольку оно осуществлялось в условиях законности и следовало христианским принципам. Он настаивает, что аборигены были первобытным и недееспособным народом, который не мог вести войну, так как у него не было ни правительства, ни территории, что они были способны только на «бессмысленное насилие». Эта альтернативная история расовых отношений на границах колоний была подхвачена СМИ

и навязана учреждениям культуры, таким, как Национальный музей. Это наиболее спорный аспект национальной истории.

Есть также историки, сочувствующие делу аборигенов, которые ставят под сомнение акцентирование темы насилия и разрушений, полагая, что интерпретация событий в воинственном духе лишена понимания аборигенами своих действий. Вторжение овцеводов, безусловно, было травмирующим. Коренное население резко сокращалось (по одной из оценок, в 1821 – 1850 гг. с 600 тыс. до менее чем 300 тыс. человек). Но главными причинами его сокращения были болезни, недоедание и бесплодие: вероятно, прямые акты насилия со стороны белых служили причиной лишь одной смерти из десяти. Оставшиеся в живых аборигены реагировали на эти бедствия разными способами, и одним из них было приспособление к новым условиям. В течение 1830 – 1840-х годов они вошли в состав рабочей силы в качестве скотников, пастухов, стригальщиков, домашней прислуги и сексуальных партнеров. Были потери, но была и жизнестойкость.

Идея «Черной войны», безусловно, свидетельствует о силе сопротивления со стороны аборигенов. На Земле Ван-Димена, где в 1828 г. за один месяц проводилось 21 расследование дел об убийстве колонистов аборигенами в отдаленном районе Оутлендс, губернатор объявил чрезвычайное положение. После того как группы наемных охотников не смогли ликвидировать угрозу, по его приказу был сформирован пересекавший весь остров кордон из 3 тыс. человек, теснивший аборигенов в южном направлении к побережью. Эта «Черная линия» протяженностью 200 км захватила всего лишь одного мужчину и одного мальчика, но даже по мере ее продвижения на юг в течение 1830 г. было убито еще четыре колониста и разграблено 30 домов.

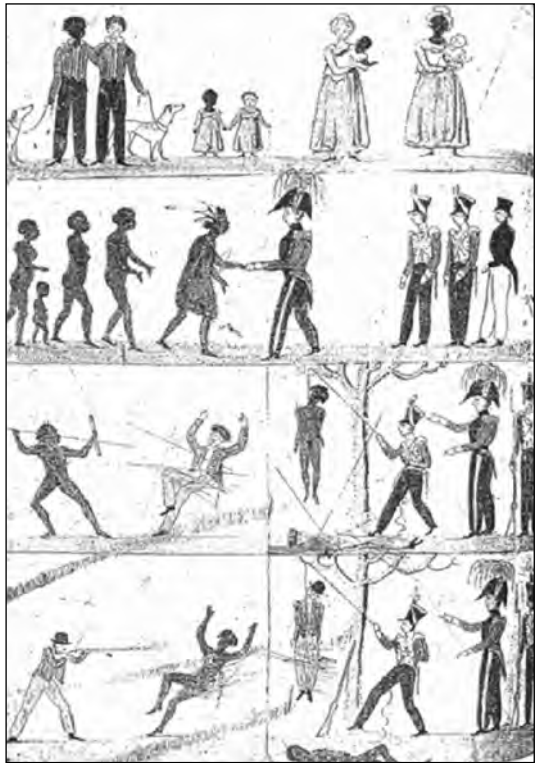
Чрезвычайное положение было объявлено и на материке, в тех районах, где аборигены наносили серьезный урон противнику и причиняли достаточный ущерб, пытаясь сдержать продвижение белых: в конце 1830-х годов овцеводы оставили около 100 км земель вдоль реки Маррамбиджи. Тем не менее эти успехи могли лишь отсрочить наступление белых. В отличие от ирокезов в Северной Америке или зулусов в Южной Африке воины-аборигены не создали конфедерации, способной вести согласованные военные действия. Их сопротивление носило локальный, очаговый характер. Это была не единая, объединенная «Черная война», а серия многочисленных столкновений.

Ружья против копий — конница воюет с воинами-аборигенами. Это изображение яростной стычки на границе пастбища свидетельствует о том, что оккупанты одержат победу, хотя соотношение сил между враждующими сторонами более равное, чем впоследствии, после замены мушкетов перезаряжаемыми винтовками (Мунди Ч. Наши антиподы. Лондон: Ричард Бенгли, 1852)

Иногда поселенцы сражались вместе с регулярными войсками. Более 500 солдат принимали участие в неудавшемся маневре «Черной линии» на Земле Ван-Димена в 1830 г., а после этого использовались в карательных операциях. Губернатор молодой колонии в Западной Австралии командовал подразделением местного полка в бою за Пинджарру в 1834 г., в котором было убито, вероятно, около тридцати человек из народа ньюнга. Военные гарнизоны еще в одной новой колонии в Южной Австралии были развернуты в 1841 г. В других случаях губернаторы создавали конную полицию, а позже конную полицию из местных жителей. Противостоять мобильности и огнестрельному оружию этих полувоенных формирований было сложно, тем более после того, как в них стали набирать аборигенов, применяя общепринятый имперский прием использования представителей завоеванных народов для подавления оставшихся независимыми сообществ. Под командованием майора Джеймса Нанна конная полиция Нового Южного Уэльса провела в 1838 г. операцию «усмирения», в результате которой потери народа северных равнин — камиларои — составили более 100 человек.

Джордж Артур, лейтенант-губернатор Земли Ван-Димена, выпустил эту графическую прокламацию в том же году, когда он ввел военное положение. Рисунки двух верхних блоков выражают поощрение мирных отношений между расами, в нижних — показаны наказания за применение насилия. Сам Артур изображен в официальном мундире как воплощение власти и справедливости (Тасманийский музей и картинная галерея)

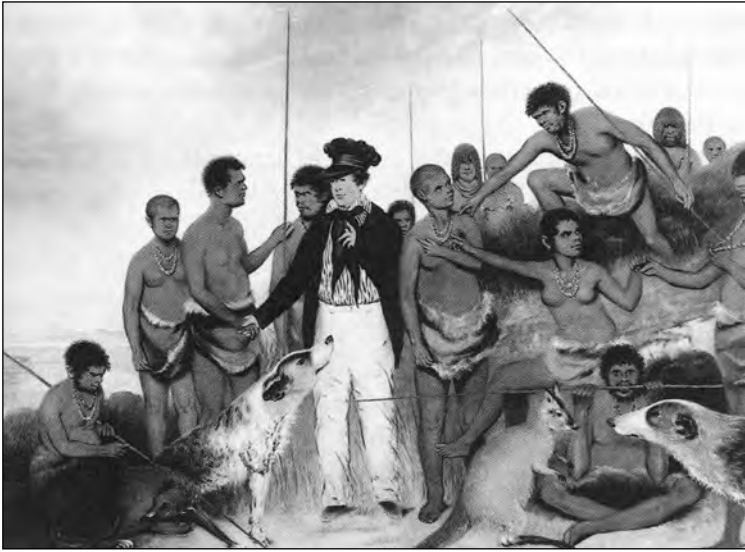

Тем не менее эти спланированные военные операции опять-таки создают неверное представление о конфликте. Когда обученные солдаты нападали на аборигенов на открытом пространстве, огнестрельное оружие брало верх над копьями, особенно после того, как на смену мушкетам пришли перезаряжаемые винтовки. У воинов-аборигенов не было укреплений, они редко пытались воспользоваться военной техникой врага. В отличие от маори, которые на протяжении двух десятилетий связывали своими действиями в Новой Зеландии 20 тыс. британских солдат, аборигены не могли вести массовых сражений обычной войны. Они быстро научились избегать прямых столкновений и старались использовать свои преимущества в мобильности и умении действовать в зарослях для партизанских вылазок. Уничтожение скота и неожидан-

ные нападения на отдаленные стоянки пастухов усиливали страх и чувство незащищенности у белых колонистов, «ждуших, ждуших, ждуших незаметно, бесшумно подкрадывающихся коварных чернокожих».

Результатом стали жестокие репрессии со стороны колонистов. Самый известный случай произошел в 1838 г. в Майолл-Крик вблизи реки Гуидир в северной части Нового Южного Уэльса. Вооруженные скотоводы, гонявшиеся верхом по бушу за аборигенами, которых они обвиняли в охоте на скот, вместо аборигенов-охотников наткнулась на группу народа квямбал, преимущественно женщин и детей, нашедших приют в одной из хижин пастушьей фермы. У местных пастухов были добрые отношения с людьми народа квямбал, заготавливавших для них кору, помогавших присматривать за скотом и за это получавших право охотиться. Несколько аборигенов даже вступили в интимные отношения с белыми мужчинами. Но пастухи не решились воспрепятствовать белым мстителям, когда они увели аборигенов в буш, и там перерезали всю группу. Убийцы, выйдя из леса, выглядели довольными собой. Впрочем, затем тайное чувство вины все-таки овладело ими и они вернулись в буш, чтобы уничтожить останки своих жертв. О массовом убийстве на ручье Майолл-Крик стало известно, потому что управляющий фермой сообщил об этом случае губернатору. А губернатор, в свою очередь, получил предписание британского правительства о недопущении попустительства подобным зверствам. Тот отдал виновных под суд, а когда сиднейский суд присяжных признал их невиновными, приказал пересмотреть дело.

Когда семеро из убийц, в конце концов, были признаны виновными и казнены, большинство колонистов оказались поражены таким исходом. Официальная реакция на резню в Майолл-Крик была довольно необычной — как с точки зрения решения о проведении судебного разбирательства, так и по причине наличия белых свидетелей, готовых дать показания против колонистов. Поскольку аборигены не могли приносить присягу с обещанием говорить правду, они не имели права выступать свидетелями против тех, кто причинил им вред. Внешне построенное на равных условиях британское правосудие, провозглашенное лейтенантом-губернатором Земли Ван-Димена Артуром в плакате, на котором изображался сначала бросающий копье чернокожий, а затем стреляющий белый человек — каждый из них был признан преступником, и каждый получил наказание, — базировалось на коренном неравенстве. В обоих

В 1829 г. лейтенант-губернатор Артур поручил Джоджу Робинсону вступить в контакт с оставшимися аборигенами Земли Ван-Димена и убедить их поселиться в резервации. Картина Бенджамина Датерро 1840 г. «Примирение» изображает человека, представляющего мир и сочувствие. Несмотря на обещания, данные аборигенам Тасмании, Робинсон организовал их депортацию на остров Флиндерс (Тасманийский музей и картинная галерея)

блоках рисунков именно белый человек предписывал правила и вершил правосудие. Ответ аборигенов на такое одностороннее правосудие прозвучал в тот год, когда Артур проводил свою «Черную линию»: «Убирайтесь вы, белые негодяи! Что вам здесь нужно?».

В первых столкновениях между аборигенами и колонистами определилась основополагающая несовместимость двух стилей жизни. Аборигены пытались путем переговоров и обменов включить европейцев в свои порядки, но у европейцев не было желания ассимилироваться в их общество. И тем не менее ограниченный характер колониального заселения до 1820-х годов оставлял возможность для какой-то формы сосуществования. Быстрое расширение границ овцеводческих хозяйств устранило эту возможность, поскольку привело к целому ряду внезапных, травмирующих столк-

новений. Еще сохранялись возможности для сосуществования обоих народов; поскольку европейцы занимали открытые пастбища, оставляя более лесистые высокие склоны, было некоторое первоначальное согласие на основе взаимного обмена товарами и услугами. Но аборигены не могли принять оккупацию своих охотничьих угодий и захват водных путей, а овцеводы обычно отвечали на потери животных односторонними акциями, направленными не на что иное, как просто на истребление коренных жителей. Колониальные власти, приведя в действие эту цепную реакцию, были не в силах остановить ее смертоносное распространение.

Среди белых были люди, осуждавшие масштабы подобных действий соотечественников. Они понимали, что такое бесчеловечное поведение отягощает несправедливую экспроприацию, и предостерегали: «На нас кровь». Организованное в 1836 г. в Лондоне христианами-евангелистами Общество защиты британских и иностранных аборигенов способствовало созданию в 1838 г. местными гуманистами отделения общества в Сиднее. Общество добивалось решения этой проблемы в британском парламенте, и в 1837 г. специальный комитет палаты общин установил, что колонизация Южной Африки, Австралии и Северной Америки имела катастрофические последствия для коренных жителей: игнорировалось «простое и священное право», «неоспоримое право на их собственную землю». Британское правительство было обеспокоено донесениями о массовых убийствах и чрезвычайном положении, направленном против коренных народов австралийских колоний. «Считать их врагами, с которыми можно вести войну, — писал министр по делам колоний губернатору Нового Южного Уэльса в 1837 г., — значит отрицать ту защиту, которой они заслуживают в силу наивысшего суверенитета, вытекающего из древности обладания тем, чем они располагают». Министр настаивал на защите аборигенов.

Ни одна из схем такой защиты не имела успеха. На Земле Ван-Димена лейтенант-губернатор Артур поручил местному торговцу Джорджу Робинсону устроить облаву на оставшихся аборигенов. «Дружественная миссия» Робинсона использовала местных проводников, чтобы добиться успеха там, где провалилась «Черная линия». В 1830—1834 гг. он заманил и захватил последних непокорных аборигенов и отправил их на остров Флиндерс в Бассовом проливе, где их численность сокращалась, пока оставшихся в живых в 1847 г. не вернули в резервацию в районе Хобарта.

Такие же резервации или миссионерские пункты создавались и на материке в 1820-х и 1830-х годах, христианскими миссионерскими обществами при поддержке правительства. Некоторые доброжелатели, в том числе судья, который председательствовал на суде по делу резни в Майолл-Крик и обладал опытом работы в Капской колонии, выступал за более крупные резервации, где могли бы поселиться коренные жители для защиты от опасностей цивилизации белой расы. Слово «поселение»* имеет много значений. Аборигены нуждались в таком поселении как месте проживания, чтобы процесс колониального поселения мог проходить без помех, а один из обвиняемых в резне в Майолл-Крик заявил, что он и его товарищи «решили вопрос» «черных». Однако губернаторы Нового Южного Уэльса предпочитали инкорпорирование сегрегации и назначали белых защитников для сопровождения аборигенов в их странствиях и содействия их переселению. Джордж Робинсон стал главным защитником аборигенов в районе залива Порт-Филлип, имевшим возможность иногда останавливать наиболее вопиющие случаи проявления жестокости, но и он был бессилён предотвратить постоянное вторжение на их земли.

Существовал и другой возможный образ действий. В 1835 г. группа предпринимателей с Земли Ван-Димена во главе с Джоном Бэтманом пересекла Бассов пролив и заняла территорию в районе залива Порт-Филлип. В обмен на плату в виде одеял, томагавков, ножей, ножниц, зеркал, носовых платков, рубашек и муки и за обещание выплачивать ежегодную ренту они заявили свои права на 200 тыс. га, полученные у народа кулин. Это неофициальное, в духе обычных махинаций соглашение было далеко от договоров, заключавшихся британскими колонистами с коренными жителями в Новой Зеландии (оно больше напоминало «пустыковые договоры», которые были в ходу на американском Западе), но все же свидетельствовало о своего рода признании права собственности аборигенов. Министр по делам колоний отменил эти договоренности на том основании, что «такая концессия будет подрывать фундамент, на котором в настоящее время строятся все имущественные права в Новом Южном Уэльсе». Тем не менее в том же году министерство по делам колоний настаивало на том,

* Слово *settlement* в английском языке в форме существительного означает и процесс заселения, и поселок, и разрешение вопроса, проблемы.

что в предполагаемой в Южной Австралии новой колонии должны уважаться «права нынешних собственников земли», а члены его комиссии настаивали на том, что земля должна выкупаться и часть покупной цены выплачиваться аборигенам.

Южноавстралийские колонисты игнорировали эти условия. В течение пяти лет аборигены, жившие на окраинах новых колоний у Мельбурна и Аделаиды, были доведены до полной нищеты. В Сиднее их число сократилось, и к 1840-м гг. большинство жило в лагерях у залива Ботани. Один старик, Махруут, так рассказывал приезжему англичанину об изменениях, свидетелем, которых он стал: «Да, мистер... все черные парни ушли! А это моя земля! Красивое место Ботани! Маленьким ребенком я здесь бегал повсюду. Тогда было много черных парней, корробори* — песни, танцы; большая битва; все плавали на каноэ. Теперь остался только я один. Мистер, налей джин, моя падает, никого не осталось!»

Белые горожане жаловались на буйный, разгульный образ жизни и беспробудное пьянство живущих в городах аборигенов. Белые художники изображали их в карикатурах в виде полуодетых людей, заполонивших общественные места, курящих, пьющих, сопровождаемых шелудивыми собаками и запущенными детьми, бесстыдных в своих пороках и неспособных воспринять блага цивилизации. Такие изображения морального разложения аборигенов возлагали на них самих ответственность за их участь, но были и другие, гораздо более возмутительные изображения диких и неукротимых коренных жителей. Распространялись рассказы о пребывании в плену белых мужчин, попавших в руки аборигенов и там одичавших, или о белых женщинах, переживших кошмары пребывания в диких местах.

Самой знаменитой из них была Элиза Фрейзер, которая в 1836 г. пережила кораблекрушение и в течение 52 дней жила среди народов нглуунгбара, патяла и дулингбра на острове у побережья Центрального Квинсленда. В ее «Спасении от дикарей», одной из многочисленных современных публикаций, рассказывалось о том, как были убиты ее муж и сопровождавшие их мужчины, о сексуальном надругательстве над незащитной белой женщиной. Сама Фрейзер выступала в интермедии в лондонском Гайд-парке, рассказывая свою историю о варварском обра-

* *Корробори* — церемониальные танцы у аборигенов Австралии.

Рисунок 1839 г., изображающий аборигенов в Сиднее, деградировавших под воздействием алкоголя. На мужчине все еще остается нагрудный знак, но по его истрепанной одежде и распутной внешности видно, что предпринимавшиеся прежде попытки включения аборигенов в колониальный порядок потерпели неудачу (Библиотека Митчелла)

нии. Эти события послужили основой для романа Патрика Уайта, картин Сиднея Нолана и нескольких фильмов.

Таковыми средствами осуществлялись захват, заселение и овладение землей. Чтобы сделать ее плодородной и прибыльной, использовали труд заключенных. За период 1821 – 1840 годов в целом 55 тыс. каторжников прибыло в Новый Южный Уэльс и 60 тыс. — на Землю Ван-Димена, и они продолжали прибывать туда в течение еще одного десятилетия. Большинство каторжников передавались хозяевам, чтобы отбывать срок на сельскохозяйственных работах. На осужденных был повышенный спрос, поскольку на пастбищных стоянках требовалось большое количество пастухов, скотников и людей для ведения хозяйства, а кабальное положение заставляло их мириться с условиями изоляции и отсутствия безопасности, которые отпугивали свободных работников. Заключенные, расходы на которых не превышали стоимости их содержа-

ния, обеспечили быстрый рост и высокую производительность овцеводческого хозяйства.

Теперь такое назначение сопровождалось значительно более жесткими правилами. Каторжникам больше не разрешалось иметь свободное время в конце дня или получать «индульгенции». В соответствии с рекомендациями Бигге число помилований сократилось, а по окончании срока им больше не выдавались земельные наделы. Чиновники осуществляли более строгий контроль за нарушением правил в обращении с направленными на работу заключенными и за магистратами, где рассматривались их дела. Лейтенант-губернатор Земли Ван-Димена Артур в 1820-х и 1830-х годах пошел еще дальше в своем толковании сложной системы надзора, зафиксированной в «Черных книгах», в которых содержались пространственные донесения о поведении каждого осужденного «со дня прибытия и до окончания срока или смерти». Режим Артура был менее жестоким, чем у его предшественников, хотя ежегодно каждый шестой заключенный по-прежнему подвергался порке, но, был более бюрократически угнетающим. По мере упорядочения системы исполнения наказаний исчезали возможности обхода ее строгих установлений. В результате она становилась не более, а менее нормальной.

Нарушителям правил назначались дополнительные наказания, которые теперь тщательно дифференцировались по тяжести: сначала порка или тюремное заключение, затем назначение на общественные работы или в группу заключенных, скованных одной цепью, и, наконец, повторная транспортировка в одну из специальных штрафных колоний, расположенных на большом удалении от цивилизации. Число таких колоний росло быстро: 1821 г. — Порт-Маккуори вверх по побережью от Ньюкасла; 1824 г. — в заливе Мортон дальше к северу; 1822 г. — в заливе Маккуори на западном побережье Земли Ван-Димена; 1832 г. — Порт-Артур на юго-восточной оконечности острова. Остров Норфолк тоже использовался в этих целях с 1825 г. Эти места были выбраны благодаря изолированному расположению, а красоты природы здесь лишь подчеркивали ужасы, которыми они были известны. В залив Маккуори можно было попасть через узкий и опасный проход — Чертовы ворота, и обитатели колонии вынуждены были вырубить гигантские эвкалипты на омываемых дождями холмах и перетаскать бревна к краю обрыва. Ставший туристической достопримечательностью Порт-Артур, где до сих пор на фоне буйной расти-

тельности Тасмании можно видеть каменную кладку, служил тюрьмой, психиатрической больницей, тюрьмой для малолетних преступников и даже местом массовых расстрелов.

В заливе Мортон, где впоследствии вырос город Брисбен, умирал каждый десятый заключенный. Комендант колонии капитан Патрик Логан в 1830 г. был убит аборигенами по наущению, как говорили, заключенных, страдавших от его жестокого обращения. Это событие прославлено в народной балладе.

Три долгих года со мной обращались по-скотски;
 День за днем я был закован в тяжелые кандалы.
 Спина моя изорвана плетью
 И часто становилась алой от крови.
 Как египтяне и древние иудеи,
 Мы страдали под игом Логана,
 Пока на помощь нам не пришло само Провидение,
 И тирану был нанесен смертельный удар.

Новый комендант острова Норфолк, назначенный в 1846 г., Джон Прайс, начал с повешения десятка мятежников и был обвинен собственным капелланом в «беспощадной жестокости», в том числе в приковывании заключенных к стене в позе орла с распростертыми крыльями и кандалами во рту. Несколько лет спустя, когда Прайс покинул остров Норфолк и стал главным инспектором тюрем в Мельбурне, на него напала группа людей и забила его до смерти.

Дурная слава острова Норфолк и других штрафных колоний, безусловно, достигла поставленной перед ними Британией цели устрашения. Прежние жалобы на то, что ссылка в Ботани оборачивалась не наказанием, а удовольствием, в 1830-х годах сменились убеждением, что Новый Южный Уэльс и Земля Ван-Димена — места заключения строгого режима и чрезвычайных мер. Однако эта репутация играла на руку другой группе критиков. Это были христиане-евангелисты, выступавшие за отмену ссылки. В подкрепление своих доводов о том, что такая система наказания преступников аморальна и противоестественна, они распространяли информацию о скандальных случаях в штрафных колониях. Наряду с выступлениями против рабства и угнетения коренных народов в других частях империи и против эксплуатации слабых и обездоленных в собственной стране движение против ссылки

порождало гуманное сознание, более чувствительное к боли и более бдительное в отношении нравственного контроля. Оно также пропагандировало уничижительное отношение англичан к австралийским колониям, публично оскорбляя колонистов, и, возможно, содействовало формированию устойчивого высокомерия: в середине XX в. о вздорном австралийце говорили, что он «гремит кандалами».

В самой Австралии с неохотой признавали позорные страницы истории, связанные с каторжниками. Варварские ужасы колоний в заливах Маккуори, Порт-Артур и острова Норфолк остались в народном воображении благодаря книгам Маркуса Кларка (использовавшего Прайса в качестве прототипа в романе «Его естественная жизнь», 1874), Уильяма Астли (который писал об аналогичных событиях 1890-х годов в «Рассказах о системе наказания» и «Рассказах об Острове смерти»), а позднее в эпосе Роберта Хьюза «Роковой берег». С этими мрачными и тягостными литературными образами полемизируют историки ревизионистского толка, которые указывают на то, что большинство заключенных никогда не отбывали дополнительных наказаний. Их акцентирование общественной пользы от труда заключенных и естественности того, что им пришлось пережить, в сопоставлении с глобальными перемещениями рабочей силы в XIX в., теперь опровергается историками культуры, очарованными особым обликом каторжан. Этих историков мало интересует воссоздание царившей тогда атмосферы или подсчет результатов. Они обращают наше внимание не на рубцы от плетей на спине каторжника и не на горечь в его душе, а на его покрытые татуировкой руки и бритую наголо голову. Их занимает формирование личности.

С этой точки зрения татуировки, которыми украшали себя многие осужденные, служили и формой идентификации, и выражением обратного смысла обычного назначения этого приема. Если тюремщики, осматривая заключенных, искали рубцы и шрамы в рамках официального надзора за находящимся под стражей субъектом, то татуировка закладывала под кожу текст, формулирующий выбор ее носителя. Бритье головы женщин-заключенных было введено в 1820-х годах в качестве наказания для неисправимых, лишавшего их женственности и сексуальности. Хотя эти методы вызывали бурные протесты и некоторые женщины носили парики, скрывая отсутствие волос, стриженная голова также являлась знаком индивидуальной, греховной и непокорной личности.

Женщины, составлявшие шестую часть всех ссыльных, наделены особыми чертами в этих переработках истории каторжан, поскольку они выступают в них как самостоятельные действующие лица. Раньше историки оценивали женщин-заключенных в соответствии с выполнением ими конкретных социальных функций, с точки зрения нравственности или экономики. Были ли эти женщины «проклятыми проститутками» или добродетельными матерями? Здоровым «человеческим капиталом» или впустую израсходованными ресурсами? При двойном подчинении женщин-заключенных — государству и мужчинам — такие вопросы вряд ли были способны разрешить противоречивость их положения. Ссыльные женщины несли в себе ценные качества — они были моложе, более образованны и более квалифицированы, чем сопоставимое с ними женское население Британских островов, — но имели второстепенное значение в овцеводстве, и обычно их использовали на работах в помещениях. Они играли важнейшую демографическую роль — были больше способны к деторождению, чем оставшиеся в стране, — но система назначения на работу мешала им вступить в брак.

Заключенная колонии на Земле Ван-Димена Мэри Сойер в 1831 г. подала прошение о вступлении в брак со свободным мужчиной. За ней числился ряд мелких нарушений — она была дерзкой, совершила побег, была замечена «подвыпившей», — и ей отказали в разрешении выйти замуж, до тех пор пока не пройдет «двенадцать месяцев, в течение которых ею не будет допущено никаких правонарушений». Два года спустя Сойер снова оказалась под арестом. Поскольку власти старались не отправлять женщин в штрафные колонии, широко использовались специальные «женские фабрики», построенные в Парраматте, Хобарте, а затем и в других центрах. Они служили местами повторного отбывания наказания, но одновременно и пристанищем для безработных и беременных, а также обеспечивали женщинам пространство для утверждения своей грубой культуры. В 1830-х годах фабрики и их праздные, неуправляемые обитательницы символизировали для некоторых наблюдателей неупорядоченность общества.

Система исполнения наказаний бросает длинную тень на общества, якобыдвигающиеся к нормальному гражданскому состоянию. В соответствии с рекомендацией Бигге о том, что австралийские колонии должны быть местом свободного поселения,

британское правительство ограничило полномочия губернатора созданием законодательного совета, санкционирующего принимаемые им действия, и независимого суда, обеспечивающего их соответствие английскому праву. Первый законодательный совет представлял собой довольно примитивное образование в составе всего лишь семи назначаемых членов, и непосредственные преемники Маккуори долго не могли осознать, что они больше не обладают абсолютной властью. В 1826 г. губернатор Ральф Дарлинг изменил приговор суда, вынесенный двум солдатам, которые совершили кражу, чтобы добиться демобилизации, и приказал, чтобы они работали в цепях. Смерть одного из них вызвала неодобрительные отзывы о действиях губернатора в прессе, которую он, в свою очередь, пытался приструнить с помощью закона, который был отклонен верховным судьей. Несколько лет спустя Дарлинг посадил в тюрьму одного из редакторов на основании нового законодательства, но министерство по делам колоний отменило его решение. Другие ограничения включали запрет для бывших заключенных выступать в качестве присяжных заседателей — такое проявление пренебрежительного отношения побудило поэта из бывших каторжников Майкла Робинсона предложить на обеде в честь празднования годовщины прибытия Первого флота 26 января 1825 г. тост: «За страну, ребята, в которой мы живем».

К тому времени стала очевидной линия раскола между теми, кто хотел сохранить политическую власть и положение в обществе для богатых свободных переселенцев, и теми, кто стремился к организации общества на более широкой социальной основе. Это деление было уже простым различием между эксклюзивистами и эмансипистами (теми, кто прибыл в страну по доброй воле, как первые, или был сослан, как вторые), поскольку совершеннолетия достигло поколение рожденных на земле Австралии. Это поколение стали называть «денежными парнями и девчонками»* в отличие от тех, кого стали звать «стерлингами» (рожденные в Британии) или «чистыми меринсами» (разбогатевшие на тор-

* *Денежные парни и девчонки* (англ. *currency lads and lasses*) получили такое прозвище потому, что за свой труд требовали оплаты местными деньгами, что было необычно для колонии, где солдаты и служащие империи получают жалованье из метрополии, а заключенные трудятся бесплатно. Выражение «денежные парни и девчонки» стало нарицательным для обозначения местных жителей страны (не аборигенов). Стала выходить газета «Денежный парень», был основан крикетный клуб «Денежные парни», спущен на воду корабль «Денежная девчонка».

говле шерстью поселенцы) и кто гордился своим происхождением или богатством. Наиболее известным среди «денежных» парней был Уильям Чарлз Уэнтуорт, сын заключенной и разбойника, который согласился быть хирургом колонии, а не бывшим заключенным и процветал при Маккуори как торговец, комиссар полиции и землевладелец. Его сын получил образование в Англии и вернулся в Австралию в 1824 г. с глубоким чувством обиды на избранных, получив категорический отказ на предложение руки и сердца дочери Джона Макартура. Дарлинг охарактеризовал его как «вульгарного, дурно воспитанного парня». В ответ тот обозвал его «солдафоном».

Через газету «Австралиец», которую он помог учредить, Уэнтуорт агитировал за расширение свободы, независимую прессу, расширение участия населения в составе судов присяжных, более представительную законодательную власть. Эти цели были постепенно достигнуты вопреки давнишним ограничениям в обществе, где было так много подозреваемых. Закон о беглых преступниках, принятый в 1830 г., предусматривал такие чрезвычайно широкие права на задержание, что однажды во время прогулки у Голубых гор был арестован даже главный судья. Частично избираемый законодательный орган, утвержденный в 1842 г., вынужден был дожидаться окончания доставки ссыльных по причинам, которые недвусмысленно разъяснил министр по делам колоний: «Когда я раздумываю о введении свободных институтов в Новом Южном Уэльсе, мне очень хочется избавить эту колонию от ее карательного характера».

Более того, народное движение, набравшее силу в 1830-х годах, отстаивало равные права для всех колонистов, независимо от происхождения или состояния. Оно стремилось уничтожить различия и искажения, порожденные развитием овцеводства в сочетании с транспортировкой преступников, и заменить социальную иерархию, в которой земля и труд находились под контролем богатых землевладельцев, более открытым и инклюзивным обществом, которое позволит всем получить свою долю богатства этой земли. Его участники именовали себя австралийцами или местными, имея в виду принадлежность к этим местам, — свободы они добивались для колонизаторов, а не для колонизируемых, — но их движение пополнялось и за счет вновь прибывших. С 1831 г. британское правительство использовало доходы от продажи земли на субсидирование притока нового класса «свободных» мигрантов, готовых «на-

Эмиграция как лекарство от бедности. В этом английском прославлении колоний мрачное недовольство бедноты во время «голодных сороковых» противопоставляется семейному достатку за океаном. Упоминание чартизма, социализма и правовых репрессий подчеркивает благостную гармоничность колониальной жизни («Панч», 1848)

чать с нуля». Они прибывали в Новый Южный Уэльс в возрастающих количествах — 8 тыс. человек в 1820-х, 30 тыс. в 1830-х годах, — и ограничения, с которыми они сталкивались там, вызывали у них сильное раздражение.

Новые земельные законы заменили выдачу наделов продажей земли через аукционы, что приносило значительные доходы для финансирования обширной программы содействия миграции. В результате изменился баланс в перемещении населения между колониями: если в 1831 г. 98% мигрантов с Британских островов пересекали Атлантику в направлении Соединенных Штатов или Канады, то в 1839 г. четверть из них выбрала Австралию. Еще 80 тыс. свободных переселенцев прибыли в Новый Южный Уэльс в период 1840-х годов. Продажа земли также уменьшила произвол колониальных властей, поскольку заменила систему жалуемых земельных наделов беспристрастными законами свободного рынка.

Однако скупка земель в больших количествах продолжалась, поскольку овцеводы выходили за пределы официальных границ колонии, занимая пастбища просто путем незаконного заселения, — первоначально уничижительный термин «скваттеры» применялся к бывшим заключенным, находившим средства к существованию на «пустующих участках», но в скором времени стал означать привилегированный класс — «скваттократию». Губернаторы пытались контролировать скваттеров, взимая с них лицензионные сборы, а в 1844 г. введя обязательство приобретения земли, но эту угрозу их привилегиям устранило британское правительство, когда в 1847 г. предоставило им аренду на 14 лет. К тому времени они уже узаконили свои нелегальные владения и получили земли в собственность. Потерпевший неудачу губернатор, предлагавший меры 1844 г., заметил: «С тем же успехом можно как пытаться ограничивать арабов в пустыне... так и удерживать в каких-либо границах скотоводов и овцеводов в Новом Южном Уэльсе».

Не оправдались и надежды с помощью миграции резко порвать с прошлым. В рамках системы субсидирования агенты в Британии получали деньги за каждого отправленного ими в Австралию мигранта. Одним из источников человеческого потенциала являлись работные дома, где содержалась жившая на пособие беднота. В этом процессе «выметания бедноты» сформировалась категория иммигрантов, которые по своему происхождению и положению мало чем отличались от каторжников, — не будет преувеличением считать их «квазиссылными», — однако решающее значение имела разница в правовом статусе. В любом случае эти мигранты-пауперы по численности уступали добровольным переселенцам. В конце 1830-х сопротивление настойчивым требованиям о прекращении ссылки уголовников стало невозможным. Парламентский комитет в Лондоне собрал свидетельства о неравенстве системы содержания осужденных преступников, и в 1840 г. правительство остановило отправку осужденных в Новый Южный Уэльс. Попытка ее возобновления в 1849 г. вызвала возмущение колонистов и закончилась окончательным ее прекращением.

Таким образом, местом назначения, куда отправляли преступников, осталась Земля Ван-Димена. В этой островной колонии (она была отделена от Нового Южного Уэльса в 1825 г.) ссыльные по численности превосходили свободных колонистов: три четверти населения в 1840 г. составляли осужденные, бывшие ка-

Джон Гловер был успешным английским художником, который поселился в Австралии в 1831 г. В его картине «Вид на дом и сад художника в Милл-Плейнз, Земля Ван-Димена» местный пейзаж «одомашнивается» европейской растительностью (Художественная галерея Южной Австралии)

торжники и их дети. Разрыв между «избранными» и каторжниками был глубже и опаснее по своим последствиям. Бдительный губернатор Артур сохранял намного более жесткий контроль, чем его коллеги на материке, вплоть до выпущенного в 1835 г. закона, предусматривавшего особые наказания для каторжников, досрочно освобожденных и даже отбывших срок заключения. Гораздо более серьезную проблему, чем в Новом Южном Уэльсе, представляли скрывающиеся здесь беглые каторжники, поскольку, восставая против жестокого режима, они пользовались информацией и помощью бывших каторжан, работавших скотниками и сторожами.

Помещики-овцеводы строили усадьбы необыкновенной пышности и внедряли удобства и институты английского помещичьего общества, как бы пытаясь отгородиться от грубой новизны жизни на далеком острове, где их окружали молчаливые горы и угрюмые леса. Лучший из всех колониальных художников Джон Гловер построил себе дом на северо-восточной равнине на участке в 3 тыс. га. Он изобразил его в 1835 г. с аккуратными рядами завезенных

цветов и кустов на переднем плане и мрачной местной растительностью на заднем. Его идиллические сцены сельской жизни воспроизводят знакомый мир английской деревни в условиях Тасмании. Тем не менее налет цивилизации был очень тонким, а в связи с быстрым ростом численности каторжников в 1840-х годах — к населению менее 60 тыс. человек прибавилось более 25 тыс. — усиливались требования устранить тяжелое криминальное бремя и начать все сначала. После отмены ссылки на Землю Ван-Димена в 1853 г. она стала называться Тасманией.

Одна из причин застоя в Тасмании в 1840-е годы состояла в том, что многие из ее предприимчивых жителей отправились через Бассов пролив в залив Порт-Филлип. Хотя британское правительство отказало в захвате земель, обсуждавшемся в 1835 г. Джоном Бэтманом и его коллегами с аборигенами, оно было не в силах воспрепятствовать овцеводам в этом переезде. В течение года там собралось 200 нелегальных землевладельцев, и район стал открытым для заселения. К прибывшим через пролив переселенцам, которые рассеялись по плодородным пастбищам, в скором времени присоединился поток жителей материка, следовавших по маршруту Томаса Митчелла из Нового Южного Уэльса. В 1841 г. в районе было 20 тыс. жителей и 1 млн овец, а в 1850 г. — уже 75 тыс. жителей. Земля в основном поселении Мельбурн в верхней части залива Порт-Филлип уже привлекала английские спекулятивные инвестиции. Планировка города в виде прямоугольной сетки, сделанная в 1837 г., знаменовала собой разрыв со старыми населенными пунктами Сиднеем и Хобартом. Там доминировали гарнизоны и казармы, импровизированная и нерегулярная застройка улиц, отражавшая границы административных, торговых и жилых кварталов; при этом богатые разместились на возвышенных местах, а люди попроще теснились у самой кромки воды. Мельбурн, напротив, представлял собой триумф утилитарной регулярности, прямые линии, прочерченные по его территории, позволяли инвесторам покупать землю, пользуясь планом города.

Две другие новые колонии в качестве базы для колонизации использовали торговлю. Первая из них — колония на реке Суон — с самого начала подвергалась опасности занятия ее французами: в 1826 г. губернатор Нового Южного Уэльса направил отряд к проливу Короля Георга на дальнем юго-западе Австралии с целью пре-

дотворачивания этой угрозы, а морского капитана Джеймса Стирлинга — для исследования главной реки дальше на запад по побережью. Принятое в 1829 г. решение об аннексии трети территории на западе Австралии и о создании колонии на реке Суон благоприятствовало продвигавшей его группе людей со связями, которые получили землю в обмен на вложение капитала и рабочей силы. Они основали портовый поселок Фримантл и городок Перт, однако их надежды на большие доходы от сельского хозяйства не оправдались. К 1832 г. из отчужденных 400 тыс. га было возделано лишь 40 га.

Крушение первоначальных ожиданий отчасти объяснялось бедностью почв и засушливым климатом, но главным образом нехваткой рабочих рук: к 2 тыс. человек, прибывшим в первые годы основания колонии, за последующее десятилетие почти никого не прибавилось. В 1842 г. одного из инициаторов проекта посетил англиканский священник. Его кузен Роберт Пил был министром в правительстве, санкционировавшем создание колонии, а теперь стал премьер-министром. Тем не менее Томас Пил, владевший более чем 100 тыс. га земли, жил в «жалкой лачуге» со своим сыном, свекровью и чернокожим слугой. «Все, что его окружает, выдает разорившегося джентльмена, — глиняные полы и красивые тарелки, гардины на дверях и фортепьяно, окна без стекол и дорогой фарфор».

Такую судьбу переселенцам предсказывал проницательный, хотя и непоследовательный в своей критике Эдвард Гиббон Уэйкфилд, когда предлагалось создание колонии Суон. В написанной в 1829 г. в ньюгейтской тюрьме (где он отбывал наказание за побег с молодой наследницей) работе, которую он представил как «Письмо из Сиднея», Уэйкфилд отмечал, что дешевая земля ведет к дороговизне рабочей силы, поскольку работник имеет возможность легко стать собственником. Его план «системной колонизации» предусматривал назначение более высокой цены на землю для финансирования миграции и гарантии того, что мигранты останутся работниками: как и Бигге, он стремился воссоздать британскую классовую структуру, за тем исключением, что он предполагал замену тюрем биржей труда. Земля, труд и капитал могли сочетаться в соответствующих пропорциях за счет обеспечения небольших и замкнутых поселений. «Концентрация принесет то, — писал он, — что без нее никогда не существовало и не может существовать, — Цивилизацию».

Как настоящий гипнотизер, Уэйкфилд обращался и к практикам, и к политэкономистам со своей идеей максимального использования своекорыстия и социального совершенствования в образцовых общинах, созданных частной инициативой с саморегулирующимся разделением труда, с большим количеством парков, церквей и школ, а также с высшей степенью свободы. Системная колонизация была реализована в шести отдельных поселениях в Новой Зеландии. Первая попытка была предпринята в Южной Австралии.

В провинции Южная Австралия, основанной в 1836 г., власть была распределена между государством и советом колониальных комиссаров, отвечавшим за обследование и продажу земли, отбор и транспортировку рабочей силы из числа мигрантов. Хотя основное поселение Аделаида и ее окрестности были тщательно спланированы главным топографом Уильямом Лайтом, в скором времени вся схема свелась к спекуляциям землей, и Южная Австралия в 1842 г. снова стала обычной королевской колонией. Тем не менее она выправилась благодаря плодородным почвам, прилегающим к изрезанному берегу, и богатым залежам меди. В 1850 г. белое население превысило 60 тыс. человек. Колония претворила в жизнь ожидания своего основателя другими путями: это была свободная колония, не запятнанная присутствием каторжников и с некоторой степенью самоуправления; она была семейственной, с более взвешенным соотношением числа мужчин и женщин, чем любая другая австралийская колония; в ней существовала свобода вероисповедания, а наличие нонконформистских конфессий придавало больше респектабельности ее общественной жизни.

Заселив центральную часть Австралии, Британия официально заняла весь континент. Рост населения колоний — 30 тыс. человек в 1820 г., 60 тыс. — в 1830 г., 160 тыс. — в 1840 г., 400 тыс. — в 1850 г. — свидетельствует об ускорении темпов заселения, так же как и распространение поселений после 1820 г. за пределы первоначальных узких анклавов на юго-востоке. Даже при этом сельскохозяйственные территории на юге и западе ограничивались зонами большого количества осадков, расположенными ближе к побережью, тогда как заселение в отдаленной колонии Квинсленд пошло полным ходом только после закрытия в 1842 г. штрафной колонии в заливе Мортон и открытия района для заселения; белое население в 1850 г. насчитывало всего 8 тыс. человек. Попытки основания новых колоний дальше к северу неиз-

менно оканчивались неудачей: севернее тропика Козерога белое население было немногочисленным. Через 60 лет энергичных попыток две трети белого населения все еще жили в пределах юго-восточной оконечности материка, на расстоянии не более 200 км от Тихого океана. В силу ли предвидения или достоверности прогнозов те же пропорции сохраняются и до сегодняшнего дня.

Уже 40% населения проживало в городах. Стремление к близкому соседству было заметной особенностью старых штрафных колоний и еще больше наблюдалось в новых добровольных поселениях. Скотоводы в Новом Южном Уэльсе могли кочевать, как арабы в пустыне, но менее успешные тянулись к удобствам оазиса. При всех попытках губернаторов после доклада Бигге направлять каторжников в глубь страны они возвращались обратно в более близкие им места, такие, как район Рокс во внутренней части Сиднея с его грубым весельем и программами социальной поддержки. Изолированная жизнь в буше давала определенную степень свободы и рождала товарищеское братство, но она же снижала возможности выбора и усиливала чувство незащищенности. Жизнь в Роксе была беспутной и жестокой, большинство детей рождалось вне брака, состав жителей постоянно менялся, но сама эта текучесть защищала их от надзора и контроля. В свободных колониях иная логика приводила к аналогичному результату. Там не стремление к анонимности, а желание общения смягчало эмоциональное напряжение раздельной жизни и облегчало одиночество. Аделаида, Мельбурн и Перт быстро создали структуру добровольных объединений — гражданских, религиозных и для проведения досуга — с целью вовлечения жителей в общественную жизнь.

В штрафных колониях такие институты были, скорее всего, навязаны сверху. На протяжении всего существования системы исполнения наказаний колонии нуждались в администрировании, поскольку им нельзя было доверить самоуправление, а те, кто подвергался такому контролю, были менее склонны подчиняться ему добровольно. При отсутствии представительных собраний люди за защитой от излишне усердной бюрократии обращались в суды, так что вместо политических дебатов велись споры о юридических правах. Кураторы настойчиво пытались цивилизовать эти колонии и создать учреждения, которые освободили бы их обитателей, но тем не менее каждый из применяемых ими цивилизу-

ющих приемов не срабатывал в силу принудительного характера поставленной цели.

Одним из таких приемов была пропаганда семьи. В 1841 г. жена армейского офицера Каролина Чизхолм организовала в Сиднее дом для женщин-мигранток с целью спасения одиноких женщин от смертного греха, опасности которого они постоянно подвергались. Она сопровождала их в сельские районы и устраивала на работу в домах подходящих хозяев в надежде, что дело кончится заключением брака. Ее задачей было положить конец «чудовищному неравенству» между полами и спасение колоний от «морально разлагающей холостяцкой жизни» ради продвижения «цивилизации и религии до тех пор, когда шпиль церквей будут указывать чужеземцу дорогу от селения к селению, а хижины пастухов станут домами для счастливых мужчин и добродетельных женщин». В этой схеме «семейной колонизации» женщинам предстояло служить мужчинам в качестве жены и матери их детей, чтобы вернуть их в лоно христианских добродетелей; или, по ее собственному выражению, на них возлагались обязанности «Господней полиции».

Распространению религии в Новом Южном Уэльсе, в свою очередь, содействовал Закон о церквях 1836 г., предусматривавший субсидирование строительства храмов и выплаты жалования священникам. В следующем году аналогичное законодательство было распространено на территорию Земли Ван-Димена. Это был важный шаг, поскольку он означал признание всех конфессий (в Великобритании католикам было позволено участвовать в общественной жизни лишь за десять лет до этого) и подтверждение свободы вероисповедания. Оно привело к ускоренному строительству церквей, а то, что методисты, конгрегационалисты и баптисты предпочитали термин «церковь» более традиционному «капелла», свидетельствовало об их претензиях на равенство.

В 1848 г. священнослужитель в Новом Южном Уэльсе повторил поговорку: «За горами не бывает воскресений», популярную, по его словам, у мужчин, спускавшихся с Голубых гор на западные равнины. Тем не менее после введения государственных субсидий отчисления на обеспечение проведения богослужений возросли в пять раз. Зачастую это была лишь деревянная будка на главной улице нового поселения или примитивный храм, построенный из горбыля на недавно расчищенном участке земли, с пня-

ми вместо надгробных памятников. Церковь объединяла людей вокруг общей цели и поощряла целый ряд направлений добровольной деятельности.

Оказание помощи государством рождало соперничество между конфессиями. Пока Англиканская церковь получала наибольшие субсидии: это право обеспечивалось ее поддержкой богатыми приверженцами, местные иерархи не хотели смириться с утратой своего привилегированного положения. Англикане продолжали считать себя государственной церковью, со всеми связанными с этим плюсами и минусами. Католики очень чувствительно относились к проявлениям неуважения, что усугублялось в связи с их положением и религиозного, и национального меньшинства, сверх меры представленного среди бедных. Английский бенедиктинец, присланный в качестве генерального викария в 1832 г., боролся с ирландским темпераментом своих подопечных, но его попытка привлечь английских священников оказалась неудачной. Без священников не могли совершаться таинства, а невозможность поддерживать веру усиливала чувство обиды. Выдающийся пресвитерианский священник Джон Данмор Ланг был непримиримым противником обеих епископальных конфессий, но особую враждебность он питал к католицизму. Те, кто разделял представление Ланга о набожной нации, также пытались внедрить гражданское пресвитерианство в сферу общественной жизни.

В этот период становления церкви также вырабатывали свои местные формы управления и порядок оказания поддержки. У англикан было наибольшее число приверженцев — немногим меньше половины; далее следовали католики — около четверти всего населения. Оставшуюся часть составляли пресвитерианцы, методисты и другие нонконформисты. Несмотря на значительные различия между колониями, эти пропорции будут сохраняться еще в течение не менее чем ста лет. Христианское вероисповедание строилось на упрощенной основе. Англикане, католики и пресвитерианцы в равной мере выражали недовольство по поводу несоблюдения воскресных дней отдохновения, богохульства и безнравственности и разделяли с более мелкими нонконформистскими евангелистскими конфессиями озабоченность в связи с разгулом греха. Наряду с баладами и плакатами, провозглашавшими пренебрежение условностями морали —

Земля каторжан и кенгуру,
 Опоссумов и редких эму,
 Рай для фермера и ад для заключенного,
 Земля Содома — верх совершенства! —

встречались и слова раскаяния отбывающих наказание преступников. Обычно построенные в повествовательной форме морального трактата, эти исповедальные произведения описывали отчаянную деградацию каторжной жизни, рассказывали о благословенных моментах, когда грешник осознает Божью милость, затем отмечались хорошие дела и целеустремленные усилия, обеспечивающие трезвость, усердие и счастье, после того как новообращенный расстался с пороками и вступил в лоно религии. Такие проповеди еще ярче подчеркивали языческую природу каторжан в своей массе.

Колонистов также притягивало искусство цивилизации. В прозе и стихах, искусстве и архитектуре они отмечали достижения прогресса, порядка и процветания. Пейзажная живопись противопоставляла примитивным дикарям трудолюбивых пастушков, возвышенную красоту природы с размежеванными полями и живописным сельским домом. Дидактические и эпические поэмы прославляли успешное преобразование дикой природы в коммерческую гармонию.

И вот, заметим, в полной жителей равнине
 Благословенный труд кипит отныне;
 Обласкан милосердным небом и мягким ветерком.
 Обильный урожай поднялся в солнечной долине.

Художественные приемы, неоклассические по характеру, обращены в прошлое, к античности, утверждая образ империи и показывая, как колонии посредством удачного подражания приобщились к универсальным законам человеческой истории, чтобы следовать своей судьбе. Отсюда такие строки в «Австралии» Уэнтуорта, представленной на присуждение поэтической премии, когда он был студентом Кембриджа в 1823 г.

Пусть растет последний тобою рожденный ребенок,
 Родителя радуя сердце и глаз;
 Вот Австралия плывет, развернут флаг,
 Вот новая Британия — в других мирах.

Неоклассицизм стремился к утверждению и возобновлению готовой модели общественного порядка — органичного и иерархического. Посредством сдержанности и регулярности он старался облагородить суровые условия принудительной ссылки и жестокого завоевания, возвысить колониальную жизнь и обучить колонистов искусству и науке цивилизации. По мере того как на смену насильственному этапу уголовного наказания приходило освобождение и свободное поселение, неоклассическая модель уступала место прагматическому проекту нравственного просвещения. Акцент при этом делался на схемы светского, а также духовного совершенствования, умеренности, рационального отдыха, развития ума и тела. Это нашло выражение в пасторальной романтике целинной земли, где веселый скваттер достиг свободы и чувства удовлетворения образом жизни, который утратил характер имитации и приобрел своеобразие и новизну.

Сами географические названия, которые давали колонисты, отражают аналогичный процесс возникновения нового из старого. Основные населенные пункты назывались именами членов британского правительства (Сидней, Хобарт, Мельбурн, Брисбен, Батерст, Гоулберн), или по месту рождения (Перт), или месту рождения короля (Лонсестон), или именем его супруги (Аделаида). Гавани, заливы, бухты и порты чаще именовались в честь местных деятелей (Порт-Маккуори, Порт-Филлип, Фримантл). Знакомые имена присваивались некоторым местностям (Домейн, Глиб). Некоторые были просто описательными: Рокс (Горы), Каупасчурз (Коровьи Пастбища), Каскады, Суон (река Лебединая), другие — напоминающими о событиях прошлого — Энкауинтер (залив Неожиданная Встреча) или ассоциативными (Ньюкасл). В первые годы заселения Австралии аборигенных названий было мало (Парраматта, Вуллонгонг), но в 1830-х годах их стало больше (Майолл-Крик). К тому времени привычка к подобострастию пошла на убыль. Теперь колонисты уже не столько искали благосклонности высокопоставленных деятелей в Лондоне, сколько славили места, откуда они были родом. Так появились районы с английскими, шотландскими, ирландскими, уэльскими, а с 1840-х годов и с немецкими географическими названиями.

Этническая принадлежность находила отражение в работе и в религии. Создание и сохранение землячеств, поиск соотечественников и воспроизведение обычаев являлись естественной реакцией на безымянность при переселении на новые места. Од-

нако ни одно из национальных объединений не сформировало постоянного анклава. Все они были рыхлыми, допускали перемещение, взаимодействие и смешанные браки. Например, демонстрация принадлежности к Корнуоллу скорее служила рекламой особых качеств и свойств, наиболее подходящих для работы в медных рудниках Южной Австралии, чем рождалась патриотическим порывом. «Эрзац-шотландство», сочетавшее бёрнсовские ужины и игры горцев, давало почувствовать тем, кто в них участвовал, дополнительную самоидентичность.

В 1822 – 1850-х годах в австралийских колониях ослабло давление государства, уступая дорогу рыночным отношениям и связанным с ними формам добровольного поведения. Этот переход сопровождался жестокой экспроприацией, а то, что пришлось пережить заключенным, оставило особо горькую память. Тем не менее в итоге сформировалось поселенческое общество, которое характеризовалось высоким уровнем грамотности, свободным распространением потребительских товаров, производственной инновационностью и впечатляющей способностью искоренять старое и начинать все сначала. Бывшее место ссылки превратилось в место свободного выбора.

Глава 5. Невольники прогресса (1851–1888)

В конце 1850 г. Эдвард Харгрейвз вернулся в Сидней, проведя год за океаном. Он был одним из тех, кого называли «сорокадевятниками», — людей, хлынувших в 1849 г. в Калифорнию в поисках золота. Хотя Харгрейвз и потерпел там неудачу, вернувшись домой, он был поражен сходством между золотоносной территорией в Калифорнии и склонами гор на родине. Летом 1855 г. Харгрейвз отправился через Голубые горы в Батерст; промывая песок и гальку со дна одной из речек, он обнаружил на промывочном лотке песчинки золота. «Это памятный день в истории Нового Южного Уэльса, — сказал он своему спутнику. — Я стану баронетом, тебе пожалуют дворянство, а из моего старого коня сделают чучело, поставят его в стеклянную витрину и отправят в Британский музей». Харгрейвз назвал место своего открытия «Офир» и отправился обратно в Сидней требовать вознаграждения от губернатора.

Харгрейвз не был последним из австралийцев, занимавшихся саморекламой или искавших признания и вознаграждения. Он даже не был первым колонистом, нашедшим золото: пастухи подбирали самородки в выходявших на поверхность горных породах, один геолог из церковнослужителей собрал немало таких образцов. В 1844 г. ученый показал один из них губернатору Гиппсу и потом утверждал, что получил от того совет: «Спрячьте его, ми-

стер Кларк, иначе нам всем тут горло перережут». Это была еще одна байка, связанная с драгоценным металлом. Колониальные власти были, безусловно, обеспокоены тем, что подземные богатства могут разжечь страсти криминального общества и отвлечь людей от честного труда. Однако, столкнувшись с фактом местной золотой лихорадки — через четыре месяца после того, как Харгрейвз раструбил о своей удаче, тысяча старателей уже расположилась лагерем на «Офире», — власти смирились и придумали соответствующие ответные меры: назначили уполномоченных для регулирования работы приисков и взимания лицензионных сборов, дающих право держателю лицензии на обработку небольшого отведенного участка. Та же прагматичная политика проводилась и в районе залива Порт-Филлип (который в июле 1851 г. был отделен от Нового Южного Уэльса и переименован в колонию Виктория), когда через три месяца его тоже охватила золотая лихорадка.

Залежи золота в Юго-Восточной Австралии были сформированы реками и ручьями, стекавшими с Большого Водораздельного хребта и оставлявшими крупные скопления тяжелых отложений в промоинах, замедляя течение при увеличении пологости уклона. Большая часть этого золота залежала близко к поверхности, и его можно было добывать кайлом и лопатой и промывать, используя лоток и сито. Наряду с системой лицензирования наносный характер месторождений золота позволял большому числу людей получать часть этого богатства. В конце 1851 г. на приисках Виктории находилось 20 тыс. человек, а своего пика — 150 тыс. — их население достигло в 1858 г. Старатели работали мелкими группами, поскольку площадь поверхности отведенного участка зачастую не превышала размеров боксерского ринга, и перемещались, как только была отработана его подземная часть.

В 1850-х годах на Викторину приходилось более трети мировой добычи золота. Вместе с Калифорнией здесь добывали такое количество золота, что США и Великобритания получили возможность ввести золотой стандарт для своих валют и тем самым гарантировать себе финансовое господство. Золотая лихорадка изменила облик австралийских колоний. Всего за два года количество вновь прибывших превысило число каторжников, высадившихся здесь за предыдущие 70 лет. Численность неаборигенного населения утроилась — с 430 тыс. человек в 1851 г. до 1150 тыс. в 1861 г.; в Виктории оно увеличилось в семь раз — с 77 тыс. до

Писатель и фотограф Антуан Фошери в начале 1850-х два года проработал на золотых приисках Виктории. Запечатленная им тщательно выстроенная композиция передает возбуждение времен начала золотой лихорадки (Коллекция картин Ла Троб)

540 тыс. человек, что давало ей численное преимущество перед Новым Южным Уэльсом, которое она сохраняла до конца века. Каждый год отправлявшиеся в Лондон золотые слитки на миллионы фунтов стерлингов обеспечивали приток импорта (в начале 1850-х годов Австралия закупила 15% общего объема британского экспорта) и усиливали потребительские тенденции. Кроме того, вырвавшиеся в районах приисков города становились готовыми рынками для местной продукции и производства. В 1850-х были построены первые железные дороги, начали работать первые телеграфы, между Европой и Австралией стали курсировать первые пароходы.

«Это был катаклизм, который все поставил с ног на голову, — писала Кэтрин Спенс, полная энтузиазма молодая переселенка, прибывшая из Шотландии в Аделаиду и посетившая Мельбурн в разгар лихорадки. — Религия забыта, образование не в чести, библиотеки опустели... все одержимы одной целью — делать деньги, и побыстрее». Многие разделяли ее беспокойство. Золото стало магнитом, притягивавшим авантюристов со всего света; среди них преобладали холостые мужчины, наполнявшие поиски золота муж-

ской силой и энергией. Большинство были британцами, однако значительную часть составляли «иностранцы» — американцы с их страстью к состязаниям и огнестрельному оружию; ссыльные французы, итальянцы, немцы, поляки и венгры, бежавшие из страны после республиканского восстания 1848 г., покачнувшего европейские короны. Китайцы, которых насчитывалось 40 тыс., составляли самую крупную иностранную диаспору и испытывали на себе отвратительные вспышки расовой ненависти.

У входа в залив Порт-Филип, где высаживалось на берег большинство золотоискателей, груды брошенного имущества и лес мачт свидетельствовали о непомерных ценах на транспорт и жилье. Моряки бежали с судов, пастухи бросали стада, работники покидали хозяев, мужья — жен, отправляясь на поиски богатства с кайлом и лопатой. Неудивительно, что критики видели в золотой лихорадке всё нивелирующий бурный поток, осуждая манию, которая превращала колонистов в бродяг, а общины — в сброд.

Эти опасения достигли высшей точки, когда были выработаны поверхностные залежи золота в Балларате, и золотоискатели, которым теперь приходилось месяцами сражаться с мокрой глиной, чтобы добраться до глубинных отложений, возмущались гонениями и коррупцией, связанными со взиманием ежемесячных лицензионных сборов. Агитаторы, среди них прусский республиканец Фредерик Верн, пламенный гарибальдиец итальянец Раффаэло Карбони, дерзкий и грубый шотландский чартист Кеннеди, убеждали их:

Моральные принципы — ерунда,

Оплеуха — вот самый убедительный довод.

Золотоискатели объединились в Лигу реформ во главе с ирландским инженером Питером Лейлором. В конце 1854 г. тысяча мужчин собрались у прииска «Эврика» на окраине Балларата и, развернув свой флаг — белый крест и звезды на синем фоне, — произнесли клятву: «Клянемся Южным Крестом честно стоять друг за друга и сражаться в защиту наших прав и свобод». Войска из Мельбурна прорвались через импровизированное ограждение на склонах прииска, двадцать два из его защитников были убиты. Но повстанцы «Эврики» были отомщены. Присяжные в Мельбурне отказались признать их лидеров, отданных под суд, виновными в государственной измене; королевская комиссия осудила адми-

нистрацию приисков; жалобы рабочих были удовлетворены, а в скором времени даже выполнены их требования относительно политического представительства, так что через год участник восстания Лейлор стал членом парламента, а впоследствии членом кабинета министров.

Мятеж на «Эврике» стал значимым событием в национальной мифологии, а флаг Южного Креста — символом свободы и независимости. Радикальные националисты приветствовали мятеж как демократическое восстание против имперской власти и первое великое событие в процессе становления рабочего движения. Молодежная лига коммунистической партии «Эврика» вновь обратилась к этой истории в 1940-х годах, а в 1970-х протестующие члены Федерации рабочих-строителей приняли флаг «Эврики», но так же поступил и правый Национальный фронт. При этом сторонники ревизии исторического прошлого утверждали, что мятеж следует рассматривать как протест малого бизнеса против налоговой системы. Позднее в Балларате в музее на открытом воздухе «Кровопролитие у Южного Креста» было воссоздано в цветозвуковом представлении для туристов. «Мятеж», возможно, слишком сильное определение для локального акта неповиновения. Как и представители власти, отреагировавшие на выступление несоизмеримо жестокими ответными мерами, так и его последователи считали его более поздним аналогом Декларации независимости американских колонистов, принятой на 80 лет раньше, без чего переход к государственности был неполным. Даже для историка консервативного толка, писавшего в первые годы существования Австралийского Союза, это было «наше собственное маленькое восстание». Однако задолго до этого Южный Крест был вновь поднят как символ протеста, как легенда «Эврики», задействованная в радикальных действиях.

За золотой лихорадкой в Виктории последовали дальнейшие открытия и лихорадки. В начале 1860-х годов 40 тыс. человек направились к Южному острову Новой Зеландии и намного больше — в Новый Южный Уэльс, когда там были открыты новые месторождения. Затем последовали открытия крупных залежей далее к северу, в Квинсленде, включая Чартерз-Тауэрс в 1871 г., Палмер-Ривер в 1873 г., Маунт-Морган в 1883 г., и за Коралловым морем, на островах Тихого океана. Потом было перемещение в засушливый район Пилбара в Северо-Западной Австралии и к югу от долины Налларбор; крупные открытия месторождений в Кулгарди в 1892 г. и Калгурли в 1893 г. завершили движение против часовой стрелки по зо-

лотому кольцу континента. Между тем в 1883 г. внутри этого кольца богатые залежи серебра и свинца открыл Чарлз Расп, хилый немец, охранник овцеводческой фермы на крайнем западе Нового Южного Уэллса, где возник горнорудный город Брокен-Хилл. Расп умер богатым человеком.

Поиски полезных ископаемых оставляли след в виде голой земли, лишенной деревьев, которые пошли на ограждения выработок и топливо для насосов и батарей, в виде загрязненных водоемов, гор перекопанной земли и химических отходов. Но строились также и церкви, школы, библиотеки, галереи, жилые дома и сады. Множество индивидуальных, энергичных порывов алчности, приводивших в смятение Спенс в самом начале золотой лихорадки, в скором времени устарились в общих усилиях и гражданском совершенствовании.

Эти повторявшиеся усилия приводили к накоплению знаний и опыта. Со временем месторождения стали давать все меньше возможностей для ведения добычи близко от поверхности. Самые богатые залежи располагались на большой глубине в жилах, для разработки которых требовалась дорогостоящая техника и более сложные металлургические технологии. Так что на смену одинокому старателю пришел горный инженер, независимому рудокопу — акционерная компания и наемный труд.

В горнорудных поселках всегда витает ощущение недолговечности, связанное с их зависимостью от невозобновляемых ресурсов, и ностальгия по прошлой героической эпохе, которую запечатлел в 1889 г. «дитя приисков» Генри Лоусон. Еще будучи молодым поэтом, но уже плененный «золотым веком» он писал:

Ночь проходит слишком быстро,
И мы стареем.
Давайте наполним бокалы
И выпьем за дни Золотые;
Когда находки дивных сокровищ
Взбудоражили весь Юг,
Мы были с тобой верными товарищами
Во все эти Бурные дни.

Товарищество бурных дней поддерживалось настроениями и действиями. Золотые прииски служили центрами приема мигрантов XIX в., плавильным котлом национализма и ксенофобии, колы-

белью художников, певцов и писателей, а также горных инженеров и менеджеров. Сложившийся в стране великий национальный союз тружеников, возделывающих целинные земли, зародился на золотых приисках Виктории. Его основателем был Уильям Гатри Спенс — такой же убежденный реформатор, как его соотечественница и однофамилица, сетовавшая на золотую лихорадку.

Золотая лихорадка совпала с приходом самоуправления. В 1842 г. Британия разрешила Новому Южному Уэльсу иметь частично избираемый законодательный совет — подобная уступка была сделана для Южной Австралии, Тасмании и Виктории в 1851 г. В 1852-м, когда суда с пассажирами и товарами ежедневно отправлялись в Австралию из британских портов, министр по делам колоний объявил о «безотлагательной, как никогда прежде, необходимости передать полные права самоуправления в руки народа, настолько преуспевшего в богатстве и процветании». Империя свободной торговли требовала свободных институтов. Поэтому министр предложил колониальным законодательным органам разработать проекты конституций для представительного правления, и в следующем году его преемник позволил предусмотреть в них парламентский контроль над администрацией в рамках системы ответственного правления.

Колонии приняли соответствующие меры, и в 1855 г. британский парламент принял конституции Нового Южного Уэльса, Тасмании и Виктории. Южная Австралия получила свою конституцию в 1856 г., а в 1859-м Квинсленд был отделен от Нового Южного Уэльса и наделен теми же правами. С тех пор колонии осуществляли самоуправление в соответствии с британской Конституцией: губернаторы стали местными конституционными монархами, официальными главами государств, действовавшими на основе рекомендаций министров, которые, в свою очередь, были членами представительных парламентов, подотчетными им. Однако имперское правительство сохранило в своих руках значительные полномочия. Оно продолжало осуществлять контроль над внешними связями. Правительство назначало губернатора и давало ему директивы. Любой колониальный закон мог быть отклонен в Лондоне, а губернаторы должны были передавать на рассмотрение министерства по делам колоний любые меры, затрагивавшие интересы империи, например в области торговли или судоходства, или угрожавшие имперскому единообразию, в частности в вопросах брака и развода.

Эти ограничения не так волновали колонистов, как состав местных парламентов. Следуя британской модели палат общин и лордов, они должны были состоять из двух палат — ассамблеи и совета. Ассамблея должна стать народной палатой, избираемой на основе широких избирательных прав мужчин. В Южной Австралии с самого начала было принято положение о том, что все мужчины имеют право голоса на выборах в ассамблею; другие колонии последовали ее примеру в течение следующих нескольких лет. Совет должен был стать палатой контроля и оплотом борьбы против чрезмерной демократии. Но каким образом? Те, кто опасался неограниченной власти большинства, предпочитали создание колониальной аристократии — прием, обсуждавшийся до этого в Канаде и теперь предложенный для Нового Южного Уэльса престарелым Уильямом Уэнтуортом при поддержке одного из сыновей Джона Макартура, но высмеиваемый пламенным молодым радикалом Дэниелем Дениби. Поскольку Австралия не могла стремиться к «жалкой и изнеженной надменности обветшалых вельмож континентальной Европы», Дениби, этот «мальчик-оратор», предполагал, что «при удивительной противоречивости, существовавшей в Антиподах*» логичнее было отдать предпочтение «баньипской аристократии», а «баньип» — это мифическое чудовище, обитавшее в болотах и лагунах Австралии. Что касается самого сына Джона Макартура, то Дениби замечал, что он, безусловно, должен стать графом, а на гербе у него будет изображен бочонок рома на зеленом поле.

Не без влияния насмехательства Дениби предложение было отклонено. Новый Южный Уэльс и Квинсленд предпочли верхнюю палату, члены которой назначались губернатором на пожизненный срок. Поскольку губернатор действовал на основе консультаций со своими министрами, этот вариант оказался менее прочным консервативным тормозом, чем вариант, выбранный в Южной Австралии, Тасмании и Виктории, где верхняя палата избиралась на основе права голоса, определяемого высоким имущественным цензом, при этом, чтобы баллотироваться в ее члены, данный ценз был еще выше. Поскольку совет был вынужден соглашаться с любыми изменениями в своем непредставительном составе, он оказался неприступной крепостью для воли народа. Более того, поскольку конституции предоставляли советам почти

* То есть в Австралии и Новой Зеландии.

равные права с ассамблеей в плане законотворчества (в отличие от Вестминстера, где соотношение между обеими палатами парламента не было кодифицировано и на практике склонялось в пользу представительной ветви законодательной власти), состоятельные люди имели возможность наложить вето на любую популярную меру, если она угрожала их интересам.

Нередко возникавшие тупики в законодательном процессе приводили к периодическим, но серьезным конституционным кризисам, особенно в Виктории, где прогрессивные либералы организовали широкую поддержку реформ в 1860-х годах и затем в конце 1870-х. Настойчивое требование министерства по делам колоний, согласно которому губернатор сохранял строгий нейтралитет в первом из этих столкновений, искажало смысл самоуправления до предела. Джордж Хигинботам — негибачаемый поборник колониального либерализма — утверждал, что полтора миллиона англичан, населяющих эти колонии, которые последние 15 лет считали, что пользуются самоуправлением, на самом деле все это время находились под управлением одного человека по имени Роджерс, неизменно стоявшего во главе министерства по делам колоний. Поскольку маленькие люди опасались последствий непреклонности Хигинботама, его попытки положить «скорый и окончательный конец незаконному вмешательству имперского правительства во внутренние дела этой колонии» успеха не имели.

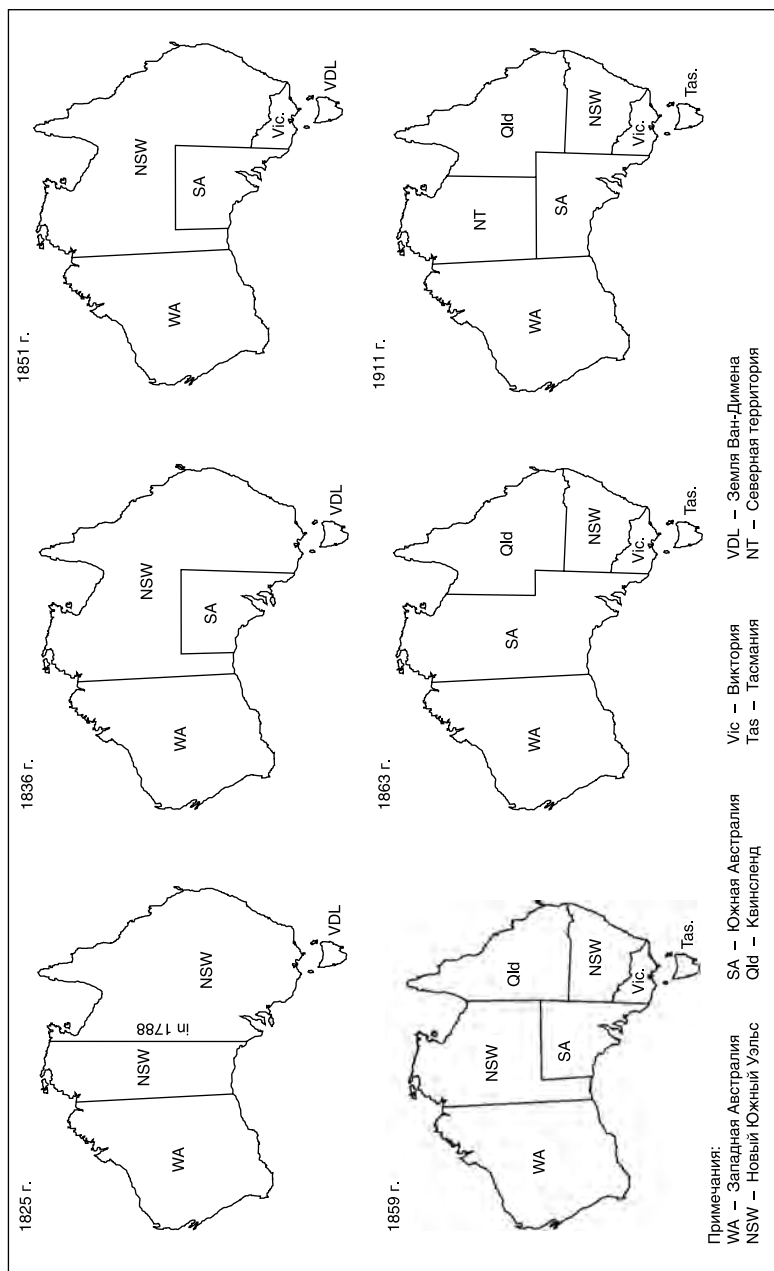
Эти неудачи были незаметны на первом, наполненном эйфорией этапе самоуправления благодаря быстрому развитию демократии. В 1840-х годах в Британии сформировалось народное движение — чартизм, объединенное демократическими принципами, воплощенными в «Народной хартии». Чартизм приводил правителей страны в ужас, и многие чартисты были отправлены в Австралию. Тем не менее в 1850-х годах четыре из шести требований чартистов были выполнены в трех наиболее густонаселенных юго-восточных колониях. Ассамблеи выбирались всеми мужчинами тайным голосованием в примерно равнозначных избирательных округах и без учета какого-либо имущественного ценза для кандидатов. Хотя пятая цель чартистов — ежегодное проведение выборов — не получила широкой поддержки, в большинстве колоний выборы проводились каждые три года; а к 1870 г. в Виктории была реализована их шестая цель — выплата вознаграждения членам парламента.

Народ управлял страной и все же оставался не удовлетворенным результатами, поскольку, празднуя триумф, он сотворил новую беду — народного политика. Ожидалось, что как представитель народа он будет служить ему, и конституции предписывали, чтобы местные представители добивались от правительства удовлетворения нужд населения. Народ требовал строительства дорог, железных дорог и рабочих мест для молодежи. Член парламента, в свою очередь, добивался выполнения этих требований от министерства и, если они не удовлетворялись, пытался найти более приемлемое альтернативное решение. При таком давлении демократическая политика увязала в протекционизме и коррупции. Выборы превращались в торги, где кандидаты старались переиграть друг друга, давая непомерные обещания избирателям. Образовывались и распускались министерства в зависимости от изменений в расстановке сил между фракциями. Парламентские заседания прославились жесточенностью и беспринципностью. Общественная жизнь постоянно взрывалась разоблачениями случаев коррупции, усугубленных цинизмом.

Колониальная политика, таким образом, напоминала чревоущание, посредством которого политики говорили от имени народа. Те, кто на этом поприще сделал карьеру, были людьми искусными, артистичными, а главное, гибкими — но никто не преуспел в этом так, как Генри Паркес, в 1872—1891 гг. пять сроков занимавший пост премьера Нового Южного Уэльса, Паркес прибыл в Австралию молодым английским радикалом, а закончил политическую карьеру как крайний оппортунист — сэра Энери*. Если в принципе система правления была демократической, а парламентарии — слугами народа, то деятельность представительных институтов создавала пропасть между государством и его подданными. Политики брали на себя вину за этот неприятный парадокс, а австралийцы быстро нашли способ выражать свое возмущение неизбежностью существования политической деятельности. Они возводили грандиозные парламентские здания, выражая свои гражданские чаяния, и презирали льстецов и лицемеров, которых в них размещали.

Колониальное государство быстро росло. В 1850-х годах оно унаследовало ограниченный аппарат управления, куда входили

* Иронизируя над эволюцией взглядов выходца из низов Генри Паркеса, считающегося «отцом Австралийской Федерации», ставшего рыцарем английского ордена Св. Михаила и Св. Георгия и в силу этого получившего право именоваться сэром Генри, автор передает его имя так, как оно звучит на лондонском сленге, — сэра Энери.

Границы штатов и территорий Австралии

должностные лица, суды, магистраты и местная полиция и который, как оказалось, не отвечал новым требованиям, рожденным золотой лихорадкой, и должен был практически немедленно приступить к выполнению новых важных функций. Помимо поддержания правопорядка колониальные власти начали вкладывать крупные средства в железные дороги, телеграфную и почтовую связь, школы, городские службы и другие коммунальные услуги. Они продолжали много тратить на поддержку иммиграции. Они обеспечивали занятость каждому десятому работнику, их доля в национальных расходах выросла с 10% в 1850 г. до 17% в 1890-м. Предоставление коммунальных услуг за государственный счет, в отличие от модели Соединенных Штатов, где этим занимался частный бизнес, является национальным примером различия между зависимостью от государства и предпринимательской инициативой. Обстоятельства, в которых оказались австралийские колонии, не допускали другой альтернативы. Они стремились благоустроить суровую и малозаселенную территорию, создавая необходимую инфраструктуру для производства основных экспортных товаров. Только колониальные правительства могли добывать капитал путем государственных заимствований на лондонском денежном рынке, и только они могли управлять такими крупными предприятиями. Более того, они должны были содействовать развитию во всех его общепризнанных формах: экономической, социальной, культурной и нравственной, поскольку это была эпоха веры в прогресс одновременно как в судьбу и долг.

Усиление роли колониального государства имело дальнейшие последствия. Когда колонии сами стали заниматься собственными делами, между ними возникла конкуренция за иммиграцию и инвестиции. Отделение Квинсленда от Нового Южного Уэльса в 1859 г., за которым последовало уточнение границ в 1861 г. и передача Южной Австралии административных функций в отношении Северной территории в 1863 г., завершило раздел континента. За исключением выделения в 1911 г. Австралийской столичной территории, это деление сохраняется по сей день. Передача властных полномочий способствовала серьезным различиям в государственной политике (символом которых стала разная ширина колеи железных дорог) и подчеркивала региональные различия в экономике и демографии при очевидной общности конституционного, правового и административного наследия.

Тем не менее самоуправление также создавало высокоцентрализованное государственное устройство. Прежде колонии следовали английской практике назначения местных магистратов для ведения судопроизводства, надзора за полицией, выдачи лицензий владельцам пабов, контроля за общественными работами и в целом выполнения функции глаз и ушей администрации. Местные школьные комитеты отвечали за образование. Теперь эти функции передавались централизованным органам и финансировались непосредственно за счет доходов колоний, а не местных налогов. Местная инициатива ослабевала. Хотя городские и сельские органы власти создавались на выборной основе, они были статутными креатурами колониальной законодательной власти, так что местное самоуправление оставалось недоразвитой структурой с остаточными функциями. Полицейский участок, суд, почта и школа — все это были органы бюрократической иерархии, контролируемые из столицы посредством регламентирования и инспекций, почты и телеграфа, в профессиональной структуре, обеспечивавшей единообразие.

Проблемой, преобладавшей в первых колониальных парламентах и энергичной колониальной политике, была кампания за разблокирование земель. Бывшие чартисты, стекавшиеся на золотые прииски, принесли с собой жажду свободы и независимости сельскохозяйственных мелких собственников, так же как ирландские арендаторы, американцы, одержимые идеями джефферсоновской демократии, и другие европейцы с их памятью о сельских общинах, уничтоженных землевладельцами-коммерсантами. Переселенцы обнаруживали, что плодородная юго-восточная оконечность Австралии была занята несколькими тысячами овцеводов, которые тем временем закрепляли свои привилегии в непредставительных верхних палатах колониальных парламентов. Кампания за получение доступа к земле была поэтому одновременно и кампанией за демократизацию конституций.

В 1857 г. в Мельбурне собрался Земельный съезд под знаменем, на котором на Южном Кресте был начертан лозунг *vox populi**, как протест против законопроекта, который предусматривал возобновление земельной собственности для скваттеров. В 1858 г., когда Совет отклонил избирательную реформу, съезд собрал

* *Vox populi* — глас народа (лат.).

20 тыс. человек на марш к зданию парламента, к которому они прибили вывеску: «Сдается верхняя часть». В Новом Южном Уэльсе на основании отклонения Советом предложения о земельной реформе либерально настроенный премьер устранил из состава назначаемой палаты самых твердолобых консерваторов.

Если земельная кампания служила, таким образом, источником разногласий и средством противостояния неравенству, порождаемому богатством и властью, то побуждением к ней была мечта о гармонии аграрных отношений.

Опрокиньте господство скваттерства,
 Дайте дом каждому бедняку,
 Ободрите наш великий народ,
 И мы не будем больше скитаться, как бродяги.
 Из сострадания дайте свободу труду,
 Помогите честному и смелому предпринимателю,
 Тогда никто не станет завидовать соседу,
 Мы будем довольны и счастливы.

Авторы земельной реформы представляли себе общество как собрание самостоятельных производителей, которое направит энергию народа на удовлетворение потребностей в продовольствии. Вместо обширных пастбищ должны были появиться засеянные поля и сады, вместо убогих пастушьих лачуг — пригожие усадьбы, вместо неприкаянности холостяков — радости семейной жизни, вместо нищенских условий лесных хижин — удобства цивилизации. Фермерский идеал, владевший умами с тех пор и в течение значительной части следующего века, был по своей сути отражением мужской психологии. Он рисовал картину жизни, которую одна из либеральных газет в 1856 г. описывала как «приятную, патриархальную семейную жизнь», где патриарх «работает в саду, кормит домашнюю птицу, доит корову, учит своих детей». То, что большинство этих обязанностей будет, скорее всего, выполнять его жена, во внимание не принималось. Получив право на управление государством, мужчины присвоили себе такие же права по управлению своими семьями.

Законы о свободном выборе земельных участков были приняты во всех колониях, начиная с Виктории в 1860 г. и Нового Южного Уэльса в 1861 г. Они были направлены на создание класса фермеров — тех, кто имел право свободно выбирать земельные

участки, — которые покупали по низкой цене до 250 га незанятой государственной земли или участки пастбищ, принадлежавших скотоводам-арендодателям. Результат оказался прямо противоположным планам авторов земельной реформы. Скотоводы сохранили лучшие участки своих пастбищ либо покупая их, либо используя подставных лиц для свободного выбора таких земель от их имени. К тому времени, когда изъяны в первых законах — некоторые из них появлялись в результате взяточничества, другие по небрежности — были устранены, скваттеры уже получили землю в постоянную собственность. Между тем настоящие независимые фермеры с трудом добывали средства к существованию, возделывая участки, которые зачастую были просто непригодны для земледелия. Отсутствие опыта, нехватка капитала и инвентаря, а также неподходящие транспортные средства привели многих из них к краху. Те, кто выжил, воплощали фермерскую идею самостоятельности, превратив в бесплатную рабочую силу женщин и детей, которые трудились по многу часов в примитивных условиях и довольствовались скромной пищей. Нужда в дополнительных доходах заставляла мужчин покидать дома и отправляться на заработки, тормозила развитие их собственных хозяйств. Отец певца буша, поэта Генри Лоусона, занял участок, а работала на нем его мать. Поэт писал об этой земле:

Земля, на которой исхудавшие, изможденные женщины
живут одни и трудятся как мужики,
Дожидаюсь, когда их мужья, ушедшие перегонять скот,
вернутся к ним снова.

В 1860-х годах в буше вновь появились разбойники — бушрейнджеры — из числа отчаявшейся сельской бедноты. Молодые люди, присоединившиеся к самому легендарному из бушрейнджеров — Неду Келли, — были сыновьями еле сводивших концы с концами или совсем разорившихся фермеров.

В труднопроходимом районе Северо-Восточной Виктории банда Келли прославилась угоном лошадей и лихими налетами, которые они совершали с той же легкостью и бесшабашностью, с какой сегодняшние подростки угоняют автомобили. Все изменилось после того как в 1878 г. банда устроила засаду на полицейский патруль и были убиты трое полицейских. Последующие подвиги банды и их обстоятельства обросли легендами: серия дерзких ограблений бан-

ков; пространное открытое письмо в собственное оправдание, дополнившее семейные воспоминания отца Неда — ирландца-каторжника, — полные сетований на судьбу угнетенных низших слоев сельского общества; случай с использованием самодельных доспехов, выкованных из плужных лемехов, в последней перестрелке, когда банда пыталась пустить под откос поезд, перевозивший полицейских из Мельбурна, и, наконец, вызывающее неповиновение Неда во время суда и на пути к виселице. Вслед за благородными бушрейнджерами прежних времен, баллады о которых распевали члены банды Келли, они сами стали народными героями. Сочувствовавшие укрывали их в горных убежищах вдали от железных дорог, а устный телеграф буша передавал им сведения не хуже настоящего телеграфа, которым пользовались власти. Более того, символичность переделки сельскохозяйственного инвентаря в шлемы и кирасы не давала покоя журналистам и газетным фотографам, которые доносили эти истории до широкой публики, а узнавшие об этом писатели, художники, драматурги, кинематографисты, в свою очередь, не раз использовали эту тему. Кем бы мы ни считали Неда Келли — жестоким убийцей или выразителем социального протеста, он был порождением традиционной сельской жизни, оказавшейся на пороге современности.

Те фермеры, которым удалось разбогатеть, достигли этого, став крупными производителями коммерческой продукции, нанимая дополнительную рабочую силу и сочетая земледелие с пастбищным животноводством. Успехов в области сельского хозяйства впервые добились в 1870-х годах производители пшеницы в Южной Австралии и в западной части Виктории, где повышению эффективности производства содействовало появление железной дороги и новой сельскохозяйственной техники. Среди фермеров выделялись немецкие переселенцы — законопослушные, набожные и работающие. Другие фермы с трудом разрабатывали густые влажные леса вдоль восточного побережья; на юге они, используя сепараторы и холодильники, создавали молочные хозяйства, а на севере на плантациях бурно развивалась сахарная промышленность. Площадь возделываемых земель возросла с менее чем 200 тыс. га в 1850 г. до более чем 2 млн га к концу 1880-х.

Производство шерсти тоже выросло в десять раз, но начиналось оно на гораздо более широкой основе. В начале 1870-х годов шерсть снова опередила золото в качестве главного предмета экспорта страны, а продажи в Британию в течение 1880-х составляли

одну десятую национального продукта. Такой рост стал возможен благодаря существенным капиталовложениям в рационализацию производства: более крупные овцы с более тяжелой шерстью паслись на улучшенных пастбищах и получали воду из запруд и подземных скважин. До 1850 г. путешественник мог пересечь имеющую форму полумесяца территорию пастбищ в Восточной Австралии, ни разу не встретив никаких ворот. Теперь линии столбов с проволочными ограждениями отмечали превращение скотовода из скваттера в землевладельца. В огороженных загонах здесь и там виднелись похожие на привидения голые стволы и ветви деревьев, погубленных кольцеванием с целью расширения пастбища; местная дикая природа уже уступала место завезенной флоре и фауне, например чертополоху и кроликам, которые впоследствии стали опасными вредителями.

До поры до времени землевладельцы могли радоваться переустройству среды обитания. Вместо простого фермерского жилища появлялись внушительные копии английского сельского дома, а возможно, у его обитателя появился вдобавок и особняк в столице, где владелец давал образование детям и проводил большую часть года. За хозяйским домом располагались жильё управляющего и небольшая деревенька с мастерскими, дворами, прудами, садами и жилищами для работников, а также сарай для стрижки овец, мало соответствующий своему названию, поскольку это был большой зал со стойками для пятидесяти или более стригальщиков, снимающих руно, обеспечивавшее комфорт целым династиям шерстяных королей.

Цены на шерсть оставались высокими до середины 1870-х годов, а затем стали снижаться. На изменение соотношения себестоимости и цены овцеводы ответили расширением производства, продвигаясь в глубь страны, на засушливые пастбища, и дальше, в заросли акации и других кустарников. Брошенные участки свидетельствовали о возможных опасностях, которые таит в себе чрезмерный оптимизм. Новые переселенцы в 1860-х годах продвинулись слишком далеко в Квинсленд, в 1870-х — на север Южной Австралии и в 1880-х — на запад Нового Южного Уэльса. Это продвижение закончилось отступлением. Скот выживал в зоне низкого уровня осадков (животные могли пастись и дальше от водоемов, меньше подвергаясь нападениям собак динго, и могли выдерживать перегоны на большие расстояния к рынку), но это было малоприбыльным делом, поскольку консервирование и заморажива-

ние еще не применялись, и производители говядины были все еще ограничены местным рынком.

Движение в глубь страны привело к возрождению географических исследований и появлению новых героев в более грандиозном викторианском стиле эпической трагедии. В 1848 г. немец Людвиг Лейхгардт, известный своим сухопутным путешествием в Северную территорию, отправился к западному побережью из Квинсленда и пропал вместе с шестью спутниками; среди предположений о судьбе, постигшей его в тех диких местах, рассказывает роман Патрика Уайта «Восс» (Voss, 1957). В том же году от копьев аборигенов погиб еще один исследователь, Эдмунд Кеннед, на северной оконечности полуострова Кейп-Йорк. В 1860 г. Роберт Бёрк, служивший на золотых приисках Виктории, и геодезист Уильям Уиллс покинули Мельбурн в составе прекрасно оснащенной экспедиции, которая должна была пересечь континент с юга на север. Оставляя по пути снаряжение, они достигли илистых отмелей залива Карпентария, но умерли от голода на обратном пути, у Купер-Крик, возле границы Квинсленда и Южной Австралии. Колонисты прославили их как героев в стихах и изобразительном искусстве; с тех пор появлялись посвященные им истории, романы, пьесы и несколько фильмов. Написанный карандашом дневник их последних дней занимает почетное место в Национальной библиотеке Австралии. В 1865 г. в Мельбурне был открыт памятник — первый монумент в честь жителей этого города; судя по тому, что памятник неоднократно переносили с места на место, его путешествие можно считать далеким от завершения.

Успеха добился в следующем году южноавстралиец Джон Стюарт. Он вернулся частично парализованным, пораженным временной слепотой, но, в отличие от Бёрка и Уиллса, тела которых были с почестями перезахоронены, Стюарт покинул Австралию, полный горечи из-за отсутствия признания. Его путешествие определило маршрут для прокладки наземной телеграфной линии, завершенной в 1872 г., благодаря которой была установлена прямая связь с Европой, а ретрансляционные станции стали служить базами для изыскателей и пионеров овцеводства в Центральной Австралии. Последующие экспедиции осуществили топографическую съемку пустыни Гибсон на западе и равнины Налларбор, протянувшейся между Аделаидой и Пертом. Александр Форрест, который прошел от северного побережья Западной Австралии до наземной телеграфной линии, обнаружил пастбищные земли в райо-

не Кимберли, которые заняли в 1880-х годах овцеводы из Квинсленда, такие, как семья Дарек.

Другой южноавстралийский исследователь земли дикобразов в западной пустыне добрался до вершины горы в 300 км от наземного телеграфа в 1873 г. и увидел огромный монолит длиной более 2 км и высотой 350 м. Исследователь назвал его Айерс-Рок в честь премьера колонии. В 1988 г. он был возвращен историческим владельцам — аборигенам — и вновь получил свое исконное название — Улуру. Этот монолит красного цвета живописно отражает солнечные лучи во время восхода и заката. Для его владельцев это священное место, а для многочисленных туристов, которые сегодня посещают Улуру, и тех, кто исповедует учение «нью-эйдж» (они совершают сюда духовное паломничество), это эпицентр «Красного сердца» страны. Это также место тайн и мистики. Исчезновение в 1980 г. маленькой Азарии Чемберлен стало еще одним преданием о ребенке, потерявшемся в зарослях, о поклонении дьяволу и ритуальных жертвоприношениях на месте, отмеченном зловещей тайной.

В последнее время ситуация меняется. Раньше австралийцы европейского происхождения говорили не о Красном центре, а о Мертвом центре. Внутренняя граница колонии называлась «дальняя земля» или «далекая пустыня» — место столкновения с негостеприимной природой. В 1891 г. перегонщик скота и поэт Баркрофт Боук за год до того, как он повесился на пастушьем кнуте, написал о городских удобствах, которые предоставляют кочующим овцеводам жители дальней земли.

Там, на просторах далекой пустыни, —
Там мертвые лежат!
Там, где вечно пляшут волны жары, —
Там мертвые лежат!

В противоположность завоеванию Северной Америки происходившем в движении на запад, завоевание Австралии европейцами так никогда и не завершилось, внутренняя граница не сомкнулась.

Продвигаясь на север, европейцы сталкивались со все новыми трудностями. Географически верхняя треть австралийского материка под тропиком Козерога чрезвычайно разнообразна по рельефу, количеству осадков и характеру среды обитания: от засушливого северо-западного побережья, через дюны из красного песка,

глинистые почвы, выжженные солнцем поймы временных водотоков и ломаные, скалистые рельефы до густых тропических лесов, мангровых зарослей и коралловых рифов, протянувшихся вдоль восточного берега. Физически этот район ставил под вопрос способность колонистов к адаптации: привыкшие к умеренному климату, новые переселенцы не были готовы отказаться от фланелевого нижнего белья, курток с капюшоном и молескиновых брюк либо от привычки употреблять мясо, мучные изделия и алкоголь. Психологически эта земля ставила их перед фактом присутствия других людей, более приспособленных к этой чуждой для них среде. По обеим сторонам пролива Торреса и Кораллового моря, где европейская Австралия граничила с Азией и Тихим океаном, белые по численности уступали другим расам.

С особой враждебностью сталкивались китайцы. Более столетия они были в Австралии самой крупной неевропейской национальной группой, отличавшейся своеобразной внешностью, языком, религией и обычаями. Со времени их появления среди многонационального люда на золотых приисках в начале 1850-х годов китайцы постоянно подвергались особым нападениям. Подавляющее большинство из них было завербовано в провинции Гуаньдун эмиграционными агентами из Гонконга для работы большими группами с пересылкой заработка на родину. Лишь немногие были холостыми, так что их осуждали как источник угрозы — и экономической, и социальной. «Нам здесь не нужны рабы», — заявляла одна мельбурнская газета в 1855 г. Правительство Виктории взимало специальные въездные сборы и назначало охранников, чтобы изолировать китайцев, хотя это не предотвратило крупного столкновения на национальной почве на одном из приисков в 1857 г. Правительство Нового Южного Уэльса ввело аналогичные ограничения после очередного нападения на китайский лагерь в 1861 г. С тех пор в местном народном радикализме всегда присутствовала расистская составляющая.

Китайцы прибыли, когда золотая лихорадка переместилась на север Квинсленда в 1860-х годах и в Северную территорию в 1870-х, но на приисках они были нежелательными конкурентами и быстро перешли к занятию огородничеством, торговлей и к предоставлению услуг. Золото, в свою очередь, увело европейских австралийцев в Новую Гвинею, и в 1883 г. британское правительство с изумлением узнало, что Квинсленд аннексировал эту территорию. Лондон запретил данную акцию, но объявил большую часть восточной по-

ловины острова протекторатом при условии, что австралийские колонии будут нести затраты на его содержание. Ранее, в 1872 г., северная граница Квинсленда была вынесена в пролив Торреса и охватила острова, богатые жемчугом, черепахами, трепангами и сандаловым деревом. Торговля этими природными ресурсами расширялась и на восток, и на запад, от Брума до дальнего побережья Кораллового моря. Работа выполнялась местной или завезенной рабочей силой с использованием систем найма, принятых в судовых и прибрежных общинах Тихого океана.

Если для занятия овцеводством работников размещали по пастбищам небольшими группами на обширных территориях, а свободный выбор сельскохозяйственных земель порождал семейные фермы, то удовлетворение потребностей в рабочей силе более интенсивно работающих предприятий на севере нуждалось в дополнительном содействии. По причине ли того, что белый человек не приспособлен к постоянным физическим нагрузкам в тропиках, как предполагает современная наука, или он просто не хотел становиться работником на плантации, было ясно, что нужен какой-то другой источник рабочей силы. Сахарные плантации, созданные на севере Квинсленда в 1860-х годах, использовали в качестве резервного фонда рабочей силы острова Тихого океана. Сначала рабочих набирали на Новых Гебридах (Вануату), откуда пошло общее название для таких рабочих — «канаки»; затем обратились к Соломоновым и другим группам островов у восточного побережья Новой Гвинеи в поисках мужчин и женщин для расчистки леса, посадки и прополки сахарного тростника, затем его рубки, измельчения и других операций для производства сахара. За 40 лет было завербовано 60 тыс. человек, одних добровольно, других под угрозой оружия. Первоначально они работали по временным договорам со строгим ограничением фиксированного срока и возвращались с плодами своего труда; к 1880-м годам значительная их часть, которой была предоставлена довольно большая свобода, осела в Австралии, влившись в местный рабочий класс.

Многочисленные случаи злоупотреблений получили широкую огласку и вызывали со стороны гуманистов на юге нарастающую критику торговли рабочей силой с островов Тихого океана. Беспощадность «ловцов черных пташек*», вербовавших островитян,

* В Австралии «черными пташками» называли аборигенов.

жесткая дисциплина у плантаторов, высокая смертность и низкие заработки напоминали форму подневольного труда, близкую к рабству. Напрашивается сравнение с высылкой преступников, которая возобновилась в Западной Австралии в 1850–1868 гг., поскольку она также вызывала отвращение у восточных колонистов. То, что Западная Австралия сама предложила Лондону для решения проблемы нехватки рабочей силы направлять к себе заключенных, не освободило ее от клейма рабства. Но Запад еще можно было рассматривать как отстающего ученика в школе, обучающей прогрессу, — он использовал каторжников для строительства общественных проектов и содействия развитию овцеводства и сельского хозяйства, тогда как плантаторская экономика севера представляла собой более поляризованный и отсталый общественный порядок. Кроме того, она вызывала растущее беспокойство за расовую целостность Австралии.

Аборигены севера почти не работали на плантациях, но были широко вовлечены в морские промыслы и разные заготовительные работы, например рубку леса. Через связи с островитянами пролива Торреса и Меланезии они включались в колониальную экономику намного глубже, чем аборигены юга. Их стали привлекать к работе в овцеводстве вслед за вторжением, которое встретило со стороны аборигенов более ожесточенное сопротивление, чем прежде, что и вызвало у переселенцев более сильное потрясение, поскольку стоило жизни белых женщин и детей. На ферме Фрейзера «Хорнет Бэнк» в 1857 г. была уничтожена группа из 9 человек, в Куллинларинго (в глубь страны от Рокингама) в 1861 г. погибли 19 поселенцев. Тут и там белые не щадили туземных женщин и детей. В 1860-х годах овцы уступали место крупному скоту, но борьба все продолжалась. В Горной битве на дальнем западе Квинсленда в 1884 г. 600 воинов-аборигенов столкнулись с колонистами и туземной конной полицией. В течение 1880-х в овцеводческом районе Алис-Спрингс в Северной территории убили, возможно, тысячу аборигенов.

Завоевание европейцами севера проходило так трудно и в столь сложных условиях для овцеводства, что у колонистов не было другой альтернативы, кроме как использовать рабочую силу аборигенов. Вовлечение общин аборигенов в пастбищное животноводство происходило под дулами ружей, но обеспечивало общинам важную роль. Они составляли фонд рабочей силы, из которой овцеводы набирали загонщиков, прислугу и помощников, которые об-

служивали их и их предприятия. Положение аборигенов вызывало серьезные дискуссии и споры. Потомки пионеров овцеводства будут вспоминать о них как о капризных детях. Позже критики расового неравенства станут воспринимать аборигенов как угнетенных и эксплуатируемых. А еще позднее, когда северное животноводство придет в упадок, историки, на основании воспоминаний информаторов из числа аборигенов, будут повествовать о том, что аборигены — мужчины и женщины, «едва зарабатывая на пропитание», тем не менее, управляли всем: и землей, и скотовладельцами, и скотом.

Дальше к югу, где из-за распространения сельскохозяйственных поселений возможностей для ведения пастбищного животноводства было меньше, аборигены попадали под опеку государства. Бюро защиты Виктории, учрежденное в 1859 г., видело в них жертв, нуждающихся в охране и изоляции. «Они действительно как беспомощные дети, положение которых было достаточно плачевным, когда эта страна принадлежала им, но сейчас оно еще хуже». Эдуард Карр, овцевод и симпатизировавший аборигенам исследователь, в своей книге «Австралийская раса: ее истоки, языки, обычаи» (в четырех томах, 1886 — 1887), писал: «Черных следует, когда это необходимо, заставлять, как мы заставляем детей и лунатиков, которые не в состоянии сами позаботиться о себе». В Корандеррке, в долине Верхней Ярры, к востоку от Мельбурна, в 1863 г. было выделено 2 тыс. га в качестве изолированного поселения аборигенов под управлением белого. Его жители держали скот, выращивали зерновые, работали на лесопилке, молочной ферме и в пекарне; при этом им выделялись дни для охоты, они изготавливали поделки для белых покупателей в заблаговременном предчувствии эры культурного туризма.

Стремление к собирательству обуславливалось ожиданием предстоящего исчезновения. В Тасмании в 1869 г. смерть аборигена, которого считали (и он сам так считал) последним представителем мужского пола островного народа, привела к жуткому спору за обладание его черепом между местным Королевским обществом и доктором, работавшим в Королевском хирургическом колледже в Лондоне. Вдова, Труганини, была очень встревожена этим расчленением трупа и беспокоилась о том, чтобы ее тело в будущем защитили от ученых мужей; но, когда семь лет спустя она умерла, ее останки были вскоре эксгумированы, а скелет в 1904 г. был выставлен в экспозиции Тасманийского музея. В романах, пьесах, фильмах

Барак нарисовал много версий корробори. В верхней части рисунка изображены два ряда танцоров с бумерангами. Ниже — два костра, и в самой нижней части — сидящие зрители отбивают ритм, хлопая; двое мужчин стоят над ними в мантиях из шкуры опоссума. Дизайн повторяет ритмический рисунок церемонии (Национальная галерея Виктории)

и на почтовых марках эту женщину изображали «последней тасманийкой», примером печальной, но бесповоротной конечности бытия. Семьдесят лет спустя скелет Труганини был возвращен тасманийской аборигенной общине. Его кремировали, а пепел развеяли над водным потоком на земле ее предков. Британский музей в 1997 г. вернул Австралии принадлежавшее Труганини ожерелье из ракушек.

Среди жителей Корандеррка был человек из клана Вурундьери народа войворунг по имени Барак, который маленьким мальчиком был свидетелем подписания «договора» Батмана. Все эти обидности теперь воспринимаются как причудливые древности, поскольку режим опеки стер территориальное деление коренных народов и объединил их особенности, языки и социальные структуры в общую категорию — «аборигены». Получив имя Уильям и титул «последнего короля племени ярра-ярра», Барак зарисовывал разные стороны традиционной жизни: корробори, фигуры в мантиях из шкур опоссума, мужчины, преследующие эму, ехиду, змей и лирохвостов; ритуальные битвы между воинами, оруду-

ющими бумерангами и щитами. Эти многофигурные рисунки воплощали упорядоченную социальную структуру, слитую с миром природы. В Корандеррке корробори были запрещены; в 1887 г., когда губернатор захотел посмотреть на их, он был вынужден удовлетвориться рисунком Барака. Но это была не единственная форма самовыражения аборигенов. В 1869 г. Томас Уиллс, разработавший правила австралийского футбола и переживший резню в Куллинларинго, отвез в Англию крикетную команду аборигенов из Западной Виктории. Они перемежали демонстрацию своего мастерства обращения с битой и мячом показом метания бумеранга и танцев. Благодаря ли подражанию манерам белых людей или сохранению своих собственных столь мощный синкретизм противостоял их поглощению и истреблению.

До 1850 г. рост европейского населения Австралии соответствовал сокращению численности аборигенов. После 1850 г. количество жителей быстро увеличивалось, превысив в 1888 г. 3 млн человек. Массовый наплыв иммигрантов в течение первых, оживленных лет золотой лихорадки затем уменьшился, но вновь ускорился в 1880-х годах. Темпы естественного роста населения были не менее высокими: у женщины, вступившей в брак в 1850-е, могло быть семь детей, у вышедшей замуж в 1880-х — шесть. Три миллиона — такого количества людей на этой земле никогда прежде не было, и от них теперь требовалась более целенаправленная, чем прежде, эксплуатация ресурсов Австралии.

Шло непрерывное совершенствование производства товаров для зарубежных рынков. Возможность такой модернизации, в свою очередь, обеспечивалась путем передачи капитала, рабочей силы и технологий. Крупные капиталовложения британских финансистов в овцеводство и активная подписка за счет британских сбережений на объявляемые колониями государственные займы для финансирования железных дорог и других служб позволяли быстро наращивать акционерный капитал. Когда отдельные люди и целые семьи принимали решение попытаться счастья в Австралии, то это не только приносило с собой дополнительные вложения, но и способствовало передаче нового практического опыта и энергии. Внедрение передовых методов и технологий в овцеводство, сельское хозяйство, горнорудное и металлургическое производство стимулировало общую динамику адаптации и модификации.

Стригальщики овец за работой на ферме около Аделаиды. Они используют ручные инструменты, которые в конце века заменила машинная стрижка. В сезон стрижки работало примерно 50 тыс. человек (Библиотека штата Южная Австралия)

На протяжении трех десятилетий совокупный результат этих улучшений приносил необычайное материальное благополучие. Австралийцы зарабатывали и тратили больше, чем жители Великобритании или любой другой страны во второй половине XIX в. Предметы первой необходимости были дешевле, возможности шире, различия в материальном положении менее выражены. Не все пользовались этим изобилием. Низкая зарплата и нерегулярные заработки омрачали жизнь тех, кто не имел капитала или рабочей квалификации, но возможность установления восьмичасового рабочего дня свидетельствовала о том, что экономические результаты

были намного выше прожиточного уровня. Впервые восьмичасового рабочего дня в Австралии добились строительные рабочие в Мельбурне в 1856 г., но он никогда не вводился в целом по стране. Это был скорее пробный камень колониальных достижений.

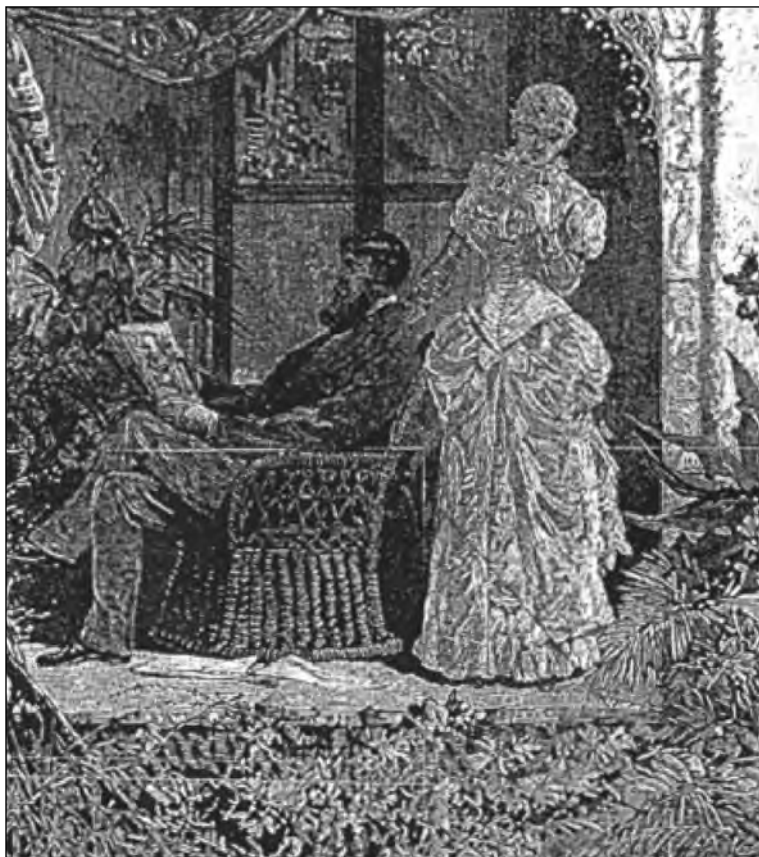
В глобальной экономике, созданной европейской экспансией, имперские державы распоряжались ресурсами и эксплуатировали труд населения Африки, Азии и Латинской Америки на благо себе. В этих колониях европейских колонизаторов интересовала добыча сырья для своих фабрик; колонизированные народы находились во власти изменений технологий и продукции, и разрыв между ними и метрополиями увеличивался. Колонии переселенцев, такие, как Австралия, имели возможность устранения этого разрыва за счет наращивания местного потенциала и пользования его плодами.

Повышение эффективности сельского производства давало возможность большинству работающих заниматься другими видами деятельности. Некоторые трудились на производстве продуктов питания, другие шили одежду, работали на строительстве, в сфере услуг, ассортимент которых постоянно расширялся. Постоянно увеличивалась численность работников мастерских, производивших все больше изделий, которые раньше завозились из Британии. Отличительной чертой этих удивительных колоний переселенцев был рост городов. Даже в период золотой лихорадки и последовавшей за ней волны создания сельскохозяйственных поселений двое из каждых восьми колонистов жили в городах с численностью населения 2500 человек и выше. В 1880-х годах в городах проживала половина населения — намного больше, чем в Британии, а также чем в США или Канаде. Даже небольшие города с населением, скажем, тысячу жителей имели такие городские объекты, как отель, банк, церковь, мельница, кузница, магазины, и выпускали газету. Не меньше, чем международная торговля, сам австралийский город создавал экономику ориентированных на рынок специализированных производителей.

В каждой колонии столица укрепляла свое главенствующее положение. Она была конечным пунктом железной дороги и главным портом, местом, где высаживались вновь прибывшие и где после завершения золотой лихорадки они обычно оставались. Это был коммерческий, финансовый и административный центр, который использовал свое политическое влияние для усиления контроля над остальной территорией. Брисбен, Сидней, Мельбурн, Хобарт, Аделаида и Перт — каждый из них был прибрежным горо-

дом, заложенным до заселения внутренних территорий. Они находились на расстоянии друг от друга не менее 800 км, и сообщение между ними осуществлялось по морю. Наиболее отдаленный из них — Перт. В 1888 г. он все еще оставался небольшим городком с 9 тыс. жителей; в Хобарте насчитывалось уже 34 тыс. жителей. Брисбен и Аделаида выросли в крупные районные центры с населением, соответственно, 86 тыс. и 115 тыс. человек. Мельбурн с населением 420 тыс. человек и Сидней — с 360 тыс. были просто монстрами среди городов Австралии. В течение недолгого времени в 1888 г. Мельбурн мог гордиться тем, что обладает самым высоким зданием в мире. Если сравнивать его с североамериканскими городами, то он уступал только Нью-Йорку, Чикаго и Филадельфии. В том же году начались работы по строительству бизнес-центра, поднявшегося ввысь на 46 м; при этом мельбурнцы с удовольствием утверждали, что это самое высокое здание в мире, хотя, скорее всего, на то время оно было лишь третьим по высоте.

Каждая из колониальных столиц встречала гостя своими особенным обликом и атмосферой: апатичный Перт в залитой солнцем дельте реки Суон; опрятный Хобарт у подножия нависшей над ним горы; энергичный Брисбен с просторными бунгало среди великолепия пышной тропической растительности; аккуратные коттеджи Аделаиды, окруженные обширными лесопарками; изогнутые террасы из песчаника в Сиднее на склонах, окружающих величавую гавань; единообразная прямоугольная сетка Мельбурна. Под грузом восторженных впечатлений от столь разных мест путешественник, скорее всего, отмечал их общие черты. Каждая столица раскинулась на большой территории с низкой плотностью населения. Каждую окружали обширные пригороды, связанные с центром общественным транспортом и располагавшие другими коммунальными службами, хотя во всех городах, кроме Аделаиды, отсутствовала общая канализационная система, и примитивная ассенизация распространяла зловоние в течение всего долгого лета. Дома были более просторными, чем в старых городах (четыре и более комнат в доме были нормой), выше процент собственных домов (не менее половины домов принадлежали их жильцам). Такое столь вольготное использование жилья поглощало значительную долю частного капитала и стоило колонистам существенной части их доходов, но питание было дешевым, а семья наслаждалась жизнью в собственном доме с садом. Малые масштабы большинства предприятий (крупные фабрики были редкостью), а также отсутствие

Хозяин дома отдыхает с журналом в руках, а хозяйка просматривает рождественскую почту. Пышные папоротники обрамляют веранду городской виллы, светлая одежда подчеркивает солнечное тепло австралийской природы (Illustrated Sydney News. 23 декабря 1882 г.)

густонаселенных многоквартирных домов — типичные особенности крупных городов XIX в., заполненных толпами бывших крестьян, ставших пролетариями. Все говорило об умеренном комфорте австралийского торгового города.

Все это едва ли могло удовлетворить потребность колоний в самоутверждении. Колонисты Нового Света именно так воспринимали себя, стремились и конкурировать со Старым Светом и пре-

взойти его. Витриной колоний были города, и они рассчитывали, что возрастающее число знаменитостей, писателей-путешественников и комментаторов — выходцев из Австралии будет прославлять ее достижения. Поэтому здание парламента в Мельбурне должно было быть самым грандиозным в империи после Вестминстера, танцевальный зал в здании правительства — больше, чем в Букингемском дворце. «Мельбурн Великолепный» — название, присвоенное заезжим британским журналистом в 1880-х годах, — вступил на путь бурного развития. Его овцеводы преодолели реку Муррей и широко распространились в южной части Нового Южного Уэльса. Они же доминировали в сахарной и животноводческой отраслях Квинсленда. Промышленники Мельбурна за счет протекционистских тарифов сумели добиться экономии масштаба на крупнейшем местном рынке и продавали товары другим колониям. Его купцы создали плантации на Фиджи и разоряли сосновые леса каури в Новой Зеландии. Его финансисты захватили контроль над богатой шахтой Брокен-Хилл, на его бирже бурлили торги акциями других месторождений. Доступность прямых иностранных инвестиций надувала спекулятивные мыльные пузыри земельных компаний и строительных обществ.

В деловых кругах Мельбурна было много шотландцев, и, по словам одного из шотландских эмигрантов, «в мире мало найдется более впечатляющих картин, чем вид шотландца, делающего деньги». В целенаправленном стремлении к богатству эти расчетливые люди подчеркивали свои успехи пышными зданиями городских контор и загородных дворцов. Соблюдая строгую мораль, они молились в массивных базальтовых храмах и строили роскошные гостиницы для непьющих. Уверенные в себе и напористые, они почувствовали, что могут направлять общественный прогресс, и получали удовольствие, занимаясь спортом и выставя напоказ свои успехи. Придирчивый наблюдатель решился предсказать, что:

Через сто лет средний австралиец будет высоким, грубым, жадным, предприимчивым и талантливым человеком с крепкими челюстями... Его религией будет одна из форм пресвитерианства, а национальной политикой — демократия, ограниченная валютным курсом. Его женой будет худая, недалекая женщина, очень любящая наряжаться и бездельничать, которая мало заботится о детях, но при этом у нее не хватит мозгов, чтобы согрешить с другим мужчиной.

Этим наблюдателем был Маркус Кларк, принадлежавший к литературной богеме. Он дополнил ставшие предметом гордости достижения Мельбурна Великолепного экзотическими сценами из жизни низших классов в Мельбурне Отверженном. Нищета и преступность районов городских трущоб, игорные дома Чайнатауна, ночлежки и бордели в переулках и закоулках соседствовали с клубами и фешенебельными театрами. Для города эти непрезентабельные районы стали таким же естественным элементом, каким для обеспеченной богемной публики и реформаторов нравственности были фондовая биржа или площадки для крикета. В детективном романе Фергуса Хьюма «Тайна хэнсомского кэба» (*The Mystery of a Hansom Cab*, 1886), ставшем международным бестселлером, переплетаются респектабельность дневного Мельбурна Великолепного и мрачная ночная жизнь Мельбурна Отверженного — и там и там люди избавляются от своего прошлого, чтобы обрести новую идентичность. «И весь этот огромный город окутан облаком дыма».

Такой же процесс обновления был очевиден в более личном литературном творчестве переселенцев — дневниках и письмах. Более миллиона человек совершили этот переезд в 1851 — 1888 гг., огромное большинство — на парусных судах, путешествие на которых занимало до ста дней. Бортовой журнал заполнял интервал между отплытием и прибытием. Большинство людей, которые вели дневники, изгоняли страхи и волнения по поводу рискованного путешествия в неизвестность, ведя записи об однообразных днях, проведенных среди малопривлекательных попутчиков, своих вынужденных соседей. После высадки на берег это состояние прерванной жизни проходило, и дневник откладывался в сторону.

С того момента лишь письма позволяли держать связь с родными и друзьями. Рекомендательные письма вручались влиятельным покровителям, вновь прибывшие энергично искали даже самые отдаленные связи. Расстояние укрепляло национальные связи: отсюда популярность бёрнсовских ужинов у шотландцев, фестивалей валлийских певцов, музыкантов и поэтов, немецких мужских хоровых обществ. Послать письмо домой стоило шесть пенсов, на доставку уходили месяцы, но в 1860-х годах 100 тыс. писем каждый месяц отсылались в одну сторону и столько же приходило из Британии и Ирландии. На обоих концах при прибытии почты собиралась вся семья, друзья и соседи, чтобы обменяться новостями с другой стороны света.

Невостребованные письма на колониальных почтах служили безмолвным свидетельством хрупкости этих соединяющих людей нитей. Смерть, бесчестье или отчаяние могли положить конец общению с родственниками, оставшимися дома, либо долгое молчание могло быть нарушено десятилетия спустя посланием с далекой фермы или даже волнующей встречей. Новоприбывшие свободно перемещались в колониальном обществе и вскоре образовывали новые связи, так что мужьями половины ирландских невест, вступивших в брак в 1870-х годах в Виктории, стали не ирландцы. В данных переписи населения 1871 г. обнаружился всего один избирательный округ, где католики (а это практически означало «ирландцы») составляли более половины населения. В Австралии англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы жили бок о бок друг с другом.

Для Чарлза Диккенса, который писал в середине XIX в., Австралия была местом ссылки «лишних» персонажей, включая двоих из его собственных сыновей. Для Артура Конан Дойла в конце XIX в. она служила готовым источником возвратившихся оттуда таинственных людей в качестве либо победителей, либо преступников, которых Шерлок Холмс неизменно распознавал по пронзительно-му выкрику «куи» (*sooee*) или по какому-нибудь другому колониальному признаку. Утраченное наследство от австралийского ссыльного либо неожиданное наследство от давно забытого родственника-колониста стало излюбленным сюжетом художественной романтической литературы. В самой Австралии непрекращающаяся череда прибытий и отъездов создавала особые проблемы для тех, кто находился в зависимом положении: для брошенных матерей и детей требовались специальные законы и специальные меры.

Колонисты реагировали на эти нерешенные проблемы, воспроизводя знакомые им формы гражданского общества. При этом они выказывали явное предпочтение волонтаризму, не столько для контроля над властью, сколько для ее дополнения. При всем использовании государственной поддержки в своем стремлении к экономическому развитию и материальному благополучию они строили экономику и удовлетворяли свои потребности посредством рыночных отношений. Рынок вознаграждал тех, кто справлялся с проблемами самостоятельно, и поощрял все виды взаимовыгодного обмена; при распространении принципов рынка на другие сферы общественной жизни колонистов, приверженных развитой демократии, расширялись возможности для личного выбора.

Свобода личности, однако, была обусловлена тем, что она должна была использоваться ответственно. Если логика рынка постулировала безличный, обеспечивающий максимальную полезность индивидуализм, то участники рынка для утверждения своих претензий на разумную долю в плодах прогресса обращались к принятым нормам нравственной экономики. Отсюда призывы к установлению восьмичасового рабочего дня в целях защиты трудящихся от чрезмерных нагрузок. Красноречивое национальное выражение *fair dinkum*, означающее «честное слово», пришло из Центральной Англии, где *dinkum* означает «надлежащий объем работы». В Австралии выражение *fair dinkum* приобрело более широкое значение и обозначало кодекс норм, применимый к другим аспектам общественных отношений.

Общественные нормы нашли наиболее полное выражение в добровольных деловых отношениях, когда люди взаимодействовали друг с другом как равноправные личности, объединенные общей целью. Добровольность соединяла ожидание личной независимости с потребностью в совместных действиях, особенно актуальных в чужой стране. Клубы и общества служили для удовлетворения интересов и отдыха, физкультурные ассоциации — для спортивных игр, отделения профсоюзов — для товарищеского общения, научные общества — для развития знаний, литературные общества — для их проявления, общества взаимного страхования и общества взаимопомощи — для чрезвычайных ситуаций.

Члены семьи — самой личной формы объединения — были связаны друг с другом прочными узами. Сокращение разницы в численности мужчин и женщин, а также сохраняющиеся различия в правовом и экономическом положении между полами в равной мере содействовали быстрым темпам формирования семьи. Освященный церковью законный брак был теперь нормой, усиленной законами, которые регулировали положение жены в отношении имущества и детей и предусматривали для нее некоторые возможности освободиться от деспотичного мужа. Семейное состояние обычно зависело от способности главы семейства обеспечить ее и от наличия у жены дара к ведению домашнего хозяйства. Тем не менее даже в рамках неравноправного партнерства все еще действовал принцип добровольности. Невеста и жених вступали в брак по свободному выбору и быстро обретали независимость от родителей, заводя собственное хозяйство. Кроме того, в семье колонистов жена обычно играла более активную роль, в частности в при-

нятии важных решений. На детей тоже возлагалось больше ответственности, им предоставлялось более широкая свобода действий.

Аналогичные тенденции наблюдались даже в религии. Как уже отмечалось, в Австралии не было государственной религии, и каждый мог исповедовать любую веру по своему выбору. Это было частичным признанием этнического многообразия: большинство католиков составляли ирландцы, большинство пресвитерианцев — шотландцы, и они требовали равного статуса с Англиканской церковью. Прежде колонии поощряли деятельность основных христианских конфессий, оказывая им финансовую поддержку, но даже эта форма помощи в области религии была отменена в связи с возражениями волюнтаристов.

Тем не менее это был период роста религиозности. Начиная с 1860-х годов число как священнослужителей, так и прихожан заметно увеличилось. Посетивший Австралию английский романист Энтони Троллоп был поражен популярностью там религии и счел это свидетельством процветания колонистов и соответствующего стремления к респектабельности. «Достойная одежда весьма способствует посещению церкви», — писал он. Аналогичным стимулом служило строительство храмов, когда основные конфессии воздвигали большие каменные и кирпичные храмы, украшенные шпилями и декоративными деталями. Религия чувств расцветала по мере того, как получало распространение пение гимнов, активизировалось чтение проповедей. Этот религиозный пыл, в свою очередь, стимулировал появление целого ряда христианских миссий и благотворительных организаций, одновременно пропагандируя этику самодисциплины, усердия, умеренности и трезвости.

Австралия стала благодатной почвой для новых методов борьбы за религиозное возрождение, начатой Муди и Санки*; американские проповедники-баптисты ездили по колониям, выступая с проповедями перед массовой аудиторией. Основным конфессиям такой наплыв международных экспертов был не нужен, поскольку они поддерживали тесные связи со своими коренными церквями. Англикане продолжали приглашать епископов из Англии и обращаться к ним «ваше преосвященство»; они строили много храмов в готическом стиле, ввели хор, стихари, орган и храмовое убран-

* *Муди Дуайт Л.* (1837 – 1899) — проповедник, принадлежавший к Евангелической церкви, пользовался большой популярностью в разных странах мира. Его часто сопровождал духовный певец и композитор *Ире Д. Санки* (1840 – 1908).

ство. Католики, направляемые теперь ирландскими епископами, восторженно откликнулись на провозглашение папой Пием IX папской непогрешимости. В стране укоренился целый ряд мужских и женских орденов из Франции и Испании, а также из Ирландии. Католицизм в Австралии был религией, утверждавшей дисциплину и повиновение под водительством священнослужителей. Являясь верой меньшинства, недолюбливавшего британское владычество, он также представлял собой значительную силу, выступавшую на стороне австралийского национализма.

Но большинство активных христиан во второй половине XIX в. принадлежало к протестантской евангелической общине. Благодаря приближенности к местным нуждам, менее иерархической организации и значительной вовлеченности мирян в жизнь общины евангелическая служба привлекала наибольшее число верующих. В Виктории и Южной Австралии, где наиболее сильные позиции занимали пресвитерианцы, методисты, конгрегационалисты, баптисты и лютеране, они оказывали большое влияние на общество в целом: по воскресеньям были закрыты пабы и магазины, редко ходили поезда, запрещались массовые развлечения. Впрочем, столь строгая пуританская дисциплина вызывала сопротивление. Еще в 1847 г. поэт Чарлз Харпур заметил происходящий в религиозной жизни колоний «процесс индивидуализации», остановить который невозможно. Крепнущий вызов со стороны науки и разума ослаблял власть догмы. Одни сохраняли верность своей религии, другие отказывались от нее, а кто-то воспринимал утрату веры как болезненную, но неизбежную реальность. Самое главное, доступна была любая из альтернатив. К 1883 г. даже набожный Джордж Хигинботам* не видел иного выхода, кроме как «в одиночку и без посторонней помощи встать на опасный путь исследования».

До середины века церкви были главным источником образования; теперь эту роль взяло на себя государство. Лишение церковных школ государственной помощи было ускорено ожесточенным антагонизмом между конфессиями. Созданию альтернативной системы начального образования — светского, обязательного и бесплатного — способствовало стремление к воспитанию грамотных, дисциплинированных, трудолюбивых граждан. «Растущие нужды

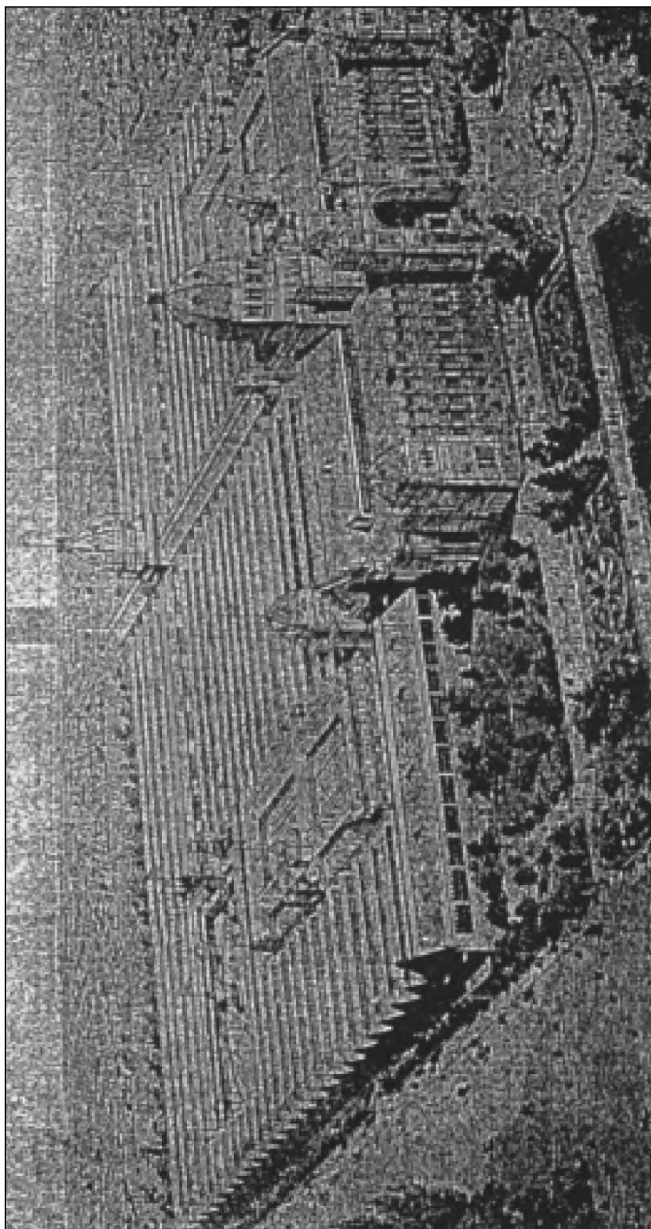
* *Хигинботам Джордж* (1826–1892) — австралийский политик и юрист, осуществивший реформу системы образования.

и угрозы в обществе, — заявлял в 1872 г. Джордж Хигинботам, — требовали единого центра и источника ответственной власти в деле начального образования». Этим, безусловно, должно было заниматься государство. Обеспечение каждого пригорода и лесного поселка государственной школой потребовало от австралийских колоний громадных ассигнований; учителя и администраторы составляли значительную часть государственных служащих. Централизованные, иерархичные и регламентированные управления образования стали прототипами бюрократии, к формированию которой австралийцы проявили особый талант.

Университеты, открытые в Сиднее (1850), Мельбурне (1853) и Аделаиде (1874), тоже были светскими институтами, учрежденными парламентскими актами, финансируемыми за счет государственных ассигнований и контролируемые советами, которые назначались большей частью властями. В Мельбурнском университете было даже запрещено преподавание теологии. Основатели университетов надеялись, что либеральное образование в замкнутой среде послужит сглаживанию неровностей колониальных нравов и развитию общественной жизни. На деле университеты быстро приняли более утилитарное направление, сосредоточившись на профессиональном обучении. Подготовка юристов, врачей и инженеров стала главным предназначением закрытого и дорогостоящего высшего образования.

В этой связи надежды на то, что «общеобразовательная», «общественная» или «государственная» школа (различные названия передавали обилие значений) исправит подрастающее поколение детей колонистов, расширит их потенциал и воспитает в них приверженность общей цели, оказались тщетными. Лишь некоторые учителя применяли на практике централизованно предписанные учебные программы. И немногие ученики улавливали в них искру, разжигавшую воображение. Однако государственные школы функционировали большей частью как учреждения закрытого типа. Звонки на урок и отметки в журнале формировали привычку к порядку. Плохо подготовленные, постоянно испытывавшие трудности учителя учили своих подопечных элементарным навыкам чтения и письма, читали им нотации о нравственности, с тем чтобы, окончив школу, они вступили в трудовую жизнь уже в раннем подростковом возрасте.

Цель внедрения общего, светского, обязательного, бесплатного образования так никогда и не была достигнута. Католики отвергали

Мельбурнская Международная выставка 1880–1881 гг. была крупнейшей из всех колониальных выставок; ее посетило два миллиона человек. Временные павильоны были впоследствии разобраны, а главное здание с куполом сохранили как памятник «Мельбурну Великолепному» (Национальная библиотека Австралии)

«языческую систему образования», как ее охарактеризовал архиепископ Сиднея, и шли на огромные жертвы ради создания своей собственной системы образования. Мать Мэри Маккиллоп, в 1866 г. ставшая сооснователем ордена Сестер св. Иосифа Святого сердца, была предана делу образования католиков-бедняков, особенно живших в необжитых районах, и стала вдохновителем этой миссии. Отказ подчиниться церковной власти привел к ее временному отлучению от церкви и враждебному отношению к ней епископата. Позднее Мэри Маккиллоп стала национальной героиней, а в 1995 г. папа Иоанн Павел II посетил Сидней на праздновании по поводу ее причисления к лику святых. Протестантские школы действовали на другом конце социальной лестницы, заполняя пробел между начальным и высшим образованием для богатых.

Государство, тем не менее, упорно продолжало содействовать формированию общей культуры. Музеи, галереи, библиотеки, парки, ботанические и зоологические сады служили местами для рационального отдыха и самосовершенствования. Начав с подражания признанным образцам (публичная библиотека Мельбурна, например, началась с приобретения всех произведений, цитируемых в «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона, а художественная галерея города — с гипсовых слепков античных фризов и статуй), эти учреждения благодаря ориентации на воспитание гражданственности постепенно обрели своеобразие, сочетая стремление к возвышенности, просветительству и доступности. Их общественная функция, в свою очередь, формировала культуру. Написанные на заказ для частных лиц портреты и бытовые картины первых колониальных художников уступали место романтическим пейзажам Конрада Мартенса, Юджина фон Герарда и монументальным историческим полотнам Уильяма Струтта. Распространение коммерческого театра, спорта и других видов досуга косвенно подтверждало наличие у людей свободных средств, равно как и времени для их использования в собственное удовольствие.

Посетившие Мельбурн в конце 1850-х годов англичане были поражены, увидев во время утренней прогулки газету у каждой двери. Газеты расширяли процесс добровольного объединения людей далеко за пределы общественного собрания и устных выступлений. Газеты использовали технические достижения: международный телеграф, механизированный печатный станок, дешевую бумагу на основе целлюлозы и быструю, регулярную доставку,

дававшие возможность охватить массовую аудиторию. Газеты и сами представляли собой товар и позволяли покупателям и продавцам выходить на рынок, который больше не ограничивался конкретным местом. Они не только сообщали о событиях, но и комментировали их, мобилизуя публику в качестве политической силы, и формировали читателя как независимую личность.

Сила прессы была бесспорной: не один премьер Виктории представлял кандидатуры министров на утверждение Дэвида Сайма, владельца контрольного пакета акций мельбурнской газеты «Эйдж» (*Age*). Некоторые считали журналистику четвертой ветвью власти, и поскольку в колониях не было ни церковных, ни светских лордов, то австралийские газеты могли претендовать на самое высокое положение в обществе. Даже этого Сайму было мало: бывший кальвинист, готовившийся стать священником, он проявлял строгость в области морали в отношении любых аспектов колониальной жизни. «На какую же высокую трибуну каждый день поднимается издатель, — с гордостью писала «Эйдж», — перед аудиторией в пятьдесят тысяч человек, которые слышат его голос». Открытый сторонник отделения церкви от государства, сторонник земельной реформы и протекционизма, Сайм был сторонником самых либеральных взглядов, однако другие владельцы газет с аналогичными нонконформистскими связями, оказывали поддержку тем планам материального и нравственного прогресса, что соответствовали интересам демократии для имущих. Джон Фэрфакс, владелец «Сидней морнинг геральд» (*Sydney Morning Herald*), был дьяконом, а его лучший редактор Джон Вест — священником в конгрегационалистской церкви. С этой же церковью был связан и основатель газеты «Адвертайзер» (*Advertiser*) в Аделаиде.

Колонии отмечали результаты своего движения вперед строительством зданий и других сооружений, но также и улучшением бытовых условий, достижениями и годовщинами. В 1888 г. Сидней отметил столетие прибытия Первого флота праздничной неделей. Состоялись демонстрация и банкет, где на сидевших за столом высокопоставленных лиц с портретов смотрели Уэнтуорт и Макартур. В городе был открыт памятник королеве Виктории, а на болатистой территории к югу от города разбит Парк столетия. Наборы из хлеба, сыра, мяса, овощей и табака раздавались бедным, но не аборигенам. «Стоит ли напоминать им, что мы их ограбили?» — таков был сардонический ответ Генри Паркеса на предложение устроить раздачу для коренных жителей. Сам Паркес хотел воз-

двинуть в новом парке пантеон для захоронения почетных представителей нации и собрания реликвий европейской и аборигенной Австралии, но его идею постигла такая же участь, что и выдвинутое ранее Уильямом Уэнтвортом предложение о введении в колониях сословия пэров. «Мы не достигли в нашей национальной жизни того уровня, чтобы у нас было достаточно героев», — заметил один радикально настроенный критик.

Паркес также предлагал переименовать Новый Южный Уэльс в Австралию, но и это предложение стало объектом насмешек: кто-то из Виктории даже предложил название «Конвиктория» (*Convictoria*)* как более уместное. Колония Виктория в том же году ответила проведением Выставки столетия — самым грандиозным и дорогостоящим из мероприятий по рекламе колоний, организованным по образцу лондонской Всемирной выставки 1851 г. Два миллиона посетителей осмотрели павильоны, где были выставлены все мыслимые виды продукции наряду с произведениями декоративного и прикладного искусства. Была написана кантата, повествовавшая об истории становления колоний как о движении от грубого варварства к городскому великолепию.

Где диких псов одних был слышен вой,
 Где смуглый зверобой едва ступал ногой,
 Теперь богатства мира пред тобой.
 Там, где рябило от змеиной пестроты,
 Корону шпилей чудо-города увидишь ты.
 Что это, как не воплощение мечты? **

Такие жизнеутверждающие сопоставления прошлого и настоящего были обычным приемом для колониальных авторов. Звучавшие в год 100-летия и в период, когда тщеславие колоний достигло высшей точки, нотки сомнения — свидетельство замечательного предвидения.

* Предложенное название было созвучно слову «каторжник» (англ. — convict).

** Перевод О.А. Зимарина.

Глава 6. Национальное переустройство (1889–1913)

Джондарианская овцеводческая ферма в 1880-х годах занимала 60 тыс. га пастбищ в районе Дарлинг-Даунс на юге Квинсленда, и на ней трудилось 70 работников. Дважды в год, поздней весной и ранней осенью, там собиралось около 50 работников, нанятых по договору, которые проводили стрижку более 100 тыс. овец. Их размещали в примитивном жилье вблизи пункта стрижки, где шесть дней в неделю с рассвета до заката они, склоняясь над животными, снимали с них шерсть. Из их заработка вычиталась плата за питание и штрафы за брак в стрижке и другие нарушения. В конце 1880-х годов квинслендские стригальщики, добиваясь улучшения условий работы и оплаты, организовали профсоюз, и в декабре 1889 г. в нем уже состояло 3 тыс. членов. Союз требовал, чтобы овцеводы нанимали на работу только членов профсоюза. Работодатели в Дарлинг-Даунс на это ответили отказом.

В сентябре 1889 г. стригальщики собрались на Джондарианской ферме и стояли там лагерем до тех пор, пока управляющий не согласился выполнить их требования. Управляющий пытался использовать нечленов профсоюза в качестве штрейкбрехеров: как выразился один из стригальщиков, ферму «заполонили подонки общества из Брисбена, которые *пог дулом пистолета* каким-то образом сняли шерсть». Но, когда шерсть в спрессованных

кипах была отправлена железной дорогой в Брисбен для отгрузки в Англию, портовые рабочие отказались с ними работать и заявили, что шерсть «останется здесь до Судного дня и еще на пару дней после этого», если хозяева Джондарианской фермы не выполнят условия профсоюза. Управляющий фермы в мае 1890 г. встретился с другими членами Ассоциации овцеводов Дарлинг-Даунс, которая направила своих представителей на переговоры со стригальщиками, в ходе которых договорились о том, что стригальщиками будут нанимать только членов профсоюза. После этого 190 кип шерсти были допущены к отгрузке.

Победа Квинслендского союза стригальщиков вдохновила Австралийский союз стригальщиков, охватывавший южные колонии, который также боролся с деспотизмом шерстяных королей и требовал увольнения не входивших в профсоюз работников с пунктов стрижки овец. Но овцеводы и владельцы овец были настроены решительно противостоять требованиям профсоюзов и ответили на объединение сельских и городских рабочих созданием собственных союзов работодателей. «Как теперь говорят, пришло время битвы, — объявил в июле 1890 г. президент сиднейской Торговой палаты, — а большинство работодателей добавляют: и чем быстрее, тем лучше». Битва началась в следующем месяце, когда судовладельцы сообщили недавно созданной Ассоциации моряков о том, что до обсуждения ее требований об увеличении заработной платы члены Ассоциации из Виктории должны прекратить свое членство в Мельбурнском объединении профессиональных союзов. Моряки сошли с судов, портовые рабочие отказались их загружать, шахтеры отказались поставлять на суда уголь, владельцы шахты их уволили, овцеводы прервали переговоры со стригальщиками.

Морская забастовка, когда о ней стало известно, стала распространяться дальше. Владельцы шахты Брокен-Хилл уволили своих рабочих; транспортные рабочие, доставлявшие грузы от причала по железной дороге до фабрики и в магазины, и Комитет защиты трудящихся объявили забастовку; истопники, которые обеспечивали город энергией и освещением, отказались работать с углем, добытым штрейкбрехерами. Город без освещения! К каким беспорядкам это могло привести? Перед Альфредом Дикином, премьер-министром Виктории, встала дилемма: либо город окажется во власти толпы, в руках головорезов и жуликов, либо он будет управляться, как управлялся всегда, — законом в условиях мира и порядка. Дикин вызвал солдат из местного добровольческого от-

В этом современном изображении Морской забастовки Капитал и Труд встречаются над разделяющей их пропастью. Капитал представляет высокомерный Мистер Толстяк, а Труд — худой и решительный рабочий человек («Бюллетень», 16 августа 1890 г.)

ряда обороны. После стычки с профсоюзными пикетами в порту Мельбурна командир приказал в случае необходимости «стрелять на поражение». В Сиднее правительство Генри Паркеса направило вооруженные полицейские силы специального назначения в Серкьюлар-Кей, чтобы освободить проход для телег с шерстью через разъяренную толпу. В Квинсленде, где овцеводы в начале 1891 г. воспользовались ситуацией и отказались выполнять ранее

достигнутую договоренность со стригальщиками, Сэмюэл Гриффит, используя полномочия премьера, также вызвал силы обороны и выступил со строгим предупреждением.

Работодатели, полиция, войска и суды сломили великую Морскую забастовку еще до конца 1890 г. В 1891 г. и затем в 1894 г. овцеводы снова нанесли поражение стригальщикам, владельцы рудников в Брокен-Хилл вновь одержали победу в 1892 г., а хозяева угольных шахт — в 1896-м. Другие, менее организованные рабочие объединения просто распались до того, как этого потребовали их работодатели: в 1890 г. в одном из профсоюзов состоял, возможно, каждый пятый наемный работник, к 1896 г. — лишь каждый двадцатый. Противостояние между союзами с их требованием о «принятии на работу только членов профсоюза» и работодателями, которые настаивали на своем «праве свободного заключения договоров», закончилось сокрушительной победой последних. Соблюдение «правопорядка» в понимании колониальных правительств обеспечивало подавление всех попыток противодействовать привлечению штрейкбрехеров.

Тем не менее события начала 1890-х годов имели далеко идущие последствия. Беспорядки в городах напугали либеральных политиков вроде Дикина и Гриффита до такой степени, что они стали применять репрессии, и конфликт в сельской местности привел к гораздо более жестоким результатам. Флаг Южного Креста развивался над лагерями бастующих стригальщиков, которые в отместку за увольнение жгли траву, ограждения, здания и даже лодки. Буш находился под контролем армии, главарей окружили и арестовали по обвинению в подстрекательстве к мятежу и других преступлениях. Эпоха либерального согласия, примирявшего групповые интересы в процессе материального и нравственного прогресса, прошла.

Одной из причин тревоги была внезапность поляризации позиций работодателей и работников. Местные объединения хозяев и работников в конкретных областях взаимодействовали друг с другом десятилетиями в рамках взаимных обязательств и общих ценностей. Затем, в конце 1880-х годов возникли новые союзы, объединившие всех рабочих отрасли и провозгласивших солидарность с другими рабочими, и не только здесь, а во всем мире, — в 1889 г. австралийские профсоюзы собрали по подписке 36 тыс. ф.ст. для забастовочного фонда лондонских докеров. Работодатели организовали собственные объединения, они также отказа-

Певец буша, поэт Генри Лаусон изображен с мешком-свагом за плечами, бурдюком и котелком. Хотя в 1892–1893 г. он совершил непродолжительный пеший поход по стране, свою взрослую жизнь он большей частью провел в Сиднее (Национальная библиотека Австралии)

лись от языка увещаний в пользу риторики конфронтации. Иллюзия гармонии уступила место открытому антагонизму при открытом столкновении по разные стороны баррикад классовой борьбы.

Либералы не были одиноки в своем разочаровании. На Генри Лоусона, мальчишки из буша, который приехал к матери в Сидней и был захвачен радикальными настроениями, атака на рабочих произвела шокирующее впечатление, его реакция была дерзкой.

А теперь, когда мы превратили эту землю
 В цветущий сад надежд,
 Старый сквалыга своей скрюченной грязной рукой
 Придет их у нас отнять.
 Но Свобода скитается, ищет работу.
 Она оглоушит тиранов,
 Она зажжет новый огонь,
 Повесит над ним новый котел.
 Мы заставим тиранов почувствовать боль
 Тех, кого они будут душить;
 И не стоит винить во всем нас,
 Если прольется кровь.

Его мать, пережившая неудачный брак, Луиза Лоусон, напечатала первое стихотворение Генри в своем журнале «Республиканец» (*Republican*), призванном «наблюдать, размышлять, а затем высказаться и в случае необходимости подвергать критике». Для матери и сына эта необходимость была безотлагательной.

Для английского мигранта Уильяма Лейна, который издавал газету, посвященную рабочему движению Квинсленда, поражение было окончательным. Он приехал в Австралию, считая ее местом избавления от «прошлого с его рушащимися империями, повергнутыми тронами, вырождающимися расами». Теперь змей капитализма вполз в райский Новый Свет, и единство рас и полов в «рае для трудового человека» (*Workingman Paradise*, как он озаглавил свой роман о забастовке) было осквернено. В 1893 г. Лейн отправился в сопровождении более чем 200 своих последователей начинать все заново в Парагвае, где его мессианский пуританизм вскоре вызвал разлад в основанной им социалистической общине, которую он назвал Новой Австралией. Среди последователей

Лейна была молодая школьная учительница Мэри Кэмерон, у которой до отплытия была романтическая связь с Генри Лоусоном.

О женщины Новой Австралии,
Как мы крепко тогда держались за руки!
Мы знали, что с нами Бог,
Он всегда указывал нам путь.

Она вернулась в 1902 г. уже как Мэри Гилмор в сопровождении мужа, они стали жить в загородном имении его семьи. От этого «схождения в ад» она спасалась сочинительством, а в 1908 г. начала вести женскую страницу в главной профсоюзной газете «Австралийский рабочий» (*Australian Worker*). В качестве поэта, обозревателя и корреспондента Мэри Гилмор стала национальным бардом.

Для У.Г. Спенса, основателя Австралийского союза стригальщиков, события 1890 г. стали уроком другого рода. Они отложились в его памяти и вылились в книгу «Пробуждение Австралии» (*Australia's Awakening*). Сначала происходило взросление Австралии, выросшее в братство профсоюзного движения, которое превратило товарищество в религию, «принесшую спасение от многих лет тирании». Затем началась промышленная война, «в которой правительства встали на сторону капиталистов»; она обнажила истинную природу и тех и других. Это, в свою очередь, «убедило рабочего в том, что у него в руках есть оружие», способное их сразить и принести окончательную свободу, — выборы. Через год после поражения в Морской забастовке профсоюзы Нового Южного Уэльса образовали Рабочую избирательную лигу, которая получила 35 из 141 места в Законодательном собрании. Аналогичные организации появились в других колониях и в конце десятилетия объединились в Австралийскую лейбористскую партию. К 1914 г. лейбористская партия была представлена в каждом штате. Сам Спенс написал «Пробуждение Австралии», будучи членом федерального парламента.

Это был резкий поворот фортуны. Задолго до того, как британская Лейбористская партия преодолела порог чисто символического представительства, а социалистические партии Франции и Германии все еще боролись за легитимность своего положения, молодая Австралийская лейбористская партия получила большинство на национальных выборах. Новые законы позволили быстро, к 1914 г.,

восстановить членство в профсоюзах до трети всех наемных рабочих — беспрецедентный уровень для любой другой страны. Получение официального статуса в то время, когда она находилась еще в политическом «младенчестве», превратила Лейбористскую партию в прагматичную организацию большинства электората. Ее основатели-социалисты были вынуждены либо смягчать свои принципы, либо им приходилось уходить. Внутрипартийные правила, призванные обеспечивать демократический контроль, использовались для укрепления господствующего положения политиков. Уже в 1893 г. стригальщик из Квинсленда Томас Райан, которого в 1891 г. обвинили в организации заговора и избрали в парламент в 1892 г., сделал заявление: «Друзья слишком сердечные, виски слишком крепкое, сиденья слишком мягкие для Томми Райана. Его место там, среди стригальщиков на старых ручьях».

Райан был избран кандидатом от лейбористов рабочими, которые собрались под раскидистым эвкалиптом, что стоял у входа на железнодорожный вокзал города Баркалдайн в Центральном Квинсленде, где всего лишь год назад бастующие стригальщики и рабочие пункта стрижки овец собирались читать жалобы Уильяма Лейна. Эвкалипт называли «Древом познания», а его запретным плодом был парламентаризм. Это дерево, священное дерево лейбористской мифологии, стоит там до сих пор, хотя на его ветвях мало листвы, а дряхлый ствол теперь укреплен бетоном. Когда Райан вернулся к своим товарищам по работе, недостатка в добровольцах, готовых взять на себя бремя обязанностей парламентария, не было.

Создание этого политического движения на обломках сокрушительного поражения предвещало появление новой силы, которая, в свою очередь, подтолкнула прежние политические группировки либерального и консервативного характера к образованию единой антилейбористской партии. Вся сфера политики теперь структурировалась по классовым признакам, и мобилизация сил на принципах классовой принадлежности влияла на все аспекты общественной жизни. Разногласия, так ярко проявившиеся в событиях Морской забастовки, породили солидарность, которая была почти клановой по своей силе. Рабочие решили, что они должны одержать верх, а капиталисты были твердо уверены, что этого нельзя допустить. Прозорливый Альфред Дикин в 1891 г. точно предсказал, что «значение подъема Лейбористской партии в политике важнее и грандиознее, чем Крестовые походы».

Волна забастовок и локаутов поднялась тогда, когда завершались годы процветания и экономического роста. Цены на шерсть с 1870-х годов снижались (усилия овцеводов по повышению производительности труда составляли основу конфликта в этой отрасли), экспорт сократился в конце 1880-х с почти 30% отечественного производства до менее чем 15%. Возрастала зависимость от британских инвестиций как в государственных расходах на общественные работы, так и в частном городском строительстве. И там и там царил чрезмерный оптимизм, кумовство и сомнительные методы ведения бизнеса, поскольку одни и те же лоббисты активно действовали в кабинетах министров и в правлениях компаний, а кредиты на льготных условиях подпитывали бум в торговле землей, который достиг высшей точки в Мельбурне.

К 1890 г. затраты на обслуживание внешнего долга достигли 40% поступлений от экспорта. Когда на лондонском финансовом рынке в том же году стало известно об объявлении дефолта несколькими южноамериканскими правительствами, банки отказали Австралии в новых займах. Когда чуть позже разорилось несколько компаний, занимавшихся рискованным бизнесом по купле-продаже земли, нехватка капитала превратилась в его бегство. Осенью 1893 г. большинство банков страны временно прекратили операции, ввергнув торговлю и промышленность в хаос. Положение усугублялось тем, что многие из мельбурнских дельцов, разбогатевших на земельных сделках, сумели воспользоваться новыми законами и избежали преследования со стороны кредиторов. Глубокая подозрительность к «власти денег» стала на долгие времена наследием депрессии 1890-х годов.

В 1891 – 1895 гг. объем экономики сократился на 30%. В 1893 г. безработица среди квалифицированной рабочей силы составляла 30%. Среди неквалифицированных рабочих доля уволенных была выше, но статистики по ним не велось, поскольку они не получали систематической поддержки. Вместо этого существовала благотворительная помощь женщинам и детям, а также программы занятости для мужчин, и то и другое — в совершенно недостаточном объеме для удовлетворения их нужд. Некоторые уезжали в Западную Австралию, где открытие новых месторождений золота вызвало приток новых британских инвестиций и привлекло 100 тыс. человек из восточной части континента. Кто-то уходил в буш в поисках работы или же начинал заниматься попрошайничеством. Скитальца, выбравшего, по образному выражению Генри Лоусо-

на, «путь кенгуру-валлаби» и путешествовавшего с характерной скаткой за плечами, называли свагманом*. В те трудные времена различали бродяг-свагманов, готовых работать за пропитание, и бродяг-сандаунеров**, которые приходили к домам лишь в конце дня в расчете на даровой ужин.

Резкое падение количества браков и рождений свидетельствовало о бедности и неуверенности в будущем. Иммиграция прекратилась после 1891 г. — за оставшуюся часть десятилетия чистый прирост населения составил лишь 7 тыс. человек. Лишь в следующем десятилетии доходы Австралии вернулись к уровню, на котором они находились до депрессии. Укоренившееся предубеждение и отвращение к зависимому положению стали еще одним долговременным результатом депрессии.

После депрессии пришла засуха. В 1895–1903 гг. череда засушливых лет иссушила наиболее густонаселенную восточную часть континента. Земля уже была истощена в результате интенсивного выпаса скота и выращивания сельскохозяйственных культур. Поддерживавшая жизнь человека десятки тысяч лет страна менее чем за столетие была завоевана и преобразена. Резкие изменения в характере землепользования, переход от присваивающего хозяйства к производящему, внедрение новых видов растений и животных, новых методов, обусловленные международным притоком кредитов, материалов и появлением внешних рынков, вызывали в окружающей среде радикальное упрощение, нарушение равновесия и истощение.

Признаки этого дисбаланса уже проявлялись в разрушении среды обитания вторжением экзотических растений и животных. В 1880-х годах кролики, уничтожившие продуктивность пастбищ в Виктории, Южной Австралии и Новом Южном Уэльсе, распространились на север, в Квинсленд, а в 1890-х они пересекли равнину Налларбор и пришли в Западную Австралию. Когда засуха погубила последний травяной покров, земля превратилась в пыль, засыпавшую дамбы, ограждения и поднимавшуюся высоко в воздух. Сильнейшая пыльная буря в конце 1902 г. заволокла восточные штаты красным облаком, которое заслонило солнце и даже пере-

* *Свагман* (англ. swagman) — от австрал. диалект. swag. Сваг представлял собой длинный сверток из одеяла, внутри которого находились пожитки свагмана. Он служил хозяину одновременно и рюкзаком, и спальным мешком, и палаткой.

** *Сандаунер* (англ. sundowner) — букв. закатник, от англ. sundown — закат.

секло Тасманово море, окутав Новую Зеландию на 3 тыс. км к востоку. В 1891 — 1902 гг. поголовье овец сократилось вдвое.

Раздоры, депрессия, засуха... Всадники апокалипсиса промчались по континенту, растоптав иллюзии колониального прогресса. Тем не менее из этих бедствий возникла национальная легенда, наложившая мощный отпечаток на последующие поколения. Она была создана новым поколением писателей и художников, сознательно вводящих общеизвестные приемы в местную идиоматику, для местного пользования. В поисках австралийского своеобразия они, отвернувшись от города со свойственными ему пороками промышленной цивилизации, обратились к идеализированной глубинной части страны. Это уже не были места безмятежного, пасторального уединения. На картинах Тома Робертса и Фреда Маккаббина изображен пейзаж с ослепительным светом. В балладах и рассказах Генри Лоусона все было сурово и просто.

Зеленые тона пасторалей уступали место коричневому цвету неовозделанной земли; скваттера и его ферму заменили стригальщики, конные сторожа границ пастбища и другие кочующие работники, которых приезжий англичанин описал в 1893 г. как «один могучий и уникальный тип, созданный в Австралии». Типичный кочевник этих мест отличался яркой независимостью, твердостью, непочтительностью к авторитетам, стремлением к равноправию и товариществом — качествами, за которые, прежде чем они стали приписываться всей нации в целом, приходилось расплачиваться во время войны с профсоюзами буша.

Еженедельник «Бюллетень» (*Bulletin*) был главным выразителем складывавшегося образа нации. Основанный в 1880 г., журнал страстно и дерзко высмеивал самодовольных капиталистов, аристократов с их моноклями и вечно брюзжащих пуритан. «Бюллетень» всегда защищал республиканские идеи, секуляризм, демократию и главенствующую роль мужчин в обществе. С 1886 г., когда «Бюллетень» открыл свои страницы для читателей, тысячи людей, получивших образование лишь в массовой школе, вступили в огромный литературный мир. Именно здесь Лоусон и Э.Б. Паттерсон соревновались в поэзии. Первый сбежал от ужасов дальних заповедных земель, второй, будучи сыном овцевода, стал в городе адвокатом и превозносил волшебное изобилие города. Впрочем, Паттерсон написал и «Вальсирующую Матильду» (*Waltzing Matilda*) — балладу о трагической судьбе свагмана, возможно одного из организаторов забастовки стригальщиков, который предпочел утонуть, но не попасть в руки

солдат. Здесь же печатался Стил Радд со своими шутивными сельскими рассказами о фермере-бедолаге Папаше (*Dad*) и его сыне Дейве (*Dave*); Барбара Бейнтон, писавшая о враждебной атмосфере буша и жестокости его людей, а также Джон Шоу Нейлсон, который, испытав все тяготы суровой участи сына разорившегося фермера, не потерял чувства прекрасного и воспел хрупкую красоту природы.

Необжитые земли никогда не бывают благосклонны к женщинам и детям. Лаконичная ирония Лоусона поддерживает идеализм и сентиментальность крепкой мужской дружбы, но самые сильные его рассказы написаны о женщинах в отсутствие мужей, отправившихся на борьбу с кошмарами буша. Природа в Австралии имеет свою темную сторону, которая в конце концов каждого сводит с ума, нарушая все законы нормальной логики. В возрасте всего 19 лет Майлз Франклин выступила в произведении «Моя блестящая карьера» (*My Brilliant Carere*, 1901) как борец против своей судьбы дочери хозяина молочной фермы: «В этой истории нет сюжета, потому что его не было в моей жизни». Джозеф Ферфи, разорившийся фермер, погонщик волов и, в конце концов, наемный рабочий на литейном заводе своего брата, начал свой роман «Такова жизнь» (*Such is Life*, 1903), самый сложный из романов того времени о бродячей жизни, с восклицания: «Наконец-то безработный!» Он отправил рукопись редактору «Бюллетеня» в 1897 г., представив ее таким образом: «Характер демократический: тенденциозность устрашающе австралийская». Тем не менее, даже Лоусон, самый одаренный из радикальных националистических писателей, вскоре ушел в банальности «Стригальщиков» (*The Shearers*, 1901).

Ни один церковный колокол не позовет с Пути,
 Ни одна кафедра не осветит их слепоту —
 Это тяготы жизни, засуха и бесприютность
 Учат этих жителей буша доброте...

Они шагают, как товарищи, плечом к плечу —
 Протестант и католик —
 Они не называют ни одного двуногого господином или сэром
 И не снимают шляпу ни перед кем!

Легенда буша была именно такой — мифом, лелеявшим утраченные возможности, но при этом к ней можно было возвращаться вновь и вновь в поисках нового смысла. Даже в 1980-х годах она

позволила простодушному охотнику на крокодилов одержать в голливудском художественном фильме победу над искушенными ньюйоркцами*.

Крокодил Данди был творением бывшего подсобного рабочего на мосту в Сиднейской гавани. Легенда буша 1890-х точно так же была сформирована новой городской интеллигенцией, людьми, державшимися города, несмотря на разочарование его мещанской респектабельностью. Лоусон вырос в буше, но знание этой необжитой земли он черпал из непродолжительного похода 1892—1893 гг. на юго-запад Квинсленда. «Вы не представляете всех ужасов этой местности, — писал он своей тетке. — Мужчины бродяжничают, просят подаяния и живут, как собаки». Художники гейдельбергской школы**, работавшие на пленэре, решались удаляться лишь на несколько километров от пригородов Мельбурна, чтобы разбить лагерь и писать там низкорослую растительность. Том Робертс создал каноническую пасторальную работу «Стрижка овец» в своей городской студии после короткой поездки в сельскую местность. Чарлз Кондер использовал Сиднейскую гавань и прилегающие к ней водные пространства для своих импрессионистских картин. «Бюллетень» был известен как «библия жителей буша», но создавался и печатался в Сиднее интеллектуалами, далекими от жизни, которые проецировали свои стремления и мечты на воображаемую сельскую глубинку и позволяли городским читателям окунуться в мир мужской солидарности.

Во всех обществах переселенцев существуют пограничные легенды. Идет ли речь о непоколебимой приверженности независимости, обнаруженной Фредериком Джексоном Тёрнером в американском Западе***, или о бегстве из неволи, навсегда оставшемся в памяти буров как Великий переход****, — во всех случаях белые

* Имеется в виду фильм Питера Файмана «Крокодил Данди» (1986).

** *Гейдельбергская школа* — течение в австралийской живописи, находившееся под влиянием французских мастеров. Получила название по имени деревни Гейдельберг неподалеку от Мельбурна.

*** См.: Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009.

**** *Великий переход* (англ. Great Trek, африкаанс Groot Trek) — исход буров из южноафриканской Капской колонии, захваченной англичанами. Переселение за реку Оранжевую и далее на северо-восток началось в 1835 г. и продолжалось около десяти лет. Позднее переселенцы создали республику Трансвааль и Свободное Оранжевое государство. После двух англо-бурских войн оба государства вошли в состав Британской империи и затем Южно-Африканского Союза (1910). Память о Великом переходе — основополагающий элемент национального самосознания африканеров.

поселенцы стремились к установлению прочной связи с землей и страной, и эта связь становилась основой формирования нации. Даже когда историки ревизионистского склада подвергают сомнению национальные мифы такого рода, они не лишают ауры сложившиеся представления о происхождении нации и не пытаются найти для них какой-то иной, альтернативный фундамент. Так, австралийские историки феминистского направления, борясь с женоненавистническим смыслом легенды 1890-х годов, тем не менее, признают эмблематичность образа свободного мужчины, кочующего по бушу. Но его свободу они интерпретируют как отречение от всяких домашних обязанностей. Та мужественность, которую восславлял «Бюллетень», означала право странствовать. Авторы и карикатуристы журнала высмеивали тех, кто вечно вставал на пути мужчины: ворчливых жен, чопорных священников и всех прочих ваузеров (*wowers*; так в Австралии и Новой Зеландии называли всевозможных сторонников строгих пуританских нравов, требовавших запрета алкоголя, табака и прочих удовольствий такого рода). По мнению феминистских критиков, главным противоречием в обществе на рубеже веков был не классовый конфликт между капиталистами и рабочими, а более фундаментальный конфликт между мужчинами и женщинами.

Женское движение, возникшее наряду с рабочим движением в конце века, разделяло с последним многие положения. Первые феминистки, например Луиза Лоусон, вместе с первыми социалистами рассуждали о прогрессивном характере австралийского общества. Они приветствовали стремление к равноправию австралийских мужчин и сравнительно неплохое положение женщин. Они также считали Австралию свободной от пороков Старого Света — классовых различий, нищеты или насилия — и, соответственно, способной использовать новые возможности. Как местные республиканцы брали за основу американские прецеденты, аграрные радикалы — идеи Генри Джорджа, а социалисты — сочинения Эдварда Беллами, так и женское движение находилось под сильным влиянием Женского христианского союза трезвенников, пришедшего из Америки в начале 1880-х годов. Движение стремилось улучшить положение женщин и реформировать общество, освободив семейную и общественную жизнь от произвола мужчин. Таким образом оно добивалось осуществления ряда мер: воздержания от спиртных напитков, законодательного запрещения азартных игр, установления контроля над проститу-

цией, увеличения брачного возраста, предотвращения домашнего насилия — с целью защиты женщин от хищных мужчин. Осознавая отсутствие у себя политической власти, эти женщины проводили кампании за свои избирательные права, и в 1894 — 1908 гг. они добились права голоса на выборах в общенациональное Законодательное собрание и законодательные собрания всех колоний.

Лидерами этого суфражистского движения были образованные, самостоятельные женщины. Роза Скотт в Сиднее и Вида Годдстейн в Мельбурне приобрели организаторские навыки в общественной филантропической деятельности, которые они затем применяли в борьбе за дело эмансипации женщин. Эта борьба поглотила все их время и силы, ради нее они не вступили в брак и не рожали детей. Поэтесса Мэри Гилмор объясняла свое неучастие в суфражистской кампании домашними заботами.

Я не иду на лекцию,
Я не сижу рядом с миссис Скотт;
Готовлю обед на двоих
И сижу у детской кровати.

Существовали трения и между феминистками в рядах рабочего движения, стремившимися к более равноправному партнерству в целях освобождения рабочей семьи от тягот жизни, и теми, кто придерживался более широких взглядов на устранение препятствий к обретению женщинами независимости. Признаки «новой женщины» включали высшее образование, профессиональную карьеру, простую одежду и даже возможность ездить на велосипеде.

Появление «новой женщины» свидетельствовало о рождении нового противостояния, столь же ожесточенного и имевшего столь же масштабные последствия, как и противостояние труда и капитала. Оно не привело к появлению новой политической партии, а все первые попытки женщин добиться представительства в парламенте потерпели неудачу, поскольку война между полками велась на другой территории. Лидер Лейбористской партии объявил в 1891 г., что его товарищи вошли в Законодательное собрание Нового Южного Уэльса, «чтобы создавать и менять социальные условия»; женское движение боролось за изменение условий в семье и положения полов, оставаясь вне парламента. В обоих случаях яростное наступление убеждало в иллюзорности

привычных ожиданий. Усиленное осознание различных интересов породило движение, которое стремилось просто вернуть право на удовлетворение новых потребностей. Рабочее движение боролось за права трудящихся, женское движение — за контроль над женским телом.

Печально известный случай изнасилования в 1886 г. на пустыре у Маунт-Ренни в Сиднее, вблизи Парка столетия, был в этом противостоянии полов равносильен джондарианскому инциденту. Шестнадцатилетнюю девушку-сироту, искавшую работу, подстерег извозчик, отвез ее на пустырь, где она подверглась групповому изнасилованию, в котором участвовали восемнадцать мужчин. В 1880-х годах число таких преступлений резко возросло, что говорило об усилении напряжения в отношениях между полами, но этот случай был необычен тем, что преступники предстали перед судом, четверо были повешены, еще семь приговорены к пожизненным каторжным работам.

Борцы за ограничение животных инстинктов мужчин на этом не остановились, но распространили свою кампанию на преступления против женщин в семье. От осуждения порочности домашнего насилия они перешли к вопросу о самих основах брака как торговли своим телом и к требованию, чтобы женщины имели возможность контролировать деторождение. Здесь они попали в демографическую струю — в период десятилетия депрессии заметно сократилось количество браков и еще резче снизилась рождаемость, — и это не помешало мужчинам из королевской комиссии по рождаемости в 1903 г. обвинить женщин в невыполнении своего национального долга матери и хранительницы очага.

У женщин был реальный ответ на это обвинение. В интересах нации важнее всего было обеспечить рождение желанных детей и воспитание их в доме, свободном от безответственности и произвола мужчин. Именно по этой причине феминистки стремились ограничить мужчин, которые растрачивали заработки на игру, табак и алкоголь, а вернувшись из пабов, тиранили своих домашних. Мужчину необходимо было укротить и избавить от эгоистичных, агрессивных качеств, чтобы вернуть его к выполнению своих обязанностей надежного кормильца и спутника жизни. Следовало учитывать более высокую нравственность женщин в отношении семьи и облагораживания жизни нации. Не все австралийские феминистки следовали этой семейной логике вплоть до крайнего вывода о раздельных сферах интересов. Они по-прежнему отстаива-

ли право женщин на образование, занятость и участие в общественной жизни. Феминистки создавали свои собственные добровольные объединения, которые вносили в общественную жизнь просветительские материалистические ценности, которые отстаивал Женский христианский союз трезвенников.

Царица Дома, верный друг и спутница жизни,
 Водительница и мать нации;
 Широка ее сфера, огромна ее миссия.
 Ничто не сможет уничтожить ее влияние.

Противоборство между полами на рубеже веков не потеснило господства мужчин в политике, религии и бизнесе, но оно решительно изменило их привилегии.

Рабочее и женское движения были движениями протеста. С окончанием эпохи непрерывного роста вера в прогресс была поколеблена. При неспособности существующих институтов поддерживать согласие либеральное единодушие было нарушено. Оптимизм, основанный на общих интересах и ценностях, уступил место разочарованию и конфликтам. Социалисты и феминистки призывали жертв угнетения восстать против хозяев и мужчин, которые эксплуатировали их и жестоко обращались с ними. Цель состояла в перестройке общества и устранении различий между классами и полами; результатом должна была стать мобилизация мощных коллективов с самостоятельными и различными приверженностями — социализм и феминизм были универсальными по своим масштабам и международными по характеру деятельности.

В ответ на эти вызовы утверждался другой коллективизм — коллективизм нации. В 1890-х годах он был институционализирован в процессе, результатом которого стал федеративный Австралийский Союз с ограниченными властными функциями, но за этими ограничениями в соглашении прослеживались более сильные мотивы — традиция и судьба. Из кризиса колониального согласия возникла непреложная австралийская государственность.

Австралийцев вряд ли можно обвинить в поспешном объединении в федерацию. Этот процесс можно отнести к началу 1880-х годов, когда планы французов и немцев в юго-западной части Тихо-

Эдмунд Бартон и Альфред Дикин были лидерами федерального движения в Новом Южном Уэльсе и Виктории и двумя первыми премьер-министрами Австралийского Союза. Бартон сидит слева с выражением торжественного достоинства, тогда как живая поза Дикина говорит о его темпераменте (Национальная библиотека Австралии)

го океана встревожили колонии, но подозрительность Нового Южного Уэльса в отношении Виктории помешала созданию чего-нибудь более существенного, чем слабый и неполный Федеральный совет. В 1889 г. пожилой и прежде препятствовавший объединению премьер Генри Паркес, рассчитывая на бессмертие в качестве отца федерации, выступил с призывом к укреплению связей. Это привело представителей колониальных парламентов на Федеральный съезд в Сиднее в 1891 г. Они разработали проект конституции, но парламенты колоний его не одобрили. Федерация возродилась, когда колониям разрешили прямые выборы делегатов на новый съезд и заранее согласились вынести его предложения на всенародный референдум. Второй Федеральный съезд проходил в 1897–1898 гг., но только четыре юго-восточные колонии дошли до референдума, и только три получили одобрение, набрав необходимое количество голосов. В Новом Южном Уэльсе для этого понадобились дополнительные уступки перед вторым референдумом, так же поступили отдаленные отстающие колонии Квин-

сленд и Западная Австралия. Провозглашение Австралийского Союза 1 января 1901 г. в Парке столетия в Сиднее произошло спустя более десяти лет после того, как Паркес говорил о «красной нити родства».

Альфреду Дикину, выдающемуся деятелю Виктории, для которого стремление к союзу было святым долгом, «его реальное достижение должно было всегда представляться результатом цепочки чудес». Для Эдмунда Бартона, борца за эту идею в Новом Южном Уэльсе и первого общенационального премьер-министра, завоевание «нации для континента и континента для нации» являлось исключительным достижением. Это было его главным делом и, организуя кампанию за утвердительное голосование на первом референдуме, он провозглашал: «Господь расположен дать нам эту федерацию».

Если федерация священна, то не благодаря организованному христианству. Католический архиепископ Сиднея кардинал Патрик Моран вызвал ожесточенное сопротивление со стороны протестантов, когда выступил за Федеральный съезд. Съезд сделал уступку в связи с хлынувшим потоком церковных петиций и признал в преамбуле Конституции, что народ «смирненно полагается на благословение Всемогущего Господа» при создании своего Содружества, однако в главе 116 Конституции исключалось учреждение государственной религии. Моран ушел с торжественной церемонии основания Содружества, потому что впереди в процессии шел архиепископ Англиканской церкви.

Конституция соединила британскую систему ответственного правления с американской моделью федерализма: колонии (с этого времени штаты) наделяли определенными полномочиями двухпалатный общенациональный парламент, палата представителей которого представляла народ, а сенат — штаты, при подотчетности правительства народной нижней палате. Многие из продолжительных дебатов относительно федерации касались перечисления этих полномочий и установления равновесия между опасениями малонаселенных штатов и амбициями густонаселенных. Все штаты произвели тщательные расчеты результатов объединения для их финансового положения. Купцы, фабриканты и фермеры размышляли над тем, как у них сложатся дела, когда Австралия превратится в общий рынок. По признанию Дикина, «в каждой колонии мало кто действительно чем-то жертвовал ради этой цели, не рассчитывая или не надеясь получить выгоду».

Колонистам не удалось отвоевать независимость и избежать контроля со стороны империи. В этот период британское правительство поощряло свои переселенческие колонии Канады, Новой Зеландии, Австралии и Южной Африки к объединению в более четкие и эффективные доминионы с самоуправлением во внутренних делах, но действующие в соответствии с имперскими механизмами. Новое название — «доминион» — было принято в 1907 г. на конференции колоний в Лондоне, которая установила, что такие собрания будут впредь называться имперскими конференциями. Тем самым Лондон содействовал созданию Австралийской федерации, министерство по делам колоний определило ее окончательную форму, а Конституция Союза* вступила в силу в качестве законодательного акта британского парламента. Один только этот факт оттолкнул местных республиканцев, к тому же процесс создания федерации был начат слишком рано для рабочего и женского движений, чтобы они могли принять в нем участие и оказывать на него влияние. В отличие от созданных ранее конфедераций Соединенных Штатов Америки и Германии Австралия не вела войны за независимость или объединение. В отличие от итальянцев она не пережила эпоху воссоединения Рисорджименто. Явка на референдум по созданию федерации была ниже, чем на парламентских выборах; только в одной колонии — Виктории, — и то с незначительным перевесом, большинство имеющих право голоса граждан проголосовали за федерацию.

Тем не менее для основателей федерации и тех из современных патриотов, кто стремится оживить гражданскую память, эти плебисциты имели первостепенное значение. Они определяли народ как создателя Австралийского Союза и народный суверенитет как его основополагающий принцип — принцип, который теперь стал признаваться судами при толковании Конституции. Согласно этому мнению, политикам была поручена общенациональная задача, но они выполнили ее недобросовестно. Работа, проделанная первым Федеральным съездом в 1891 г., зачахла в парламентах колоний. Затем в 1893 г. в городке Ковра на реке Муррей, на границе между Новым Южным Уэльсом и Викторией, состоялось неофициальное собрание представителей местных федералистских лиг и отделений Ассоциации коренных австралийцев — добровольно-

* Являясь по форме федерацией штатов (бывших колоний), Австралия обрела официальное название «Австралийский Союз» (The Commonwealth of Australia).

го общества, в котором состояли только те, кто родился в стране. На этом собрании была выработана альтернативная процедура, обещавшая успех: сам народ избирает создателей нового федеративного соглашения, народ его утверждает, народ будет вписан в его преамбулу и его согласия будет необходимо при внесении в соглашение поправок. Это было уникальное достижение — по словам одного священника, «самое большое чудо в политической истории Австралии».

Возможно, так оно и было, но в нем также нашли выражение национальные предубеждения. Неофициальная встреча в Коро-ве была сдиржирована политиками. Человек, который выступил на ней с предложением нового подхода и провозгласил принцип, согласно которому «общее дело должен отстаивать гражданин, а не только политики», сам был политиком. За одним исключением, все делегаты, избранные на Второй Федеральном съезде, имели опыт парламентской работы, две трети — министерской, четверть были премьерами. Создание федерации неизбежно являлось политическим актом, но таким, что австралийцы с их безразличием к политике предпочитали видеть его чем-то иным, а их представители с удовольствием продемонстрировали этот ловкий трюк. Политики, собственный призыв которых был отвергнут, призвали другой голос, способный восстановить их легитимность: они использовали народ как отдельную от них силу, способную на альтруизм, которого они сами добиться не могли.

Эти люди были австралийцами, но сама национальная идентичность претерпевала перестройку. Новую нацию формировали внешняя угроза и внутренние волнения, и оба фактора, действуя вместе, делали расовую принадлежность необходимым условием создания национального государства. Внешняя угроза исходила сначала от конкурирующих европейских держав. Испания и Нидерланды опередили британцев в Тихом океане в эпоху, предшествовавшую империалистической экспансии; теперь Франция, Германия и Соединенные Штаты Америки предъявляли свои права как основные державы, борющиеся за обладание последними невостребованными территориями на планете. Австралийские колонии, у которых были свои субимпериалистические амбиции в этом регионе, убеждали Британию в необходимости опередить злонамеренное вторжение, но Британия уже ощущала тяжесть имперского бремени.

Сохранение Британской империи требовало все больших усилий. По мере того как Британия сталкивалась с усилением конкуренции со стороны производителей, торговцев и финансистов набиравших силу промышленных стран, она обращала все большее внимание на возможности своих колоний и доминионов. Но дешевая колониальная продукция, доступные рынки доминионов и доходные должности в имперской администрации тоже стоили денег. Империя свободной торговли требовала крупных военных расходов. Затраты на содержание королевского флота фактически представляли собой тариф на дешевый импорт, который поддерживала «мировая фабрика». Эти затраты увеличивались по мере того, как европейские державы наращивали гонку вооружений, и Британия была вынуждена держать свои основные военно-морские силы ближе к дому. По этой причине Британия хотела, чтобы ее переселенческие доминионы стали более самоокупаемыми. В 1870 г. она вывела из Австралии последние гарнизоны, предоставив колониям формировать свои собственные войска; негативная оценка в британском докладе 1889 г. потенциала этих добровольных вооруженных отрядов стала одним из стимулов к созданию федерации. Военно-морской флот Великобритании оставался гарантом австралийской безопасности, а укрепления, возведенные у входа в основные порты, должны были отражать атакующие силы до прибытия подкреплений. В 1887 г. колонии согласились взять на себя часть расходов на содержание британской эскадры в австралийских водах. Британское адмиралтейство было настолько раздосадовано устаревшими военными кораблями колоний, что не разрешило им ходить под английским военно-морским флагом.

Поскольку империя больше не обеспечивала Австралии и Новой Зеландии достаточной безопасности, обеспокоенные переселенцы вынуждены были сами предлагать свои услуги британской армии. Они начали это делать в качестве добровольцев в 1860-х годах, когда наряду с британскими солдатами и новозеландскими пакеха* приняли участие в войне против коренных маори. Следующий акт военной помощи — британским экспедиционным войскам в Судане в 1885 г. — был незначительным и бесславным. Контингент, направленный в Южную Африку в 1899–1902 гг., был более многочисленным — 16 тыс. австралийских солдат помо-

* На языке маори «чужой», «чужеземец» — англоновозеландцы.

гали британцам в подавлении восстания голландских переселенцев, но военной славы они при этом не снискали. И снова в 1900 г. колонии направили военный контингент в Китай для оказания помощи международным силам в подавлении мятежа против европейского присутствия в стране. Все четыре заморские войны, следует заметить, начинались как местные восстания против иностранного господства, и во всех четырех австралийцы воевали на стороне империи против национальной независимости.

О последней войне писали меньше всего, но она, возможно, наиболее красноречиво выражала опасения австралийцев. В начале XX в. Азия вытеснила Европу в качестве источника военной угрозы в национальном сознании австралийцев. В это время появилось множество романов о вторжениях, в которых страну уже не осаждали французские или российские военные корабли, она была буквально наводнена ордами людей с Востока. Этот страх подпитывался ростом экономической и военной мощи Японии, которая, внедряя западные технологии, одержала победу над Китаем и оккупировала Корею в 1895 г. Англо-японский договор 1902 г., позволивший Британии сократить присутствие своих военно-морских сил в Тихом океане, усилил обеспокоенность Австралии. Она еще более возросла после того, как в 1905 г. японские военно-морские силы разгромили российский флот. После безуспешных усилий, направленных на увеличение британского присутствия в Тихом океане, Альфред Дикин в качестве премьер-министра пригласил так называемый «Великий белый флот»* США посетить Австралию и начал строить дорогостоящий королевский флот Австралии. К 1914 г. флот был построен наряду с введением системы обязательной военной подготовки.

Но больше, чем все это, страх австралийцев перед иностранным вторжением основывался на присутствии в Австралии уроженцев Азии. Прежде также случались вспышки насилия на расовой почве, особенно против китайцев на золотых приисках. Антагонизм ожил в 1888 г., когда судно из Гонконга с китайскими иммигрантами, агрессивно настроенные толпы не пустили ни в Мельбурн, ни в Сидней. Конфликт затрагивал национальные чувства, поскольку Гонконг был британской колонией и министерство по делам колоний было против ограничения иммиграции на основании открытой

* «Великий белый флот» (англ. Great White Fleet) — мощная флотилия ВМФ США, в целях демонстрации совершившая кругосветное путешествие в 1907 — 1909 гг.

расовой дискриминации. Таким образом, для националистов угроза иностранного вторжения служила напоминанием о власти империи; поэтому в том же году «Бюллетень» провозгласил: «Австралия для австралийцев». Профсоюзное движение выступало против китайцев, поскольку они представляли собой дешевую рабочую силу и тем самым угрозу снижения уровня зарплаты. Для таких идеологов, как Уильям Лейн, они были грязными развратниками, соблазнявшими белых женщин. Даже высоко нравственный Альфред Дикин считал, что сильнейшим мотивом для австралийской федерации служит «желание, чтобы мы были одним народом и оставались одним народом, без примеси других рас».

Тем не менее расовая исключительность не требовала разрыва с Британией, не основывалась она и на законодательстве Содружества. Расизм коренился как в имперских, так и в национальных настроениях, поскольку сторонники империи зывали к единству белой расы в противостоянии с желтой и черной. Отсюда и утверждение Чарлза Пирсона, что «мы стоим на стороже последней части света, где высшие расы могут существовать и свободно умножаться, поднимаясь к высшей ступени цивилизации». Пирсон, английский интеллигент, который переехал в Австралию по причине здоровья и работал в сфере образования и политики с меланхоличной добросовестностью, выступил с предупреждением об опасности в глобальном обзоре, который он предложил назвать *Orbis senescens* («Слабеющий мир»), поскольку был убежден, что цивилизация истощает жизненные силы европейских народов.

Лондонский издатель Пирсона посчитал заглавие слишком мрачным; обзор вышел в 1893 г. под названием «Национальная жизнь и характер: прогноз». Обзор поразил будущего президента США Теодора Рузвельта своей актуальностью. Отсюда и утверждение Альфреда Дикина, бывшего ученика Пирсона: визит «Великого белого флота» показал, что «Англия, Америка и Австралия объединятся, чтобы противостоять желтой агрессии». Австралийцы не сами придумали эту грубую ксенофобскую терминологию — ведь это имперский бард предупреждал о «малых племенах, не знающих закона», но склонность не замечать многонационального состава Европы была их капризом, который мог себе позволить только верный долгу доминион.

В 1897 г. министерство по делам колоний убедило австралийских премьер-министров на конференции в Лондоне отказаться от явной дискриминации других рас в пользу якобы недискрими-

национального экзамена — приема, применяемого другими британскими доминионами для достижения тех же результатов. Поскольку иностранец может экзаменоваться по одному из европейских языков, то, для того чтобы экзамен не был сдан, иммиграционному чиновнику остается только выбрать незнакомый иммигранту язык. На этой основе в 1901 г. новым парламентом Австралийского Союза был принят Закон об ограничении иммиграции, но к тому времени иммиграция из Азии стала уже незначительной. «Белая Австралия» была не объектом федерации, а необходимым условием образования идеализированной нации, которую должен был воплотить Союз. Дикин разъяснил это во время дебатов по Закону об ограничении иммиграции.

Единство Австралии ничто, если оно не означает единую расу. Единая раса означает не только, что ее члены могут смешиваться, вступать в смешанные браки и объединяться без деградации любой из сторон, но она означает расу, вдохновенную одними идеями, устремленную к одним идеалам, народ, обладающий одинаковым общим складом характера, строем мысли...

Учредительная конференция федеральной Лейбористской партии утвердила «Белую Австралию» в качестве своей главной цели; в 1905 г. она представила в качестве логического обоснования свою приверженность «культивированию австралийского настроя, основанного на поддержании расовой чистоты и развития в Австралии просвещенного и самостоятельного общества».

Идеалы, характер, менталитет, настрой, просвещение, самостоятельность, общество — наполнение этих понятий благим содержанием представляется не менее желательными в начале XXI в., чем в начале XX-го. Диссонанс возникает, когда они ассоциируются с расовой исключительностью. Нам легче понять их целесообразность, если мы перенесем их с расовых отношений на культуру. Наше уважение к языку, верованиям, обычаям и единству этнических групп носит плюралистический характер и свободно от биологических нюансов генетического детерминизма, но оно все же принимает эти признаки как подтверждение коллективной идентичности, придающей смысл и цели тем, кому они принадлежат.

«Белая Австралия» служила, таким образом, идеалом, но была надуманной. Закон об ограничении иммиграции использовался

для того, чтобы не пускать неевропейских переселенцев, он позволял остаться значительному числу китайцев, японцев, индийцев и афганцев, которые уже жили здесь. Законодательство Австралийского Союза, принятое в 1901 г., предусматривало репатриацию островитян Тихого океана, занятых в сахарной промышленности Квинсленда, но тем, кто жил там давно, в результате протестов было разрешено остаться. Новым иммигрантам с Явы и из Тимора позволялось работать в индустрии жемчуга. Торговцы, студенты и члены семей неевропейского происхождения продолжали прибывать в австралийские порты. Поскольку расовая однородность являлась иллюзией, обещание равенства тоже было ложью. Дискриминационные законы отказывали неевропейцам в натурализации, лишали их доступа к социальным пособиям, предусматривали запрет на профессии, а в некоторых штатах запрещали землевладение.

Последствия этой политики были особенно заметны в северной части Австралии. Население территории к северу от тропика Козерога на рубеже веков насчитывало около 200 тыс. человек. Половину составляли европейцы, хотя они были сконцентрированы в портах Квинсленда — Таунсвилле, Маккае и Кэрнсе, — а также в шахтерском городе Чартерс-Тауэрс; в других местах прироста населения не наблюдалось. Около 80 тыс. человек составляли коренные жители, населявшие большей частью обширные внутренние районы, и еще 20 тыс. — выходцы из Азии и с островов Тихого океана. Европейцы были всего лишь небольшим расовым меньшинством в бурно развивавшихся многорасовых обществах Брума, Дарвина и острова Терсди у мыса Йорк. Китайские и японские лавочники и меланезийские рабочие составляли значительную часть жителей портовых городов Северного Квинсленда, где они меньше подвергались дискриминации, чем в районах, расположенных южнее.

Приезжие с юга были шокированы такими многорасовым севером. Один из авторов сиднейского «Рабочего» жаловался на то, что он был вынужден ехать в Кэрнс вместе с «двумя китаёзами, одним япошкой, шестью канаками». Корреспондент «Бюллетеня» с отвращением писал о состоянии санитарии в Таунсвилле с «канаками на сахарных плантациях... черными и китаёзами на вокзалах, с китаёзами в качестве садовников, лавочников, владельцев прачечных и подрядчиков». Закончил он девизом журнала: «Австралия для австралийцев!» Парламенты Квинсленда и Западной

Эти торговые марки мыла, вина, спортивных товаров и разрыхлителя для теста были все разработаны в первые годы XX в., когда новая нация создавала национальные символы (Cozzolino M., Fysh Rutherford G. *Symbols of Australia* («Символы Австралии»), Ringwood, Vic.: Penguin, 1980)

Австралии дополнили законодательство нового Содружества, определив исключительное право европейцев на занятие многими профессиями и лишив неевропейцев избирательных прав. В первые годы XX в. процветавшие ранее китайские кварталы сжимались, а Северная Австралия все больше превращалась в монокультурное захолустье.

Самое главное, «Белая Австралия» отрекалась от коренных жителей этой страны. Они не присутствовали на церемониях в честь образования Австралийского Союза. Они были устранены из искусства и литературы, которые изображали новый национальный настрой: если раньше художники-пейзажисты нередко вводили группы местных жителей с целью придания достоверности картинам дикой природы, то гейдельбергская школа вместо них вводила представителей белой расы в образ суровой природной стихии. Аборигены были лишены даже своего статуса коренных жителей Ассоциацией коренных австралийцев, которая присвоила себе этот термин, подразумевавший европейцев, родившихся в Австралии. Тем не менее аборигены продолжали беспокоить совесть белых. Узурпатору легче давалось чувство сострадания, чем восприятие, поскольку фатализм облегчал бремя благотворительности. Прежние филантропы были готовы лишь облегчить страдания тех, кому сами причинили зло. В мрачном предчувствии они провозгласили своей обязанностью поправить подушку умирающей расе.

Теперь, когда на смену евангелическому христианству и законам природы в качестве авторитетного источника пришло учение Дарвина, ученые представили новое подтверждение этому предсказанию. С точки зрения эволюционной биологии Австралия была отрезана от процесса непрерывного совершенствования, вызванного борьбой за выживание, и представляла собой живой музей реликтовых форм. Отделенные широкими морскими проливами от общего прогресса, ее коренные жители якобы были не способны к адаптации и поэтому обречены на вымирание. Данные переписи населения, казалось бы, подтверждали эту теорию. Они свидетельствовали о тенденции к сокращению численности аборигенов, которая в 1901 г. составляла всего лишь 67 тыс. человек. Но несколько штатов не посчитали всех коренных жителей, а Конституция Австралийского Союза исключила их из общенациональной переписи (чтобы их численность не упоминалась при определении электорального представительства). Более того,

при подсчетах в штатах исключалась значительная часть коренного населения, инкорпорированная в общество в целом, — фактически правительства этих штатов подтвердили ожидаемое исчезновение коренных жителей, определяя некоторых из них как несуществующих.

Кроме того, в этом процессе для обоснования насилия использовали и науку. В период 1890—1912 гг. правительства всех штатов захватили то, что осталось от поселений миссионеров, взяв аборигенов под опеку государства. Новые учреждения, обычно называвшиеся «бюро охраны», были наделены полномочиями предписывать аборигенам место жительства, определять условия занятости, контролировать вступление в брак и совместное проживание, брать опеку над детьми. Фактическое использование этих полномочий происходило по-разному — в Квинсленде и Западной Австралии, где численность коренного населения была наиболее высокой, существовали самые крупные резервации и поселения и самые авторитарные режимы, — и многие аборигены старались как можно меньше подвергаться этой опеке. Поэтому использовалось насильственное разлучение детей с родителями. При этих ужасных действиях правительство исходило из доктрины расы как генетической категории. Если аборигены считались неспособными сами себя обеспечить, то за детьми от смешанных браков аборигенов и европейцев признавался более высокий потенциал. Считалось, что стоит только прекратить им помогать и вывести из резервации, как они смогут позаботиться о себе сами и производить такое потомство, так что через пару поколений их аборигенное происхождение больше не будет угадываться. Таким образом станет возможным сокращать или закрывать резервации по мере снижения численности оставшихся жителей. В своих рассуждениях сотрудники бюро охраны пользовались такой лексикой, как «чистокровные», «полукровки», «квартироны» и «октороны»; чаще всего они действовали в соответствии с учетом доли «белой расы» в человеке, которая считалась мерой способностей. Смешанные браки не поощрялись — некоторые руководители бюро охраны требовали, чтобы у них в штате были только женатые мужчины, но, если уж такой брак случался, считалось, что он послужит вытеснению аборигенной крови.

Такая программа страдала противоречиями. Предназначенные для защиты аборигенов поселения и миссии предполагали постепенное исчезновение их жителей. Другие аборигены принуждались к выселению и должны были взаимодействовать и вступать

в смешанные браки с некоренными жителями. В отличие от остальных переселенческих обществ, культивировавших идею превосходства белых, там не существовало непреодолимых барьеров между черными и белыми. Все это было нацелено на ликвидацию аборигенства, прекращение использования их языка, обычаев и ритуалов, а также предполагало разрыв родовых связей в целях обеспечения полного поглощения.

Это были невозможные условия, а для современных аборигенов подобная программа представляется воплощением политики геноцида. Такой она и была в буквальном смысле слова, за исключением того, что гены должны были разбавляться, а не подвергаться массовому уничтожению, как при холокосте. Наиболее распространенными являются обвинения в культурном геноциде, под которым понимается уничтожение своеобразного образа жизни и который, безусловно, проводился преднамеренно, хотя по иронии судьбы ученые, оправдывавшие эту цель, собирали и фиксировали аборигенную культуру, что позволило выжившим аборигенам требовать ее возврата как своей собственной культуры.

Провозглашение Австралийского Союза в первый день нового века объединило национальные и имперские торжества. В конкурсе эскизов национального флага, в котором участвовало 32 тыс. проектов, приз поделили между собой пять человек, поместив британский флаг в углу Южного Креста, хотя британский Юнион Джек оставался государственным флагом до 1950 г. Герб, который держат кенгуру и эму, тоже ожидал утверждения до 1908 г.; после 1912 г. на его фоне появились две ветки акации. Сначала команда по крикету «Тест», а затем другие спортсмены выбрали в качестве национальных цвета эвкалипта и акации — зеленый и золотистый.

Австралийская флора и фауна были популярными декоративными мотивами в период создания федерации, при этом на первое место вышла акация, в которой виделся австралийский эквивалент канадского клена. Золотистую акацию дополняли золотым руном, золотой пшеницей, золотой рудой и золотым сердцем народа. По мнению организации «Лига Дня акации», она символизировала «дом, страну, родство, солнечный свет и любовь». Но несколькими годами ранее в рамках целенаправленного укрепления связей с империей был введен День империи. Национализм и империализм перестали быть соперниками. Можно было, как Альфред Дикин, быть «независимым австралийским британцем».

Британия наделила независимую Австралию некоторыми собственными имперскими функциями, передав свою часть Новой Гвинеи, Папуа, Австралийскому Союзу в 1902 г. Южная Австралия поступила так же с Северной территорией в 1911 г. Тем временем федеральные парламентарии выбрали место для столицы государства на травянистой равнине предгорий между Сиднеем и Мельбурном, а члены кабинета рассмотрели различные названия для будущей столицы: Уэтгл-Сити («город акации»), Эмпайр-Сити («город империи»), Ариэн-Сити («арийский город»), Ютония («утопия»). В конце концов они остановились на слове из языка местных аборигенов — Канберра. Американский архитектор Уолтер Барли Гриффин выиграл конкурс на проектирование столицы. Он замыслил построить город-сад с широкими проспектами, соединяющими его правительственный и гражданский центры, с концентричным размещением жилых пригородов, расположенных в лесных заповедниках и парках. Но чиновники помешали воплощению замысла, который еще не был завершен к 1920 г., когда полномочия были переданы комитету. Мельбурн — монумент торговому империализму XIX в. — оставался временной столицей государства в течение первой четверти XX в.

Австралийская нация формировалась под влиянием страха перед вторжением и обеспокоенности за чистоту расы. И не что иное, как женское тело, сомкнуло на себе обе эти тревоги. Мужчины-националисты отвернулись от досаждавших им иностранок и обратились к своим собственным женщинам как воплощению безопасности, поскольку все доктрины расовой чистоты независимо от степени их научности в конечном счете строились на женском целомудрии. Женщины приносили в эту общую обеспокоенность свою материнскую концепцию гражданства, в которой эмансипация от мужской тирании выступала как необходимое условие решающего участия женщин в делах государства-нации. Личная и физическая чистота женщины, таким образом, служила дополнительным условием ее приобщения к гражданскому статусу, например к предоставлению законами Австралийского Союза 1902 г. избирательных прав всем белым женщинам. Но те же самые законы лишали права голоса аборигенок, которых считали лишенными как самостоятельности, так и способностей к участию в делах государства. Некоторые феминистки выражали сожаление по поводу такого рода фаустовского договора, точно так же они критиковали и манеру обращения с аборигенками, которые

являлись объектом сексуального рабства в особенно открытой и агрессивной форме. Уязвимость женщин-аборигенок перед белыми мужчинами-хищниками и лишение их права на собственных детей считались именно теми инструментами, с помощью которых создавалась «Белая Австралия». Для белых женщин-феминисток все это было нестерпимым преступлением перед самим институтом материнства. И снова материнское гражданское сознание вступало в противоречие с мужским национализмом, провозглашенным «Бюллетенем», когда в 1906 г. он сменил девиз «Австралия для австралийцев» на «Австралия для белого человека».

«Белая Австралия», заявил в 1903 г. Альфред Дикин, «не территория, а рациональная политика, которая доходит до самых корней национальной жизни и которая руководит всей нашей общественной, промышленной и политической организацией». Он говорил как лидер Протекционистской партии, которая находилась у власти при поддержке лейбористов. До 1909 г. в национальном парламенте были представлены три партии — Протекционистская, Партия фритредеров и Лейбористская партия, — и ни у одной не было большинства. За исключением непродолжительного периода, Протекционистская и Лейбористская партии сменяли друг друга в правительстве при квалифицированной взаимной поддержке и в достаточной мере согласованной политики, Фритредеры перед выборами 1906 г. попытались переименоваться, назвавшись антисоциалистами, но это не привело к успеху. Общественные, промышленные и политические формы нового Союза, таким образом, вырабатывались путем достижения консенсуса между интересами фабрикантов и прогрессивного среднего класса, который придерживался либерализма протекционистского толка, с одной стороны, с коллективизмом организованного рабочего класса — с другой.

Задача, которую стремились решить эти политические силы, состояла в восстановлении процветания, утраченного в период депрессии и засухи, ликвидации противоречий, вскрытых забастовками и локаутами, и в перестройке общества колонистов, с тем чтобы оно могло справиться с внешними и внутренними угрозами, перед которыми ощущало свою уязвимость. Внешние угрозы: стратегические, расовые и экономические — были также внутренними, предвещавшими утрату суверенитета, деградацию, нищету и конфликты. Стремление к безопасности и гармонии породило согласованную программу национального строительства.

Некоторые из элементов этой программы уже рассматривались выше. Ответом на угрозу вторжения были военные приготовления в рамках защиты империи. Хотя Австралия считала необходимым отстаивать на имперских форумах собственные интересы, ее намерением всегда было добиться, чтобы Лондон осознавал потребности своего далекого доминиона: независимость «независимых австралийских британцев» была обусловлена охранением империи. Австралия рассчитывала на Королевский военно-морской флот не только ради защиты своих берегов, но и для обеспечения свободы торгового мореплавания. Три пятых ее импорта поступало из Британии, туда отправлялась и половина ее экспорта. Британские финансы гарантировали возобновление экономического роста в первые годы нового века по мере перестройки пастбищного скотоводства и ввода в сельскохозяйственный оборот новых земель.

Ответом на опасения в связи с расовым смешением стала политика «Белой Австралии», которая закрыла въезд в Австралию для иммигрантов из Азии. Но режим миграционного контроля преследовал более широкие цели, нежели просто исключение нежелательной иммиграции. Вербовка рабочей силы за границей, наряду с иностранными инвестициями в общественные работы и частные предприятия, служила двигателем экономического роста. Иммиграция возобновилась во времена процветания, которые вернулись к концу первого десятилетия нового века. В 1906 – 1910 гг. 40 тысячам переселенцев была оказана помощь в переезде в Австралию, и еще 150 тысячам в 1911 – 1914 гг., когда численность населения превысила 4,5 млн человек. Миграции препятствовали, когда безработица была высокой, а вновь прибывающие оказывали депрессивное воздействие на рынок труда: в 1901 – 1905 гг. помощь при переселении получили менее 4 тыс. человек. Миграционная деятельность государства, направленная против цикличности, помогла обеспечить признание рабочим движением этого аспекта национального строительства.

Рабочие места гарантировались также тарифными пошлинами на импорт, который составлял конкуренцию австралийским товарам. Этот механизм обеспечивал союз Протекционистской и Лейбористской партий, представлявших интересы работодателей и их работников в обрабатывающих отраслях промышленности. К тому времени, когда этот союз распался, а Протекционистская и Фритредерская партии в 1909 г. объединились и создали Либе-

ральную партию, чтобы противостоять возрастающему успеху Лейбористской партии, тарифы (с более низкими пошлинами на товары из империи) уже были устоявшимся фактом национальной политики. Протекционизм позволял местным производителям расширять производство и увеличивать количество наемных рабочих с менее чем 200 тыс. в 1901 г. до 330 тыс. человек в 1914 г. Протекционизм Австралийского Союза в отношении местной промышленности приобрел и новый аспект: он защищал только тех работодателей, которые обеспечивали «справедливый и разумный» уровень оплаты и условий труда. Как разъяснял Дикин, «старый» протекционизм удовлетворялся тем, что обеспечивал возможность хорошей зарплаты», а новый протекционизм делал ее явным непременным условием предоставления льгот работодателям.

Определение справедливого и разумного уровня оплаты труда было задачей Арбитражного суда Австралийского Союза, что составляло дополнительный компонент национальной программы. Местные конфликты между работодателями и профсоюзами должны были разрешаться трибуналами штатов, наделенными полномочиями проводить арбитражное разбирательство споров и принимать решения. Несколько штатов создали такие трибуналы вследствие забастовок и локаутов 1890-х годов, а Федеральный трибунал был учрежден в 1904 г. после продолжительных дебатов в парламенте. В 1907 г. его президенту Генри Борнсу Хиггинсу пришлось выяснять, что означает справедливая и разумная оплата труда, разбирая дело крупного фабриканта, производившего сельскохозяйственную технику.

Хиггинс установил, что оплата труда должна быть достаточной для содержания мужчины как «человека из цивилизованного общества»; кроме того, поскольку «брак является обычным состоянием взрослых людей», заработная плата должна обеспечивать потребности семьи. Поэтому при расчете стоимости жилья, одежды, питания, транспорта, книг, газет, развлечений и даже профсоюзных взносов Хиггинс исходил из бюджета семьи из пяти человек и объявил его минимальным уровнем заработной платы для неквалифицированного рабочего мужского пола. Несколько лет ушло на распространение этой нормы (которая стала называться базовой зарплатой и регулярно индексировалась в соответствии с изменением стоимости жизни) на рабочую силу по всей Австралии, но принципы, установленные Хиггинсом в деле о сельскохозяйственной технике, стали основополагающим фактором нацио-

нальной жизни. Размеры зарплаты определялись не путем переговоров, а независимым арбитром. Они должны были базироваться не на прибыли или производительности, а на человеческих потребностях. Они определялись как заработок мужчины-кормильца, при этом заработки мужчин должны были быть достаточными для содержания семьи. Для женщин доступ к определенным профессиям ограничивался, и они получали зарплату, достаточную для содержания одного человека. В течение следующих 60 лет женщины оспаривали двойные стандарты.

Вокруг этих механизмов была создана ограниченная система социального обеспечения. Она предусматривала, что подавляющее большинство австралийцев смогут удовлетворять свои нужды в рамках системы гарантированной занятости и за счет предписанной законом заработной платы. Ожидалось, что они будут откладывать средства на случай несчастья или болезни: базовая зарплата Хиггинса включала в себя расходы на членство в добровольном обществе, которое компенсировало медицинские расходы и потерю заработка. Поскольку было очевидно, что не все люди могут быть настолько предусмотрительными, правительства штатов оказывали поддержку частным благотворительным организациям. При этом иждивенчество не поощрялось, а материальная самостоятельность считалась признаком настоящего мужчины. То, что многим женщинам отказывали в возможности пользоваться заработком их мужа, косвенно подтверждается фактом, что благотворительная помощь предоставлялась только женщинам и детям; для мужчины принять подачку означало потерять мужское достоинство.

В рамках этой логики, когда вся ответственность ложилась на мужчину-кормильца, допускались лишь особые случаи, когда государство предоставляло непосредственную помощь тем, кто не мог работать: в 1908 г. были введены пенсии по старости, в 1910 г. пенсии по инвалидности, а с 1912 г. стали выплачиваться также пособия в случае рождения ребенка для оказания помощи матерям. Австралия рано пришла к выплате социальных пособий, но она не создавала общих систем социального страхования, разработанных в других странах, где функционирование рынка труда создавало опасности для социального потенциала. Вместо этого Австралия пошла путем предоставления косвенной защиты посредством регулирования рынка труда, в результате которого, как выразился один обозреватель, возникло «общество благосостояния получателей заработной платы».

Таковы были компоненты системы, призванной оградить отечественную экономику от внешних потрясений в целях защиты национального уровня жизни. Современники очень гордились ее щедростью и новаторским характером. Из Британии, Франции, Германии и США приезжали социологи для изучения работы этой «социальной лаборатории», которая на деле решала проблемы незащищенности и неуверенности. С высоты конца XX в., когда ее институциональные формы были демонтированы, о ней судили более строго. Любой историк экономики скажет, что система «внутренней защиты», предназначенная для защиты от риска, не дала использовать потенциал «гибкой приспособляемости» и инноваций. А политический комментатор увидит в так называемом «устроении Австралии»* преждевременный уход в иллюзорную уверенность в завтрашнем дне, которая порождала «молодую нацию со старческими артериями».

Суждения такого рода отдают приоритет экономическим аспектам национального переустройства, в рамках которого эффективность была принесена в жертву справедливости. Они недооценивают значение признания фундаментального неравенства между расами и полами, институционализированного в ходе переустройства, и преувеличивают ослабление классовых различий, поскольку «устроение Австралии» не разрешило конфликт между трудом и капиталом, продолжавший вызывать серьезные споры, не считавшиеся с решениями промышленного арбитража. Но главным объектом национального переустройства была не экономика, не социальная справедливость, а сама нация. Создатели Союза стремились изменить рынок, так чтобы обеспечить за нацией право распоряжаться ее материальными ресурсами, чтобы сплотить малонаселенный материк с его отдаленными центрами и региональными различиями в незыблемое целое и направить его противоречивые интересы на службу национальным целям. Это был не просто оборонный или протекционистский проект; он был конструктивным и динамичным.

Это видно из впечатляющего перечня технических инноваций. Австралийские колонисты заслужили репутацию импровизаторов. Практика превалировала над формальным знанием, институ-

* *Australian Settlement (англ.)*. Этот термин охватывает политические действия и концепции, связанные с обретением страной независимости и рождением австралийской нации на рубеже XIX – XX вв.

ты механики и горные школы были ближе к потребностям производства, чем нарождающиеся университеты. К концу века активно трудилась наука. Горняки открывали новые способы добычи полезных ископаемых: технология флотации, разработанная в Брокен-Хилл, была растиражирована во всем мире. Фермеры применяли удобрения и новые сорта для распространения в низинных тропических зонах за Большим Водораздельным хребтом; сельскохозяйственные машины, позволившие ввести базовую зарплату, были не менее современными, чем машины, работавшие на североамериканских равнинах. Правительства возводили значительные ирригационные сооружения для содействия повышению интенсивности садоводства и огородничества.

Фабрики, магазины и учреждения быстро осваивали новые машины и технологии, повышавшие производительность. Австралийцы восприняли карманные часы, пишущую машинку и телефон с тем же энтузиазмом, с которым позже восприняли появление персонального компьютера. Более того, это общество было в такой же мере новаторским и в сфере досуга: с 1880-х годов повсеместно был введен сокращенный рабочий день по субботам, и на смену библейскому делению недели на шесть рабочих дней и один выходной пришло деление на пять и два дня. Возможно, и не австралийцы придумали выражение «конец недели» (*week-end*), но они, безусловно, употребляли его с большой пользой.

Они также быстро освоили принципы эффективности. Стремление к совершенствованию в каждом аспекте национальной жизни соответствовало новому пониманию прогресса уже не как плода насаждения цивилизации на безлюдном материке, а как сознательной задачи выживания нации в нестабильном мире жесткой конкуренции. «Это гонка для быстрых и сильных, а слабых выбивают и переступают через них», — предупреждал один из ведущих бизнесменов. Поэтому работодатели применяли методы научного управления на производстве за счет упрощения процесса труда, тщательной оценки каждой задачи и строгого надзора за ее выполнением. Внутренний рынок был слишком мал для полноценного применения этих методов где-либо, кроме крупных компаний, и их воздействие было, вероятно, значительно большим на государственных предприятиях, таких, как железнодорожные мастерские, и в крупных государственных ведомствах, которые намного превосходили частные организации по масштабам и сложности деятельности. И федеральное правительство,

и правительства штатов расширяли сферу своей деятельности, включая в нее новые задачи административного, инфраструктурного, финансового, промышленного и даже коммерческого характера. Государственные предприятия в сфере транспорта, связи, газоснабжения, электроэнергетики, банковского дела, страхования, а также угольные шахты, склады пиломатериалов, скотобойни, отели и табачные фабрики, когда у власти была Лейбористская партия, оказывали необходимые базовые услуги, сдерживали спекуляцию и задавали тон в области оплаты и условий труда.

За индустриальной и административной эффективностью стояла цель достижения эффективности социальной. К ней стремились посредством проведения различных реформ, направленных на возрождение духа расы и укрепление ее потенциала для внесения конструктивного вклада в достижение национальных целей. Реформаторы были сторонниками нового, захваченными темпами изменений и мощными потоками, направлявшими поведение людей; при этом они были опытными людьми, уверенными в своей способности использовать творческие импульсы и установить в обществе разумный порядок. Их беспокоили изъяны современности, трущобы, распавшиеся семьи, социальные аномалии, деградация. Они действовали через профессиональные объединения и добровольные организации и внедряли свои планы в государственное управление. Они позиционировали себя как поборников прогресса по образцу американских прогрессистских движений, на которые они ориентировались. Прогрессизм нашел свое выражение в градостроительной политике создания национальных парков, улучшении санитарного состояния населенных пунктов, «научном материнстве», устройстве детских садов, охране детства и в заботе об образовании. На смену старым методам обучения, построенным на механическом запоминании, пришло «новое образование» с акцентом на индивидуальное творчество и подготовку к взрослой жизни. Школьников учили навыкам ручного труда, в преподавании делали акцент на естествознании, знакомили с основами здорового образа жизни, обучали правам и обязанностям граждан, с тем чтобы содействовать глубокому укоренению этики социальной ответственности.

«Устройство Австралии», таким образом, не было вопросом устройства поселений. Реконструкция австралийских колоний происходила в ответ на проблемы, встряхнувшие устоявшиеся структуры и представления. В своем стремлении к обеспечению

безопасности колонисты осознали и восприняли свою расовую принадлежность и увидели в себе нацию, причем и то и другое было порождением господствовавшей в то время неопределенности и постоянных изменений. Концепция «Белой Австралии» прочнее привязала страну к Европе в области внешних сношений. Внутри страны она представляла ее почти необитаемой до момента европейского завоевания, что позволяло европейскому капиталу, рабочей силе, технике и культуре наиболее полно проявлять себя и успешно функционировать. Но вместе с этими ресурсами в качестве основы новой нации ей достались и проблемы зависимости и экономической нестабильности, старые споры в связи с рангами и религиями, и новые проблемы, связанные с борьбой классов и полов. Уильям Лейн хотел сохранить простодушие Нового Света в своей «новой Австралии» — это было безнадежным занятием. Альфред Дикин использовал «новый протекционизм» в качестве мерил самостоятельности и гармонии. Но Новый Свет был привязан к Старому и не мог избежать его воздействия.

Глава 7. Жертва (1914–1945)

В течение 30 лет статус обстоятельств, в которых развивалась австралийская государственность, решительно изменился. Стратегическая зависимость от Британии вовлекла страну в две войны. Источник обеих войн коренился в европейском соперничестве, и вместе они подорвали верховенство Европы. Первая мировая война нарушила политическую стабильность воюющих сторон, а также торговлю и процессы капиталовложений, обеспечивавших ее благосостояние. Вторая мировая война разрушила европейские империи, оставив континент разоренным, разделенным надвое и привязанным к двум сверхдержавам — на Востоке и Западе. Британия, оказавшаяся победительницей в обеих войнах, вышла из них, пожалуй, наиболее ослабленной их кумулятивным воздействием. Австралия как самый большой аванпост Великобритании в Тихом океане также понесла тяжелые военные потери. Исчезновение былой уверенности в империи породило сомнения и разногласия. Проект национального строительства зашатался под тяжестью внешнего долга и увеличившейся зависимости. Только когда Вторая мировая война распространилась на район Тихого океана и Австралия оказалась в изоляции и под угрозой завоевания, к ней пришло запоздалое осознание того, что необходимо реконструировать страну в соответствии с изменившимися обстоятельствами.

Первая из этих войн была названа Великой теми, кто сумел ее пережить; никогда ранее они не переживали такой катастрофы и не могли себе представить, что еще одна последует так скоро. После завершения Наполеоновских войн в 1815 г. Европа смогла насладиться столетием мира. Хотя она неоднократно вела колониальные завоевательные войны, внутри нее происходили лишь спорадические и ограниченные по масштабам конфликты, которые быстро разрешались в столкновениях профессиональных армий. В Великой войне участвовали массовые армии, созданные на основе всеобщей воинской повинности, что истощило все ресурсы воюющих сторон в длительном конфликте, который продолжался с 1914 до 1918 г. Когда Германия поддержала Австро-Венгерский ультиматум Сербии, а Великобритания и Франция объединились с Россией, чтобы противостоять Германии и Австрии, война охватила просторы от побережья Атлантики до восточных районов Европы. Вскоре военные действия открыли Турция и Италия. Соединенные Штаты Америки вступили в войну позже, но глобальное присутствие воюющих сторон придало этой войне не только европейский, но и мировой масштаб.

После того как Германия захватила Бельгию и отразила наступление России, первоначальные движения воюющих сторон превратились в статичные окопные сражения. Применение техники на суше и на море давало обороняющимся преимущество перед нападающими. Наступательный потенциал линейных кораблей был парализован применением мин и подводных лодок, мощные земляные сооружения, заграждения из колючей проволоки, пулеметы и огнеметы преграждали путь волнам атакующих солдат. Несмотря на то что военачальники были готовы жертвовать миллионами солдат, исход войны в конечном счете был обусловлен не их действиями, а тем, смогут ли стороны поддерживать боеспособность военной машины и обеспечивать мирное население. Голод ослабил Россию и позволил революционерам захватить власть под лозунгом «Мира, хлеба и земли!». Нехватка продовольствия сыграла критическую роль в окончательном поражении Германии. С полей заокеанских доминионов Британии наполнялась житница, из которой пополнялись ее силы. Торговые суда, перевозившие продукцию Канады и Австралии, способствовали окончательной победе союзных войск не меньше, чем военные транспорты, доставлявшие солдат на поля сражений.

Молодые люди шли первыми. В момент начала войны проходили федеральные выборы. Лидеры партий старались превзойти друг друга в энтузиазме, призывая к участию в войне: Джозеф Кук, премьер-министр либералов, объявил, что «все наши ресурсы находятся на территории Империи и принадлежат Империи»; лидер лейбористов Эндрю Фишер публично обещал сражаться «до последнего человека и до последнего шиллинга». Лейбористы одержали победу на выборах и подтвердили предложение правительства об отправке на фронт 20 тыс. солдат. То, что Австралия примет участие в войне, не ставилось под сомнение, — она все еще была обязана по конституции следовать политике Великобритании, и объявление о вступлении в войну было передано премьер-министру генерал-губернатором. Вопрос стоял только о форме участия.

Ответом явилось формирование экспедиционного корпуса. Он был укомплектован добровольцами и назван Австралийскими имперскими силами. За этим решением стоял длительный спор, продолжавшийся вплоть до 1914 г., между теми, кто выступал за образование гражданской милиции по швейцарской модели для целей национальной безопасности, и теми, кто считал, что нужно создать армию под контролем Британии, которая была способна действовать за рубежом. Этот спор был разрешен путем сочетания принципа добровольного набора со схемой создания имперских частей. Австралийские имперские силы находились под командованием британских генералов до последнего года войны и представляли собой преимущественно фронтовые части, обеспечение которых целиком зависело от британской армии. Точно так же и Королевский австралийский военный флот с самого начала войны был поставлен под контроль Королевского военно-морского флота.

Вначале пришлось решать локальные задачи. В 1914 г. Германская империя на Тихом океане обладала цепочкой островов, тянувшейся от побережья Китая до северо-восточной части Новой Гвинеи. На них располагалась радиобазы, предназначенные для перехвата радиосообщений и передачи сведений германским крейсерам, чьей целью было нарушение морских сообщений союзников. В связи с этим Британское адмиралтейство отдало приказ австралийцам занять Новую Гвинею, а новозеландцам — немецкую часть островов Самоа. Приказ был выполнен, и австралийцы готовились продвинуться дальше на север, когда Британия

попросила не беспокоиться об этом: германские территории выше экватора уже оккупировала Япония. Японскому флоту предстояло патрулировать Тихий океан, освобождая таким образом британские корабли для операций вблизи дома. В обмен правительство Британии заверило Японию в своем намерении передать ей контроль над этими северными островами, что поначалу скрыли от Австралии, опасаясь, что там поднимется тревога. Генерал-губернатор получил приказ подготовить министров к нежелательным новостям и «не допускать в Австралии во время войны возникновения антияпонских настроений». Так было положено начало расхождению между имперской стратегией и национальными интересами.

Напряжение усугубилось в конце 1914 г., когда войска доминиона завершили свою подготовку и были отправлены на театр военных действий. Их объединили с новозеландскими формированиями, в результате чего образовался Австралийский и новозеландский армейский корпус — АНЗАК (*ANZAC*). «Анзаками» вскоре стали называть всех солдат корпуса, которых отличали все те качества, что были характерны для выходцев из поселенческих обществ, изобретательность и энергичность. Получило широкую известность и другое прозвище солдат корпуса, — «диггеры», — уходящее своими корнями в эгалитарное братство золотоискателей. Для анзаков не нашлось места в лагерях на территории Англии, и их разместили в Египте, где австралийцы своим непосредственным и буйным поведением очень быстро произвели впечатление на британских офицеров, которым предстояло приводить лагерь в порядок. Они демонстративно отказывались отдавать честь офицерам и грубо обращались с египтянами. Тем не менее эти неотесанные жители колоний были нужны, чтобы отбросить турецкую армию от Суэцкого канала — жизненно важной магистрали империи. Впоследствии бригада легкой кавалерии участвовала в наступлении союзников на Палестину, Ливан и Сирию, где они приняли участие в одном из последних великих кавалерийских сражений в военной истории.

Но еще раньше анзаков привлекли к участию в операции, которая могла исключить Турцию из войны. Замысел заключался в том, чтобы форсировать проливы у восточного побережья Средиземного моря, которые вели к столице Турции. После этого экспедиционные силы могли войти в Черное море и объединиться с русскими войсками. Но прежде всего нужно было захватить Галли-

польский полуостров, который запирает пролив. Ранним утром 25 апреля 1915 г. войска Британии, Франции и АНЗАКа по отдельности высадились на полуострове. Австралийцы и новозеландцы карабкались на берег бухты Анзак* и штурмовали ее отвесные склоны. Встретив сопротивление оборонявшихся турок, они окопались и отразили все попытки выбить их оттуда, но и сами не смогли захватить господствующие высоты, несмотря на многочисленные атаки. С началом зимы они покинули Галлипольский полуостров, потеряв убитыми 8 тыс. человек. В этой продлившейся восемь месяцев кампании их отступление за пять дней до Рождества 1915 г. оказалось самой впечатляющей операцией.

Потери, которые понесли австралийцы, были лишь частью всего, что случилось во время войны, и британские войска пострадали у Галлипольского полуострова еще больше. Хотя анзаки под огнем вели себя вполне достойно, сама кампания выявила ошибки командиров и исполнителей. И все же при этом их подвиги на турецком полуострове вызвали к жизни стойкую легенду об их воинской отваге. Легенда родилась со слов официального военного корреспондента, описавшего первоначальную высадку анзаков. Этот британский журналист уверил австралийских читателей в том, что «в этой войне не было подвига прекрасней». Эту идею поддержали и австралийские корреспонденты, один из которых связал доблесть анзаков с некомпетентностью их британского руководства. Имя этого корреспондента — Кейт Мёрдок, а его сын Руперт вошел в историю индустрии британской прессы под прозвищем «грязный диггер», весьма болезненным способом осуществив мечту о колониальной мести.

Главный австралийский корреспондент С.Е.В. Бин внес немалую лепту в утверждение легенды. Будучи перед войной простым журналистом, после нее он стал ее официальным военным историком и директором Австралийского военного мемориала, он объяснял качества австралийских солдат влиянием местных условий. «Австралиец всегда с чем-нибудь борется, — писал он в 1907 г. — В буше это засуха, пожары, необъезженные лошади, дикий скот, а нередко и дикие люди». Борьба с человеком и с природой сделала австралийца «самым отличным воином, какой только бывает». Через несколько дней после высадки на Галлипольском полуострове Бин получил возможность подтвердить: «Хотя в дикой сельской

* С тех пор она получила такое название.

и независимой жизни Австралии люди несколько дичают, она все же делает из них превосходных солдат». Он оперативно написал популярный труд под названием «Книга об анзаках», представлявший собой антологию рассказов, стихов и набросков, которые он собирал в военных частях на Галлиполи. Эти устные свидетельства прославляли индивидуальные качества солдат на передовой и все вместе подкрепляли созданную легенду. Став официальным историком войны, Бин использует и разовьет эту технику для создания панегирика национальному характеру.

Легенда об анзаках затрагивала священные темы: крещение огнем в стремлении к недостижимой цели, жертвенность, смерть и искупление через живое наследие повзрослевшей нации. Легенда говорила о проявленных мужестве и стойкости, ставших проверкой на товарищество, и, таким образом, военное поражение превратилось в моральную победу. Уже на следующий год военные отмечали годовщину высадки, и День АНЗАК очень скоро стал государственным праздником, сопровождающимся утренней церковной службой в память о павших.

День АНЗАК стал с тех пор самым патриотичным праздником в Австралии. В какой-то момент его значение стало снижаться по мере того, как редели ряды старых диггеров, а в 1960-х годах усилиями противников празднования военных действий его проведение вообще было поставлено под сомнение. Число марширующих на празднованиях Дня АНЗАК с тех пор установилось на уровне 50 тыс. человек. Число же тех, кто приходит на праздник и приветствует марш, стоя по обеим сторонам улиц, заметно возросло и достигает 200 тыс. Среди них много молодежи, которую от событий в бухте Анзак отделяют не менее трех поколений, и тем не менее эти самые молодые австралийцы в последнее время придали новое звучание легенде об анзаках, ежегодно совершая паломничество в Турцию. Как сказала одна из 13 тыс. девушек, собравшихся на утреннюю службу на Галлиполи 25 апреля 1995 г., посещение мест сражений стало «важной частью календаря пеших туристов», но это также и духовный опыт, порождающий гордость, печаль, даже злость из-за бессмысленных потерь и эмоциональный катарсис. Настоящим откровением для всех стали масштабы потерь турок. «Когда находишься в Турции, осознаешь, что они воевали за свою страну, а мы в их стране были врагами».

После вывода с Галлипольского полуострова австралийские пехотные части были усилены и направлены во Францию. Здесь

в 1916 и 1917 гг. они участвовали в массовых штурмах линий немецкой обороны, что повлекло за собой гораздо более многочисленные людские потери и потребовало большей выносливости.

Чертыхаясь, мы ступаем по дощатому настилу,
 Как проклятые, гонимы некой внутренней яростью,
 Что сильнее животного страха, сильнее усталости,
 Неукротимой и однообразной.

Непосредственные участники сражений были не в силах описать все ужасы выпавших на их долю испытаний; самые значительные произведения о войне появились лишь много лет спустя. Но уже тогда наметилось резкое отличие в восприятии войны теми кто был на Западном фронте, и ее изображением для внутреннего потребления. Зловещие пропагандистские плакаты показывали дикого гунна-немца, насилловавшего австралийскую женщину, что контрастировало с мрачными картинами художников-баталистов, отобранными Бином, или с военными зарисовками Вилла Дайсона, изображавшего экстремальные условия человеческого существования. В 1916 г. герой стихов народного поэта С.Дж. Дениса — неряшливый и недисциплинированный хулиган из мельбурнских трущоб — откликается на «призыв к драке» и проявляет доблесть диггера, сражаясь в Турции, но австралиец, провоевавший год во французских траншеях, высказывается иначе:

Адью, время песню мою обрывает,
 В споре со злом правда силы теряет,
 Любви цветы в багровых пятнах,
 И прежние дни не вернутся обратно.

Западный фронт нес смерть. В 1916 г. австралийцы потеряли 14 тыс. бойцов, в 1917 г. — 22 тыс.; кроме того, их ряды непрерывно редели из-за гораздо большего числа раненых. После Галлиполи число записавшихся в армию добровольцев возросло с 52 тыс. в 1914 г. до 166 тыс. в 1915 г., но в 1916 г. оно снизилось до 140 тыс., а в 1917 г. составило только 45 тыс. Первыми добровольцами были главным образом холостые молодые люди, и многих из них привлекала оплата, равная среднему заработку и превышавшая то, что другие страны предлагали своим военнослужащим. По мере того как таких энтузиастов становилось меньше, приходилось

взывать к патриотическому долгу мужчин старшего возраста, уже женатых.

Женщин в состав вооруженных сил не зачисляли (даже 2 тысячам медсестер, служившим за рубежом, не присваивалось официальное воинское звание), и в отличие от других воюющих государств, в Австралии очень немного женщин было занято оплачиваемым трудом. Их усилия во время войны направлялись в русло добровольной деятельности, а их главным служением было обеспечение и поддержка воюющих мужчин. В одном только Красном Кресте было занято столько же женщин, сколько во всей обрабатывающей промышленности, а леди Манро Фергюсон, супруга генерал-губернатора, превратила огромный бальный зал в губернаторской резиденции в Мельбурне в склад вещей, которые собирали для отправки на фронт. По имеющимся оценкам в годы войны женщины затратили 10 млн человеко-часов на вязание 1 354 328 пар носков. В одежду вкладывали стихи и молитвы, пачки табака с запахом акации. Лига «Одна женщина — один новобранец» призвала каждого из своих членов привлечь на военную службу хотя бы одного новобранца, «пусть из числа бедных, неудачливых, но годных к службе торговцев, которые каждый день стучатся в вашу дверь с черного хода»; а Лига всеобщей воинской повинности вторила женщинам Спарты, напутствуя мужчин словами: «Возвращайтесь на щите или со щитом!»

В конце 1915 г. руководство страной перешло от умеренного лейбориста Эндрю Фишера, чувствовавшего себя неуверенно в условиях войны, к его воинственному заместителю Билли Хьюзу. Хьюз пришел в политику из профсоюзных организаторов и обладал авторитарной жилкой; он сумел перенаправить социалистические настроения лейбористов в русло осуществления националистического крестового похода, навязывая приоритетность коллективных интересов в равной мере и бизнесу, и трудящимся. Состояние войны дало ему возможность усилить полномочия правительства. Тщедушный и глухой, злопамятный смутьян со скрипучим голосом, он отправился в Англию, чтобы добиться от британцев учета озабоченностей Австралии.

Война легла тяжким грузом на экономику. Она прервала приток рабочей силы и капитала и лишила Австралию рынков Германии, Франции и Бельгии, на которые приходилось 30% ее экспорта. Сокращение судоходства ограничивало и импорт, создавая возможности для расширения местного производства, однако при

этом возникал избыток сельскохозяйственной продукции. В первый же год войны экономика сократилась на 10%. Увеличилась безработица. Рост цен опережал рост заработной платы, и отказ Хьюза провести референдум по поводу сдерживания цен вызвал раздражение в рядах лейбористов. Поэтому Хьюзу нужно было, чтобы Британия взяла на себя твердые обязательства по закупкам шерсти, пшеницы и минеральных ресурсов. В этом он в конце концов преуспел. Но это была пиррова победа, поскольку она законсервировала существующую экономическую структуру. И несмотря на то что благодаря первому крупному сталеплавильному заводу, открывшемуся в 1915 г., стала развиваться тяжелая промышленность, возможность ее дальнейшего расширения была утрачена.

Отстаивая потребности своей страны, Хьюз в то же время призывал к новым военным усилиям, однако число австралийских добровольцев сокращалось. Он вернулся в Австралию в середине 1916 г. с намерением ввести призыв на военную службу. Были все основания ожидать сопротивления этому шагу из рядов лейбористов, которые все чаще критиковали правительство за тяжелые военные потери, и лейбористский парламент вряд ли бы принял такой закон. Поэтому премьер-министр через голову своей партии обратился к населению страны с референдумом. Он получил поддержку прессы, протестантской церкви, деловых кругов и лидеров профсоюзов. Главными противниками закона стали социалисты, радикалы и феминистки, которые не разделяли идею об общих национальных интересах в войне и о том, что закон о всеобщей воинской повинности способен справедливым образом распределить бремя неизбежных потерь.

Критики правительства уже испытали на себе драконовские ограничения свободы информации, слова и действий. Закон о предосторожностях военного времени 1914 г. наделял федеральное правительство правом вводить регулятивные меры, необходимые для обеспечения государственной безопасности и защиты Австралийского Союза. Были интернированы 7 тыс. иностранцев — граждан враждебных государств без учета каких-либо жизненных обстоятельств и их личных предпочтений. Среди них были в высшей степени почтенные германоавстралийцы, мигранты с Балкан — невольные подданные Габсбургской империи — и даже афганские погонщики верблюдов, которые прибыли из мест, не входивших в состав Османской империи. Эти действия прави-

тельства пользовались народной поддержкой: страну захлестнула волна выступлений против иностранцев, поскольку накалившиеся под влиянием войны страсти укрепили связь понятий «нация» и «раса» и сузили границы приемлемых различий между ними. Так же обстояло дело с инакомыслием. Антивоенные митинги разгонялись, выступавших против военного призыва преследовали по суду, на их дома и офисы совершались налеты. Самое решительное сопротивление войне оказал Союз индустриальных рабочих мира, и в отношении некоторых из его членов в 1916 г. было сфабриковано дело по обвинению в поджоге и государственной измене.

Жесткой была реакция правительства на действия выступавших против войны феминисток, от которых ожидали проявления материнской жертвенности. Война усугубила разделение полов. Отделив мужчин от женщин, она узаконила мужскую агрессивность, находившую выражение в половой распущенности. Широкое распространение во время войны заболеваний, передаваемых половым путем, стало символическим отражением небезопасного положения нации, что, в свою очередь, приблизило введение новых правил, касавшихся женщин. Такая ситуация содействовала интенсификации движения за моральные реформы, хотя некоторые из его главных достижений — например, закрытие пивных в шесть часов вечера — были проведены *самими* женщинами.

Безудержная цензура вестей с фронта и тяжелые карательные меры внутри страны, по-видимому, нанесли удар по австралийскому правительству. Произведенная британским правительством на Пасху 1916 г. бомбардировка Дублина с целью подавить восстание националистов в Ирландии не могла не взволновать многочисленных австралийцев ирландского происхождения. Те, кто был на фронте, тоже разделились: одни были разочарованы войной, другие же, не потерявшие военного пыла, считали, что их статус волонтеров не должен быть запятнан принуждением к службе. Во время референдума в октябре 1916 г. страна небольшим перевесом голосов отвергла предложение о призыве австралийцев на военную службу за пределами страны.

Спустя год Хьюз повторил попытку, но его вторая кампания в связи с референдумом вызвала еще большие разногласия. На этот раз премьер-министр заклеил своих оппонентов как предателей. Агитаторы из числа лейбористов занимались тем же делом, что и революционеры-большевики, которые, захватив власть в России, вывели ее из войны. Хьюз заявил, что они агенты Германии. Рабо-

чих, чьи забастовки участились, он объявил вредителями. Женщин, которые отказывались посылать на войну своих сыновей, он обвинил в том, что они ослабляют нацию. Осуждавшие войну ирландские католики проявляли такой же сепаратизм и отсутствие лояльности, что и движение Шин Фейн в их родной Ирландии; в то время как название «Шин Фейн» означало «мы сами», по мнению Хьюза, оно означало удар в спину своей стране.

Архиепископ Мельбурна, ирландец Дэниэл Манникс, стал в период дебатов по поводу второго референдума самым грозным противником премьер-министра. Он и раньше обвинял правительство в том, что жизни австралийцев приносятся в жертву «отвратительной торговой войне», а теперь разъяснял, что те, кто ставит интересы Австралии выше интересов империи, сами того не осознавая, являются шинфейнерами. Выпад священнослужителя был настолько болезненным, что Хьюз просил Ватикан приструнить своего буйного священника. Король Георг V также потребовал перевода Манникса в Рим. «Господь не разрешает!» — был ответ кардинала Гаскета.

Премьер-министр носил при себе револьвер и не терпел возражений. Он лично возглавил налет на типографию правительства Квинсленда для захвата тиража направленной против военного призыва речи премьера штата, которая была запрещена к публикации в Хансарде. На пути домой Хьюза забросали яйцами, после чего он создал собственную полицию Австралийского Союза. Второй референдум провалился при еще большем разрыве голосов «за» и «против», чем первый. Австралия осталась одной из немногих воюющих стран, сохранившей добровольную армию, и единственной отказавшейся от военного призыва.

Но это не уменьшило потери. Из пятимиллионного населения армия на добровольной основе приняла на службу 417 тыс. человек — более половины из тех, кто был признан годным. За пределами Австралии в армии служили 331 тыс. человек, и двое из каждых трех солдат были убиты или ранены. Те 60 тыс. павших на фронте составляли большой процент списочного состава, чем любой другой контингент Британии и всей империи (хотя в тех странах, где армия составлялась на основе призыва, потери в процентном отношении ко всему населению были выше). Задолго до окончательной победы в конце 1918 г. общий энтузиазм в отношении войны уступил место мрачной покорности. Единство во имя общей цели, характерное для 1914 г., не вернулось даже

после успешного отражения австралийским корпусом последнего немецкого наступления и последовавшего затем решительного наступления под командованием собственного генерала Джона Монаша.

День заключения перемирия в конечном счете стал Днем памяти, но памяти чего? Жертвы во имя империи и защита свободы — это все, что смогли придумать современники, пересказывая истории о жестокостях Германии в оккупированной Бельгии и рисуя Германию как военизированное государство, склонное к мировому господству. Некоторые историки задним числом усомнились в изначальных намерениях и могуществе Германии. Она не искала войны, утверждали ревизионисты, она напала только тогда, когда могущественный союз стал угрожать ей нападением с обеих сторон. Германия в своих устремлениях не заходила столь далеко, чтобы ставить себе задачу поглощения Британской империи, а ее суровая борьба за выживание далеко превосходила возможности страны. Германия была не более деспотична, чем Россия, и ее представления о свободе, ради которых стоило воевать, мало чем отличались от методов союзников.

А если так, то была ли это война Австралии? Сейчас, когда Австралия удалась от Британии и Европы, становится все труднее понимать, почему прежнее поколение австралийцев готово было преодолевать полмира, чтобы сражаться с далеким врагом. Мы забываем, что многие австралийцы верили в опасность, угрожающую Британии, и объединились для того, чтобы ее поддержать, исходя из понимания своей этнической общности, а не только из собственных интересов. Героизм анзаков теперь вспоминается во время поездок во Францию и в Бельгию, а также в Турцию, где на когда-то вздыбленных войной, а сегодня приглаженных ландшафтах единственной отметиной остаются стройные ряды могил. Почти в каждом австралийском городе и поселке есть памятник, а выбитые на камне имена подтверждают, что их носители действительно существовали, причем отличительная черта австралийских мемориалов состоит в том, что на них перечисляются не только погибшие, но и выжившие в войне. Чаще всего мемориал представляет собой обелиск или фигуру одинокого дигтера на пьедестале, обычно рядового со склоненной головой и перевернутой винтовкой. Австралийскую молодежь учат разбираться в том, какие страны воевали, но гораздо меньше рассказывают о том, какими чувствами руководствовались воюющие.

Эти мотивы проявились на Парижской мирной конференции, где победители делили плоды победы. Хьюз присоединился к Франции, требуя карфагенского мира — наказания для Германии настолько сурового, что оно могло лишь вывести из равновесия мировую экономику и отравить международные отношения. Он спорил с Соединенными Штатами Америки, выступавшими за замену старого имперского порядка системой либерального интернационализма, которая должна была включать свободу торговли, национальное самоопределение и разрешение противоречий с помощью Лиги Наций. Он нанес оскорбление Японии, выразив несогласие с провозглашением расового равенства в Уставе Лиги Наций. Он настойчиво добивался от Британии сохранения за Австралией контроля над Новой Гвинеей. В конце концов была создана специальная категория подмандатных территорий, чтобы обеспечить управление этой бывшей германской колонией как «неотъемлемой частью» Австралии, полностью контролирующей ее торговлю и иммиграционные порядки.

Существенную роль сыграла поддержка Британии. Она помогла Австралии сохранить Новую Гвинею; без нее Японии не отказали бы в северных островах*. В своей публичной конфронтации с Соединенными Штатами Америки Хьюз смог занять возвышенную позицию брутального реализма. «Я представляю шестьдесят тысяч погибших», — сказал он идеалистически настроенному президенту Вильсону. В частных прениях с Британией он вполне мог упомянуть, что хотя государственный долг Австралийского Союза равен 350 млн ф.ст. и половина его принадлежит Лондону, масштабы людских потерь и долгов Британии гораздо больше. Хьюз видел главную цель войны в том, чтобы сохранить империю, от которой зависела безопасность его страны. На мирной конференции его задача заключалась в том, чтобы Британия оставалась империей. Он стремился обрести более значительную роль в делах империи, получив непосредственный доступ к британскому правительству (ему удалось добиться отмены взаимодействия через генерал-губернатора и министерство по делам колоний) и установив собственное представительство в Париже.

Он хотел более тесной координации в имперских делах, но другие доминионы — Канада, Южная Африка, а после 1921 г.

* Имеются в виду острова к северу от Австралии. По Версальскому договору Япония получила мандат на управление бывшими немецкими владениями в Микронезии к северу от экватора.

и Ирландия — были против. Их связи с Британией постепенно исчезали, в то время как Хьюз с его навязчивыми методами агрессивной зависимости держался за них. Более того, прикрываясь империей, он мог откровеннее отстаивать позицию расовой исключительности и более дерзко игнорировать чувства Японии, чем это делали другие англоговорящие государства Тихого океана. Соединенные Штаты Америки, Канада и Новая Зеландия также ограничивали иммиграцию из азиатских стран, но никто не декларировал свои предрассудки столь провокационным образом, как малонаселенный островной континент на юге.

Внутри страны такая напористая лояльность породила глубокие разногласия. Непосредственным политическим следствием первого референдума по вопросу о всеобщей воинской повинности стал раскол Лейбористской партии. В конце 1916 г. Хьюз увел своих сторонников с собрания федеральных парламентариев; в начале 1917 г. он объединился с группами, не имевшими связей с лейбористами, и образовал Национальную партию, которая через четыре месяца выиграла федеральные выборы. Такие же расколы свалили лейбористские правительства в Новом Южном Уэльсе и Южной Австралии. Преданное своими лидерами, оказавшееся под градом упреков в неисполнении национального долга, лейбористское движение на какое-то время обратилось к воинственной классовой риторике прямого действия. Даже когда умеренные лейбористы восстановили контроль над партией на федеральном уровне, они не смогли вернуть себе прежнюю инициативу. В течение четверти века после 1917 г. лейбористы оставались в оппозиции, за исключением двух бедственных лет в период Великой депрессии.

Те, кто покинул Лейбористскую партию, назвали себя националистами, и нация, к которой они себя относили, была верна империи. Их чувства, радости и вера были связаны с их исторической родиной. Усилившаяся во время споров о всеобщей воинской повинности сектантская неприязнь подтвердила, что протестанты сильны в своих религиозных предрассудках, тогда как католики держались в стороне от новых форм государственных церемоний: их церковь не участвовала в послевоенном Дне памяти анзаков, и ее представители отсутствовали при закладке в Канберре национального военного мемориала в 1929 г. Гендерное разделение на защищающих и защищаемых также сохранялось, усугубляя агрессивные черты, свойственные мужчинам и подчеркивая уязвимость женщин. Те 60 тыс. человек, которые пали на службе им-

Билли Хьюз, воинственный премьер-министр от лейбористов, расколол свою партию во время Первой мировой войны, когда он выступил за введение всеобщей воинской повинности. На фотографии «маленький диггер», как его называли, на плечах солдат в конце войны (Национальная библиотека Австралии)

перии, в глазах консерваторов и мужчин-протестантов освятили ориентацию на лояльность ей, хотя повзрослевшая в войне нация стала в целом более уязвленной и все меньше испытывала уверенность в своей способности пойти на эксперимент независимости.

Иногда войну рассматривают как регенерирующую силу, как своего рода австралийский лесной пожар, который гальванизирует энергию, сжигает накопившиеся, устаревшие привычки, открывает дорогу новому, интенсивному развитию. Первая мировая война не принесла национального возрождения. Она убивала и калечила. Она оставила бремя долгов, которое увеличивалось по мере выплат ветеранам и вдовам погибших воинов; даже в разгар Великой депрессии начала 1930-х годов пенсии за участие в войне получало больше австралийцев, чем было охвачено системой социального обеспечения. Это далеко не способствовало укреплению приверженности общим интересам и приводило к ослаблению чувства долга: жить одним сегодняшним днем — таков был всеобщий ответ

на затянувшиеся испытания. Война не уменьшила, а увеличила иждивенчество, обострила предрассудки, усугубила разногласия.

Нажив политический капитал на своих подвигах во время Парижской мирной конференции, Хьюз предстал перед электоратом в конце 1919 г. в образе заслуженного вояки — «маленького диггера», — и ему удалось обеспечить большинство Националистической партии в парламенте. На следующих выборах, которые состоялись через три года, он столкнулся с более значительной оппозицией. Возникла Аграрная партия, представлявшая недовольных фермеров, а городские предприниматели, в свою очередь, стали обнаруживать признаки усталости от действия введенного Хьюзом нечеткого режима государственного контроля за бизнесом. В результате националисты утратили свое большинство в парламенте и в начале 1923 г. скинули Хьюза и создали коалицию с Аграрной партией.

Новый премьер-министр от партии националистов Стэнли Брюс и его заместитель от Аграрной партии Эрл Пейдж занимали свои посты до конца десятилетия. Они были малоподходящей друг другу парой: первый происходил из семьи видных мельбурских бизнесменов, получил образование в Англии, второй — эксцентричный сельский доктор из Нового Южного Уэльса. Их сторонники надеялись, что новые руководители смогут использовать эффект новой метлы, чтобы вымести все те несурзности, что понаделал маленький бесенок — их предшественник. Однако им это не удалось. Основные направления государственной политики были определены слишком жестко, а проблемы оказались трудноразрешимыми.

Хьюз стремился восстановить потенциал страны, оставаясь в рамках империи. Он надеялся на Британию как на рынок сбыта сырья, рассчитывал на импортозамещение путем расширения обрабатывающих отраслей местной промышленности, стремился к государственным мерам по стимулированию роста численности населения и к государственному регулированию уровня жизни. Однако без соответствующего роста производительности эти протекционистские механизмы лишь увеличивали затраты производителей. Значительное расширение протекционистских тарифов в конце войны способствовало появлению Сельской партии, в то время как интересы городского бизнеса требовали, чтобы Брюс урезал государственные расходы и уменьшил регулирование. Эти ожидания оказались тщетными. Правительство Брюса — Пейджа усилило помощь поставщикам сырьевых товаров. Вместо того чтобы свернуть государственные расходы, оно увеличило их. Новая

администрация замкнулась на политике «протекционизма по всем направлениям».

Брюс — единственный бизнесмен, который успешно превратился в политика национального масштаба. Демонстрируя понимание эффективности громких фраз, он объяснял элементы своей политики на имперской конференции в 1923 г., используя броскую аллитерацию: «Развитие империи зависит от трех вещей: мужчин, денег и рынков»*. *Мужчины* из Британии были нужны Австралии, равно как женщины и дети, чтобы заполнять просторы страны, но больше всего чувствовалась необходимость в мужчинах, способных сделать австралийские земли производительными. И в это десятилетие британское правительство оказало финансовую поддержку новой волне иммигрантов, превысившей 200 тыс. человек. *Деньги* требовались от британских инвесторов, чтобы правительство Австралии могло воплотить в жизнь необходимые проекты развития и австралийские производители получили возможность расширить свой потенциал. Австралийский Союз и штаты, координируя свои займы, в 1920-х годах обратились к Лондонскому Сити и заняли еще 230 млн ф.ст. *Рынки* были необходимы для сбыта растущего производства сырьевых товаров — Британия оставалась главным потребителем австралийской шерсти и пшеницы, а также молочной продукции, мяса, фруктов и сахара.

Политика ориентировалась на расширение сельского хозяйства. Когда приглашали иммигрантов из Британии, искали тех, кто будет работать на земле. Делая займы, финансисты в государственном казначействе говорили о прокладке железных дорог в новые районы сельскохозяйственного производства, о проектах орошения, школах, больницах и других усовершенствованиях, связанных с освоением земель. Возвратившимся военнотруженикам оказывали помощь главным образом путем предоставления им собственных ферм. Таким образом правительство расселило 40 тыс. диггеров. Правительственные схемы организации торговли были рассчитаны на то, чтобы убедить британского потребителя покупать австралийское масло. Научный институт Австралийского Союза усиленно изобретал средства борьбы с вредителями и занимался улучшением пород скота. Ставшее популярным выражение «безграничная Австралия»** указывало на источник

* Men, money and markets (англ.).

** Australia Unlimited (англ.).

изобилия — землю, которой для полного расцвета нужен только труд и капитал. Само слово «развитие» в 1920-х годах было синонимом освоения земель и связанных с этим работ, финансируемых государством.

Более плотное расположение поселений возродило йоменский идеал самодостаточности. Некоторые из новых ферм возникали на окраинах заселенных земель, сложившись в пшеничный пояс в глубине Западной Австралии, а вырубка густых лесов на юго-западе этого штата давала земли для развития мясо-молочного хозяйства. С другой стороны континента сельскохозяйственные угодья врезались обширными полосами в пастбища, вытесняя скотоводов дальше в глубь материка. Семейная ферма превратилась в основную ячейку первичного производства и самой сельской жизни.

Таким фермерам в основном хватало собственных рабочих рук (хотя в числе иммигрантов, которым была оказана государственная поддержка, насчитывалось 20 тыс. сельскохозяйственных рабочих), но вместе с тем они были связаны с рынком через участие в коммерческих предприятиях, требовавших немалых вступительных взносов, и зависели от наличия сельскохозяйственной техники, удобрений и других ресурсов. Многие из них оказались в больших долгах, пока они расчищали землю, чтобы сделать ее пригодной для производственных нужд. Это было неблагоприятным обстоятельством, поскольку и в Европе фермеры пришли в себя после войны и вместе с производителями из Нового Света стали бороться за рынки сбыта. В конце десятилетия цены перестали расти, и увеличивавшаяся неудовлетворенность фермеров укрепила позиции Аграрной партии.

Эти трудности увеличили отток сельского населения в города, которые быстро разрастались (Сидней прошел миллионную отметку в 1922 г., Мельбурн — в 1928 г., и в сумме их жители составляли в это время более трети населения страны) и поглощали значительную часть новых инвестиций. Почти половина частных капиталовложений в это десятилетие была потрачена на строительство жилых домов, а бремя государственных расходов увеличилось за счет обеспечения возникающих пригородных зон транспортом и коммуникациями. Процесс благоустройства, в свою очередь, поддерживал разнообразные отрасли промышленности. Сделки с недвижимостью дали новый толчок финансовому сектору. Строительство, обслуживание и приобретение обстановки для новых домов стимули-

ровала создание кирпичных заводов, лесопилок, производство труб, красок, оборудования для текстильных фабрик, мебели.

Шосейные дороги и городские улицы заполнились автотранспортом, и к 1929 г. по количеству частных автомобилей Австралию превосходили только Соединенные Штаты Америки, Канада и Новая Зеландия. Новые электросети позволили австралийским фабрикам наладить выпуск бытовых приборов: если лишь немногие еще могли похвастаться электрической плиткой или холодильником, то большинство все же располагало утюгом, пылесосом и радиоточкой. С появлением облегчающих труд приборов возникли большие возможности для отдыха и проявилась тенденция оснащать свое жилище современными и удобными вещами. Сигареты сменили трубку, бороды уступили место чисто выбритым подбородкам, а длинные юбки превратились в легкие платья.

Австралийцы к этому времени читали запоем. «Сажались кругом у камина, — вспоминала одна читательница свое детство в начале XX в., — не было ни радио, ни телевизора, только чтение всей семьей, кругом у камина, и книги. И мы читали и читали каждый вечер». В межвоенную эпоху австралийцы стали также активными слушателями. Радио появилось как красивый предмет мебели для гостиной, а первые радиопередачи воспринимались как публичное мероприятие; но по мере распространения радио его стали слушать, оставаясь наедине с приемником. Появление звука оживляло образный мир кинематографа. Точно так же автомобиль возродил романтику путешествий, освободив автомобилиста от оков расписания движения транспорта; а возможность разогнаться на «открытой дороге» давала ощущение удобства и свободы. Из мелькающих образов современности и синкопированных звуков удовольствий утвердилось представление о 1920-х годах как о времени роста и обновления, избавления от тягот войны.

Однако не все обстояло так просто. С возвращением солдат домой стало не хватать рабочих мест. Если в начале 1920-х на рынке труда отмечалось улучшение, то с ростом механизации потребность в неквалифицированной рабочей силе упала, и в оставшуюся часть десятилетия безработица составляла более 5%. Разнорабочие, не имевшие гарантированной занятости и государственной поддержки в случае потери работы, оказывались вне новых форм потребления. Более многочисленные и сплоченные группы рабочих, занятых ручным трудом в жизненно важных отраслях промышленности, в частности горняки и моряки торгового флота, были более

способны к выражению своего недовольства создавшимся положением, и волна трудовых конфликтов на долгие послевоенные годы парализовала экономику страны. Дополнительное напряжение вызвало требование бывших военнослужащих отдавать им предпочтение при трудоустройстве перед членами профсоюза. Нередко именно демобилизованные солдаты-добровольцы были готовы добиваться своего без всякой очереди и становились штрейкбрехерами. В ряде имевших тогда место столкновений бывшие солдаты Австралийских имперских вооруженных сил нападали на радикально настроенных демонстрантов. Неслучайно само название их организации — Имперская лига возвратившихся солдат и моряков Австралии — свидетельствовало о традиционной лояльности.

Самой распространенной причиной схваток был красный флаг, известный символ рабочего движения, теперь ассоциировавшийся с коммунистической революцией. Захват большевиками власти в России в конце 1917 г. вызвал восстания и в других странах, а затем привел к созданию Коммунистического Интернационала, призывавшего рабочих всего мира объединиться в борьбе против правящего капиталистического класса, а колониальные народы подняться против хозяев-империалистов. Хотя только что образованная Коммунистическая партия Австралии была малочисленной, само ее существование бросало вызов консервативным силам. Ассоциации с русскими большевиками вызывали в умах представление об угрозе иностранного заговора, возглавляемого не имевшими корней и вечно недовольными евреями, желавшими навязать Австралии чуждые деспотические порядки.

Несмотря на то что в 1924 г. Австралийская лейбористская партия категорически отвергла предложение об объединении со стороны Коммунистической партии, Националистическая партия использовала свои связи в профсоюзах для превращения национальных выборов 1925 г. в крестовый поход против коммунистов, одержав победу, затем предприняла новые уголовные преследования в отношении самих профсоюзов. В 1920-х годах лозунг «красной угрозы» заменил предупреждение о «желтой опасности» в качестве источника неминуемых бед. Более того, отказ России от продолжения войны против Германии возродил воспоминания о плебисците в связи с военным призывом и о неисполнении электоратом национального долга. Можно ли верить таким непостоянным избирателям? Консерваторам казалось, что и саму демократию, возможно, следует трактовать в зависимости от того,

насколько она выступает в защиту Бога, Короля и Империи. Бывшие офицеры Австралийских имперских вооруженных сил сформировали тайную армию, готовую к немедленному выступлению в случае необходимости.

Все это происходило рядом с танцевальными залами и пляжами. Приготовленные националистами предвыборные плакаты, изображавшие брутального вида казаков, стреляющими в австралийских отцов семейств, матерей и детей, спасающихся бегством из горящей церкви, воспринимались как кошмарный сон, никак не связанный с реальной жизнью страны. Сурового вида мужчины из тайной армии, проводившие свои тренировочные занятия под покровом темноты, держали свои дела в строгом секрете. Увечные ветераны не любили жаловаться на свои несчастья, а уцелевшие на войне диггеры едва находили общий язык с теми, кто не был на фронте, и только в старости ветераны смогли наконец нарушить свою стоическую замкнутость. Лишь оказавшись на безопасном расстоянии от всех этих событий, у людей проснулся интерес к военной истории Австралии, который носит сейчас более позитивный характер, вызывая меньше споров о причинах и последствиях и уделяя большее внимание человеческому измерению истории.

В 1920-х годах память была еще свежа, а боль заглушал звучный язык рыцарства, переходящий в призывы к развитию.

Буш во всей своей красе,
 И гордые поля пшеницы,
 И лес свободный,
 И даль широкая равнин песчаных —
 Все это ждет, ждет и ждет,
 Даря борьбу и радость;
 Они хотят быть покоренными
 Руками британских ребят.

Широкое хождение имели картины чистой, белой, умильной и полной решимости страны. В то время как правительственные публицисты заманивали иммигрантов обещаниями сельского изобилия, художники обратились к идиллическим изображениям лесов и полей.

Самый волнующий символ современной науки, аэроплан, привлек к себе внимание публики своими эпическими перелетами из Англии и Америки. Бывший военный пилот из Квинсленда Берт

Хинклет в 1928 г. первым совершил одиночный полет из Англии в Австралию. В том же году крупный коммерсант Сидней Майер вдобавок к правительственному гранту предоставил свои средства, чтобы Чарлз Кингсфорд Смит и Чарлз Ульм смогли совершить первый перелет через Тихий океан. Майер (Симха Майер Баевский) родился в одном из еврейских местечек в Белоруссии и перебрался в Австралию из России, Кингсфорд Смит родился в Канаде, отец Ульма был французом, а их самолет был спроектирован голландцем, построен в Америке и назван «Южный Крест». Этот полет как бы соединил Австралию с остальным миром. Йоркширская девушка Эми Джонсон чуть не перекрыла рекорд Хинклера, приземлившись в 1930 г. в Дарвине в День Империи, но ее принимали еще более помпезно: «Она не только покрыла расстояние между Англией и Австралией; она пролетела над Сахарой, над которой не летали ни мужчины, ни женщины». Популярность аэропланов достигла апофеоза с созданием Воздушной медицинской службы, доставлявшей лекарства в глубь континента.

Молодые общества часто путают новизну со свободой. Первые поколения австралийцев считали, что они могут отказаться от прошлого, чтобы расчистить себе путь в новую жизнь, но у них не было при этом пугающих предчувствий. Теперь же прошлое предстало в виде скопления всех зол, обуявших Европу и остальной мир, показало истощение старой цивилизации и ее атавистическое безумие, которое легко могло охватить саму Австралию. «Это современное движение заряжено вековой проказой», — предупреждал один австралийский художник, возвратившийся из-за границы в 1927 г. Символическим подтверждением мысли о том, что угроза Австралии исходит от европейских стран, стала эпидемия гриппа, которая поразила Европу в конце войны. В 1919 г. это заболевание унесло 12 тыс. австралийцев, несмотря на предпринятые карантинные меры.

Вирус не был единственным патогенным фактором. В Австралии подвергали цензуре те публикации, которые расценивали как подстрекательские и оскорбительные, дегенеративное искусство — осуждали, нежелательных чужестранцев — депортировали. В 1920 г. в Австралийском Союзе были введены новые ограничения при получении гражданства. В рамках процедур допуска в страну иммигрантов и натурализации иммигрантов стала применяться сложная система классификации разных рас и национальностей. Для выходцев из Южной Европы и других нежела-

тельных иммигрантов были введены квоты, процедура натурализации теперь зависела от результатов теста на политическую лояльность, предписанного Агентством безопасности Австралийского Союза — еще одного продукта прошедшей войны.

Политика исключения или эксклюзии была проявлением одновременно тщеславия и трусости. Меры по защите местных производителей через политику «Нового протекционизма» распространились на всех получающих зарплату работников, затем — через рынки и вспомогательные механизмы — и на фермеров. Меры по защите расовой чистоты предпринимались для того, чтобы уберечь Австралию от всех угроз для гражданских и моральных ценностей, приходивших из-за рубежа. Австралия была не одинока в своих установках. Защитив на Парижской мирной конференции интернационализм, Соединенные Штаты Америки затем повернулись спиной к Лиге Наций, но сделали это с позиции силы. Один американский дипломат, посылавший в 1925 г. свой отчет в Вашингтон, был поражен обнаруженными им сходством и различиями в обеих странах. Американский изоляционизм был позитивным и самоуверенным, а его австралийская версия — вынужденной и оборонительной. Американский дипломат писал: «Доминирующий мотив в жизни большинства людей здесь — это эгоизм». Люди не проявляли инициативы, жили сегодняшним днем и начинали действовать лишь тогда, когда не было иного выбора. На скачки 25 апреля пришло больше людей, чем на церемонию, посвященную Дню АНЗАК. «У этого народа не хватает духа... в их прошлом нет ничего, что затронуло бы их национальные чувства». Несмотря на высокие пошлины, установленные на продукцию стран, не входящих в Британскую империю, американский импорт возрос и составлял более четверти всей иностранной торговли. Американские фильмы, комиксы и джаз жадно поглощались австралийцами, невзирая на все призывы к ограничению их проникновения. Британская же культура представлялась австралийцам слишком напыщенной, а местная — слишком провинциальной. С другой стороны, жизнь Тихого океана казалась более блестящей и в то же время более реальной.

Ушедшая в изоляцию, Австралия, маленькая, уязвимая, полагающаяся на свой экспорт, все больше зависела от Британии, но потенциал последней был уже не так велик, как раньше, а ее готовность сохранять прежние имперские соглашения ослабела. Британия представляла Австралию на международной конференции,

состоявшейся в Вашингтоне в 1921 г., где было решено поддерживать равновесие военно-морских сил в Тихом океане: пять британских и пять американских судов должны были приходиться на три японских. Австралия приветствовала это соглашение, заменившее англо-японский договор, вызывавший много возражений, но упустила из виду тот факт, что британский и американский флоты будут действовать за пределами Тихого океана. Многие должны были зависеть от британской военно-морской базы, которую предстояло построить в Сингапуре.

Между тем на имперской конференции 1926 г. Британия разработала новые правила для своих доминионов. Они должны были стать автономными, равными, объединенными общей преданностью Короне и свободно ассоциированными членами того, что теперь называлось Британским Содружеством. Эта формула явилась уступкой Канаде и Южной Африке и была принята вопреки Австралии, которая не желала ее принимать и не ратифицировала меры по вступлению Британского Содружества в силу, до тех пор пока новая мировая война не заставила принять эту ситуацию как свершившийся факт. Теперь, когда Британия перестала быть мировым финансовым центром, напряжение чувствовалось и в экономических связях. Попытки Британии восстановить свой прежний финансовый статус, возвратившись в 1925 г. к золотому стандарту, добавили трудностей в области торговли. Австралия в этот период интенсивнее, чем когда-либо ранее, занималась производством сырья и пищевых продуктов — сырье составляло 95% ее экспорта, но Британия более не являлась мастерской мира.

Оставались финансовые связи, и в 1920-х годах Австралия стала главным государством-заемщиком в Лондонском Сити, но большинство полученных там средств шли не на увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции, а на дальнейший рост и без того распухших городов. Этот дисбаланс не сулил ничего хорошего, поскольку большой город был местом социальных проблем, и доступные горожанам удовольствия, по-видимому, подрывали национальный характер, но выбора не было. Буш не мог абсорбировать население, которое за десять лет выросло на 1 млн человек, поскольку не мог предоставить достаточного количества рабочих мест: если на рубеже XX в. каждый третий был занят на ферме или в горнодобывающей промышленности, то к 1929 г. едва ли один из каждых четырех австралийцев рабо-

тал в этих отраслях хозяйства. Поскольку забота об уровне жизни населения была непреложным условием национальной политики, государство поддерживало рабочих на городских фабриках, устанавливая тарифы на конкурирующие импортные товары, а в штатах создавались дополнительные рабочие места на государственных предприятиях и заводах. Регулирование оплаты труда через индустриальный арбитраж допускало некоторое увеличение зарплаток, а соответствующие дополнительные расходы наниматели перекладывали на потребителей через изменение тарифов.

Это был благоприятный вариант, позволявший осуществлять инвестиции, не имея накоплений. По мере того как австралийцы привыкали к новым формам кредита на жилье, они расставались с усвоенной во время депрессии 1890-х годов привычкой откладывать деньги. Поскольку государство наращивало зарубежные заимствования, оно имело возможность обеспечивать экономический рост, не ограничивая потребление. Однако заимодатели предоставляли средства в расчете на прибыль, и, когда цены на экспорт начали падать, возник вопрос о рачительности заемщика. Тарифы, арбитражная система и направление займов на городское строительство — все подвергалось критике. В числе таких строительных работ был мост через Сиднейскую гавань — героический проект, задуманный для связи города с северным побережьем. Он выполнялся английской фирмой с использованием австралийских материалов и рабочих рук. Работа началась в 1925 г., а к 1929 г. обе половины 500-метровой арки протянулись через гавань, и в это время Австралия лишилась кредита. Для завершения строительства понадобилось ввести дополнительный сбор.

Еще до катастрофы на Уолл-стрите в октябре 1929 г., когда дальнейшие займы стали невозможны, правительство пыталось покончить с дисбалансом платежей, снизив цены на австралийский экспорт. Добавив в Арбитражный суд новые должности и введя в действие новые законы против забастовок, правительство добилось принятия ряда арбитражных решений по промышленности, которые позволяли выполнять больше работы за меньшую плату. Три группы рабочих противились этим новым решениям, и каждую вынудили подчиниться после долгих и жестких дискуссий. Первой группой были портовые рабочие, с августа 1928/29 года тщетно пытавшиеся предотвратить использование против них шрейкбрехеров. Ко второй относились рабочие лес-

ной промышленности, пикетировавшие лесопилки и склады в течение большей части 1929 г. Последним, и наиболее кровавым, конфликтом было противостояние горняков с владельцами шахт в угледобывающем районе Нового Южного Уэльса в феврале 1929 г., после локаута за отказ рабочих согласиться с сокращением заработной платы. Вооруженная полиция заняла Хантер-Вэлли, разогнала собравшихся, избива протестующих и, открыв огонь, убила одного из пикетчиков.

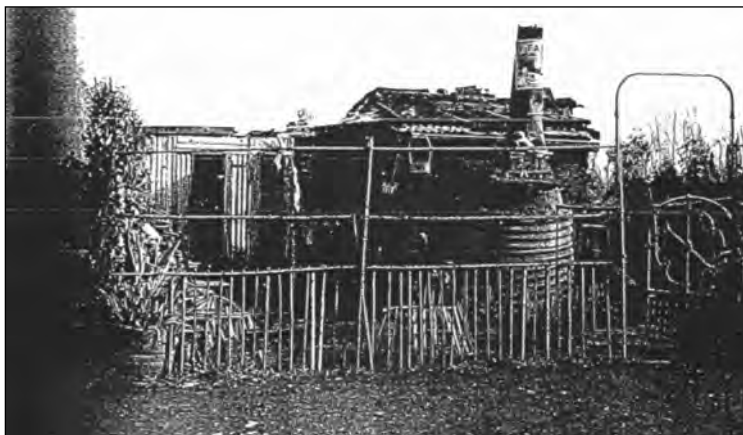
Шахтеры держались до 1930 г., но затем волна промышленного конфликта снесла федеральное правительство. Премьер-министр Брюс решил не останавливаться ни перед чем и отменить систему арбитража вместе с сокращением заработной платы. Билли Хьюз, которого он заменил на этом посту, сформировал группу недовольных в правительстве, с тем чтобы объединить ее с лейбористами в парламенте и в конце 1929 г. провалить эту меру. Брюс призвал к проведению выборов, и лейбористы одержали победу подавляющим большинством голосов. В 1920-х годах Австралия стремительно взяла курс на развитие, слишком положившись на благоприятные внешние обстоятельства, что сделало страну еще более уязвимой. Рабочему движению не повезло, оно ничего не получило от такой политики, а, выступив против присущей ей несправедливости и получив порцию жесткой критики в свой адрес, лейбористы вынуждены были принять на себя всю ответственность в тот момент, когда экономический рост прекратился.

Правительство лейбористов приступило к работе как раз в ту неделю, когда произошел крах Нью-Йоркской биржи на Уолл-стрите. Цены на шерсть и пшеницу уже и так падали, а теперь их снижение стало напоминать обвал. Это означало, что на обслуживание внешних долгов тратилось более половины средств, получаемых от экспорта. После крушения международной финансовой системы получить новые займы стало невозможно. Наоборот, Банк Англии в 1930 г. направил в Австралию одного из своих ключевых сотрудников, чтобы предписать стране режим экономии, необходимой для восстановления ее кредитоспособности. Чтобы сбалансировать бюджет, федеральное правительство и власти штатов вынуждены были снизить расходы на государственных предприятиях и затраты на социальное обеспечение. Нужно было также сократить размеры заработной платы, и в январе 1931 г. Арбитражный суд урезал их на 10%. В том же месяце валюта обесценилась на 25%.

При резком сокращении доходов от экспорта и средств, поступавших из-за границы, экономика Австралии пришла в упадок. Новое правительство прибегло к традиционным методам защиты экономики, увеличивая пошлины и приостанавливая иммиграцию, однако без денежных поступлений со стороны потребителей эти механизмы были неэффективны. Безработица возрастала — с 3% в конце 1929 г. до 23 — через год и 28% в конце 1931 г. Министерство лейбористов даже не смогло заставить владельцев шахт восстановить на рабочих местах тех шахтеров, которые были незаконно уволены. Новый премьер-министр Джеймс Скалин был порядочным, но беспомощным человеком, находившимся во власти сил, которые были за пределами его влияния. Он ссылаясь на то, что усилия правительства сводятся на нет отсутствием большинства в сенате и отказом главы Банка Содружества согласиться с решениями кабинета. На самом деле правительство было парализовано собственной нерешительностью, безнадежно запутавшись среди предложений тех, кто видел только один выход — удовлетворить требования банкиров, и тех, кто высказывал мнение, что человеческие нужды важнее обязательств перед иностранными займодавцами.

Депрессия больно ударила по Австралии — стране-должнице, существующей, помимо всего прочего, во многом за счет экспорта. Уровень безработицы в ней был выше, чем в Британии и в большинстве других индустриальных государств, а по степени упадка она приближалась к Канаде и Аргентине. В отличие от Аргентины и вопреки настояниям лейбористских радикалов Австралия не отказывалась от уплаты долгов. Вместо этого Австралийский Союз и шесть штатов (в трех из них у власти была Лейбористская партия) пришли к соглашению о необходимости уступить в 1931 г. требованиям банкиров и сбалансировать бюджет — ввести более высокие налоги и сократить расходы. Единственными уступками принципу «равных жертв» были снижение процентов по внутренним государственным займам и добровольная конверсия частных займов. Навязанное банкирами соглашение оттолкнуло от правительства профсоюзы и усугубило разногласия внутри Лейбористской партии.

Бывший премьер Тасмании, а с 1930 г. исполняющий обязанности федерального казначея Джозеф Лайонз выдвинулся в качестве лидера правого крыла. Старательно обхаживаемый влиятельной группой мельбурнских предпринимателей, он в 1931 г. вышел

По мере того как жертвы межвоенной депрессии лишались своих домов, на пустырях возникали лачужные поселки. В этом импровизированном жилище, построенном на территории мельбурнского дока, цистерна для воды служит печкой, а части кроватей — изгородью (Департамент социальных служб штата Виктория)

из Лейбористской партии и был официально признан лидером консервативной оппозиции, на тот момент реформированной в Партию единой Австралии. Премьер Нового Южного Уэльса Джек Ланг представлял левое крыло лейбористов. Этот бывший аукционер со скрипучим голосом и путаной речью сумел распалить общественное возмущение своими проектами экономических мер, предложив, чтобы выплаты процентов британским держателям облигаций были урезаны в соответствии с уровнем жизни австралийцев. Хотя Лейбористская партия на федеральном уровне отвергла план Ланга, отделение партии в его собственном штате настаивало на нем, а уход парламентариев от Нового Южного Уэльса с федерального собрания партии привело к падению правительства в конце 1931 г. Партия единой Австралии легко выиграла следующие выборы.

Лейбористы не смогли ни сохранить рабочие места, ни защитить безработных. Существующие благотворительные учреждения и мероприятия потонули в море массовой безработицы. Правительства штатов прибегли к нормированию потребления и выдаче талонов. Некоторые вынуждали единственных кормильцев

семьи работать лишь за скудное пособие, а мужчин-холостяков посылали на работу в сельские трудовые лагеря, где они представляли меньшую опасность. Городские жители, которым стала не по карману арендная плата, были в любом случае готовы уехать из города в буш в поисках случайной работы или подаяния на попутных машинах или садясь на ходу в поезда, но так или иначе покидая города. На пустырях и берегах рек возникали лачужные поселки, обитатели которых постоянно менялись. Разрыв между числом безработных и числом трудоустроенных был поразительной особенностью переписи 1933 г., показавшей, что безработный мужчина в среднем не имел работы в течение двух лет. Великая депрессия усугубила неравенство в степени благосостояния и доходах населения. Тем, кто нуждался, сочувствовали, и их же отвергали. Их жалели и боялись.

Длительная безработица сказывалась на социальных отношениях и семейных узах, подрывала доверие людей друг к другу и их возможности. Депрессия породила литературу и искусство, отразившие экстремальную ситуацию в стране в духе мрачного реализма; возникали образы мужчин и женщин, выброшенных за борт жизни неумолимыми силами, лишенных чувства человеческого достоинства из-за постоянных унижений и погрузившихся в ступор из-за голода. Тем не менее не все впали в отчаяние, и многие стремились к активным действиям. Эту часть населения объединило Движение безработных, сформированное в 1930 г. Коммунистической партией. Коммунисты начали с организации демонстраций у пригородных распределительных пунктов и возглавляли марши к государственным учреждениям в столицах штатов, но их разгоняли, а лидеров арестовывали. В конце 1933 г. национальную партийную конференцию пришлось отложить, поскольку большинство делегатов оказались за решеткой.

Следующей кампанией Движения безработных стала организация протестов против выселения. Сплачивая местных жителей, Движение стремилось убедить землевладельцев не выбрасывать своих арендаторов на улицу. Активисты Движения пытались направлять недовольство сезонных рабочих и организовать жителей лачуг. Вся эта деятельность носила эпизодический характер, ее трудно было вести систематически, к тому же 30 тыс. номинальных членов Движения численно значительно превосходили 2 тыс. коммунистов, сосредоточенных на доктринальных спорах и внутрипартийных конфликтах. Но, как сказал один из

активистов, «нам надо выразить свою позицию. Действуйте. Не смиряйтесь».

Экономические и социальные потрясения начала 1930-х годов вызвали к жизни и политические проблемы, создавшие напряжение в демократических институтах страны. Как левые, так и правые считали, что правительство не справляется. С точки зрения коммунистов, государство было инструментом классового господства. Они считали, что политики-лейбористы и руководители профсоюзов в условиях капиталистического кризиса оказались вынужденными сбросить маску выразителей интересов рабочих и показать свое истинное лицо предателей трудящихся. Последователи Джека Ланга соединили возмущение богатством и привилегиями с агрессивным национализмом, обличая британских держателей облигаций и международный финансовый капитал. «Ланг более велик, чем Ленин», — провозгласил коммунист, бывший секретарь рабочего совета Нового Южного Уэльса, а его сторонники ждали от «сильного парня» противодействия банкирам. Консерваторы, с другой стороны, считали парламент говорильней своекорыстных тунеядцев, видели в лейбористах нерешительность и неспособность управлять страной, а в Ланге — опасного демагога.

Нежелание правительства Скалина провести сокращение расходов, разговоры об отказе от выплаты долга и неспособность справиться с коммунистической агитацией среди безработных — все это привело к мобилизации правого крыла. Она началась в 1930 г., когда видные деятели через голову политических партий выступили с призывом о создании программы объединения, которая привела бы в порядок дела страны. Предлагавшееся ими решение чрезвычайных проблем, прежде всего за счет создания прозрачной финансовой системы и самопожертвования, представляло консервативный образ действий в виде бесспорного выражения здравого смысла, а исполнение долговых обязательств рассматривало как вопрос национальной чести. Неприятие политики стало характерной особенностью политической жизни в стране, где демократия была принудительной, а власть осуществлялась на трех уровнях.

Отчасти раздражение было вызвано расширением власти федерального правительства за счет полномочий штатов. Переезд национального парламента в 1927 г. в далекую Канберру стал своеобразным символом того, насколько законодатели оторвались от своих избирателей. Западная Австралия, которая ощущала себя

особенно забытой правительством на другом конце континента, даже проголосовала в 1933 г. за выход из Австралийского Союза. Было немало недовольных и концентрацией всей деятельности в столицах штатов, что в удаленных районах вызвало к жизни сепаратистское Новое движение штатов. Всеавстралийская лига, самая большая организация страны, насчитывавшая 100 тыс. членов, взяла открыто антиполитический курс, пытаясь добиться хотя бы иллюзорного консенсуса. Оставаясь внешне непартийной организацией, Лига соединила свои усилия с национальной партией и образовала Партию единой Австралии, получив за свою поддержку места в правительстве, когда в конце 1931 г. эта возродившаяся политическая сила выиграла выборы.

За всей этой электоральной стратегией скрывалась мощная силовая подготовка. Сформированные после войны тайные армии правых воспользовались образованием Движения безработных в качестве сигнала к началу действий. В сельских центрах они разрушали лагерь безработных и выгоняли смутьянов из поселков. В самих городах они разгоняли митинги и преследовали ораторов. Готовность ветеранов противостоять ожидавшимся революционным выступлениям росла, но инициативу наступательных действия взяла на себя Новая гвардия, сформированная в Новом Южном Уэльсе после выборов 1930 г., когда к власти вернулся Джек Ланг. Моторизованные отряды Новой гвардии высадились в рабочих кварталах Сиднея и вступили в борьбу за контроль над улицами. «Нет ничего более смертоносного, чем ручка кирки» — таков был инструктаж их командира перед решительными действиями. К счастью, все закончилось лишь синяками.

Самый знаменательный успех Новой гвардии последовал в начале 1932 г. Один из ее офицеров верхом на лошади, взмахом сабли разрезал красную ленточку на открытии моста Харбор-Бридж, опередив премьер-министра Джека Ланга с его ножницами. Это был театральный жест, но он пришелся к месту в то время, когда демагог Ланг позволил себе игнорировать принятый новым федеральным правительством закон о приведении в действие механизма долговых платежей, а уличные беспорядки создавали атмосферу общественной истерии. И когда в мае 1932 г. состоялся многочисленный митинг протеста против смещения Ланга с должности, предпринятого губернатором штата, тот ушел спокойно: «Надо уходить, я больше не премьер, а свободный человек». К власти пришла коалиция Партии единой Австралии и аграрной партии,

оставив лейбористов Ланга в качестве официальной оппозиции, а официальную Лейбористскую партию без единого места в парламенте Нового Южного Уэльса.

Восстановление экономики началось с роста экспортной торговли и восстановления производства, и тому и другому способствовал низкий курс местной валюты. Состоявшаяся в 1932 г. в Канаде имперская конференция по торговле снизила размер пошлин для британских импортных товаров в обмен на увеличение доступности британских рынков для австралийских товаров. Стабилизировался государственный иностранный долг, в промышленный сектор стал снова поступать частный капитал, вокруг центров металлообрабатывающей промышленности в Новом Южном Уэльсе и Южной Австралии началось значительное строительство. Однако занятость отставала от роста производства, и даже в конце 1930-х годов 10% рабочих не были трудоустроены. Увеличение заработной платы также шло медленно, и только после того, как восстановилась численность профсоюзов, они смогли внятно предъявить свои требования.

В ходе этих событий безработные превратились в индустриальных бойцов. Большею частью молодые, они смогли устроиться на тяжелую физическую работу в горнодобывающей промышленности, на транспорте, в строительной и тяжелой промышленности, где направили свой организационный пыл на то, чтобы добиваться повышения заработной платы, улучшения условий и безопасности труда. Их прежний опыт сыграл свою роль. Они были бойцами за классовые интересы, увязывая насущные проблемы жизни рабочих с беззаконием капиталистической эксплуатации и порождаемыми ею империализмом, фашизмом и войной. К концу десятилетия коммунисты занимали ведущее положение среди шахтеров, портовых и железнодорожных рабочих и моряков, металлистов и более мелких профессиональных групп. Радикализация профсоюзов стала долговременным следствием Великой депрессии.

Смягчение физических и социальных последствий Депрессии потребовало больше времени. Рождаемость упала до беспрецедентного уровня, иммиграция возобновилась только в конце десятилетия, рост населения замедлился. С другой стороны, младенческая смертность также упала, а здравоохранение улучшилось. Меньшее число детей, большие периоды между родами, более рациональное вскармливание младенцев отразили углубившееся

влияние государственных мероприятий и медицины на семью, показали возросшее внимание домохозяек к питанию, гигиене и быту. В то же время смена привычных ролей в семье, происшедшая во время Депрессии, когда мужчины чаще оставались дома, а женщины работали (поскольку женская занятость восстанавливалась быстрее и характеризовалась большей стабильностью), не сократила домашних обязанностей женщин и не ослабила мужскую приверженность привилегиям главного кормильца.

После войны австралийские феминистки стремились расширить гражданские права. Они настаивали на более широком участии в общественной жизни и на равенстве на рабочих местах. Вместо того чтобы обеспечивать всем взрослым мужчинам заработок, достаточный для всей семьи, — механизм, в котором одна из представительниц Лейбористской партии усмотрела отношение к женщинам и детям как к «придаткам мужчин», — было бы лучше дифференцированно подходить к нуждам домохозяйств и дополнять заработок прямой поддержкой семей со стороны штата. Те, кто выступал за увеличение социального обеспечения, порой использовали жесткую военную риторику. Они сравнивали обстоятельства деторождения с опасностями битвы и взывали к рыцарским чувствам нации воинов. Подчеркивая вклад матерей в развитие страны, они также участвовали в международных форумах, утверждавших принципы всеобщей женской солидарности, и энергично критиковали варварское обращение с женщинами-аборигенками и детьми.

Их усилия, направленные на расширение социального обеспечения, разбились о неприятие консерваторами идеи о повышении налогов и установки профсоюзов на сохранение базового уровня заработной платы. Лишь в Новом Южном Уэльсе в 1927 г. был создан детский фонд, и то в ограниченном масштабе. Великая депрессия вновь вернула внимание к обеспечению занятости мужчин путем более тщательной регламентации типовых рабочих мест и через расширение круга специальностей, на которые запрещалось принимать на работу замужних женщин. В ответ феминистки сконцентрировали свои усилия на требовании равной оплаты труда и организовали кампанию, которая постепенно стала обретать все больше сторонников среди левых профсоюзов. Но, несмотря на это, заработная плата для женщин удерживалась на уровне, чуть превышающем половину оплаты труда мужчин.

Направления государственной политики оставались неизменными. В то время как другие страны реагировали на неспособ-

ность рынка поддерживать жизненный уровень введением новых форм обеспечения социальной помощи, Австралия крепко держалась за порядком устаревшие протекционистские механизмы государства благосостояния получателей заработной платы. Межвоенные трудности, казалось, свели на нет прежние способности страны к нововведениям. А может быть, следование прежним моделям проведения досуга и занятий спортом было свидетельством жизнеспособности старых привычек. В период Великой депрессии крикет, футбол, скачки и кино продолжали привлекать внимание людей, и вскоре посещаемость этих мероприятий достигла прежнего уровня. Достоинства и крепость духа спортивных кумиров вызвали всеобщий восторг, но самыми прославленными были те, кого предали беспринципные противники. Такими были молодой боксер Лес Дарси, вынужденный в 1916 г. покинуть Австралию, поскольку не записался в добровольцем в армию, и умерший после этого через полгода; и гнедой жеребец Фар Лэп, выигравший мельбурнский кубок в 1930 г. и тоже погибший в Америке, по общему мнению, «отравленный янки»; и крикетист Дон Брэдман, игравший на позиции бэтсмана настолько здорово, что англичанам не оставалось ничего другого, как изменить правила крикета, чтобы справиться с Брэдманом во время соревнований «Бодилайн тура» в 1932 – 1933 гг.

В руководстве страны не хватало сильного лидера. Новый премьер-министр Джозеф Лайонз был неприятным и добродушным человеком, избегавшим любых конфликтов. Его правительство, сформированное Партией единой Австралии, было каким угодно, но только не единым, и за влияние в нем ожесточенно боролись друг с другом высокопоставленные консерваторы. Один из молодых принципиальных политиков, проработав год в составе правительства, отказался от должности, назвав его «немогущим правительством, действующим в интересах алчущих». После выборов 1934 г. Аграрную партию приняли обратно в коалицию, что только усугубило разногласия, а появление новых талантливых людей обострило конкуренцию за руководящие посты. Наиболее способным и самым нетерпеливым был Роберт Мензис, мельбурнский адвокат, среди многочисленных достоинств которого скромность явно отсутствовала.

Ряд последовавших добровольных отставок отражал неудовлетворенность проводимой политикой. В 1935 г. вынужден был уйти со своего поста Хьюз, после того как опубликовал книгу

с критикой внешней политики правительства. В условиях, когда фашистские режимы в Германии и Италии встали на путь агрессии, австралийское правительство во всем полагалось на Британию, которая с самого начала делала ставку на Лигу Наций и систему коллективной безопасности. Хьюз требовал повышения готовности к войне. Вернувшись в правительство в 1937 г. в качестве министра иностранных дел, он продолжал разоблачать Гитлера и Муссолини. Уступить их территориальным притязаниям, говорил он, равносильно тому, чтобы «бросить голодному тигру пару сэндвичей». Но правительство Лайонза именно этим и занималось. Начиная с вторжения Италии в Эфиопию в 1935 г. и до раздела Чехословакии Германией в 1938 г., политика умиротворения диктаторов, проводимая Австралией, была такой же жалкой, как и политика Британии, отчасти потому, что Австралия всеми силами старалась избежать новой войны, а частично из-за восхищения или симпатии, которые у нее вызывали достижения агрессоров. «В готовности немецкой молодежи посвятить себя служению государству и его благополучию, — заявил Мензис по возвращении из Германии в 1938 г., — есть что-то поистине возвышенное».

В 1937 г. уже другой министр подал в отставку в знак протеста против торговой политики правительства. Опасаясь, что сокращение австралийских закупок британских товаров может сказаться на статусе наибольшего благоприятствия, которым пользовались австралийские поставщики сырья, правительство ввело новые ограничения на импорт небританского происхождения. В частности, был почти прекращен ввоз текстиля из Японии — страны, в торговле с которой Австралия имела значительный положительный баланс. Японцы отреагировали введением санкций против австралийских поставщиков шерсти. Эти торговые войны не только привели к сокращению доходов от экспорта, но и обесценили все предыдущие попытки наладить в регионе более тесные взаимоотношения. Все большее число австралийских дипломатов, комментаторов и ведущих представителей бизнеса распознавали признаки возникающего в Азии национализма. Поскольку в иммиграционной политике Австралия никаких уступок не делала, то торговые связи долгое время оставались единственной сферой, способной дать какую-то надежду на региональное сотрудничество. И теперь Австралии противостояла самая мощная и расширяющая свое влияние азиатская страна. К британскому и американ-

скому противодействию Японии добавился еще, пусть и менее значимый для нее, отпор со стороны *гайdziнов** из колоний.

Наконец в начале 1939 г. Мензис ушел в отставку в знак протеста против отказа правительства от системы социального страхования. Вряд ли эту систему можно было считать радикальной или комплексной, поскольку она покрывало только льготы в медицинском обслуживании и пенсии, но она затрагивала интересы врачей и страховых обществ. Нерешительный премьер-министр умер в следующем месяце, и Мензис быстро занял освободившийся пост, но к этому времени десятилетие господства консерваторов подходило к концу. Неспособность сохранить социальное страхование явилась демонстрацией того парализующего воздействия, которое способны произвести групповые интересы.

Правительство весьма решительно действовало в отношении инакомыслящих. Лейбористская партия, которая все еще не оправилась от раскола, происшедшего в период Великой депрессии, и была безнадежно разделена по вопросам внешней политики на сторонников изоляционизма и антифашистов, не представляла собой эффективной оппозиции. Коммунистические профсоюзы возглавили кампанию протеста против политики умиротворения агрессоров и объявили бойкот Японии после ее вторжения в Китай. После того как докеры отказались грузить железо на корабли, торговля им была свернута, но в ходе обсуждения правительство прикрыло критически настроенную радиостанцию. Изоляционизм и тенденция к умиротворению перешли с внешнеполитических проблем на иммиграционную политику и культурную жизнь. Правительство Лайонза подвергало цензуре критические публикации о зарубежных диктаторах и разрешило въезд в Австралию лишь небольшому числу беженцев, причем за существенную плату. Специальная квота была установлена для евреев — жертв нацизма. Самым известным критиком фашистского режима был чешский журналист Эгон Киш. В 1934 г. ему не разрешили въехать в Австралию для участия в конференции Движения против войны и фашизма. Тогда он спрыгнул с борта корабля и, добравшись до берега вплавь, добился затем в Верховном суде разрешения проехать по стране.

Несмотря на все попытки правительства закрыться от внешнего мира, происходившие в нем брожение и борьба влияли на Авст-

* Иностранец (*яп. презр.*).

ралию. Во время приезда Киша сформировалась Лига писателей, поставившая своей целью утвердить альтернативную, экспериментальную литературу, такую, которая бы служила человечности. В 1938 г. Лига объединилась с Содружеством австралийских писателей, для того чтобы придать значимость национальному опыту. Из образовавшейся в 1935 г. Лиги за отмену книжной цензуры сформировался Совет гражданских свобод, выступавший против попрания свобод вообще. В противовес созданию в 1937 г. традиционной Академии искусств на основе Королевской хартии Общество современного искусства выбрало современный стиль. Австралийская комиссия радиовещания, созданная в 1932 г., пропагандировала оркестровую музыку и стала форумом для обсуждения текущих событий. В шести старых университетах, где все еще обучались лишь 12 тыс. студентов, проявили себя новые силы. Повсюду в местах приложения творческих сил господствовал прогрессивный настрой и неудовлетворенность устоявшимися ортодоксальными порядками. Пропасть между интеллектуалами и не заслуживающими доверия прагматиками никогда не была шире, чем в это время.

Эти две группы, однако, сошлись вместе, чтобы сформировать политику, регулирующую жизнь людей. Межвоенные годы были лучшим временем для работы экспертов, определявших разумность официальной политики, все еще не обремененной стремлением к консультациям и согласию. Эксперты диктовали решения в области городского планирования, государственного управления, здравоохранения, образования, промышленности и финансов, а к концу 1930-х годов их влияние распространилось на политику в отношении аборигенного населения. К этому времени старое представление об австралийских аборигенах как о примитивной расе устарело, и режим протекции демонстративно сдавал свои позиции.

Общины аборигенов на юго-востоке Австралии создали свои собственные организации, которые подвергли переработке условия протекции и развития и потребовали отмены системы протектората вообще, а также стали искать новые пути развития. Когда в Сиднее 26 января 1938 г. устроили театральную инсценировку высадки губернатора Филлипа в ознаменование 150-й годовщины европейской оккупации, Прогрессивная ассоциация аборигенов отмечала этот день как день траура «по захвату нашей страны белым человеком» и порабощения их народа. Ассоциация при-

Надпись на школьной доске оповещает о собрании аборигенов, которое должно состояться в Сиднее в день 150-й годовщины прибытия белых поселенцев, названный в объявлении Днем траура

звала положить начало «новой политике, которая обеспечит народу полноценный гражданский статус и равенство».

Спустя неделю эти активисты встретились с премьер-министром и новым министром внутренних дел, которые обратились за советом не к должностным лицам, а к антропологам. На общенациональном совещании высших должностных лиц в 1937 г. была утверждена политика биологической ассимиляции. Антропологи предложили альтернативный подход, замещавший биологию культурой. Культура способна быть одновременно и универсальной, и конкретной: она представляет собой организующее начало для всех народов, но вместе с тем признает особенности каждого из них. Соответственно всякая попытка помочь аборигенам должна быть основана не на навязывании им чуждой практики, а на том, что А.П. Элкин, профессор антропологии в Сиднейском университете и главный консультант правительства, описал как «помощь им в дальнейшем развитии в соответствии с их собственным культурным укладом».

Таким образом, Элкин призывал к управлению аборигенами на основании знаний антропологии. Он был свидетелем действия такого режима в Папуа, где доброжелательный патернализм за-

щищал местных жителей от эксплуатации со стороны иммигрантов, в отличие от ситуации на подмандатной территории Новой Гвинеи, где плантаторы — *мастас* — создали кабальные условия труда для аборигенов. Однако обе эти территории служили местом ссылки и приключений для горстки белых мужчин и женщин, в то время как аборигены-австралийцы являли собой оккупированное меньшинство населения, превратившись в чужаков на своей собственной земле.

Признание различия культур по Элкину был безусловным. Стремясь смягчить жесткие определения расовых возможностей, которые отделяли цивилизованных людей от дикарей, он все же признавал иерархию в расовом развитии: роль антрополога заключалась в том, чтобы научить власти понимать, как можно «поднять примитивные расы вверх по культурной шкале». Он старался разъяснить, насколько разнообразна культура аборигенов, считая при этом, что она слишком хрупка, чтобы выдержать натиск культуры европейцев. По его мнению, те, кто обосновался в новых районах и поселках, уже лишились немалой части своей национальной индивидуальности. Другие антропологи в Северной Австралии, будучи в большей степени обеспокоены контактом аборигенов с белыми, были убеждены, что речь идет об угрозе самому выживанию местного населения.

Тем не менее Элкин не видел другого пути, кроме дальнейшего развития культуры аборигенов. Он подготовил для правительства проект доклада, который был опубликован в начале 1939 г. под названием «Новый курс для аборигенов». В нем ассимиляция провозглашалась государственной политикой. Официальная задача теперь формулировалась как «повышение их статуса до обычных прав гражданина», но этого предполагалось достичь путем расширения практики насильственного изъятия детей аборигенов из их семей. Извращенная логика, которая теперь ужасает всех австралийцев, тогда привела к неисчислимым мучениям аборигенов, а широко распространенные представления о них как о нечистоплотном, нездоровом, нерадивом народе позволяли белым отказывать в гражданских правах аборигенам, принадлежавшим к так называемым «украденным поколениям», и лишали их собственной культуры.

Австралия вступила во Вторую мировую войну, как и в Первую, автоматически. Как только Мензис получил информацию о том,

что Британия объявила войну Германии, он считал своим печальным долгом известить сограждан-австралийцев, что их страна «также находится в состоянии войны». На этот раз, однако, добровольцы объявляться не спешили; за три месяца, прошедшие с объявления войны в сентябре 1939 г. только 20 тыс. человек записались во Вторые австралийские имперские войска. Ни Партия единой Австралии, ни лейбористы не одобряли участия в военных действиях. Лондону пришлось надавить на премьер-министра, в переговорах неудачно употребившего фразу «все идет как обычно», чтобы в ноябре добиться отправки дивизии в Британию.

И вновь, в отличие от предыдущей войны, никто из союзников не стремился воевать. Британия и Франция ввязались в конфликт из-за того, что после безуспешных попыток умиротворить фашистских диктаторов, предпринимавших неоднократные агрессивные действия, они наконец сочли необходимым соблюсти свои обязательства перед Польшей после нападения на нее Германии. Но, как заметил Мензис, «никто на самом деле ни черта не думает о Польше», да и она сама была уже потеряна. Италия осталась в стороне, как и Советский Союз, который пошел на циничное соглашение с Германией о разделе Польши. Пока противники вели на Западном фронте «странную войну», Мензис еще надеялся, что настоящих военных действий можно избежать. Помимо того что ему всегда были свойственны миротворческие устремления, он особенно тщательно заботился о безопасности Австралии. Если в 1914 г. Япония была союзником, то в 1939 г. она стала потенциальным врагом. В межвоенный период обороноспособность Австралии была ослаблена, так как считалось, что залог ее безопасности — Королевский флот. Таким образом британская военно-морская база в Сингапуре приобретала решающее значение, и Мензис настаивал на получении гарантий ее усиления, прежде чем отправить на войну австралийские войска, военно-морские силы и авиационные экипажи.

Когда в Северном полушарии наступила весна 1940 г., немцы начали наступление на Западе и быстро завоевали Францию. К середине года Британия оказалась в одиночестве, атакуемая авиацией врага, поднимавшего самолеты с аэродромов оккупированной им Европы. Списки австралийских добровольцев быстро пополнялись, и две дополнительные дивизии отправились в Северную Африку, где анзаки вновь защищали Египет и Суэцкий канал, на этот раз от итальянских войск в Западной пустыне. Они дейст-

вовали успешно, но слабость итальянских частей в Африке и Греции привела к вмешательству немецкой армии. В начале 1941 г. Британия решила послать анзаков в Грецию, и это оказалось пагубным: им пришлось очень скоро покинуть эту территорию, а в дальнейшем, при защите Крита, они понесли новые потери. К началу 1941 г. германские войска пересекли Ливийскую пустыню, и началась отчаянная оборона Тобрука. Между тем Гитлер напал на Советский Союз и быстро продвигался на Восток.

Вступление в войну Японии и ее удар по Пёрл-Харбору в конце 1941 г. оправдали худшие опасения Австралии. Попытка Британии защитить Сингапур с помощью своего флота оказалась невозможной: оба дислоцированных там линкора вышли в море и были сразу же выведены из строя. Без поддержки с воздуха оборона Сингапура провалилась, и в феврале 1942 г. возглавлявший ее британский командир сдался. Среди взятых в плен были 16 тыс. австралийских пехотинцев. К этому времени японцы быстро продвигались по цепи островов по направлению к северу Австралии и уже бомбили Дарвин.

Как тогда, так и сейчас австралийцы считают, что были преданы на начальном этапе Второй мировой войны. Подвиги «тобрукских крыс» (так окрестил защитников Тобрука один из вражеских пропагандистов) можно было бы приравнять к героизму, проявленному на высотах Галлиполи, но если первая жертва на службе империи была овееяна славой, то вторая сродни позору.

Мне нечего добавить к слову «Крит»,
Им вероломства боль, измена говорит,
Разгрома эхо, словно колокол, звучит.

Так писал лишившийся иллюзий потомственный скотовод в память о погибшем на Крите друге. Мэри Гилмор, взявшая на себя роль совести нации, нашла способ выразить свои чувства во вдохновенном произведении под названием «Ни один враг не соберет наш урожай». В главном женском журнале она поделилась своим возмущением по поводу падения Сингапура.

Был в каждом сердце черный гнев,
Клялись отмстить, узнав, они,
Что «неприступным» Сингапуром
Покинуты и преданы.

Спустя пятьдесят лет австралийский премьер-министр воззвал к тем же чувствам, выдвигая аргументы в пользу независимой республики.

Еще большую горечь вызывал самообман Австралии. Раньше внешнюю безопасность гарантировала имперская страховка, причем взносы оплачивались жизнями, а не военными расходами, и вдруг страна обнаружила, что срок полиса истек. В первые годы Второй мировой войны отношения между британскими и австралийскими лидерами обострились, тогда как во время Первой мировой войны этого не было. Англофил Мензис открыто критиковал отказ Черчилля консультироваться с ним, а глава британской Форин Офис пренебрежительно отзывался о беспокойстве «антиподов». «Какую безответственную чепуху несут эти австралийцы». Если бы австралийцы знали, что в конце 1941 г. британцы и американцы договорились о том, что необходимо вначале разбить Гитлера, а уж потом беспокоиться о Тихом океане, их гнев был бы еще больше.

Вся эта ругань влияла на армию, в которой не прекращались распри среди командиров, и на население. Правительство объявило Коммунистическую партию вне закона за ее критику войны и осудило шахтеров за забастовку в 1940 г., но ему не удалось свернуть обычный цикл развлечений в стране. Мензис все чаще оказывался под огнем критики. «Ему и стаей почтовых голубей не по силам руководить», — объявил старый боевой конь Билли Хьюз. Правительство Мензиса пало в августе 1941 г.

Спустя месяц к власти пришла Лейбористская партия под руководством Джона Кэртена. Когда Япония начала в декабре военные действия, правительство Кэртена выступило с собственным объявлением войны. В конце года премьер-министр опубликовал послание, в котором выразился следующим образом: «Австралия ориентируется на Америку, будучи свободной от угрызений совести в отношении наших традиционных связей с Соединенным Королевством и близости с ним». В начале 1942 г. он информировал Британию о том, что неудача с обороной Сингапура будет рассматриваться как «непростительное предательство», и настаивал на том, что австралийские войска должны вернуться домой и защищать Австралию, а не Бирму. После падения Сингапура, который Кэртен назвал австралийским Дюнкерком, он объявил «битву за Австралию» и передал австралийские войска под командование США. Ратифицировав в 1942 г. Вестминстерский статут, Австралия подтвердила свою конституционную независимость. Австралийское радио перед

Дуглас Макартур, американский генерал и командующий войсками союзников в Тихом океане (слева), беседует с австралийским премьер-министром Джоном Кэртенем (Национальный архив Австралии)

выпуском новостей вместо марша британских гренадеров стало передавать гимн «Вперед, прекрасная Австралия».

Все эти поспешные движения, направленные на скорейшее освобождение от подчинения Британии и, вероятно, на создание новой зависимости — теперь от США, составляют содержание яркой национальной легенды. Воздушные налеты японцев на Дарвин, потери флота в австралийских водах и атака Сиднейской гавани возродили страх перед вторжением. Между тем оно не планировалось. Основной удар Япония наносила на севере. Она стремилась занять острова юго-западной части Тихого океана и хотела изолировать Австралию, но не собиралась вторгаться в нее. Американцы использовали Австралию как региональную базу, но ни они, ни британцы не рассматривали ее как жизненно важный пункт военной стратегии. Проводя свои операции в этом регионе, американцы консультировались с Австралией не больше, чем раньше это делала Британия. Между ними не было каких-то особых отношений. Даже тот факт, что Австралия ратифицировала Вестминстерский статут, объяснялся не столько стремлением к независимости, сколько желанием правительства оставить за собой определенные властные полномочия.

Кэртен передал военный контроль американскому командующему Дугласу Макартуру. Последний, в свою очередь, позаботился о том, чтобы австралийские войска не умалили его славу

Тропа Кокода имела стратегическое значение для австралийских частей, защищавших столицу Новой Гвинеи от наступавшей с севера японской армии (Австралийский военный мемориал)

и не повлияли на послевоенные планы установления военного и экономического контроля над регионом. В течение 1942 г. морские сражения между США и Японией в Коралловом море и у атолла Мидуэй, показали, что Австралии не грозит высадка войск противника, хотя причины для тревоги оставались. Японская армия продвигалась на юг в Папуа — Новой Гвинее и в сентябре 1942 г. оказалась лишь в 50 км от южной столицы — Порт-Морсби. Двигаясь по труднейшим дорогам, пересекая обрывистые горные цепи, располагаясь в местности, где свирепствовали малярия и дизентерия, австралийская пехота сражалась с японцами при поддержке сил Папуа и сумела остановить их нашествие. Эта битва вдоль тропы Кокода стоила жизни 12 тыс. японцев, 2 тыс. австралийцев и, вероятно, 500 местных жителей. Именно здесь австралийцы впервые сражались в зеленой форме цвета джунглей, а не в форме цвета хаки.

Как вспоминал еще один выходец из семьи скотоводов-пастухов, родившийся в местах, где зеленели сухие луга, джунгли поначалу казались непривычной, враждебной средой.

И я все думаю о бойцах в зеленом
 На тропе Сопута
 С пятнадцатью автоматами,
 Пытавшихся джунгли остановить.

Пехотинец-коммунист, ставший самым успешным из романистов, писавших о войне, описывал тропики как зловредную природу, не менее чуждую и угрожающую людям, чем фашисты: «нечто ядовитое, материальное, источающее вонь; огромное, грязное чрево, глотающее нас, перемешивающее нас в своих разлагающихся внутренностях». Чувством, определявшим отношение к врагам-итальянцам, было презрение, к немцам — невольное уважение, но к японцам — инстинктивная ненависть. Австралийский военачальник, обращаясь к своим солдатам-австралийцам в 1942 г. в Порт-Морсби, назвал врагов «нелюдями».

После того как австралийцы возглавили оборону Папуа — Новой Гвинеи, их роль в военных действиях в Тихоокеанском регионе была сведена к вспомогательной. Наступление на Японию вели американцы, а австралийцы только зачищали территорию. Австралия не принимала участия в совещаниях трех основных союзников — США, СССР и Британии, в ходе которых прорабатывались сферы ответственности и распределялись посты. С ней не консультировались по вопросам об условиях капитуляции Японии и ее фактически отодвинули в сторону, когда американцы начали включать поверженного врага в свою орбиту.

Потери Австралии во Второй мировой войне были меньше, чем в Первой: они 37 тыс. погибших при населении 7 млн, тогда как общее число военнослужащих составляло 1 млн человек и 560 тыс. из общего числа служило за океаном. Медицинская помощь стала более совершенной, позволив выжить большему количеству раненых, но 10 тыс. экипажей самолетов, погибших главным образом в Европе, доказывали смертоносный характер войны в воздухе. Вероятно, самые шокирующие потери составляли военнопленные — в совокупности их число достигало 30 тыс., и из 22 тыс. взятых в плен Японией в 1945 г. только 14 тыс. вернулись в Австралию. Некоторых казнили японцы, но большинство погибли от голода и болезней. Те, кого заставляли работать на строительстве железной дороги между Бирмой и Таиландом, стали жертвами чрезвычайно жестокого обращения. Не менее варварским было обращение с военными медицинскими

сестрами. Корабль, на котором пытались эвакуировать медсестер из Сингапура, был потоплен в феврале 1942 г. Из пятидесяти трех женщин, добравшихся до берега, двадцать одну казнили, еще восемь умерли в плену.

Рассказы тех, кто спасся, потрясали. Ненависть к японским зверствам сохранялась и после войны в воспоминаниях и художественной литературе, в частности в суровом романе Невила Шюта «Город как Элис» (1950), по которому был снят фильм. В конце концов эта ненависть смягчилась и перешла в утверждение человеческой стойкости и даже частично в смирение, особенно усилиями Эдварда Данлопа, военного хирурга, который проявил незаурядную храбрость и изобретательность, защищая своих солдат в лагерях для военнопленных и пытаясь лечить их от холеры, малярии, брюшного тифа и трофических язв. В его военных дневниках, опубликованных в 1986 г., содержались записи о повседневной борьбе с болезнями, жестокостью и безнадежностью, что сделало его национальным героем. Данлоп, спортсмен-чемпион и истинный мужчина, олицетворял исконные качества военного: верность, постоянство, эгалитаризм и доблесть наряду с такими новыми свойствами, как умение исцелять, сочувствовать и прощать.

У Австралии тоже были свои военнопленные — несколько японцев и много итальянцев. Последних занимали на хозяйственных работах, так как экономика после войны быстро развивалась и требовала все новых рабочих рук: к 1943 г. производство выросло на 40% по сравнению с предыдущим, мирным годом. При Кэртене правительство осуществляло меры далеко идущего контроля за промышленностью и занятостью. Заработная плата, цены и рента были фиксированы, на основные товары введены карточки, трудовые ресурсы направлены в важнейшие отрасли производства. В начале 1943 г. Кэртен преодолел оппозицию своей собственной партии в отношении военного призыва, чтобы добиться права направлять военнослужащих за пределы Австралии. Однако в последние годы войны армия была даже сокращена, чтобы страна могла производить больше продуктов питания, военного снаряжения для армии, воевавшей в Тихоокеанском регионе. Лейбористское правительство финансировало военные нужды главным образом за счет налогов, снижая потребление и уменьшая инвестиции с целью максимизировать производство всего, что было необходимо для армии.

В то время как американцы поставляли в Австралию оборудование как из рога изобилия и обеспечивали страну помощью в рамках ленд-лиза, от австралийцев требовалось кормить и снабжать гостей. По пути на фронт через австралийские города прошел почти миллион военнослужащих США, и, хотя одновременно их число в Австралии редко превышало 100 тыс., это было беспрецедентно большое присутствие иностранцев в стране. Каждый десятый из американских солдат был афроамериканцем, что резко контрастировало с местной практикой, согласно которой аборигены могли записываться в добровольцы только при условии, что хотя бы один из родителей был европейцем по происхождению (по-видимому, число солдат-аборигенов достигало лишь 3 тыс., и еще 3 тыс. трудились на севере). Этот опыт породил у самих австралийцев настроения покончить с практикой сегрегации.

Австралийские солдаты завидовали более высокому жалованью американцев, более комфортным условиям, в которых они жили, и их возможности покупать предметы роскоши. Особое раздражение вызывала их привлекательность для местных женщин, и тема необузданной сексуальности отразилась в художественной литературе и искусстве времен войны. В оккупированной Австралии ветреные женщины рассматривались как пятая колонна. Невест военных, уезжавших в США, считали отступницами. Драки и ссоры между американскими и австралийскими солдатами относили на счет уязвленности последних дружественным вторжением.

Готовность Австралии идти на жертвы в этой войне не сопровождалась глубокими разногласиями, характерными для времен Первой мировой войны, чему частично способствовали качества руководителей. Смутьян Хьюз разделил страну на противоположные лагеря, Джон Кэртен, суровый и не уверенный в себе человек, ее объединил. Побывав лидером слабой и разрываемой противоречиями партии в 1930-х годах, он научился политике примирения. Идеалист, заключенный в тюрьму в 1916 г. за сопротивление военному призыву, в 1943 г. он убедил свою партию его принять. Как патриот, начинавший речи по радио во времена войны с обращения «Мужчины и женщины Австралии», он отдавал себе отчет в геополитических реалиях, которые заставляли его страну кооперироваться с более сильными союзниками. Кэртена нередко критиковали за передачу военных полномочий Макартуру, но на самом деле австралийское правительство боролось за свои интересы. В 1944 г.

была предпринята попытка создать противовес американскому доминированию путем соглашения с Новой Зеландией и восстановления роли Британского Содружества в Тихом океане. Стало ясно, что Австралия не может дистанцироваться от международных отношений и не в состоянии полагаться только на государство-протектора. Министр иностранных дел Г.В. Эватт считал необходимым повысить авторитет ООН после войны, с тем чтобы она контролировала гегемонию сверхдержав.

Невзирая на все трудности и опасности войны, лейбористское правительство предприняло ряд далеко идущих реформ. Уже в декабре 1942 г. был создан Департамент послевоенной реконструкции, которому предстояло планировать новые порядки. Свои расширенные в годы войны полномочия Австралийский Союз намерен был использовать и в мирное время: настраивать экономику на расширение промышленного производства, иммиграцию, обеспечение полной занятости, строительство жилья, здравоохранение, образование и социальное обеспечение. Послевоенное восстановление, по существу, началось еще в период войны, став продолжением восстановления после Великой депрессии, воплотившись в серию мер по мобилизации ресурсов страны, которыми раньше пренебрегали. Специальные правительственные агентства упорядочили деятельность профсоюзов в стратегических отраслях промышленности и добились переустройства неэффективного рынка труда, с его временными трудовыми отношениями на началах стабильной занятости. Женщин привлекли к службе в вооруженных силах, и, кроме того, им стали предоставлять работу в основных отраслях промышленности; при этом были созданы специальные трибуналы, добивавшиеся для них повышения заработной платы. Выпускников высших учебных заведений приглашали в ряды растущей и все более активной бюрократии. Пенсии повысили и ввели пособия по безработице и болезни.

Но были и отступления. После убедительной победы в национальных выборах в 1943 г. правительство не смогло провести референдум о сохранении за ним полномочий военного периода. Могущественное лобби деловых кругов постоянно вело работу против мер правительственного контроля, газетные магнаты требовали отмены цензуры. «Ничего не дается мужчинам и женщинам из рабочего класса как божий дар, — предупреждал Кэртен. — За все, что они получают, приходится бороться». Эта борьба

ба за национальное выживание была успешной, потому что это была народная война, война за устранение несправедливости и опасности, ослаблявших демократию и вскармливавших фашизм, война, которой предстояло положить конец тридцатилетнему кризису. После того как Австралия принесла свои трагические жертвы в Первой мировой войне, после того как пережила озлобление и неудовлетворенность в межвоенный период, она смогла добиться настолько существенного единения в годы Второй мировой войны, что, оно, по-видимому, стоило всех этих жертв.

Глава 8. Золотой век (1946–1974)

Третья четверть XX столетия была эпохой роста, невиданного со второй половины XIX в. Население почти удвоилось. Экономическая активность выросла более чем в три раза. Работой были обеспечены все, кто в ней нуждался. Люди стали жить дольше и с большим комфортом. Зарабатывать на жизнь также стало легче. Хватало средств не только на приобретение самого необходимого, но и на незапланированные покупки, а возможности выбора и проведения досуга расширились. Устойчивый рост экономики принес австралийцам изобилие и привил им привычку стремиться к дальнейшим улучшениям. Вера в то, что с помощью науки можно превратить скудность в богатство, подкреплялась деятельностью государственных институтов, решавших проблемы улучшения жизни общества. Расширились возможности для интеллектуального развития и творчества. Уменьшилась изолированность страны от остального мира и ее замкнутость на самой себе.

После всех жертв предыдущих десятилетий и прежде чем в 1970-х годах вновь пришла неопределенность, наступил золотой век. Однако еще древние разглядели цикличность в историческом развитии, давшем немало примеров того, как могучие и целеустремленные цивилизации, находясь на пике своего подъема, но уже избалованные излишествами, начинали слабеть, теряли

внутреннее единство и, в конце концов, терпели крах. Послевоенная Австралия точно так же следовала по опасной траектории. Железная эра аскетизма пришлось на 1940-е годы, 1950-е можно назвать серебряным веком возрастающей уверенности и конформизма, но в золотые 1960-е уже появились признаки разобщенности и упадка, и режим оказался не в состоянии противостоять диссонирующим силам, которые он выпустил на волю.

Перспективы представлялись очень ограниченными. Длительный бум 1950 – 1960-х годов был глобальным явлением, и плоды процветания коснулись всех стран с развитой экономикой. Будучи торговой страной, Австралия смогла воспользоваться восстановлением мировой торговли и инвестиций. Ей досталась своя доля новых технологий, методов менеджмента и администрирования. Являясь младшим партнером в западном альянсе, она была втянута в «холодную войну» со странами коммунистического блока и приняла на себя соответствующие военные обязательства, выполнение которых в 1970-х годах закончилось перенапряжением и унижением, как только золотой век изобилия ушел в прошлое. Принимающие решения лица уже никогда более не встретятся с таким роскошным набором возможных вариантов и никогда не испытают такого же чувства уверенности, как политики золотого века. Одни расценивают послевоенные годы только как прекрасное время сильного лидерства и ответственного поведения, а другие причитают об упущенных возможностях и боязливом самодовольстве.

Железный век видел и изготовление орудий войны, и перековку мечей на орала. К концу 1942 г. лейбористское правительство военного времени установило беспрецедентный контроль над капиталовложениями, занятостью, потреблением, формированием общественного мнения и практически над всеми аспектами жизни страны. Уже тогда с образованием Департамента послевоенной реконструкции под руководством молодого экономиста Г.К. Кумбса, прозванного «Наггет» (Самородок), началось планирование мирной жизни. Сын железнодорожника, наделенный высокой степенью понимания общественного предназначения политика и получивший диплом доктора наук в Лондонской школе экономики, Кумбс стал символом новой роли плановика.

Он работал под начальством Бена Чифли, занявшего пост премьер-министра после смерти Кэртена в 1945 г. Человек-мотор, заслуживший в свое время осуждение за участие в забастовке в пе-

риод Первой мировой войны, Чифли принадлежал к старому поколению несгибаемых, решивших, что после этой войны не будет возврата к лишениям и унижениям. Аскетичный, исполненный достоинства, с голосом, охрипшим от многочисленных выступлений на открытом воздухе, возможно, и от курения трубки, он не злоупотреблял риторикой. Однако, выступая в 1949 г. на конференции Лейбористской партии, он произнес фразу, обеспечившую ему полвека пребывания на посту премьер-министра. Речь шла не просто о том, чтобы бросить в карман рабочих по лишнему шестипенсовику или предоставить отдельным лицам высокую должность: лейбористы предполагали «дать народу нечто лучшее, более высокий уровень жизни, больше счастья всей массе населения». Без этой высокой цели, без «света в конце тоннеля» «победа лейбористского движения не стоит того, чтобы за нее бороться».

Планы правительства Чифли в отношении послевоенного восстановления требовали демобилизации военнослужащих и возвращения рабочих к мирному труду. Военную промышленность предстояло переоборудовать для удовлетворения внутренних потребностей с сохранением традиционных тарифов, но с увеличением производственных мощностей. В связи с этим правительство снабдило американскую корпорацию «Дженерал моторс» щедрыми концессиями для создания местной автомобильной промышленности, и первые седаны «Холден» сошли с конвейера уже в 1948 г. Планировалось также модернизировать сельское хозяйство, находившееся в упадке со времени предвоенного десятилетия низких цен, а затем столкнувшееся с внезапным спросом на увеличение продукции. Лошадей заменили тракторы, наука заняла главенствующее положение, и 9 тыс. солдат-поселенцев были направлены для освоения новых земель. Нехватку знаний предполагалось устранить с помощью переподготовки бывших военнослужащих в средних и высших учебных заведениях. Были организованы лекционные курсы, а научно-исследовательским центром стал Австралийский национальный университет. Потребность в жилье планировалось удовлетворить за счет федеральных фондов, направляемых властям штатов: в период между 1945 и 1949 гг. было построено 200 тыс. квартир.

Эта новая струя спонсируемого государством развития имела не только экономический, но и социальный аспект. Новые планы выходили за пределы демобилизации, так как война увеличила актуальность лозунга «Заселяй или погибнешь», и лейбористское

правительство приступило к первой крупной миграционной программе, рассчитанной на два десятилетия. Первым австралийским министром по делам иммиграции стал в 1945 г. Артур Кэлвелл. Он поставил задачу ежегодного увеличения численности населения на 2%, и половину этого прироста должны были обеспечить вновь прибывшие.

Министр рассчитывал на Британию, но британское правительство больше не приветствовало эмиграцию, поэтому Кэлвелл обратился к континентальной Европе, где из-за резких сдвигов государственных и политических границ оказались оторванными от родных мест миллионы беженцев. Объехав в 1947 г. лагеря беженцев, он заявил, что они представляют собой «прекрасный человеческий материал», который можно было бы переправить в Австралию за счет международных организаций и привлечь к работе на срок до двух лет под контролем правительства. В последующие годы в Австралию были привезены 70 тыс. этих «перемещенных лиц», главным образом из числа тех, кто, освободившись от немецкого контроля, попал под советский диктат в коридоре Восточной Европы, протянувшемся от Балтики до Эгейского моря.

В 1939 г. д-р Исаак-Нахман Штейнберг, иммигрант еврейского происхождения, двумя десятилетиями раньше занимавший пост комиссара юстиции в советском правительстве*, предложил выделить в районе Кимберли на крайнем севере Западной Австралии территорию, которая стала бы пристанищем для некоторых из миллионов евреев, оказавшихся под угрозой в связи с ростом антисемитизма в Европе. Он получил поддержку от премьера штата, но затем Канберра наложила запрет на его предложение. Сионисты возражали против этого плана, считая его отклонением от главной цели — Палестины. Местное еврейское сообщество было обеспокоено тем, что еврейское поселение породит враждебность к евреям и здесь.

Еврейское сообщество в Австралии было ровесником Первого флота. Оно процветало и пользовалось значительным признанием: среди известных австралийцев еврейского происхождения были военачальник Джон Момаш, генерал-губернатор Айзек Айзекс и торговец Сидней Майер. Но в 1930-х годах прибытие беженцев встретило значительное сопротивление в силу их отличия от других иммигрантов. «Евреи как класс являются нежелательными им-

* Член Совнаркома от партии эсеров в декабре 1917 — июле 1918 г.

мигрантами, — говорил один из правительственных чиновников, — поскольку они не ассимилируются». Австралия согласилась принимать лишь 5 тыс. человек в год при условии, что они найдут местного спонсора и внесут плату за высадку. Кэлвелл и после войны сохранял ограничение прав в отношении еврейских участников миграционной программы для перемещенных лиц, но разрешил воссоединение семей, и численность еврейского населения возросла вдвое, достигнув 50 тыс. человек. Среди прибывших в этот период были Питер Абелес, построивший гигантскую транспортную компанию, и Франк Лоуи, впоследствии создавший торговые комплексы «Вестфилд».

Кэлвелл также вел переговоры с европейскими правительствами относительно заключения соглашений о дополнительном наборе мигрантов. Его преемник в начале 1950-х годов раздвинул рамки этих соглашений, подключив к ним не только Западную, но и Южную и Восточную Европу. Австралия получила миллион постоянных поселенцев, при этом две трети из них не были британцами, а наиболее многочисленные группы прибыли из Италии, Нидерландов, Греции и Германии. Такой решительный отход от прежней практики получил подтверждение в процедуре введения в 1948 г. отдельного гражданства с новыми положениями о предоставлении австралийского гражданства лицам, не являвшимся британскими подданными.

Послевоенная миграционная программа была разработана лейбористами, но ее продолжило выполнять и даже расширило нелейбористское правительство, пришедшее к власти в конце 1949 г. Кэлвелл, бывший профсоюзный деятель и приверженец лейбористских теорий, разделял национальные предрассудки и тревоги в отношении трудовых проблем многих австралийских рабочих. «Двое желтых не станут одним белым», — говорил он в защиту принятого им в 1947 г. решения депортировать китайских беженцев.

И все же именно Кэлвелл ввел понятие «новый австралиец», поощряя ассимиляцию иммигрантов-полиглотов. От них настойчиво требовали отказаться от своей этнической принадлежности и воспринять «австралийский образ жизни» — еще одно новое выражение, вошедшее в обиход после войны. Как ни удивительно, предполагалось, что множество людей самого разного происхождения смогут соответствовать этому требованию. Необходимо было также убедить местное население, что новые австралийцы не наводнят рынок труда и не представят угрозы для местного

уровня жизни. Заручившись содействием профсоюзов, сделав упор на полную рабочую занятость, лейбористы заложили основы широкомасштабной иммиграции.

Полная занятость была центральной задачей послевоенного планирования лейбористского правительства, неотъемлемым условием перспектив его существования. В ходе переговоров в Бреттон-Вудс в 1944 г. были учреждены Международный валютный фонд и Всемирный банк как инструменты либерализации торговли в целях налаживания послевоенных торговых связей, причем значительным вкладом Австралии явилось требование об установлении гарантий в отношении всеобщей занятости.

Приняв в 1945 г. Белую книгу о полной занятости, правительству в общих чертах следовало кейнсианскому подходу к экономике, предусматривавшему контроль за всеобщим спросом. Фатальная вера в рыночные силы вылилась в постоянное вмешательство правительства с целью соблюдения национальных интересов. На всякий случай была подготовлена масса схем, касающихся государственных предприятий, которые могли бы поглотить избыток рабочей силы, после того как скрытый ранее спрос был бы удовлетворен. Повсеместно ожидаемого обвала не произошло, наоборот, продолжался и набирал силу послевоенный бум, но Австралийский Союз не прекращал работу над наиболее амбициозной из этих схем — поворотом Сноуи-Ривер (Снежной реки) во внутреннюю систему рек со строительством крупных гидроэлектростанций и ирригационных сетей. Решение задачи всеобщей занятости дополняла широкая система социального обеспечения, в соответствии с которой денежная помощь безработным сопровождалась предоставлением государственного жилья, медицинского обслуживания и образования.

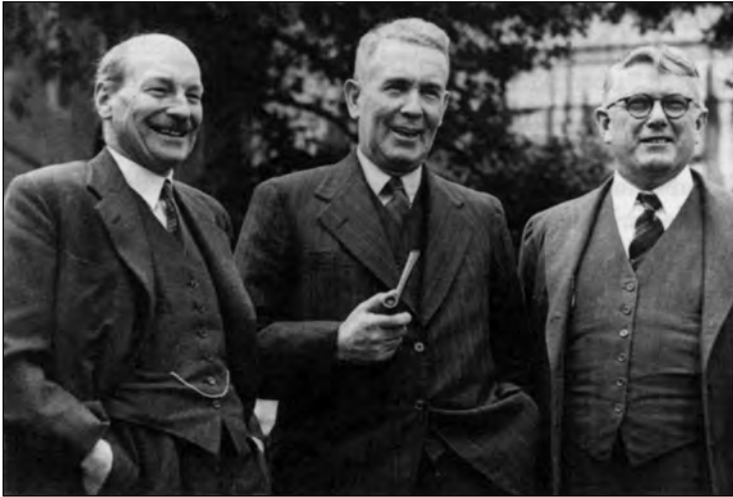
При всем этом правительство Чифли было вынуждено обходить немалые трудности. Нехватка основных материалов означала необходимость ограничений в их распределении. Обмен иностранной валюты затрудняло нежелание правительства увеличивать внешний долг в сочетании с поддержкой британского валютного курса и торгового блока. Правительство победило в выборах 1943 и 1946 гг., но в 1944 г. референдум показал, что оно не в состоянии убедить электорат в необходимости и в мирное время сохранить его расширенные полномочия, полученные в военные годы. Верховный суд рядом своих решений отменил действие некоторых из наиболее новаторских мер правительства.

Масштабы послевоенной миграционной программы требовали создания особых условий для вновь прибывших, и правительство стремилось содействовать благоприятному приему неанглоговорящих иммигрантов, сопровождая эти мероприятия соответствующей рекламой. На фото показаны счастливые семьи, находящиеся в Центре приема иммигрантов в сельской местности штата Виктория, 1949 г. (Департамент по делам иммиграции и культурных связей)

По мере того как консенсус времен войны терял свою силу, вездесущая рука государственного регулирования стала докучать населению. Дав предельно откровенное объяснение причин, по которым федеральное правительство стало штрафовать власти штатов за распродажу государственного жилья, один из федеральных министров указал на растущие расхождения между штатами и Союзом. «Правительство Австралийского Союза занимается обеспечением нормальных и хороших домов для рабочих, но оно не намерено превращать рабочих в мелких капиталистов». При этом именно со стороны рабочих ожидали максимальной сдержанности в их требованиях.

Действовать в условиях обеспечения полной занятости было трудным делом, но больше всего правительство боялось инфляции. Инстинктивное стремление к экономии заставило Чифли сдерживать рост заработной платы. Он оттягивал рассмотрение Арбитражным судом требования профсоюзов о введении сорокачасовой рабочей недели, которая в конце концов все-таки была введена

Австралийский премьер-министр Бен Чифли с трубкой в руке беседует со своим британским партнером Клементом Этли. Слева от него в уверенной позе стоит министр иностранных дел Г.В. Эватт, временно пребывающий в молчании (Национальная библиотека Австралии)

в 1948 г. Но еще больше Чифли сопротивлялся увеличению заработной платы. Все это вызывало недовольство умеренного крыла профсоюзов Австралии. В волне начавшихся забастовок работников транспорта, металлообрабатывающей и горной промышленности чувствовалось руководство коммунистов, но отнюдь не они одни проявляли нетерпение. Тем не менее в прекращении работ на угольных шахтах в 1949 г. Чифли усмотрел непосредственную коммунистическую угрозу и ответил на забастовки конфискацией средств профсоюзов, арестом их лидеров, антикоммунистическими рейдами и направлением солдат на работу в шахты. Спустя три месяца после того, как побежденные шахтеры вернулись на работу, став жертвами железной лейбористской дисциплины, правительство при подсчете голосов потерпело поражение.

Таким образом, серебряный век начался с создания коалиции Либеральной и Аграрной партий под руководством «ожившего» Роберта Мензиса. Испытав унижительную отставку в 1941 г., он вернулся к власти, сформировав новое, более широкое политическое

движение — Либеральную партию — и обретя новых избирателей, которых Мензис характеризовал как «забытых людей». Так он имел тех австралийцев, кто либо работал за зарплату, либо являлся индивидуальным предпринимателем, но кому при этом были равно чужды дух, витавший в залах советов директоров компаний, и «родоплеменная» солидарность работников физического труда. Превознося своих «забытых людей», Мензис делал упор прежде всего на их заинтересованность в процветании страны, которая должна была выражаться в «ответственности за свой дом — материальный, человеческий и духовный». Он выступал также в защиту жен и матерей, бытовому благополучию которых угрожал безликий режим бюрократии и воинствующая маскулинизация бастующих профсоюзов, однако он также учитывал молодой задор вернувшихся с фронта военнослужащих, проявлявших нетерпение в отношении регулирующей роли лейбористских политиков, все еще солидарно занятых искоренением памяти о Великой депрессии.

Новое правительство пришло к власти под знаменем антисоциалистических лозунгов, предназначенных для электората, уставшего от контроля со стороны государства и от нехватки товаров. Оно приступило к сокращению налогов и положило конец бюрократической волоките. Ограничения на иностранные капиталовложения были сняты, частное предпринимательство поощрялось, увеличивать заработную плату было разрешено. Впрочем, сохранение акцента на поощрение миграции и развитие страны обусловило продолжение политики управления экономикой. Во время выборов новый казначей характеризовал Г.К. Кумбса как «надоедливого социалиста», но после подсчета голосов он позвонил Кумбсу и сказал: «Слушай, Наггет. Нечего обращать внимание на весь тот бред, который я нес во время выборов. Ты ведь знаешь, ты нам понадобишься». В качестве управляющего Банка Австралийского Союза, а затем и Резервного банка Кумбс сохранил в своих руках все финансовые рычаги.

Экспортерам была выгодна начавшаяся в 1950 г. война в Корее из-за которой ведущие индустриальные страны стали создавать необходимые товарные резервы. В течение 1951 г. цена шерсти возросла в семь раз, достигнув рекордного уровня. По мере того как открывались новые рынки, стали преуспевать производители и других сырьевых товаров. Торговое соглашение с Японией, заключенное в 1957 г., свидетельствовало о том, что торговля переместилась из Европы в Восточную Азию, где шли процессы восста-

новления и индустриализации. Быстро развивалась местная промышленность, поддержанная благоприятными тарифами и квотами на импорт. Все больше расширялась сфера обслуживания, чему способствовала механизация, высвободившая множество «синих воротничков» — рабочих, переходивших в разряд служащих — «белых воротничков». Городские пейзажи все больше украшали кварталы офисных зданий. Годовой экономический прирост оставался на уровне выше 4% на протяжении всех 1950-х годов и продолжился в 1960-е. Занятость в те годы была всеобщей, производительность труда повысилась, заработки увеличились. Никто не мог припомнить такого неуклонного улучшения жизни. Главной проблемой экономистов стал не сниженный, а избыточный спрос. Сопутствующие ему всплески инфляции вынудили сократить предоставление кредитов в начале 1950-х гг. а затем и в 1960 г. Характерным свидетельством изменения общего настроения стало то, что правительство Мензиса едва не проиграло в 1961 г. выборы, когда уровень безработицы поднялся почти до 3%.

Экономист мог бы охарактеризовать Австралию этого времени как «маленькую богатую индустриальную страну». В тот момент стремление общества колонистов добиться вершин развития достигло зенита. В 1958 г., открывая новый этап освоения Сноуи-Маунтинс (Снежных гор), Роберт Мензис провозгласил, что такие проекты «учат нас и всех людей в Австралии мыслить масштабно, быть благодарными за большие дела, гордиться большими предприятиями». Комитет по оценке экономического развития рассматривал экономический успех как естественный элемент динамики общественной жизни: рост «воспитывает в обществе ощущение силы и понимание социального предназначения».

При всей приверженности частному предпринимательству правительство Мензиса твердо придерживалось идеи сильного государственного сектора. Мензис, когда-то сделавший себе имя в качестве члена коллегии адвокатов в конституционном деле о полномочиях Австралийского Союза, укрепил общенациональное правительство. Когда он поселился в резиденции премьер-министра, Канберра все еще оставалась хаотически застроенным небольшим городком в буше, окруженным бедными пригородами. Часть его министров продолжали жить в своих избирательных округах, вдали от своих ведомств. Хотя парламент переехал из Мельбурна четверть века назад, в этом южном городе в середине 1950-х годов было больше государственных служащих, чем в столи-

це. Завзятый горожанин Мензис приступил к осуществлению программы укрепления администрации в Канберре. Он сделал больше, чем кто-либо, для превращения Австралийской столичной территории в настоящее место пребывания правительства.

В результате увеличения Австралийского Союза между входившими в его состав штатами усилилось соперничество за инвестиции в новые отрасли. Том Плейфорд, который за счет использования всех мыслимых предвыборных манипуляций находился во главе правительства Южной Австралии с 1938 по 1965 г., сумел создать сталелитейное и автомобильное производство в своем штате, предоставляя инвесторам дешевую землю, инфраструктуру и коммунальные услуги при инертном поведении профсоюзов. Генри Болт достиг аналогичных успехов в Виктории в 1955 — 1972 гг., используя сходные методы для укрепления производственного сектора в своем штате. В результате его поездок и встреч с руководством зарубежных фирм на берегах залива Порт-Филлип вырос крупный нефтехимический комбинат. Романист Дэвид Айрленд в 1971 г. сделал этот гигантский завод местом действия своего мрачного романа об экономическом порабощении — «Безвестный узник индустрии».

В 1950-х годах такие проекты виделись иначе, но они ознаменовали собой новый этап развития — от государственных заимствований и общественных работ к прямым иностранным инвестициям в частные предприятия. Новый тип развития был более капиталоемким, менее ориентированным на создание рабочих мест, чем на достижение прибыльности, и руководившие им премьеры были не лейбористами, а либералами. Плейфорд и Болт вышли из фермеров и в своей деятельности руководствовались приземленным прагматизмом, не обращая внимания на оппозицию. «Пусть бьются до посинения», — сказал Болт о группе взбунтовавшихся государственных служащих. Они оба соединяли приверженность последовательному культу развития с нравственным консерватизмом: среди типичных примет их правления — строгая цензура, закрытие гостиниц в шесть часов вечера, применение смертной казни. И оба виновницей своей вынужденной скарденности объявляли Канберру.

Каждый год доходы Австралийского Союза возрастали. Федеральное правительство предоставляло гранты штатам, которые сохранили за собой ответственность за здравоохранение, образование, общественный транспорт и другие службы, правда, их никогда

не хватало для удовлетворения растущих ожиданий. При расходовании средств поощрялось самообеспечение. Оказывалась помощь в приобретении жилья, супругам-иждивенцам предоставлялись налоговые льготы, выделялись субсидии на частное медицинское страхование. Сохранялись пенсии по старости, но другими формами социального обеспечения пренебрегали. Принципом серебряного века была опора на собственные силы.

Переход от железного века к веку серебряному был омрачен «холодной войной». С конца 1940-х годов в мировой политике доминировало интенсивное биполярное соревнование коммунизма и капитализма, и Австралия была вынуждена более тесно сблизиться с западным альянсом. Неспособность лейбористского правительства дистанцироваться от запросов, диктуемых «холодной войной», сыграла свою роль в его падении в 1949 г. Внутри страны лейбористское движение разделилось под влиянием «холодной войны». Лейбористы не выдержали внутреннего противостояния и оказались не у власти в 1950-х и 1960-х годах. Страх перед коммунизмом проник почти во все аспекты общественной жизни и сразу вынудил правительство заняться повышением благополучия граждан, подавляя при этом всяческое инакомыслие и творческие нововведения.

В конце Второй мировой войны лейбористское правительство испытывало благодарность к Соединенным Штатам Америки за их руководство во время войны в Тихом океане и одновременно было недовольно планами союзников по урегулированию вопросов в послевоенный период. В 1919 г. во время Парижской мирной конференции австралийский премьер-министр бурно возражал против концепции либерального интернационализма, которой придерживался президент Вильсон. В 1945 г., когда победители во Второй мировой войне съехались на конференцию в Сан-Франциско и образовали Организацию Объединенных Наций, его преемник отдавал себе отчет в том, что три основные державы — Америка, Советский Союз и Великобритания уже приняли важнейшие решения. Еще на встрече в Ялте главные союзные державы поделили территории побежденных стран, и Америка уже работала над планами, которые обеспечили бы ей неограниченный доступ к некомунистической части мира. В новых условиях концепция либерального интернационализма, реализуемая через ООН, представлялась таким странам, как Австралия, оптимальным шан-

сом соблюсти свои интересы. Возрождение Британского содружества наций как экономического и военного союза было бы для них наилучшим противовесом доминированию США.

Британия цеплялась за белую часть Содружества, стремясь сохранить его потенциал. Но утрата Индии, Пакистана, Шри-Ланки и Бирмы, не поддающийся разрешению конфликт в Палестине и подъем коммунистического движения в Малайзии указывали на необходимость снижения имперских амбиций. После того как коммунисты победили в Китае, а индонезийские националисты избавились от господства Нидерландов, движение за независимость в Восточной Азии приобрело непреодолимый характер. В Африке подобные импульсы привели к постепенной и достаточно сдержанной деколонизации, а островные народы Тихоокеанского региона, который, по словам одного высокого британского чиновника, долго был «тихой заводью», энергично пошли по пути к самоуправлению. Британия, Франция, Нидерланды, Бельгия и Португалия либо смирились с утратой колониальных империй, либо предпринимали дорогостоящие арьергардные действия, стремясь отсрочить неизбежную передачу суверенитета своим ранее подчиненным государствам. Прежние империи, чье господство наглядно отражалось цветом на географических картах, вместо прямого правления теперь обратились к неформальным способам влияния, действуя через торговлю и инвестиции, предоставляя помощь и вооружение. Но границы этих новых сфер влияния постоянно смещались, а возникший новый мировой порядок не был стабильным. При лейбористском правительстве Австралия приветствовала стремление к национальной независимости (и австралийские профсоюзы помогали Индонезии), однако сама она крепко держалась за сохранение собственного колониального режима в Папуа — Новой Гвинее.

Деятельный министр иностранных дел Австралии Г.В. Эватт в этот период сделал внешнюю политику страны весьма активной. На обоих послевоенных международных форумах и во время непосредственных контактов с Британией и США Эватт стремился играть заметную роль, что лично для него увенчалось председательским креслом на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 г. Но какую на самом деле роль в мировых делах мог играть малолюдный и удаленный форпост белой диаспоры? Американцы не собирались хоть как-то видоизменять свою глобальную стратегию в зависимости от мнения раздражавшего их представителя

социалистического правительства; они не хотели делиться военными технологиями и в 1948 г. перестали передавать Австралии разведывательные данные.

Лейбористское правительство Британии тоже было низведено США до статуса второразрядного партнера, и помощь британцам со стороны Австралии в обеспечении их экономических и стратегических интересов в регионе имела для них большое значение. Вследствие этого обе страны приступили к осуществлению плана по созданию собственного атомного оружия, которое должно было испытываться на полигонах в Австралии и размещаться на оборонительных военно-воздушных базах на севере. Именно в ходе реализации этой стратегия в Австралии установился режим обеспечения безопасности периода «холодной войны». Британская разведка курировала создание в 1949 г. Австралийской организации безопасности и разведки (АОРБ), призванной обеспечить сохранность оборонных секретов. Одной из заметных акций АОРБ стало заключение в тюрьму лидера Австралийской коммунистической партии.

Лейбористы стремились уклониться от тех жестких условий, которые диктовала «холодная война». Сопrotивляясь коммунистической экспансии и стремясь защитить себя пактом с Америкой, правительство все же понимало, что поляризация мировой политики и разделение мира на два вооруженных лагеря означают подчинение Соединенным Штатам Америки, не расположенным к учету чужого мнения, и навязывание крайней антикоммунистической позиции, не вполне соответствующей тону внешней и внутренней политики страны. Тем не менее к 1949 г. обусловленное «холодной войной» разделение усугубилось. В Восточной Европе установились сталинистские режимы, Германия оказалась разделенной, а американский воздушный мост в Западный Берлин, созданный для прорыва советской блокады, стал сигналом к усилению конфронтации по обе стороны железного занавеса. В конце года либералы пришли к власти на платформе решительного антикоммунизма. Они помогли Британии подавить коммунистическое повстанческое движение в Малайзии и отправили войска в Корею в 1950 г., когда там началась борьба между коммунистами и коалицией, возглавляемой американцами. Новый министр иностранных дел считал, что речь идет о модели глобальной коммунистической агрессии, направленной к югу от Китая, на весь регион Юго-Восточной Азии. В 1951 г. Ро-

берт Мензис выступил с предупреждением о «непосредственной угрозе войны».

«С нашей обширной территорией и малочисленным населением, — добавил он позднее, — мы не сможем спастись от коммунистической угрозы, идущей из-за границы, без поддержки сильных друзей». Первым и, безусловно, самым мощным из этих друзей были Соединенные Штаты Америки, и эта дружба была официально оформлена в 1951 г., когда состоялись переговоры о заключении договора безопасности между Австралией, Новой Зеландией и Соединенными Штатами Америки (АНЗЮС). С точки зрения австралийского правительства, этот блок должен был закрепить особые отношения Австралии с ее защитником, но на такой статус претендовали многие, и, по существу, это соглашение обязывало Америку охранять Австралию от внешнего агрессора только в той степени, в какой она сама этого хотела. Договор АНЗЮС фактически был продолжением системы союзов США в регионе Азия — Тихий океан и должен был примирить Австралию с установлением гораздо более важных для США отношений с ее бывшим врагом — Японией. Австралия была также включена в Организацию договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), созданную США в 1954 г., после того как коммунистические силы нанесли поражение Франции во Вьетнаме, но и этот блок гарантировал лишь то, что Вашингтон считал необходимым.

Британия была членом СЕАТО, и Австралия продолжала поддерживать британскую атомную программу и помогать в сохранении военного присутствия в Малайзии. Это были особые взаимоотношения другого рода, и в 1956 г., когда Британия, отказавшись следовать советам США, присоединилась к Франции в конфликте с Египтом за право управлять Суэцким каналом, Мензис без колебаний поддержал действия «матери-Британии». Вернувшись к власти, он заявил: «Британская империя должна оставаться предметом нашей главной заботы на международной арене» — и высмеял беспокойных египтян-«джишпо», в которых видел только «опасную толпу недоразвитых подростков, выкрикивающих лозунги демократии и преисполненных самомнения и абсолютно невежества».

Романтический монархист и ревностный поклонник идеализированного отечества своих предков, Мензис, по его собственным словам, был «британцем до кончиков пальцев». Его галантность во время поездки английской королевы по Австралии в 1954 г. припи-

сали огромной популярности юной Елизаветы, первой из правящих монархов, посетившей эту страну. Но, когда во время ее следующего визита, десять лет спустя, Мензис прочитал выспренные строки: «Ее лишь мельком видел я, / Но буду жить, любовь храня», слушатели смутились, а сама королева покраснела. Накануне своей отставки он предложил назвать новую денежную единицу страны «роял», но это предложение было осмеяно и забыто.

Если долго откладывавшийся, но неизбежный вывод британских войск вызывал сожаление, то неохотный, однако столь же неизбежный отход Британии от особых условий торговли со странами Содружества и установление близких торговых взаимоотношений с Европой воспринимался как тяжелый удар. Регулярные поездки Мензиса в Лондон, где проходили совещания стран Содружества, и его присутствие на традиционных турнирах по крикету стали ностальгическим анахронизмом. Его неприятие изменений состава Содружества, становившегося многорасовым по мере вступления в него бывших колоний, и его защита режима апартеида в Южной Африке делали Австралию охранительницей старомодного клуба для белых.

Хотя министры Мензиса, занимавшиеся внешней политикой, теперь больше интересовались Азией, они всегда смотрели на нее сквозь искажающую действительность призму «холодной войны». Даже План Коломбо — система совместного экономического развития стран Содружества в Южной и Юго-Восточной Азии, — благодаря которому 10 тыс. студентов из азиатских государств обучались в Австралии, расценивался как профилактика коммунистической заразы. Этот план позволил его участникам своими глазами увидеть «Белую Австралию». Австралийское присутствие в Азии было представлено специалистами-консультантами, техническими работниками, преподавателями, дипломатами и журналистами, но больше всего — солдатами. Последние общались со своими соседями во время поездок по стране, в процессе обучения, при обсуждении произведений искусства и литературы, и все же Азия оставалась зоной споров и опасностей, требовавшей присутствия вооруженных сил ее могущественных друзей. Это, в свою очередь, заставляло австралийское правительство в 1950–1960-х годах все больше разыгрывать карту угрозы коммунизма, сводя все острые углы истории, все сложные аспекты развития культуры и национального характера к ответу на главный вопрос эпохи «холодной войны»: «Вы на чьей стороне — на их или на нашей?»

На государственном приеме в здании парламента 18 февраля 1963 г. в Канберре Роберт Мензис чрезмерно восхваляет королеву Елизавету (Национальная библиотека Австралии)

Это означало также, что Австралии приходилось следовать за Америкой даже тогда, когда на самом деле она была впереди. Боясь проникновения коммунизма с севера, австралийское правительство использовало все свое пусть и ограниченное влияние, чтобы американские войска разместились между Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Начиная с 1962 г. оно предоставляло антикоммунистическому Южному Вьетнаму консультации военного характера, с тем чтобы помочь ему предотвратить объединение с коммунистическим Севером. Еще раньше, чем Австралия оказалась прямо вовлечена в дела Индокитая, она восстановила всеобщую воинскую повинность, и, как только президент США Линдон Джонсон принял в 1965 г. судьбоносное решение о введении сухопутных войск, Австралия немедленно откликнулась на призыв о помощи. Сам по себе Южный Вьетнам мало что значил в этом решении; он рассматривался новым министром иностранных дел как не более чем «наша нынешняя граница». Гарольд Холт, сменивший Мензиса на посту премьер-министра в 1966 г., заявил в Белом доме, что Австралия пройдет весь путь с союзниками. К тому времени «весь путь» не совсем соответствовал ожиданиям американцев: в конце 1968 г., когда военные силы Америки насчитывали 500 тыс. человек, вклад австралийцев составил только 8 тысяч. Как и ранее в случае с Британией, так теперь с США почтение к сильному защитнику реализовывалось в оплате натурой его не столь уж ценной протекции.

Озабоченность коммунистической угрозой извне всегда была связана с ощущением наличия опасности внутри страны. После победы на выборах в 1949 г. Мензис попытался провести билль о роспуске Австралийской коммунистической партии. Он утверждал, что она является не легитимным политическим движением, а «чуждым и разрушительным паразитом», враждебным религии, цивилизации и государственной безопасности. Выиграв выборы, Мензис стал продвигать билль о роспуске Компартии. Билль был проведен в 1950 г., но сразу же оспорен самой Коммунистической партией и десятью профсоюзами. Эватт, будучи заместителем руководителя федеральной Лейбористской партии, а ранее — судьей в Верховном суде, выступал перед судьями от лица Федерации портовых рабочих. Всех, кроме одного из судей, он убедил, что этот законодательный акт, опирающийся на полномочия Австралийского Союза военного времени, неконституционен, поскольку страна не находится в состоянии войны.

Мензис продолжал пытаться получить право менять конституцию через референдум. Этим попыткам противостояла Лейбористская партия, ведомая Эваттом, ставшим к этому времени лидером партии после смерти Чифли в 1951 г. Кампания была весьма интенсивной, и голоса на референдуме разделились почти поровну. Правительство не смогло получить необходимого числа голосов и поддержку большинства штатов, но, если бы еще 30 тыс. участников референдума в Южной Австралии и Виктории проголосовали «за», а не «против», предложение прошло бы. Все же трудно себе представить, чтобы аналогичный плебисцит в США, Британии или какой-либо другой стране тогда не получил большинства голосов в пользу подавления коммунизма. Подтверждение верности политическим свободам делало честь стране в лихорадочной атмосфере начала 1950-х годов.

Это был звездный час Эватта. Он ни в коем случае не симпатизировал коммунистам, но был встревожен радикальностью мер, которые хотело принять правительство. Предлагавшийся закон требовал от граждан, объявленных коммунистами, доказательств, что они таковыми не являются; в противном случае человека могли уволить с государственной службы и отчислить из профсоюза; отказ от прекращения деятельности в запрещенной организации считался преступлением, влекущим за собой наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Тот факт, что, представляя этот билль, Мензис несправедливо назвал некоторых деятелей профсоюзов коммунистами и даже предупредил одного из критиков лейбористов о том, что он может подпасть под действие предлагаемого закона, показался и Эватту, и другим в стране угрозой основным свободам. АОРБ после избрания нового правительства усилила наблюдение за самыми разными лицами — не только за коммунистами и радикально настроенными людьми, но и за учеными, преподавателями и писателями — и готовилась интернировать 7 тыс. человек в случае объявления войны. То, что Эватт смог воспрепятствовать осуществлению этого репрессивного плана стало его значительным достижением.

Однако победа в референдуме не принесла ему дальнейшего успеха. Внутри лейбористского движения росло и крепло антикоммунистическое течение, осуждавшее выступление Эватта в Верховном суде и не поддерживавшее его решение противодействовать референдуму. Это течение опиралось на непрофсоюзную религиозную организацию — Католическое движение социальных исследо-

ваний, руководимое деспотичным фанатиком Б.А. Сантамария, который осуществлял свой крестовый поход против атеистического материализма с помощью влиятельных членов церковной иерархии. Занимая ведущие позиции в руководстве Промышленных групп, это движение стремилось ослабить влияние коммунистов в профсоюзах. Поскольку последние были тесно связаны с Лейбористской партией, члены таких групп начали захватывать ведущие посты и в партии.

Эватт проиграл выборы 1951 г., проведенные Мензисом, чтобы использовать в своих целях раздоры в рядах лейбористов в связи с запретом Коммунистической партии. Потерпел поражение он и на выборах 1954 г., проходивших в атмосфере обвинений в коммунистическом шпионаже. После этого поражения Эватт осудил действия Католического движения, а федеральное руководство партии добилось смещения лидеров отделения партии в штате Виктория. Федеральная конференция партии в 1955 г. незначительным большинством голосов утвердила эту акцию. Антикоммунисты отделились и создали собственную Антикоммунистическую лейбористскую партию, которая впоследствии была переименована в Демократическую лейбористскую партию.

Раскол сокрушил лейбористские правительства в штатах Виктория и Квинсленд. Благодаря преференциальной системе голосования, которая позволила использовать 10% голосов сторонников Демократической лейбористской партии для поддержки коалиции Либеральной и Аграрной партий, в национальной политике установилось преобладание консерваторов, продержавшееся более десятилетия. В конце войны в Австралийском Союзе и в пяти из шести штатов существовали лейбористские правительства; к 1960 г. в руках лейбористов остались только Новый Южный Уэльс и Тасмания, где умеренные лейбористы больше заботились о власти, чем о чистоте идеологии. Раскол разделил рабочих, трудившихся на одном производстве, соседей, живших на одной улице, отравил рабочее движение, предоставив руководству лейбористов возможность до последнего держаться за воспоминания о былой славе и за догматическую политику, все более чуждую интересам и симпатиям более молодого электората. Достаток и образование размывали прежнюю базу лейбористов — класс рабочих, занимавшихся физическим трудом, и один из комментаторов иронизировал над тщетными созидательными усилиями лейбористов — Партии труда: «...Напрасно трудятся строящие его» (Пс. 6:1).

Та самая неудача, которую потерпел Мензис при проведении референдума по вопросу запрета Коммунистической партии, позволила ему извлечь максимальные преимущества из «красной угрозы». Накануне выборов 1954 г. премьер-министр объявил об отступничестве советского дипломата Владимира Петрова. Его жену Евдокию вызволили в аэропорте Дарвина из рук двух агентов, сопровождавших ее в пути обратно в Москву. Петров утверждал, что получал информацию от коммунистической шпионской сети в Австралии, включавшей дипломатов, журналистов, ученых и даже членов аппарата лидера Лейбористской партии. Для проверки этих обвинений правительство создало Королевскую комиссию, в заседаниях которой участвовал Эватт, до тех пор, пока не был удален из зала за свое несдержанное поведение.

Действительно, один из функционеров Коммунистической партии в последние годы Второй мировой войны вербовал информаторов и передавал добытые сведения в советское посольство. Точно так же действовали и американские консульские служащие, собиравшие сведения от информаторов, находившихся на гораздо более влиятельных и выигрышных постах, позволявших следить за профсоюзами и ненадежным лейбористским правительством. Ко времени измены Петрова Советский Союз перестал быть военным союзником, а превратился в противника в «холодной войне». Сбор информации в пользу СССР уже не мог трактоваться как следствие чьего-то наивного идеализма, но был лишь тщательно скрываемым актом предательства. В атмосфере «холодной войны» 1950-х годов следствие по делу Петрова сыграло на руку Мензису, утверждавшему, что Лейбористская партия заражена коммунизмом, а ее лидер под маской защиты справедливости и гражданских свобод лишь укрывает предателей.

Королевская комиссия не нашла никаких улик, способных поддержать обвинение против кого-нибудь из австралийцев, но имена многих из них были очернены, им было отказано в праве защитить свою репутацию, их карьера рухнула, над их детьми издевались в школах. Сама Коммунистическая партия теряла былую силу. Разоблачение в 1956 г. Хрущевым сталинского террора, подавление попытки либерализации в Венгрии подорвали авторитет партии и стали причиной сокращения ее рядов, не насчитывающих теперь и 6 тыс. членов. Тем не менее внутренняя «холодная война» продолжала избавлять страну от инакомыслия. Если не считать расследования в связи с делом Петрова и действовавшей

Советские официальные лица сопровождают Евдокию Петрову, жену российского дипломата, на самолет в Сиднее, после того как ее муж попросил политического убежища. Петрову освободили из-под их надзора и сняли с рейса в Дарвине (News Limited, 19 апреля 1954 г.)

до того Королевской комиссии штата по проблеме угрозы коммунизма, требование лояльности граждан в Австралии не создало чего-либо подобного американской системе принесения клятвы верности, официальных трибуналов и систематических чисток. Австралийская система работала на двух уровнях — с помощью тайной слежки, осуществляемой АОРБ, и на уровне мобилизации общественного мнения в расчете на получение согласия на увольнения и запреты.

Этот процесс набрал ход после передачи по национальному радио, состоявшейся через два месяца после провала референдума о запрете Коммунистической партии. К слушателям, подготовленным предварительным объявлением о том, что им предстоит услышать сообщение чрезвычайной важности, обратился председатель Австралийской радиовещательной комиссии. Он предупреждал: «Австралия в опасности... Опасность исходит от моральной и интеллектуальной апатии, от смертельных врагов человечества, которые подрывают нашу волю, притупляют наше восприятие

и плодят злобные раздоры». Этот «Призыв к Австралии» подписали главный судья Верховного суда штата Виктория, другие судьи, церковные лидеры, финансируемые магнатами бизнеса и организованные Католическим движением, связанным с Сантамария.

Все это в значительной мере задало тон последующей кампании, пропитанной хилиастическим языком (Мензис и о «холодной войне» говорил как о битве между «Христом и Антихристом»). К числу тактических инициатив «холодной войны» можно отнести создание австралийского отделения Конгресса за культурную свободу, нацеленного на борьбу против коммунизма в среде интеллигенции. Редактором журнала под названием «Квадрант», выпускавшегося этим отделением, был Джеймс Маколей, поэт, из анархиста превратившийся в настолько консервативного католика, что он выступал против либерального гуманизма, который его организация вроде бы защищала.

«Холодная война» велась в правительственных научных учреждениях, в университетах и литературных обществах, проникая почти во все уголки общественной жизни. Мать одного известного коммуниста исключили из Женской ассоциации Австралии за то, что она отказалась принести клятву верности. После этого, лишившись в ее лице пианистки, игравшей на собраниях членов ассоциации, они вынуждены были ограничиваться только гимном «Боже, храни Королеву» в собственном исполнении. Общей участи не избежал даже спорт. В сезон 1952 г. на матче по австралийскому футболу в штате Виктория организаторы половину тайма отвели на проповедь «Призыва к Австралии». Известный проповедник-методист, выступавший в тот момент на стадионе «Лейк-сайд Овал» в Южном Мельбурне, понял, что аудитория не хочет его слушать, и воззвал, рассчитывая на общий отклик: «В конце концов мы все христиане». С трибун донесся ироничный встречный вопрос: «И эти чертовы судьи матча тоже?»

Коммунистическая опасность послужила для капиталистических демократий мощным стимулом, заставившим их сделать своим народам прививку с изрядной дозой улучшений. Соперничество между восточным и западным блоками находило свое выражение не только в гонке вооружений, но и в соревновании за темпы экономического роста и повышение уровня жизни. Если люди не испытывают лишения и уверены в своей безопасности, то у агитатора нет шансов завоевать аудиторию; а регулярный заработок,

увеличение социального обеспечения, наличие личных перспектив являются залогом добросовестного выполнения гражданами их общественного долга.

Но улучшение благосостояния несет с собой свои собственные угрозы. В «Призыве к Австралии» прозвучала озабоченность тем, что обществу массового благополучия угрожают вялость и бесцельность. Именно поэтому в «Призыве» содержалось предупреждение об опасности моральной и интеллектуальной апатии. Как только классические цивилизации в своем развитии приближаются к серебряному и золотому веку, достигнутый комфорт начинает плодить роскошь и порок, приходящие на смену суровости века железного. Уже в 1951 г. Мензис предупреждал: «Если материальное процветание породит в нас алчность или лень, мы лишимся этого процветания». В 1945 – 1963 гг. реальная средняя недельная зарплата увеличилась более чем на 50%, пятидневная рабочая неделя и трехнедельный оплачиваемый отпуск стали нормой. Трансформация общественной жизни, ставшая результатом процветания, сопровождалась целым комплексом моральных проблем.

В ходе продолжительного бума быстро расширяли свои границы города. Население Сиднея в конце 1950-х годов перевалило за 2 млн человек, население Мельбурна достигло этой же величины в начале 1960-х, Аделаида и Брисбен насчитывали почти миллион жителей, а в Перте проживало уже более полумиллиона человек. Центральные районы городов оделись в стекло и бетон, стремясь соответствовать бурно развивавшейся административной и коммерческой деятельности, но самым важным явлением стало перемещение людей из городских окраин в более удаленные от городов пригороды. В конце войны образовался острый дефицит жилья, что вынуждало семьи селиться в ветхих постройках. В конце 1960-х годов нормой стал отдельный современный дом в блоке, расположенном на четверти акра.

Некоторые новые дома строились за счет государства, но большинство их возводилось на частные средства, или же жители строили их сами. Большинство супружеских пар начинали с того, что покупали массу вещей, а затем начинали откладывать деньги на постройку жилья. В 1957 г. неперенной чертой живого «портрета новой общины» на окраине Сиднея были «вечера и уик-энды... оживляемые постоянным стуком молотка, визжанием пилы и рубанка, оставлявшего к тому же пахучий запах струганого

дерева». После окончания строительства дома начиналось возведение заборов, создание садов. Повсюду по субботам завывали электрокосилки, шла усердная работа в церковных помещениях и на школьных игровых площадках.

В 1950-х годах расширилось участие австралийцев в религиозной жизни — к концу десятилетия прихожанами были 51% женщин и 39% мужчин. Их численность особенно заметно увеличилась в пригородах, где церковь организовывала самые разные виды занятий для молодых семей: воскресные школы, молодежные клубы, дискуссионные группы, соревнования по теннису, футболу и крикету. Это была эпоха религиозного рвения, поддерживаемого миссиями, кампаниями по привлечению новообращенных и укреплению веры. Отец Патрик Пеймон, американский священник ирландского происхождения, в 1953 г. принес в Австралию всемирную семейную программу «Фэмили Розари» под лозунгом: «Семья, которая вместе молится, не распадается». Американский евангелический проповедник Билли Грейм собирал огромные толпы во время своего турне в 1959 г. Христианство выступало как защитник семейной жизни и нравственный наставник молодежи.

Доля домовладельцев выросла с 53% в 1947 г., что на протяжении многих лет было нормой, до беспрецедентных 70% в 1961 г., что стало одним из самых высоких уровней в мире.

Параллельно с жилыми домами возникали фабрики. Старые мастерские и товарные склады, наполнявшие улицы центра городов, исчезали, уступая место новым специализированным заводам. Звуки сирены, людская суeta, слив сточных вод и грохот промышленных предприятий накладывались на шум генераторов и степенное движение конвейерных лет.

Место работы с домом соединял автомобиль. В 1949 г. автомобиль был у каждого восьмого австралийца, с начала 1960-х — у каждого пятого. Наличие машин и грузовиков освобождало промышленность от необходимости базироваться вблизи железных дорог и угольных месторождений. Это давало возможность городам распозаться вширь, и теперь пригороды вклинивались в пространства между железнодорожными путями.

Общественный транспорт потерял свою актуальность, и в городах, за исключением Мельбурна, трамвайные линии были разобраны, что не мешать движению потоков автомобилей в часы пик. Появление машин дало толчок новым формам досуга: люди по-новому

Изобилие супермаркетов и удобство пользования ими утверждали триумф современности. Этот один из первых примеров удобства объединяет в себе использование технологий космического века с национальным и имперским флагами (Архивы Коулд-Майера)

стали проводить выходные, для них строились мотели, в пригородных супермаркетах применялись новые формы организации продаж, настоящим ритуалом стали воскресные автомобильные поездки, и люди больше не стремились в свободное время собираться вместе.

Переезд австралийцев в пригороды и обрастание вещами в загородном доме изменили роль домашней хозяйки. Она меньше работала по дому, все больше становясь потребителем товаров и услуг. Женщины реже занимались шитьем, починкой одежды, приготовлением пищи или обслуживанием квартирантов — прежде на всем этом зиждился домашний уют. Теперь они покупали больше товаров и прибегали к разным видам обслуживания, а уровень жизни семьи больше зависел от устройств, которые невозможно произвести дома: от стиральной машины, холодильника, телевизора и т.п.

Приезжавших в Австралию иностранцев удивляла сегрегация полов, местные же эксперты воспринимали это явление как знак растущего благосостояния. Один из них писал в 1957 г.: «Австралийские женщины при первой возможности возвращаются к своей

любимой роли жены и матери и занимаются только этим». Как бы то ни было, но добровольно или вынужденно все меньше женщин становились на этот путь. В период 1947—1961 гг. число замужних работающих женщин возросло в четыре раза, а в 1950 г. решением Арбитражного суда их заработная плата увеличилась и составила 75% базовой заработной платы мужчин. Оплачиваемый труд женщин оставался дополнением к их домашним обязанностям. Новые поселки на окраинах больших городов были местом, откуда мужчины каждый день ездили на работу и где женщины оставались хозяйничать.

Между тем сами города стали больше заботиться о своем имидже. Когда Мельбурн получил право принять Олимпийские игры 1956 г., устроители были обеспокоены тем, что существующие лицензионные ограничения, апатичные таксисты и даже простенький линолеум в отелях могут послужить предметом насмешек. Ставка была сделана на дружелюбие, а доминирующей темой города стало сочетание изящных садов и парков с «растущими ввысь и вширь огромными многоэтажными зданиями из стали и бетона, бронзы и стекла, функциональных и впечатляющих одновременно». Год 1956-й принес с собой также телевидение — мощное средство воздействия, познакомившее людей с американскими идеализированными семейными шоу и вовлекшее зрителей коммерческих каналов в драму потребительских вождений. Реклама, способная предугадать и сформировать потребительские предпочтения, превратилась в один из важнейших видов бизнеса.

Первые телевизоры ставили в гостиной на самое почетное место. Как и в рекламной индустрии, электронные средства развлечения отделяли мужчину в доме от жены-домохозяйки и детей, но распределение аудитории по отдельным сегментам рынка в зависимости от стилей и вкусов шло гораздо медленнее. После войны семья всеми рассматривалась как основная единица общества, единообразная если не по обстоятельствам, то по структуре и функциям. Это была нуклеарная семья, живущая в изолированной обстановке загородного дома. В ее составе не было дополнительных членов, и как первичный элемент общества она считалась необходимым источником его энергии. Такую установку укреплял послевоенный демографический взрыв, поскольку в результате браков, заключение которых откладывалось до конца войны, дети в семьях появлялись на свет один за другим. Рождаемость

увеличилась и за счет того, что браки стали более ранними. После войны беременные женщины наводнили родильные дома, «бэби-бумеры» до отказа заполнили ясли, а в конце 1959-х оказались переполненными и начальные школы. К 1960 г. пришлось принимать срочную программу по строительству и комплектации школ, для того чтобы обеспечить получение среднего, а затем и университетского образования.

Правительство приветствовало эту тенденцию, расценивая свои усилия по укреплению системы образования как вклад в социальный капитал и общий потенциал страны. Лаборатория ядерных исследований стала первым большим послевоенным зданием, построенным для Австралийского национального университета, а школа физики была самой амбициозной и дорогостоящей частью института передовых исследований университета. Спрос на специалистов по ядерной физике был второй по значению (после демографического бума) причиной расширения университетов в 1964 г. Значительный импульс развитию образования в области естественных наук был дан успешным запуском советского спутника. С 1963 г. государство стало оказывать помощь частным учебным заведениям, финансируя обеспечение школ научными лабораториями. Никогда ранее хранители научных знаний не пользовались таким авторитетом и не демонстрировали его столь уверенно. Председатель Австралийской комиссии по атомной энергии объяснял, что «технологическая цивилизация» несет в себе огромный поток сложных проблем, «которые доступны пониманию лишь малой доли населения», и что если оставлять такие вопросы на усмотрение избирателей или политиков, то «это может привести только к неприятностям, а возможно, и к беде. В конце концов надо положиться на специалистов».

Однако нуклеарная семья подвергалась опасности. Угрозу представляли нерегулярность сексуальных отношений, а также репрессии против гомосексуалистов, которых по ассоциации с временами «холодной войны» упрекали в нелояльности. Резко увеличилось число разводов, и распады семей после войны все больше волновали церковь, которая хоть и пережила возрождение, но, похоже, стала терять моральный авторитет под давлением материализма и секуляризма. Семью заботили проблемы молодежи, и психологи заговорили о том, что индустрия потребления рождает ювенильную преступность как социальное явление.

Здесь действовали две противоположные тенденции. С одной стороны, молодые люди могли легко найти работу, получали большой доход и возможность тратить деньги самым разнообразным образом: на одежду, пластинки, посещение концертов, комиксы, танцы, кино, даже на мотоциклы и автомобили. С другой стороны, жизнь в пригороде, необходимость участия в ведении домашнего хозяйства, удлинившийся период зависимости от родителей из-за более длительного периода обучения не давали тинэйджерам реализовать свои выросшие ожидания. Своего рода классовым явлением стала моральная паника, порождаемая «боджи» и «виджи»* эпохи рок-н-ролла 1950-х годов и других, более поздних музыкальных стилей, каждый из которых требовал от своих приверженцев особой одежды, ритуалов и жаргона. Подростки из рабочих семей были менее склонны откладывать вступление в трудовую жизнь, и чаще всего именно они оказывались «изгоями общества», отвергавшими мечту обитателей пригородов.

В одно и то же время, когда консерваторы заговорили об угрозе подростковой преступности, радикалы оплакивали исчезновение бунтарского духа в среде рабочего класса. «Холодная война» вторглась в деятельность профсоюзов, и этот фактор вместе с новыми полномочиями правительства Мензиса, позволившими применять карательные санкции к бастующим, сократил число промышленных конфликтов. Критики считали, что такие явления, как ослабление старых связей людей, живущих и работающих по соседству, вместе проводящих досуг, дружащих семьями, вредит классовой солидарности. По их мнению, усиление социальной и географической мобильности, появление новых форм потребления и досуга, привязывавших австралийцев к домашним и семейным радостям, происходит за счет ослабления связей, возникающих в процессе совместного труда.

Как и раньше, когда левые столкнулись с неоправдавшимися миллениаристскими ожиданиями, они вновь ударились в ностальгическую идеализацию национальных традиций. Левые писатели, художники и историки отвернулись от унылой упорядоченности пригородных пейзажей и обратились к воспоминаниям о старой Австралии, менее богатой, но более щедрой, менее легковерной и более трепетной в отношении своих свобод, менее конформистской и более независимой. В таких работах, как «Австралийская

* Австралийские «чуваки» и «чувихи».

Сиднейские подростки собираются, чтобы посмотреть фильм «Rock around the Clock» в 1954 г. Присутствие фотографа вдохновляет их на эпатаж (Дейли телеграф (Сидней). 16 сентября 1956 г.)

традиция» (1958), «Австралийская легенда» (1958) и «Легенда девятиности» (1954), радикальные националисты восстанавливали историческое прошлое (проскакивая мимо милитаризма и ксенофобии), стремясь опереться на него в своей нынешней борьбе. Они, как могли, оживляли прошлые традиции, и в их трудах четко просматривается элегическая нота. Радикальные националисты создавали легенду об эгалитарном стойком содружестве как раз в то время, когда новый ветер перемен сметал обстоятельства, давшие начало этой легенде.

Пока романтические настроения радикалов увядали, национальные чувства консерваторов были в расцвете. Они были заложены в политике правительства, направленной на то, чтобы привить разношерстному в этническом отношении населению обычаи и ценности принявшей их страны. В течение двух десятилетий после 1947 г. в Австралии поселились более 2 млн иммигрантов, причем большинство их приехали из неанглоговорящих стран. Вместе со своими детьми они составляли больше половины населе-

ния, численность которого к концу 1960-х годов превысила 12 млн человек. «Наша цель, — провозгласил Артур Колуэл в 1949 г., — австралианизировать всех наших иммигрантов... в возможно более короткий срок». Хотя его последователи-либералы и смягчили свою негативную позицию по отношению к изданию газет на иностранных языках и к созданию отдельных иммигрантских организаций, обозначенная Колуэлом цель оставалась актуальной задачей. Спустя 20 лет министр по делам иммиграции заявил: «Я решительно настроен на то, что мы должны иметь монокультуру с единым образом жизни для всех, чтобы понимать друг друга и разделять общие чаяния».

На кораблях, в центрах приема, в общежитиях для мигрантов, на курсах обучения языку и во время церемоний вступления в гражданство иммигрантов через «комитеты добрососедства» и другие добровольные организации обучали «австралийскому образу жизни». Это понятие позволяло отойти от аскетических ограничений прежних времен и традиций, описываемых национальной легендой, и перейти к культивированию нового образа жизни. Австралию представляли как изысканное городское индустриализированное общество потребителей, и в этом образе отражались пропагандистские усилия периода «холодной войны». В статье «Австралийский образ жизни», написанной одним из беженцев по поводу празднования 50-й годовщины Австралийского Союза, говорилось: «Чем австралиец дорожит больше всего, так это собственным домом, садом, где он может копаться в свободное время, и автомобилем... Человек, имеющий дом, сад, автомобиль и хорошую работу, редко бывает экстремистом или революционером».

Более скромные перспективы были заложены в политику в отношении аборигенов. В 1951 г. министр территорий Австралийского Союза подтвердил официальную цель ассимиляции: «Ассимиляция, в частности, означает, что с течением времени в Австралии все лица, в чьих жилах течет кровь аборигенов, и лица смешанного происхождения будут жить так же, как белые австралийцы». Это потребует «долгих лет неспешных и терпеливых усилий». А до того времени в отношении аборигенов предстояло сохранять ограничительный режим протекции, не допускать их в общество белых и продолжать политику широкой дискриминации. Австралийцы-иммигранты хоть могли протестовать против нарушения данных им когда-то обещаний, и у них была возмож-

ность возвратиться домой. Австралийские аборигены такой возможности не имели, хотя и они желали обрести свое отечество.

В 1946 г. в районе Пилбара, Западная Австралия, забастовали пастухи-аборигены, требуя повышения оплаты труда, и, несмотря на недовольство властей, смогли добиться для себя некоторых улучшений. Впрочем, не все из них вернулись к работе после окончания забастовки, так как к этому времени они создали собственный кооператив и поселок. В 1966 г. в Северной Австралии 200 аборигенов-гуринджи покинули скотоводческую ферму, где они работали, и, начав с требований равной оплаты труда, быстро перешли к требованиям передачи им собственной земли. В промежутке между этими двумя наиболее заметными акциями происходили многочисленные мелкие выступления, вызывавшие яростное сопротивление скотоводов и властей штатов, причем вину за них, как правило, возлагали на агитаторов-коммунистов. Последние участвовали в обоих названных выступлениях, и те профсоюзы, которыми руководили коммунисты, наиболее активно помогали аборигенам. В Дарвине коммунисты из Северного союза австралийских рабочих в первые годы после войны поддержали требования аборигенов в отношении равной заработной платы, но сменившееся руководство Союза от такой поддержки отказалось. Федеральный совет по развитию аборигенов, созданный в 1957 г. по инициативе левых, содействовал появлению нового поколения активистов-аборигенов.

Росли волнения и в резервациях. В 1957 г. произошло восстание в поселении аборигенов Палм-Айленд на острове у побережья Квинсленда. Аборигены были возмущены действиями тирана-управляющего, а сам остров использовался как место содержания непокорных аборигенов почти так же, как тогда, когда за сто лет до этого здесь селили осужденных. Всеобщее внимание к тому, что ассимиляции не происходит, привлекла история с участием художника-аборигена Альберта Наматжиры (Наматьиры). Не прошло и года с того дня, когда Наматжиру представили королеве Елизавете, как ему отказали в разрешении на постройку дома в Алис-Спрингс, а в 1958 г. художника приговорили к шести месяцам тюрьмы за то, что снабжал алкоголем родственника, который, как и все аборигены, не имел австралийского гражданства и права покупать спиртное.

Политику ассимиляции всячески рекламировали в официальных публикациях. В них детей аборигенов изображали обучающимися «австралийскому образу жизни» в школе: мальчики в шортах

Дети аборигенов, организованные в подобие военных отрядов в Бунга-лоу, Северная территория, во время Второй мировой войны. В связи с длительным характером войны они были позднее вывезены из этих мест (Австралийский военный мемориал)

и белых носочках, девочки в хлопчатобумажных платьицах. Детей отнимали у родителей, чтобы научить их образу жизни белых, и эта практика продолжалась все 1950—1960-е годы. Только в начале 1980-х последовало запоздалое осознание правительством той травмы, которую наносит детям отрыв от их семьи, после чего были созданы первые агентства по воссоединению семей.

Потери, обусловленные австралийским образом жизни, редко упоминаются на фоне перечисления послевоенных достижений. Это был золотой век спорта, время австралийских триумфов над Англией на площадках для игры в крикет, эра успехов в легкой атлетике, плавании, теннисе и гольфе. «Золотые девушки» блистали на беговых дорожках мельбурнских Олимпийских игр, где Австралия получила 35 медалей. Эстафета побед женщин и мужчин продолжилась и в плавательном бассейне. В послевоенные десятилетия австралийские мужчины получили половину основных чемпионских титулов по теннису и в течение 20 лет выиграли пятнадцать Кубков Дэвиса. Жаркие спортивные сражения с США стали суррогатом отношений между этими двумя странами, смягчая зависимость одной страны от другой и выступая в той же роли, какую когда-то играли традиционные тест-турниры по крикету для отношений внутри Британской империи.

Австралийцам нравилось думать, что их эгалитарный дух, благоприятный климат и активные занятия спортом (в 1950-х гг. в Ав-

Пляжи Австралии патрулировали члены клубов спасателей полосы прибой, спасавшие купальщиков от опасности быть унесенными в глубь океана. Клубы проводили соревнующиеся между собой карнавалы, неизбежным атрибутом которых были торжественные марши. На плакате изображена стилизованная фигура знаменосца, возглавляющего марш (History of Bondi Surf Bather Life Saving Club, 1956, Bondi, NSW: Bondi Surf Bathers Life Saving Club, 1956)

Австралии было больше теннисных кортов в расчете на численность населения, чем в какой-либо другой стране мира) превалируют над мрачным профессионализмом янки. Теннис в Америке был главным образом спортом богатых любителей, в то время как австралийцы привлекали спонсоров, тренеров и других помощников из числа «скрытых любителей». Один из американских профессионалов отметил, что у австралийцев «короткие руки и глубокие карманы». Зато идеалы любительства особенно ярко проявлялись на пляжах, где процветали добровольные клубы спасателей, члены которых выявляли нарушителей запретов, пловцов, пренебрегавших осторожностью и рисковавших погибнуть в предательских океанских волнах. Наделенные известной долей авантюризма, мужественностью (поначалу женщины не имели

права вступать в такие клубы) и азартом, члены клубов соединяли гедонизм пляжной жизни с военной дисциплиной тренировок и маршей. Как выразился один историк, они «обладали истинно австралийским духом», и их свободное объединение в «гуманное содружество», не ограниченное каким-либо кредо, классовой принадлежностью или цветом кожи, стало примером демократии «в том виде, в каком она была задумана».

Золотой век продолжался все 1960-е годы и закончился в начале 1970-х, но до этого перед Австралией встали многочисленные проблемы. Отставка Роберта Мензиса в начале 1966 г. можно принять за поворотный пункт в судьбах правительства. Он был последним из премьер-министров, который сам выбрал момент своего ухода с поста, и к своему семидесятилетию стал одиозной фигурой. Его уход позволил наконец затронуть целый ряд аспектов национальной политики. Были сняты дискриминационные барьеры для неевропейской иммиграции, а в 1967 г. в Конституции Австралийского Союза были отменены дискриминационные положения в отношении аборигенов.

Однако политическое искусство Мензиса было столь совершенным, что продолжение его дела оказалось не по силам консерваторам. Оставшиеся шесть лет правления «династии Минга» повидали трех несостоятельных премьер-министров, быстро сменявших друг друга. Это были Гарольд Холт, Джон Гортон и Уильям Макмагон. Холт был веселым, добродушным человеком. Он утонул в море, как раз тогда, когда в стране начался рост недовольства. Гортон выделялся своей хулиганистой манерой изображать напористого националиста и нападка на традиционалистов. Он был смещен с поста премьер-министра в результате своего рода дворцового переворота в собственной партии. Макмагон был самым невыразительным политиком и ушел со своего поста после всеобщих выборов, результаты которых выдворили коалицию Либеральной и Аграрной партий из кабинета. Некоторые из трудностей, вставших перед правительством, оно не было в состоянии контролировать, другие были созданы им самим. После двух успешных десятилетий перспективы были таковы, что в большинстве возникших проблем приходилось винить правительство. Лейбористы пришли к власти в 1972 г. на волне энтузиазма, вызванного ожиданием перемен, которые должны были компенсировать то, что было утрачено в предыдущие годы. Новое прави-

Премьер-министр Гарольд Холт в 1966 г. посетил США и объявил, что Австралия «пройдет путь до конца» вместе со своим союзником во Вьетнаме. Спустя четыре года президент Джонсон нанес ответный визит. На снимке он произносит речь в аэропорте Канберры, а позади него Холт изогнулся в почтительном поклоне (Фото Дэвида Мура)

тельство сломя голову принялось восполнять утраченные возможности — только для того, чтобы провалиться три года спустя, когда долгий подъем закончился и золотая эра миновала.

Вьетнамская война оказалась тяжелейшим бременем для консерваторов. Сначала она была популярной, и консерваторы использовали ее, чтобы возобновить полномочия, полученные от коалиционного электората, в 1966 и 1969 гг. Визиты президента Соединенных Штатов Америки, а также лидера Южного Вьетнама подняли акции правительства Австралии. «Давите убудков», — инструктировал полицейского суперинтенданта премьер-министр либерального правительства, получив в 1966 г. сообщение о том, что демонстранты блокируют кортеж президента Джонсона. Но «Наступление Тет» в 1968 г.* развеяло иллюзии о превосходстве Америки и лишило Джонсона президентского поста. Его преемник перешел к массовым бомбардировкам Камбоджи, затем к за-

* «Наступление Тет», или «Новогоднее наступление», Народного фронта освобождения Южного Вьетнама началось 30 января 1968 г.

хвату Лаоса, отчаянно пытаясь отодвинуть неминуемое поражение. Между тем потери Австралии множились. Из 50 тыс. человек, прошедших через Вьетнам, к 1972 г. 500 человек погибли, причем среди них было 200 призывников.

Призыв военнообязанных на несправедливую войну был первоочередным вопросом движения за мир, начавшегося с одиночных протестов женской группы под названием «Спасите наших сыновей» и выросшего в шумные выступления радикально настроенных студентов. К 1970 г. они заполнили городские улицы с требованием моратория на военные действия. Ужасающие фотографии детей с ожогами от напалма, показательных уличных казней и сообщения о поголовном уничтожении целых деревень во Вьетнаме... Широкая распространенность этих свидетельств делала крайне странной принятую в то время процедуру участия австралийских призывников в «лотерее смерти», когда после внесения в национальные списки военнослужащих молодые люди тянули жребий на отправку во Вьетнам, вытаскивая бумажку с написанной на ней датой своего рождения. Так углублялся разрыв поколений между министрами, которые стремились оправдать войну, и теми, кого они на нее посылали.

Мы — молодежь, которую призвали
 На бойню, что бездумно развязали
 Те старики, что, крепко спят сейчас.
 По их приказу смерть настигла нас.

К 1970 г. правительство приступило к выводу австралийских войск и не очень усердствовало в преследовании все более многочисленных отказников от призыва.

Война окончилась с падением Сайгона в 1975 г., но участие Австралии прекратилось еще в 1972 г., когда стало ясно, что ее стратегия опережающей защиты провалилась. Президент Никсон объявил о выходе США из альянса, созданного «холодной войной» в Юго-Восточной Азии; его визит в Китай в 1972 г. при образовавшейся брешу в отношениях между этой страной и Советским Союзом подорвал последовательную логику внешней политики, которую Австралия проводила с 1950 г. и которая строилась на предположении о наличии монолитной коммунистической угрозы. Получилось так, что Австралия с готовностью последовала за своим могущественным партнером в Индокитае только для того, чтобы, по выраже-

нию одного из министров, уяснить для себя «как принимаются военные решения в политических целях». Этот министр был поражен возможностью «мобилизовать общественное мнение в целях вмешательства в государственную политику», что, по его мнению, можно было приравнять к воздействию лондонской толпы на британский парламент в XVIII в. Его коллега прибег к более современному сравнению, характеризуя демонстрантов, добивавшихся моратория, «как политических бандитов, которые занимаются консервированием демократии». Это правительство было совершенно оторвано от реальности.

Если корейская война стала стимулом для мировой экономики, то вьетнамская явилась причиной напряжения экономической ситуации. Америка, столкнувшись с огромными расходами, печатала доллары — валюту, лежащую в основе международной торговли; они вливались в финансовую систему стран, увеличивая инфляционное давление. К концу 1960-х годов в экономике Австралии появились явные признаки перегрузки. Фермеры продолжали наращивать производство, но их доходы неуклонно падали. Изменения в соотношении себестоимость — цена толкали их на образование более крупных хозяйств. К 1971 г. число сельских жителей в абсолютном выражении уменьшилось настолько, что не достигало и двух миллионов, составляя лишь 14% общей численности населения. К счастью, открытие новых залежей полезных ископаемых в Западной Австралии позволило ей выйти на азиатские рынки с бокситами и железной рудой, а в 1966 г. было открыто крупное месторождение нефти в Басс-Стрейте. Австралия в этом отношении приближалась к самообеспеченности.

Однако, хотя бум, вызванный открытиями новых месторождений минеральных ресурсов, стал причиной взлета акций на бирже, национальная экономика по-прежнему зависела от иностранного капитала и импортируемой техники. В основных отраслях промышленности доминировали крупные компании, ограничивая тарифы и конкуренцию; ключевые отрасли производства, в частности автомобилестроение, принадлежали главным образом иностранцам. Возросла агрессивность профсоюзов, которые активно требовали повышения заработной платы. Двадцать лет индустриализации и роста городов породили разного рода неудовлетворенность жизнью. Ближайшие пригороды несли на себе печать упадка и загрязнения. Дальние пригороды страдали от недостаточного развития коммунальных служб. Медицина и образование не по-

спевали за спросом. Оказалось, что полная занятость не несет с собой всеобщего процветания и что дробная система социального обеспечения не в состоянии помочь тем, кто в ней больше всего нуждается. Сложилась модель приоритетности частных интересов по отношению к общественным.

Даже те, кто воспользовался плодами процветания, отвергали то, что получили. Поскольку «австралийский образ жизни» утвердился в новых пригородных районах, его критиками стали главным образом интеллектуалы-модернисты, используя такое оружие, как ирония и пародия. Строго осуждая «Австралийский дом» (*Australia's Home*, 1952), архитектор Робин Бойд отозвался об укладе пригородов как о насаждающем дурной вкус «эстетическом бедствии», ведущем в тупик. Он рьяно выступал против «беспорядочного распространения возмутительного стиля», который искажал облик наиболее богатых районов, так же как другой архитектор осуждал «стерильные коробочки, анемично отделанные кованым железом и обезображенные навесами для машин», которыми были заполнены районы, застроенные с помощью ипотечных кредитов. В своих сатирических монологах, вначале предназначенных для ревю 1955 г., конференсье Барри Хэмфрис, родом из мельбургского пригорода, населенного средним классом, выросший в доме, спланированном его отцом, вывел ряд персонажей, воплощающих посредственность: бесконечно суетящуюся Эдну Эвридж, ее мужа-подкаблучника по имени Норм и безнадежно бесцветную Сэнди Стоун. «Я всегда хотел большего» — такими словами начинает Хэмфрис свои мемуары.

Он и другие его образованные современники, в частности Жермен Грир, Роберт Хьюджес и Клайв Джеймс, покинули Австралию в поисках международного успеха. Не в состоянии примириться со скукой, конформизмом и филистерством отечества их юности и превратившись в «экспатов»-иностранцев, они все равно не смогли выйти из роли назойливых оводов, жаля своими суждениями. Другие недовольные покидали пригороды, ища спасения в центральных районах городов, где европейские иммигранты начинали создавать специфическую атмосферу большого города с присущим ей пристрастием к вину, пище и уличному образу жизни, стремясь облагородить свое новое прибежище. Модернисты считали размеренный быт пригородов отупляющим и гнетущим, свободу и возможность самореализации предпочитая искать в крайностях, в беспорядочной жизни богемы. Понадобился такой

проницательный историк, как Хью Стреттон, чтобы в реформистской работе «Идеи для австралийских городов» (*Ideas for Australian Cities*, 1970) показать, какое удовлетворение могут принести человеку дом и сад в четверть акра. И лишь гораздо позднее, когда мечты о загородной жизни окончательно разбились, более молодые историки вернулись к теме пригородов, постмодернистски воспринимая их как место, где гнездятся опасности и пороки, обитающие «Пригородных чудовищ» (*The Beasts of Suburbia*, 1994).

Настал момент, когда поколение бэби-бумеров начало отвергать образ жизни своих родителей, и консервативный порядок разбился вдребезги. Для международного движения «новых левых», возникшего в 1968-м — году баррикад — в студенческих кампусах, сама вьетнамская война стала только частью более широкой борьбы за освобождение стран «третьего мира» от империализма эпохи «холодной войны». Этой борьбе сопутствовали движения внутри стран за освобождение развитых индустриальных обществ от их собственных пороков. «Новые левые» выступали против потребительства с его деструктивным влиянием на окружающую среду, против карьеризма с его отрицанием индивидуальности и против общепринятой морали с ее угнетением возможности самореализации. Этот новый иконоборческий радикализм отрицал респектабельность, для него была характерна некая театральность, выражавшаяся в специфическом языке и жестах, одежде и во всем внешнем виде его приверженцев. В своих амбициозных попытках создать основу контркультуры, которая должна была распространяться на все стороны личных взаимоотношений, новый радикализм был наивен, настаивая на том, что личная жизнь есть жизнь политическая и что торжество интимности способно сломать все существующие барьеры и создать гармонию.

Хотя «Новые левые» были настроены оппозиционно, их идеи и установки основательно повлияли на культуру; к концу 1960-х годов премьер-министр в поисках популярности излишне картинно приблизил к себе музыкальную группу «Сикерс» (*The Seekers*), демонстрируя приверженность моде. Радикалы из поколения бэби-бумеров порвали с иерархической дисциплиной «старых левых», выступив за менее формальный, более открытый и экспрессивный стиль отношений, и ориентировались не столько на рабочий класс, сколько на прогрессивную интеллигенцию. Разрывы такого же рода ознаменовали возникновение движений за освобождение женщин, либерализацию лиц с нестандартной

сексуальной ориентацией и других подобных проектов. Они были предтечами новых общественных движений, представлявших собой другую форму политики, ориентированную на решение конкретной задачи и опиравшуюся на меняющиеся, хотя и реальные идентичности — эти кочевые феномены нашего времени.

Новая политика отвергала конформизм массового общества и оспаривала его механизмы контроля. Набирали силу кампании против цензуры, смертной казни и расовой дискриминации. Группа по иммиграционным реформам выступала за отмену политики «Белой Австралии», которая и так все больше смущала правительство: в 1958 г. без особой огласки отменили практику проведения проверочных диктантов при принятии гражданства, в 1966-м политика «Белой Австралии» была практически отменена, и к концу десятилетия в страну ежегодно въезжали около 10 тыс. небелых иммигрантов. Группы мигрантов все больше стремились сохранять свою культурную идентичность.

Самый драматический вызов пришел со стороны Движения аборигенов, и именно в тот момент, когда правительство пусть с опозданием, но наконец стало получать результаты своей политики ассимиляции. В 1959 г. Австралийский Союз распространил социальные пособия на всех аборигенов, кроме «кочевых и примитивных», а в 1962 г. все аборигены получили право голоса. В 1965 г. Арбитражный суд вынес постановление о равной с белыми оплате труда пастухов-аборигенов. В 1967 г. общенациональный референдум, получивший поддержку всех основных политических партий и проведенный среди подавляющего большинства населения, уполномочил государство принять законодательство для аборигенов.

Последняя из этих мер стала поворотным пунктом внутренней политики. Ранее перемены были направлены на устранение формальных препятствий, не дававших аборигенам права стать свободными и равноправными гражданами Австралии: одно это (хотя считалось, что речь идет о предоставлении гражданства) на самом деле выделяло их в особую категорию людей, в отношении которых Австралийский Союз может принимать законы, чтобы преодолеть дискриминационные действия в более консервативных штатах. Впрочем, коалиционному правительству ничего такого сделать не удалось. Наоборот, оно отклоняло возрастающие требования аборигенов о признании их права на самоопределение. Так же как в 1967 г. Австралийский Союз отверг притязания гуинджи в Се-

верной Австралии, так в 1968 г. он оспорил обращение в суд народа йолнгу из Арнемленда, протестовавших против строительства шахты на их земле. А еще раньше, в 1963 г., парламент Союза отказал им в коряво составленном иске против изъятия у них этой земли. Теперь правительство осуждало формально юридическое требование как «несерьезное и досадное».

Проявления разочарования в районах, где аборигены вели свое традиционное хозяйство, сопровождалась волной протестов аборигенов в малых и больших городах Юга. Молодые активисты больше не проводили работу в организациях белых с целью добиться равенства независимо от расы; они демонстрировали свою исключительность, свою «гордость черных» и свою «силу черных». «Темнокожие — это больше, чем цвет, это — состояние ума», — говорил Бобби Сайкс. Такие идеи опирались на заокеанские прецеденты. Как в 1965 г. Движение за свободу в сельских районах Нового Южного Уэльса, начатое радикально настроенными студентами, стало отзвуком рейдов свободы за гражданские права в США, так и другие, все более мощные выступления за утверждение самостоятельной идентичности следовали американскому образцу.

Наиболее яркой демонстрацией «силы черных» в Австралии явилось палаточное посольство аборигенов, расположившееся на лужайке перед Домом парламента в Канберре. Возникшее в День Австралии в 1972 г., оно символизировало новые цели: речь шла уже не о принятии аборигенов в общество белых, а об их отделении. Посольство сохранялось несколько месяцев, пока обеспокоенный ситуацией премьер-министр не приказал его ликвидировать. Телезрители увидели последовавшую за этим схватку полиции с защитниками посольства. «Все знают, — заявил лидер Лейбористской партии, — что, если бы в это дело не были вовлечены молодые и темнокожие, правительство не посмело бы вмешаться». Фактически этими действиями он отпел правительство, которое несколько недель спустя проиграло выборы.

Лидером лейбористов был Гоф Уитлэм, избранный на этот пост в 1967 г. после длительной борьбы со старой гвардией во главе с испытанным центурионом Артуром Кэлвеллом. Последний был связан лейбористской традицией, и его действия ограничивались ее хранителями — фотографией в газете, на которой лидер парламента изображен ожидающим в кулуарах итогов заседания федерального исполнительного органа своей партии в 1963 г., позво-

лила либералам заявить, что Лейбористской партией руководят тридцать шесть «безликих мужчин». Уитлэм, крупный, исполненный уверенности в себе мужчина и современно мыслящий человек, направил свою энергию прежде всего на модернизацию собственной партии. Он стремился отойти от прежних социалистических лозунгов, от озабоченности делами профсоюзов и аргументов эпохи «холодной войны» и сделать политику лейбористов понятной среднему классу пригородов. Соответственно он постарался выработать стратегию, которая бы справилась с проблемами, в решении которых потерпело неудачу коалиционное правительство за двадцать лет пребывания у власти. В современных условиях, утверждал он, потенциал использования прав гражданина определяется не личными доходами человека, а «наличием и доступностью услуг, которые может предоставить и обеспечить только само сообщество».

Расширяя сферу деятельности правительства, он направлял государственные средства на обновление городов, улучшение систем образования и здравоохранения и увеличение числа услуг государства. Он отказался от политики наращивания всевозможных ограничений и выделения специальных интересов, мешающих увеличению национального потенциала и расширению возможностей граждан. Уитлэм был первым лидером Лейбористской партии на федеральном уровне, кто был родом из влиятельной и обеспеченной семьи (на уровне штата таким же изгоем истеблишмента и проводившим сходную политику лейбористом был Дон Данстен в Южной Австралии), и первым, кто отрекся от лейборизма во имя социальной демократии. Когда его попросили привести пример равенства, как он его понимает, он сказал: «Я хочу, чтобы у каждого ребенка был стол с лампой на нем и собственная комната, где он мог бы заниматься». Для него свет на столе был светом в конце тоннеля.

Обновленная Лейбористская партия пришла к власти в 1972 г., выдвинув на выборах лозунг «Время пришло», и начала стремительно выполнять свою программу. В первый же месяц правительство вывело последние войска из Вьетнама, положило конец практике призыва на военную службу, установило дипломатические отношения с Китаем, провозгласило независимость Папуа — Новой Гвинеи и ратифицировало международные соглашения по ядерному вооружению, вопросам труда и расовой дискриминации и отменило награждение имперскими наградами.

Уитлэм культивировал национализм, который допускал и интернационализм. Расширение поддержки разных видов искусств, повышение требований к содержанию телевизионных программ и, в частности, поощрение расширения в них австралийского контента, охрана исторических памятников — все это наряду с другими инициативами было предназначено для усиления национального самосознания. В сочетании с возобновлением местных изданий, поддержкой австралийских театров и кино эти меры способствовали культурному возрождению, которое позволяло рассматривать жизнь в этой стране как существование, полное глубокого значения и богатых возможностей. Общее настроение масштабности происходящего отразили такие события, как завершение в 1973 г. строительства здания Сиднейской оперы и приобретение новой Национальной галереей огромного полотна современного художника Джексона Поллока «Голубые столбы». Для Маннинга Кларка, чей обширный и пророческий труд «История Австралии» также совпадал с новыми настроениями (третий том с упором на борьбу за независимость Австралии и против нее увидел свет в 1973 г.), это был конец ледяного века.

Правительство Уитлэма пересмотрело содержание понятия «Отечество» и устранило официальную дискриминацию иммигрантов небританского происхождения. Были запрещены все формы дискриминации на основании расовой и этнической принадлежности. Было решено отказаться от политики ассимиляции как несовместимой с растущим разнообразием, которое теперь рассматривалось в контексте обогащения национальной жизни. По мере того как монокультура сменялась мультикультурой, осознание имеющихся различий помогало устранять сохранявшиеся неблагоприятные условия существования для этнических групп. Было признано, что они должны иметь возможность для удовлетворения своих специфических потребностей. Термин «мультикультурализм» пришел из Канады, где он означал вклад, внесенный иммигрантскими группами, которые не принадлежали по происхождению ни к британцам, ни к французам. Мультикультурализм по-австралийски меньше внимания уделял происхождению различий и совсем не подвергся влиянию практики его употребления в США, где его использовали для обозначения конституционных прав. Признаком принадлежности к другой культуре здесь служил язык, который являлся маркером для определения этнической принадлежности (так что «неанглоговорящее

происхождение» стало синонимом «этничности», и это определение применялось ко всем лицам небританского происхождения) и был тесно связан с прибытием мигрантов на постоянное жительство в страну.

Решением Арбитражного суда, принятым в 1974 г., женщины стали наконец полностью получать минимальную заработную плату, положенную взрослым. Это официально признанное равенство должно было иметь и практическое воплощение: женщинам обещали отпуск по беременности, а работающим — детские сады и ясли, а также женские консультации и приюты. Премьер-министр назначил Элизабет Рейд консультантом по проблемам женщин, и это стало новым связующим звеном между феминизмом и государственной политикой. Вскоре появилось еще одно австралийское понятие — «фемократ». Так стали называть государственных служащих, сочетавших выполнение служебного долга с приверженностью целям женского движения, выражавшейся в обеспечении интересов женщин в процессе нормотворчества.

Аналогичные тенденции просматривались в деятельности созданного Департамента по делам аборигенов, где администраторы-аборигены ввели в практику оказание ряда услуг, в частности медицинское и юридическое обслуживание, ориентированных на конкретные нужды своих народов. Созданный одновременно выборный национальный совет для представления интересов аборигенов, впрочем, не смягчил общего напряжения, так как ему была отведена лишь консультативная роль.

Правительство вводило свою социальную программу путем широкого общенационального опроса и выполняло ее, создавая новые властные органы и финансируя их деятельность на федеральном уровне. Комиссия по делам учебных заведений составила документ, согласно которому Австралийский Союз имел право поддерживать не только государственные, но и частные учебные заведения, увеличивать размер финансирования университетов и отменять плату за преподавание. С учетом потребностей здравоохранения была создана система всеобщего медицинского страхования. Комиссия по официальному исследованию бедности расширила систему социального обеспечения. Другая комиссия подготовила рекомендации по юридическому признанию за аборигенами прав на землю на федеральных территориях, хотя правительство пало прежде, чем эти предложения были осуществлены. Новый Департамент городского и регионального развития

помог властям штатов и местной администрации улучшить систему городских служб и финансировал приобретение и освоение земель под строительство.

Уитлэм расширил сферу деятельности общенационального правительства в большей степени, чем это сделал кто-либо другой из лидеров мирного времени до или после него. Он даже вывел из употребления само название государства — «Австралийский Союз», считая его анахронизмом, но встретил при этом растущее сопротивление местных органов власти. Самым беспощадным его критиком был Джо Бьелке-Петерсен, который с 1968 г. был премьером Квинсленда и оставался на этом посту до 1987 г. с помощью всяких предвыборных комбинаций (ему никогда не удавалось получить больше 39% голосов). Как и занимавшие этот пост длительные сроки предыдущие премьеры популистского толка, вызывавшие у него восхищение — Плейфорд и Болт, Бьелке-Петерсен был фермером; в отличие от них он был набожным лютеранином и членом Аграрной партии, которую он расширил и преобразовал в Национальную партию в 1974 г., после того как агрессивно вторгся на электоральное поле городских избирателей Либеральной партии.

Бьелке-Петерсен привлек к себе внимание как политик федерального масштаба во время турне по Австралии в 1971 г. команды южноафриканского Союза регби, сопровождавшегося акциями протеста против апартеида. Он объявил чрезвычайное положение и поощрял разгон демонстрантов полицией; позже он вообще запретил уличные выступления. Премьер жестко игнорировал любые болезненные проблемы, отмечая выступления прессы своей фирменной фразой: «Об этом не беспокойтесь». «Размахивающий Библией ублюдок», как называл его выведенный из себя Уитлэм, выступал против усилий премьера по защите окружающей среды, земельных прав аборигенов, феминизма и многого другого. В 1974 г. к нему присоединился Чарлз Корт, ранее занимавший пост министра промышленного развития в Западной Австралии, а теперь ставший лидером ее Либеральной партии и коалиционного правительства. Корт был менее косноязычен, но столь же суров. «Вы знаете, юноша Чарлз, — вспоминал он совет Тома Плейфорда, данный ему в самом начале его карьеры, — эта страна и особенно отдельные штаты все еще находятся на той стадии, когда им нужны великодушные деспоты». Эти двое правили крупными отдаленными штатами, богатыми полезными ископаемыми и имевшими

протяженные границы. Они выступали за идеалы развития, права государства и консервативную нравственность.

Крылатая фраза Уитлэма «Круши или сокрушайся» указывала на то, как правительство справляется с конституционными и политическими препятствиями. Он обращал мало внимания на экономику, хотя его правительство удвоило государственные расходы за три года своего пребывания у власти. Придерживаясь своих амбиций в области реформ, он в 1973 г. на 25% уменьшил все тарифы. В результате повышения курсы национальной валюты местное производство оказалось на грани банкротства. В то же время цены и заработная плата продолжали расти, и к концу 1973 г. ежегодное повышение достигло 10%.

Затем в ответ на войну Судного дня* арабские страны наложили эмбарго на нефть для Запада, и ее цена возросла в четыре раза. Непосредственное воздействие этой акции на Австралию было небольшим, поскольку она была способна сама обеспечить свои энергетические потребности, но катастрофичными оказались косвенные последствия нефтяного эмбарго. Инфляция, вызванная нефтяным кризисом, вызвала шок в мировой экономике, вызвав нарушение торговой инфраструктуры и спад инвестиций. После 1974 г. развитые индустриальные страны постигло новое бедствие — стагфляция, т.е. стагнация производства при высокой инфляции. Кейнсианские методы, которыми руководствовались в экономике во время длительного бума после войны, не подходили при таком сочетании, поскольку оба элемента по идее исключали друг друга. Какое-то время Уитлэм и его правительство игнорировали и советы финансистов, и саму инфляцию и не сбавляли оборотов, но безработица росла, достигнув невиданного с 1930-х годов уровня. В 1975 г. было решено справляться с инфляцией с помощью сокращения бюджета, а безработица превысила 250 тыс. человек. Золотой век пришел к концу.

К этому времени правительство оказалось в кризисе. Несколько министров ушли в отставку или были освобождены от должности, оказавшись замешанными в скандалах. Один из них вел переговоры с сомнительными международными финансистами о четырехмиллиардном займе, с тем чтобы удержать национальный контроль над австралийской нефтью, газом и обработкой урана.

* Арабо-израильская война в октябре 1973 г., закончившаяся поражением армий арабских стран.

Оппозиция, которая доминировала в сенате, использовала «дело о займе» как предлог отказать правительству в денежных средствах, надеясь при этом вынудить его пойти на пере выборы.

У оппозиции нашлось много союзников. Лидеры бизнеса потеряли веру в правительство, а пресса жаждала крови. Генерал-губернатор сэр Джон Керр отвергал имперскую манеру правления своего премьер-министра. Сэр Гарфилд Барвик, ранее министр в консервативном правительстве, ставший Верховным судьей, советовал генерал-губернатору исполнить свой долг и воспользоваться правом главы государства распустить правительство. Посол США и должностные лица Центрального разведывательного управления весьма критично относились к лейбористскому правительству, особенно к его стремлению в той или иной мере контролировать американские военные коммуникационные базы, построенные у Северо-Западного мыса и в Пайн-Гэп в 1960-х годах.

У правительства были свои сторонники. Интересно, что очень многие либертарианцы среди «новых левых» выступали за начатое Уитлэмом усиление роли государства и расширение его деятельности, однако они сомневались в способности лейбористов победить на выборах. Было решено принять участие в выборах в надежде, что у кого-нибудь из членов коалиции в сенате сдадут нервы. Некоторые были готовы согласиться на предоставление правительству средств после 27 дней моратория, но генерал-губернатор начал действовать первым. Сразу после полудня 11 ноября 1975 г. он объявил об отставке правительства и назначил Малколма Фрейзера, лидера Либеральной партии, исполняющим обязанности премьер-министра, которому предстояло получить положенные фонды и провести выборы. Фрейзер так и поступил. Он выиграл выборы рекордным большинством голосов.

Роспуск правительства был самым серьезным конституционным кризисом в истории Австралии. Когда распространились сведения о действиях генерал-губернатора, у здания парламента в Канберре собралась толпа. Генерал-губернатор вышел на ступени перед парламентом, чтобы огласить указ о роспуске обеих его палат. В этот момент Гоф Уитлэм угрожающе глянул через плечо на Фрейзера, назвал его «Керровым сукиным сыном» и призвал собравшихся не стесняться в выражении своего гнева. В крупных городах люди оставили работу и вышли на стихийные демонстрации, агитируя население перейти к прямым действиям. Однако Уитлэм принял роспуск своего правительства, а лидер Австралий-

ского совета профсоюзов подавлял все разговоры о забастовке. События 1975 г., естественно, подорвали правительственную систему. Накаленная атмосфера породила конспирацию в политической деятельности; стремление высоких чиновников нарушать правила причинило тяжелый ущерб конституционному порядку. Сам Уитлэм остается в истории весьма неоднозначной фигурой. Для кого-то он остается героем, вынужденным сложить свои полномочия в расцвете сил, другие считают его опасным и некомпетентным человеком. Последний из национальных лидеров, кто следовал своим убеждениям, не считаясь с тем, к чему они могут привести, он поднялся и пал тогда, когда были исчерпаны возможности существования уверенного в себе и свободно действующего национального правительства.

Глава 9. Воссоздание Австралии (1975–2004)

После хронической политической нестабильности, которая знаменовала провал консерваторов, и лихорадочного темпа жизни при Уитлэме, последовавшие затем годы выглядят неким состоянием равновесия. В период между 1975 и 1991 гг. правительство сменилось только один раз, и два премьер-министра сохраняли свой пост примерно одинаковое время. Оба по-своему стремились обеспечить уверенность в будущем, которой хотел электорат, и оба придерживались нейтральной позиции.

Однако в сложившихся обстоятельствах не могло быть и речи об уверенности в будущем без отказа от укоренившихся старых привычек. Один премьер видел путь к изменениям в конфронтации, другой — в консенсусе, но иницилируемые и тем и другим перемены были недостаточными. И в том и другом случае надо было идти дальше, отказываться от той или иной устаревшей практики и предпринимать дополнительные нововведения. Оба лидера весь свой немалый личный авторитет использовали для ускорения процесса реформ. И оба подверглись осуждению, как только оказались вынужденными уйти со своего поста вследствие нерешительности и несостоятельного руководства. Преследуя постоянно ускользающую цель обеспечения конкурентоспособности, австралийцы оказались вовлечены в бесконечный процесс национального обновления.

Первым из этих лидеров был Малкольм Фрейзер, возглавлявший коалицию Либеральной и Национальной партий в 1975—1983 гг. Этот высокий худой отпрыск крестьянской династии из вотчины либералов — штата Виктория — получил образование в частных школах и Оксфордском университете. Его робкие и неуклюжие манеры обычно принимали за аристократическую замкнутость. Мрачная решимость, с которой он добивался власти, не исчезла и тогда, когда он занял свой пост: он постоянно подстегивал своих коллег, импульсивно, хотя и целеустремленно вникая во все аспекты политики. «Кто сказал, что жизнь должна быть легкой» — так любил провоцировать собеседников этот человек казалось, наследовавший привилегии правящего класса, но это было его настоящим кредо, и он сам не щадил своих сил. Фрейзер считал австралийцев слишком избалованными, что в условиях острой конкуренции их необходимо отучить полагаться только на заботу государства. Стараясь насколько возможно уменьшить вмешательство государства в дела общества, он сам, однако, постоянно влезал в вопросы управления, видя в этом проявление сильного лидерства. Суровый индивидуализм боролся в нем с инстинктивным патернализмом тори.

Фрейзер победил на выборах 1977 и 1980 гг. дискредитировавшую себя Лейбористскую партию, а в 1983 г. электорат отвернулся от него, выбрав нового лейбористского лидера — Боба Хоука. Если не считать, что тот тоже учился в Оксфорде, будучи стипендиатом Родса, Хоук почти во всем отличался от Фрейзера. Один был высоким, другой — низкорослым один выражался кратко и четко, другой предпочитал разговорную речь. Фрейзер был резок, Хоук успокаивал; Фрейзер отличался корректностью, Хоук некогда любил выпить и слыл волокитой; Фрейзер воспринимал власть как свой долг, Хоук добивался популярности с почти библейским убеждением, что это его предназначение.

Новый премьер-министр родился в семье конгрегационалистского священника, работал в Австралийском совете профсоюзов и в 1970 г. стал его первым председателем, который никогда не работал среди рабочих. На этот пост были и другие кандидаты, но никто не мог так искусно лавировать между членами Совета и работодателями, непостижимым образом добиваясь новых договоренностей. После того как Хоук стал членом парламента и проложил себе дорогу к руководству, он отказался от большинства своих вольных привычек. Известный повеса, он теперь предстал перед публикой в атрибутах человека, облеченного властью, сидя за внушительным

Во время конституционного кризиса, который завершился роспуском лейбористского правительства в 1975 г., временно исполняющий обязанности кабинет организовал митинги. Малкольм Фрейзер, лидер партии либералов, приветствует своих сторонников в Мельбурне (Мельбурн, *Age*, 1975)

письменным столом на фоне шкафа с муляжами книг на полках, ворчливо настаивая на необходимости национального примирения.

Оба лидера стремились отыскать решение насущных государственных проблем, ибо с окончанием золотого века правительства сталкивались не столько с возможностями, сколько с трудно разрешимыми задачами. Возникли стратегические трудности во внешней политике и симптомы внутреннего напряжения: деградация окружающей среды, разрушение семейных отношений, наличие бездомных и распространение преступности.

Боб Хоук воодушевлен успехом яхты Алана Бонда, который выиграл Кубок Америки в том же году, когда Хоук занял пост премьер-министра (West Australian Newspapers Ltd)

В новой неопределенной ситуации правительства стремились восстановить сплоченность и целеустремленность нации. Прежде всего, они пытались залатать дыры в экономике, которая более не обеспечивала надежного роста и постоянной занятости. После длительного бума мировая экономика характеризовалась слабым, неустойчивым ростом, высокой и постоянной безработицей. Австралия же столкнулась с особыми проблемами: ее зависимость от экспорта сырьевых товаров делала ее все менее конкурентоспособной в условиях глобальной экономики, в которой доминировали производители товаров с высокой степенью переработки и индустрия сферы обслуживания.

Быстрый рост финансовых рынков, увеличившаяся мобильность капитала и переход от трудоемкого фабричного производства к высокотехнологичным информационным видам индустрии создали новый экономический порядок, который иногда называют постиндустриальным. Постиндустриализм, в свою очередь, повлек за собой изменения самой модели производства, в котором сборку комплектующих на конвейере заменили манипуляции символами на экране компьютера. Информационная революция создала виртуальную реальность, а ее пророки провозгласили наступление постматериальной эры. Однако поразительной особенностью жизни Австралии в последней четверти XX в. было не это, а небывало глубокое влияние экономики.

В общественной жизни, как никогда ранее, стали главенствовать потребности бизнеса, а те, кто чувствовал себя уверенно в реалиях неоклассической экономики, пользовались беспрецедентным авторитетом. В сводках новостей доминировали сообщения о биржевых индексах и движении валют. Терминология рыночной экономики стала языком государственной политики и проникла почти во все сферы общественной жизни. Появилась новая теология — неолиберализм, а в Австралии для нее придумали отдельный термин — «экономический рационализм». Он был примечателен не столько склонностью своих приверженцев включать в силлогизмы чуть ли не любую форму человеческого поведения, сколько признанием логики рынка единственным способом мышления.

Правительство Фрейзера стремилось справиться с экономическими трудностями страны путем решения проблемы инфляции. Оно считало, что снижение цен и зарплат и восстановление прибыльности возродят экономическую активность. Сокращение правительственных расходов должно было покрыть государственный дефицит, уменьшить потребность государственного сектора в финансовых резервах и уменьшить банковский процент в интересах увеличения частных инвестиций. В течение тридцати лет государственные расходы и доходы росли вместе с ростом национального продукта; теперь австралийцы столкнулись с урезанием государственных программ и расходов на них.

Инфляция действительно уменьшилась, но к 1978 г. число безработных перевалило за 400 тыс. человек. В то же время с иностранных капиталовложений были сняты ограничения, с тем чтобы расширить промышленность, работающую на экспорт. Фермеры поставляли на экспорт уже не шерсть, а мясо и пшеницу, но боль-

ше всего средств поступало от продажи электроэнергии и минералов. Резкое повышение цены на нефть позволило Австралии стать важнейшим поставщиком угля, увеличить продажу нефти, газа и урана. Для вывоза на азиатские рынки природных ресурсов были открыты новые шахты в Западной Австралии и Квинсленде.

Позиционирование Австралии как источника полезных ископаемых было рискованной стратегией. Доля сырья в мировой торговле снижалась, и цены на него падали. Новые проекты добычи природных ископаемых создавали сравнительно мало рабочих мест, не в последнюю очередь из-за внедрения технологических инноваций, к тому же влияние на обменный курс бума в области добычи природных ресурсов отрицательно сказывалось на других отраслях. Когда в 1982 г. рост экспорта прекратился, а сельскохозяйственный сектор пострадал от засухи, правительство ослабило контроль за государственными расходами и денежной эмиссией. Возобновившаяся инфляция, снижение зарплат и дальнейший подъем безработицы привели к поражению правительства на выборах 1983 г.

Лейбористы пришли к власти с альтернативной стратегией, опиравшейся на их особые взаимоотношения с профсоюзами. По условиям заключенного с Австралийским советом профсоюзов соглашения*, рабочие должны были отказаться от требований повышения заработной платы в обмен на создание рабочих мест. Конфликт удалось заменить сотрудничеством благодаря согласованным усилиям, направленным на то, чтобы Австралия снова наконец, взялась за работу. Общенациональный экономический саммит, проведенный в Канберре менее чем через месяц после выборов и узаконивший эти договоренности, был проведен в театральной форме, не имевшей ничего общего с устоявшейся политической практикой. Из здания парламента удалили избранных представителей страны, чтобы освободить место для бизнесменов и лидеров профсоюзов для заключения Аккорда. Профсоюзы смирились с замораживанием заработной платы, а работодатели приняли возврат к системе централизованной фиксированной оплаты труда. Компенсацией для работников за их готовность проявлять терпение в вопросах зарплаты стало восстановление государственной системы медицинского страхования, а также некоторые другие улучшения по линии государственных выплат.

* Получившего название «Аккорд».

Кроме того, были приняты государственные программы с целью поддержки ключевых отраслей промышленности, таких, как сталелитейная и автомобилестроение.

Как стратегия в области занятости Аккорд работал. До конца десятилетия было создано полтора миллиона рабочих мест, и количество безработных уменьшилось с 10% в 1983 г. до немногим более чем 6% в 1989 г. Но, пытаясь повысить конкурентоспособность, лейбористское правительство пошло и на другие реформы. В конце 1983 г. оно отказалось от защиты курса национальной валюты и пошло на свободное образование цены австралийского на рынке. Контроль за обменом иностранной валюты был снят, контроль за внутренними банками уменьшен, и иностранные банки получили возможность с ними конкурировать. Если Аккорд был тем пряником, который обеспечивал участие промышленного сектора в реконструкции австралийской экономики, то отсутствие финансовой регуляции стало тем кнутом, который побуждал ее двигаться вперед под ударами увеличившейся конкуренции. Пол Китинг, который в качестве казначея вдохновлял эти реформы, хвалился: «Мы первое поколение послевоенных австралийских политиков и экономистов, которые наладили по-настоящему открытую рыночную экономику».

После проведения финансовой либерализации экономическое положение Австралии стало зависеть от изменчивых оценок международных валютных спекулянтов. В результате быстрого роста внешних заимствований и постоянного торгового дефицита к 1986 г. доллар потерял 40% своей стоимости. К этому времени чистый внешний долг, наполовину государственный, наполовину частный, составлял 30% национального продукта, и каждое новое падение курса доллара его увеличивало. В мае 1986 г. Китинг заявил: «Мы должны рассказать австралийцам правдиво, честно и серьезно, в какой международной яме находится сейчас Австралия». Он предупреждал, что если не снизить цены и не увеличить объем торговли, «мы кончим как страна с третьесортной экономикой... как банановая республика».

Этот эпитет вызвал шок, эхом отозвавшись во всей стране. Казалось, Австралии угрожает опасность последовать по пути разрушения за другими белыми обществами переселенцев. Как и они, Австралия создала высокий уровень жизни, опираясь на свой экспорт, между тем ее товары больше не пользовались устойчивым спросом. Как и они, Австралия имитировала европейскую цивили-

лизацию, но, по словам двух экономистов-историков, «современная австралийская экономика по сути своей не очень «европейская»». Они считали ее еще менее эффективной, чем экономику Канады: большая часть современных технологий импортируется для того, чтобы обеспечивать немногочисленное население, чье благополучие зависит от эксплуатации природных ресурсов. По их словам, «если характеризовать три классических фактора производства, то земля разворована, капитал получен взаймы, производительность труда низка».

Сравнение Австралии с банановой республикой подготовило аудиторию Китинга к шоковой терапии, урезанию государственных расходов, дальнейшему замораживанию заработной платы, еще большей открытости австралийского бизнеса для международной конкуренции. На смену политике уменьшения финансового регулирования пришли планы прогрессивного сокращения тарифов, защищавших отечественную промышленность, и появились первые предложения об ослаблении централизованной фиксации заработной платы. С введением дальнейших мер по дерегулированию могли исчезнуть те непереносимые черты, которые с самого начала были характерны для Австралийского Союза. В этом случае центральный принцип, определявший жизнь поселившихся в Австралии людей: наличие сильного государства, способного защитить уровень жизни населения, — уступит поле действия свободному рынку. Все было в руках лейбористов.

Кампания по демонтажу базовой установки на регулятивные функции всего австралийского общественного устройства во многом опиралась на созданные за рубежом прецеденты. После того как закончился длительный бум и не удалось восстановить экономическое процветание с помощью кейнсианских методов, наметился общий сдвиг вправо. Избрание консервативного правительства в Британии и президента-республиканца в США в конце 1970-х годов возвестило начало наступления на профсоюзы, атаку на систему социального обеспечения и смешанную экономику. Апологеты «новых правых» вели речь не о несостоятельности рынка, а о несостоятельности правительства, не о свободе от опасности, а о свободе рынка как основе свободного общества. Приверженцы такой политики называли себя «новыми правыми» в отличие от прежних правых, более прагматичных консерваторов.

Идеи «новых правых» были поддержаны в Австралии институтами по разработке стратегий и исследовательскими центрами,

пропагандировались обозревателями в средствах массовой информации и были вскоре восприняты государственной политикой. Они апеллировали к производителям экспортной продукции и другим противникам протекционизма: недавно образованная Национальная федерация фермеров вместе с крупнейшими магнатами горнодобывающей промышленности требовала отмены обременительных тарифов и гарантированной заработной платы. Им раскрыли свои объятия противники государственного обеспечения, которые считали, что эта система лишь держит людей в зависимости и укрепляет контрпродуктивную бюрократию. Юристы из числа «новых правых» утверждали, что система арбитража и централизованного определения заработной платы укрепляет болезненный и кровосмесительный «клуб индустриальных отношений». Крупные организации работодателей поначалу сопротивлялись призыву отменить эту систему, но, по мере того как австралийский бизнес стал чувствовать холодный ветер международной конкуренции, они стали приветствовать снятие ограничений для рынка рабочей силы.

Консервативные политики с большей осторожностью расценивали электоральные перспективы политики «новых правых»: в 1984 г. они проиграли лейбористам, перехитрившим их своей политикой смягчения финансового регулирования, а в 1987 г. их шансы погубила популистская кампания авторитарного премьера Квинсленда Джона Бьелке-Петерсена, которого они выдвинули на роль национального лидера. Наследие патерналистского либерализма Мензиса и вся совокупность австралийских традиций превращали поворот к правому радикализму в опасную игру. В этой стране индивидуализм был возможен лишь при условии защиты со стороны сильного государства. Индивидуализм в трактовке «новых правых», такой индивидуализмом, который предоставлял неограниченный выбор его пользователю, пока тот был способен за него платить, выглядел рецептом политического самоубийства. Нежелание Либеральной партии поддерживать экономическую политику «новых правых» позволило лейбористам присвоить эту политику себе.

На протяжении 1980-х годов отсутствие финансового регулирования наряду с волатильностью глобального движения капиталов привело к череде повышений и падений на фондовом рынке. Средства, которые могли бы быть вложены в исследования, экономическое развитие и повышение производительности труда, попали в сундуки нового поколения корсаров, с помощью долго-

вого финансирования грабивших успешные компании. Корпоративные авантюристы создавали бумажные империи, строили грандиозные особняки, приобретали частные самолеты и произведения искусства, предавались бесконечным развлечениям и не скупилась на политические воздаяния. Золотой век превратился в позолоченный век неудержимых излишеств.

Политики-лейбористы считали, что эти не скованные запретами и обязательствами богачи намного талантливее, чем старшее поколение истеблишмента, заседавшее в советах корпораций. Им нравился их предпринимательский энтузиазм, они приветствовали приобретение ими зарубежных активов по абсурдно завышенным ценам, усматривая в этом свидетельство внешней экспансии австралийского бизнеса. После того как под влиянием займов распух национальный долг, повысился курс доллара и, следовательно, возрос торговый дефицит, правительство, наконец, нажало на тормоза. Избавившись от механизмов, способных оживить экономику, оно смогло лишь завести ее в тупик из-за постоянного увеличения процентных ставок, которые к 1989 г. достигли 20%. Последовавший за этим коллапс сокрушил крупных предпринимателей вместе с тысячами мелких предприятий. «Для Австралии это — необходимая рецессия», — упрямо настаивал главный казначей.

Снова стала расти безработица, которая в 1992 г. превысила 10%. Все усилия приспособить австралийскую экономику к новой модели торговли и инвестиций, хотя и позволили улучшить производительность, привели к устойчивому торговому дефициту и увеличению внешнего долга. Австралия оставалась в зависимости от иностранных капиталовложений и была подвержена циклическим подъемам и спадам. Опора на рыночные силы привела не к повышению, а к понижению показателей роста экономики по сравнению с послевоенными годами, когда она регулировалась правительствами, а также к большему неравенству и уязвимости. Впрочем, так было во всех странах, которые в 1980-х годах проводили в жизнь программу «новых правых».

Однако опыт Австралии отличался тем, что отмена регулирования была проведена лейбористским правительством. Лейбористы сочетали неолиберальную экономическую политику с корпоративистскими методами правления в попытке сохранить социальные параметры в работе рынка. Аккорд предусматривал некоторую защиту от последствий программы «новых правых», характерных для Британии и США: здесь процент безработных был меньше, заработ-

ная плата не опускалась ниже определенного уровня, нуждающиеся получали большую помощь. Уступая экономическим аргументам «новых правых», лейбористы все же надеялись избежать безжалостного отказа от ответственности за положение слабых и уязвимых.

Как и Маргарет Тэтчер, Пол Китинг настаивал на том, что альтернативного пути нет. В 1990 г. он твердил о необходимости «убрать от рынка бесцеремонные руки бюрократии». Предложенный им выбор был суров: Австралия может продолжать «противопоставлять себя реалиям мировых рынков» или «отступить к несостоятельной политике прошлого». Глобализация — ключевое слово для обозначения этих реалий — служила как диагнозом, так и средством защиты от тех резких перемен, которые охватили Австралию. Их предчувствовал австралийский эрудит Барри Джонс, рассмотревший будущее своей страны в постиндустриальном мире в книге «Спящие, проснитесь!» (*Sleepers Wake!*, 1982). Австралии предстояло либо приспособиться к задачам и возможностям века информации, либо ей грозило будущее без работы. Джонс стал министром науки в правительстве Хоука. Он популяризировал понятие «умная страна» для обозначения изобретательной, бдительной и способной к адаптации Австралии, какой он хотел ее видеть. Но в 1990 г. его изгнали из министерства.

К тому времени угрожающе реальной казалась мрачная обратная альтернатива. Исчезали те виды занятий, которые некогда обеспечивали надежную занятость. Продукция отечественных производителей одежды и обуви не могла больше конкурировать с дешевым импортом; предметы домашнего обихода поставлялись из Юго-Восточной Азии по низким ценам; городские офисы, ранее наполненные множеством машинисток и секретарей, теперь занимали персональные компьютеры, которые придумывали в Силиконовой долине, а собирали где-то за границей. К сожалению, рост новых, высокотехнологичных отраслей промышленности, которые, казалось, должны бы поглотить излишек рабочей силы, не был устойчивым. Работодатели теперь не хотели содержать большой постоянный штат работников. Те, кто рассчитывал на карьеру и старался выбрать себе на всю жизнь такое занятие, в котором бы ценился опыт, которое позволяло бы со временем достойно выйти на пенсию, казались старомодными людьми. В среде менеджеров и специалистов считалось, что находиться на одной и той же должности дольше нескольких лет равносильно признанию своей несостоятельности.

Время подобных изменений ложилось главным образом на тех, кто меньше всего был способен его вынести. Потеря постоянной работы особенно пагубно сказывалась на иммигрантах из среднего класса, как мужчин, так и женщин, селившихся вблизи фабрик в больших городах. Упадок тяжелой промышленности ударил по таким индустриальным центрам, как Ньюкасл и Уоллонгонг в Новом Южном Уэльсе, Уайалла и Элизабет в Южной Австралии. Закрытие заводов в небольших городах еще больше усложняло жизнь сельских обитателей. С уменьшением фермерского населения стали закрываться школы, больницы, магазины и банки. От изменения практики найма, при которой выбрасывались на улицу наименее опытные работники и постоянный штат заменялся случайными кадрами, работающими неполный день, пострадала молодежь, не находившая применения после окончания школы, и процент безработных среди молодых людей оставался постоянно высоким.

В 1980-х годах уровень участия в рабочей силе вырос. К движению женщин за оплачиваемый труд, набравшему силу в 1960 – 1970-х годах добавились работники с неполным рабочим днем. Дискриминационная практика, стоявшая на страже интересов кормильца-мужчины, уходила в прошлое, но многим семьям необходим был заработок обоих взрослых, чтобы свести концы с концами. Каждая шестая семья в период между 1974 и 1987 гг. была неполной, и одинокие отец или мать, имевшие детей на иждивении, скатывались за черту бедности.

Правительство Хоука вызывало тревогу своей неспособностью обеспечить полную занятость населения и остановить грядущий упадок. Опрометчивые предвыборные обещания премьер-министра в 1987 г., утверждавшего, что «к 1990 г. ни один ребенок в Австралии не будет жить в бедности», теперь оборачивались против него. Лейбористы оставались верными системе социального обеспечения, но направляли помощь главным образом тем, кому надо было приумножить уже имеющееся имущество и доходы. Внимание стали уделять прежде всего созданию рабочих мест и обучению, что привело к резкому росту числа школьников и расширению высшего образования. В свою очередь это повлияло на сферу занятости благодаря новым школьным программам, которые ориентировали обучение на приобретение практических навыков, и применению рыночного принципа «потребитель платит» в университетах, где была введена отложенная оплата за обучение. И в миграционной по-

литике, после ее пересмотра в 1988 г., появился новый акцент на наличие квалификации и делового опыта у иммигрантов.

В жертву новой государственной политике было принесено стремление к равенству. В течение 30 лет после войны социально-демократические правительства стремились уменьшить неравенство в благосостоянии, доходах и возможностях, порождаемое капиталистическим рынком. Эта борьба за равенство была остановлена, и на протяжении 1980-х годов во всем мире усилилась поляризация богатых и бедных. Австралии с ее остатками системы государственного обеспечения и низким уровнем социального обеспечения по сравнению с другими странами, где существовали универсальные системы социального обеспечения, было легче выполнить свои обязательства перед бедными. Она тратила меньше средств, но большая часть того, что тратилось, шла в карманы нуждающихся. Однако это ограниченное перераспределение средств в интересах бедных не могло обуздать роста доходов на другом конце шкалы благосостояния. При замороженной заработной плате доля прибыли возрастала, и богатые становились богаче. Они устанавливали себе избыточно высокие административные оклады и реализовывали свои сверхдоходы, скупая собственность и ценные бумаги. Они все меньше стремились делиться своим избыточным достатком, используя «налоговые гавани», чтобы минимизировать вклад в общественный доход, и все больше афишировали свои богатства. Снятие финансового регулирования не просто устранило институциональную инфраструктуру, которая связывала отдельных людей взаимными обязательствами, но и разрушила чувства, поддерживавшие социальную солидарность. Низость духа проявлялась в том, что к жертвам безработицы относились с презрением, то и дело их называли бездельниками, живущими на подачки. Под влиянием ослабления взаимопомощи, махрового индивидуализма, попиравшего любовь, долг и жертвенность, расцвел культ эгоизма.

Самым дерзким среди корпоративных пиратов, процветавших в 1980-х, был англичанин-мигрант Алан Бонд. Он начал свою трудовую деятельность, рисуя вывески и рекламные плакаты в Перте, затем занялся застройкой земельных участков и построил международную корпоративную империю, владевшую активами в недвижимости, горнодобывающей промышленности, пивоварении и СМИ. В результате обрушения фондового рынка в 1987 г. все его дела всплыли на поверхность, а к 1990-му временные управляющие все еще разбирались с его банкротством, пытаясь

отследить активы акционеров. Бонд попал за решетку — в отличие от других предпринимателей, которым удалось бежать за границу или избежать приговора суда. В 1989 г., когда журналисты, специализирующиеся на финансовой тематике, прежде превозносившие его предпринимательский талант, начали сомневаться в его состоятельности, Бонд, выступая в Национальной галерее, где выставлялась часть его коллекции картин, сравнил отношение к себе с историей художников-импрессионистов. По его словам, этих смелых, творческих людей, как и его самого, подвергали «критике и насмешкам». Они тоже были жертвами такого типичного для Австралии ревнивого отношения к неординарным людям, учившего «не высовываться»*.

Приобретая картины импрессионистов, Бонд «высунулся», приобрел право на применение к самому себе и этого выражения. Поборники равноправия в Австралии однажды уже использовали его, осуждая людей, возносивших себя над другими. Критика таких людей, проявление неуважения к ним считалась национальной добродетелью. Затем в последний год полномочий правительства Уитлэма, когда стремление к равенству утратило решительность, один из высокопоставленных либералов внес новую нотку, провозгласив: «Высовывающиеся, все больше высовывающихся — вот что нужно этой стране». К 1980-х годам термин утратил все свои уничижительные оттенки. Высовывающиеся теперь были национальным достоянием, воспевались в панегириках практически во всех сферах деятельности. Наконец, в 1984 г. свою дань уважения получили успешные австралийские женщины**. Поскольку неравенство в престиже, богатстве и власти было обязательной стороной предприимчивости и успешности, австралийцам было предложено отбросить ненужную скромность, чтобы добиться успеха. Критика стала считаться национальным пороком в стране, забывшей, что «достигнуть» — глагол переходный.

В течение 1980-х годов Австралия ликвидировала бóльшую часть институтов, которые ограждали ее небольшую торговую экономику мерами торгового протекционизма от воздействия внешних потрясений. Мало кто оплакивал кончину политики Австралийского

* *Tall poppies* — букв. высокие маки (англ.) — преуспевающие, особо выделяющиеся люди, «те, кто высовывается».

** Речь идет о первой из четырнадцати книг-интервью с выдающимися австралийками писательницы Сьюзен Митчелл. Книга вышла в 1984 г. под названием *Tall Poppies* и стала бестселлером.

«устроения». Критики говорили о том, что она использовалась для защиты групповых интересов, потворствовала проведению неэффективной политики и душила инициативу. Чаще всего они утверждали, что она просто неустойчива, потому что глобализация, лишая национальные правительства способности противостоять рыночным силам. Некоторые члены лейбористского правительства стремились совместить процесс реформирования с эгалитарными традициями и сохранить способность поддерживать уровень жизни населения. Однако эти надежды затухали, по мере того как продолжалось дерегулирование хозяйства, а возможность контролировать его последствия уменьшалась. К концу десятилетия Австралия рассталась с прошлым и дрейфовала в изменчивых водах глобального рынка, менее защищенная и более уязвимая.

Правый поворот в экономической и социальной политике совпал с возрождением атмосферы «холодной войны». После поражения Америки во Вьетнаме, частичной разрядки в отношениях с Советским Союзом и сокращения военных расходов ряд унижительных отступлений в конце 1970-х годов привел нового президента США Рональда Рейгана к решению оказать сопротивление коммунистической «империи зла». Подбадриваемые со стороны Маргарет Тэтчер, США возобновили гонку вооружений. Австралия с самого начала оказала демонстративную поддержку второму этапу «холодной войны». Малкольм Фрейзер не раз указывал на угрозу советского морского присутствия в Индийском океане: он поощрял расширение американских коммуникационных баз в Австралии и ответил на советское вторжение в Афганистан попыткой не допустить участия Австралии в московских Олимпийских играх 1980 г.

Таким образом Фрейзер приветствовал действия Рейгана и полностью поддерживал новое подтверждение могущества Америки. С другой стороны, отношения Фрейзера с Тэтчер были гораздо более прохладными, частично из-за споров на форумах Содружества Наций по вопросу о белых режимах в Южной Африке. Фрейзер мужественно критиковал апартеид, и права человека были важным элементом его внешней политики, в которой немаловажное место занимал региональный фактор. Фрейзер видел в Китае союзника в борьбе против Советского Союза. Он посетил Пекин раньше, чем Вашингтон; он приветствовал в 1979 г. вторжение Китая во Вьетнам и поддержал неофициальную коалицию Китая и Японии с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с целью сдержать

угрозу со стороны Советского Союза. Это, в свою очередь, заставило Австралию сблизиться с АСЕАН как с главным региональным форумом и высветило проблемы в ее отношении с Индонезией.

Эта страна, являясь ближайшим и самым населенным соседом Австралии, возникла во второй половине XX в. и стала представлять непосредственную угрозу. Управляемая агрессивно выступающим против империализма Ахмадом Сукарно, Индонезия в 1962 г. присоединила западную часть Новой Гвинеи, а в следующем году вступила в конфронтацию с Малазийской конфедерацией, что послужило основанием для опасений относительно возможности развития конфликта с Западом. В 1965 г. генерал Сукарно разгромил Индонезийскую коммунистическую партию, убив сотни тысяч ее членов. В результате опасения антизападной политики потеряли остроту, однако коррупционный и авторитарный режим Сукарно сам по себе представлял опасность. В 1975 г. Индонезия вторглась в бывшую португальскую колонию Восточный Тимор, а в последующие годы варварски подавила сопротивление как в Тиморе, так и в провинции Новая Гвинея. Правительства Уитлэма и Фрейзера вынуждены были принять результаты этой агрессии. Хоук пытался оправдаться, объясняя свои действия необходимостью переговоров с Индонезией о разделении богатых залежей нефти, находящихся под дном Тиморского моря.

Приоритет экономики повлиял не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику: в 1987 г. были объединены министерства иностранных дел и торговли. Торговля стала в большей степени ориентироваться на регион, поскольку баланс мировой экономики сдвинулся в сторону Тихого океана: к 1984 г. тихоокеанская торговля превзошла по объему трансатлантические связи. Пока европейская экономика в 1980-х годах переживала застой, Япония и четыре «тигра» — Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур — быстро набирали силу. Индонезия и Малайзия следовали по тому же пути индустриального развития, а Китай сбросил оковы своей командной экономики и начал интенсивно двигаться в том же направлении.

Австралия увеличила объем торговли с Азией, которая к 1980 г. поглощала половину австралийского экспорта и обеспечивала половину импорта, но доля Австралии на мировом рынке падала. Торговый блоки Европы и Северной Америки добивались большего доступа к рынкам азиатских стран, и возникла серьезная опасность того, что Австралия окажется в стороне. Если бы Авст-

ралия отгородилась от Азии, то новые индустриальные страны региона превзошли бы ее жизненный уровень, превратив ее в «бедное белое отребье» на юге Тихоокеанского региона. Правительство проявляло чудеса изобретательности в создании Кернской группы стран — экспортеров сельскохозяйственной продукции в ходе подготовки к новому раунду международных торговых переговоров 1986 г., но заставить США соблюдать правила свободной торговли в сельском хозяйстве оказалось намного труднее. После подписания соглашения в 1983 г. стали более тесными экономические связи с Новой Зеландией.

Как в самом регионе, так и за его пределами Австралия стремилась играть независимую роль. Назначенный министром иностранных дел после 1987 г., Гарет Эванс на международных форумах проявлял не меньшую активность, чем Эватт 40 лет назад. Эванс способствовал разрешению проблемы Камбоджи, направлял миротворческие силы как в этот, так и в другие районы во время локальных конфликтов. Он выступал за ядерное разоружение и в целом действовал в преобразующей роли добросовестного члена международного сообщества. Его усилия неизменно встречали сопротивление правительства Хоука, всецело преданного западному альянсу, что в последней фазе «холодной войны» означало со стороны Австралии безоглядную поддержку Америки, утверждавшей себя в качестве все более доминирующей силы. Американские коммуникационные базы, приобретавшие большее, чем когда-либо, значение при наличии нового поколения стратегических вооружений, оставались в священной неприкосновенности. Американские военные корабли обладали незыблемым правом заходить в местные порты независимо от наличия на борту ядерного оружия.

Когда в 1986 г. лейбористское правительство Новой Зеландии отказало США в этом праве и администрация Рейгана приостановила выполнение своих обязательств в рамках АНЗЮС по отношению к далекому дерзкому форпосту, Австралия осталась верной своему могучему союзнику. АНЗЮС не терял своей актуальности не потому, что гарантировал Австралии безопасность (во время Тиморского кризиса стало ясно, что Индонезия для США важнее Австралии), но потому, что обеспечивал ей членство в западном альянсе и тем самым давал доступ к американским технологиям и разведывательным данным. Бремя участия в военном союзе приходилось нести стране, обладавшей весьма ограниченной мощностью.

Второй этап «холодной войны» завершился в конце 1980-х годов падением коммунизма. Советская экономика с ее ставкой на тяжелую промышленность была не в состоянии приспособиться к нуждам новых информационных технологий. Необходимость направлять на вооружение все большие ресурсы большой экономики, соревнуясь с растущими военными расходами США, отражалась на жизненном уровне народа, который уже нельзя было ни убедить, ни заставить оставаться в повиновении. Жесткая система централизованного контроля, навязывание обанкротившейся идеологии, тотальная коррупция и цинизм привели к цепной реакции мирных революций в Восточной Европе и свержению Ельциным Горбачева. Величайшее соревнование капитализма и социализма, характеризующее весь XX век, закончилось. Был побежден не только тупиковый командный социализм коммунистических стран, но и более умеренный коллективизм, к которому шли лейбористские движения на Западе.

Вместе с этим триумфом возобновились заявления о том, что пришел конец идеологии и даже истории. Пока делались все эти заявления, произошло обострение идеологических разногласий в австралийской политике. Коалиционные партии, снова проигравшие выборы в 1990 г., обратили свой взор на опытного экономиста Джона Хьюсона, который быстро разработал бескомпромиссную экономическую программу в духе «новых правых», предусматривавшую регрессивную систему налогообложения, дальнейшее сокращение государственного сектора, более резкую ликвидацию протекционистских тарифов и регулирования рынка труда. Лейбористский премьер-министр Хоук к этому времени утратил интерес к дальнейшим переменам; его энергия на служебном посту была исчерпана, и в 1991 г. его сменил Китинг.

Бывший казначей, выступавший в 1980-х годах за отмену государственного регулирования экономики, принялся энергично продвигать меры по выходу из рецессии. Они включали в себя продажу государственных предприятий и ослабление централизованного установления уровня заработной платы. Австралия построила самые разнообразные государственные предприятия, охватывающие газо-, электро- и водоснабжение; обслуживание воздушного, железнодорожного и морского транспорта, а также аэропорты и морские порты; банковские, страховые и другие финансовые услуги. К концу века не многие из этих видов деятельности оставались в руках государства. В результате приватизации

и проведения тендеров на предоставление услуг правительство в большей степени стало покупателем, чем продавцом.

Не менее резкие изменения произошли в установлении уровня заработной платы, поскольку лейбористы порывали с особой системой производственных отношений, сформировавшейся в течение XX в. Она включала в себя трибуналы на федеральном уровне и на уровне штатов для проведения арбитражного разбирательства взаимных требований работодателей и работников. В результате труд большинства рабочих оценивался на основе общих решений, устанавливавших ставки заработной платы и определявших условия труда. Арбитражная система централизовала трудовые отношения, поскольку решения распространялись на всю отрасль; она рассматривала объединения работодателей и профсоюзы как представительные отраслевые организации. Предполагалось, что частичная отмена централизованного регулирования трудовых отношений обеспечит хорошо организованным работникам больше стимулов для повышения производительности; а вероятность того, что рабочие, находящиеся в более уязвимом положении, могут выпасть из этого процесса, тогда не достаточно принималась во внимание.

В то же время Китинг использовал возможности своего положения как премьер-министра, а также и весь спектр идей «новых правых», скрупулезно собранных Хьюсоном, чтобы обновить свой имидж. Он перестал быть воинствующим рационалистом в экономике, сметающим препятствия на пути эффективности и конкурентоспособности; теперь он предстал в качестве компетентного администратора, понимающего, что на правительство возложена более широкая ответственность. «Когда Австралия сделала выбор в пользу открытой экономики, — утверждалось в правительственном заявлении, — народ тем самым выказал свою готовность добиваться успеха в бесконечной гонке», однако способность к постоянным переменам зависела от упругости того, что Китинг теперь называл «социальной тканью». Процветать будут те страны, где существует «социальная демократия, где правительство вносит свой вклад в создание мотивации для развития общества, где в эту постмонетаристскую, посткоммунистическую эпоху создано удачное сочетание эффективной экономики и всеобъемлющей социальной политики». Отмечая эти новые явления, Китинг все больше апеллировал к национальным традициям стойкости и стремлению идти до конца; он взывал к инстинктивной верности лейбористскому движению даже в случае неудачи. По-

сле победы над Хьюсоном на выборах 1993 г. он объявил: «Это была победа тех, кто действительно верит».

Китинг вспоминал прошлое во имя будущего. Крушение старых отраслей промышленности уничтожало избирательную базу лейбористов, поскольку сокращалось число членов и возможности профсоюзов, и Лейбористская партия все больше зависела от поддержки коалиции общественных движений. Для того чтобы остаться у власти, правительство вынуждено было опираться на женское движение, защитников окружающей среды, этнические ассоциации и движение аборигенов. Поощряемые верхушками объединений, которые получали финансовую помощь и участвовали в формировании государственной политики, их прежние критики научились выражаться на их корпоративном жаргоне, использовать визуальные средства агитации, ставить понятные им цели и применять ключевые показатели их достижения. Китинг, будучи продуктом жесткой в своем прагматизме школы правых лейбористов Нового Южного Уэльса, некогда высмеивавший левых за то, что они выступали за сохранение природы, иронично трактовавший их политику как призыв «давайте снова плести корзины в Бэлмейне*», теперь стал чуть ли не главным защитником всего этого.

Премьер-министр поднимал эти вопросы в своих неожиданно красноречивых и необычных по стандартам австралийской общественной жизни публичных выступлениях. В них он широко использовал национальные легенды, обновляя и дополняя их содержание. В этом Китингу помогал Дон Уотсон, его спичрайтер, историк, наделенный даром воображения и изобретательностью, сумевший обогатить приземленный словарь премьер-министра. В 1992 г. Китинг, начав свое обращение к аборигенам, собравшимся в Редферн-парке, словами: «Мы забрали традиционно принадлежавшие вам земли и уничтожили традиционный образ жизни», сразу завоевал на свою сторону скептически настроенных слушателей. В частых обращениях Китинга к памяти о жертвах, принесенных в заморских войнах, было больше противоречий: признание национального героизма, проявленного благодаря имперскому безрассудству, должно было подкрепить его призыв к окончательному разрыву с Британией и образованию Австралийской республики. Республиканизм, в свою очередь, должен был отделить в гла-

* *Balmain* — пригород Сиднея.

зах избирателей устремленную вперед Лейбористскую партию от остальных либералов, привлечь творческую энергию всей сферы культуры и использовать все разнообразие мультикультурного общества как элементы общенациональной мощи.

Национализм Китинга был направлен вовне. Он хотел, чтобы Австралия стала «конкурентоспособной, ориентированной на внешние связи, свободной от фобий» страной. Он стремился внушить австралийцам уверенность, необходимую для существования в глобализированной экономике, и приучить их к мысли, что их судьба связана с Азией. Он даже высказал мысль, что австралийское традиционное мужское товарищество можно понимать как некую азиатскую ценность. Однако далеко не все лидеры в странах Азии разделяли такой подход. Правительство Индонезии сочло, что свойственный австралийской прессе критический настрой несет в себе признаки неуважительности, что Австралия слишком озабочена вопросами о правах человека, и усмотрело в этом признак того, что этот удаленный форпост белой расы все еще предан лишь западным ценностям. Австралии было отказано в членстве в АСЕАН, а ее попытка трактовать форум АТЭС как широкий региональный блок встретила отповедь малазийского премьер-министра Махатхира. Разочарованный Китинг назвал своего коллегу «упрямцем», но это, естественно, делу не помогло.

После электоральной победы 1993 г. Китинга стала больше занимать «картина в целом», его раздражали комментаторы, высказывавшие мнение, что он перестал интересоваться экономической реформой. Между тем либеральную партию вновь возглавил прежний лидер Джон Говард. Осторожный ветеран политических сражений, он избежал прямолинейной наивности Хьюсона, который столь удачно для Китинга детально раскрыл комплексную программу «новых правых», продемонстрировав ее неприятные последствия. Воспользовавшись растущей неудовлетворенностью избирателей подуставшим правительством, Говард выдвигал максимально ограниченные цели.

Он также учел совокупные результаты политики отмены регулирования экономики, продолжавшейся более десятилетия, и особенно ее неоднозначное влияние на доходы населения. В период между 1982 и 1994 г. у 10% наиболее состоятельных граждан доход рос в реальном выражении на 100 долл. в неделю, а у 10% самых бедных (пользующихся помощью системы социального обеспечения, со-

зданной лейбористами) увеличение дохода составило 11 долл. в неделю. Но у 80% населения, находящихся между этими двумя группами, доход реально снизился. К этой аморфной статистике и обращались коалиционные партии, используя неопределенное название «Средняя Австралия». Оно не имело ничего общего с «позабывшими людьми», к которым обращался когда-то Мензис. Он изобрел этот выразительный термин, пытаясь обновить консервативную традицию, в то время как географически не существующая «Средняя Австралия» была творением исследователей-консультантов.

В течение первого срока пребывания лидером Либеральной партии в конце 1980-х годов Говард выпустил программный документ, на обложке которого была изображена идеализированная семья: муж в нарядном костюме, благочинная жена и двое аккуратно одетых, чистеньких детей, — запечатленная перед своим солидным домом с зеленым палисадником за белым штакетником забора. Этот образ покоя и безопасности пригородной жизни восходил к временам, когда Мензис представлял семью всеобщим символом домашнего покоя, но к 1980-м годам лишь в каждом пятом домохозяйстве семья состояла из мужчины-кормильца, жены-домохозяйки и детей. Некстати воскресив этот образ, Говард игнорировал те дома, где оба партнера были заняты карьерой, но могли быть не женаты; исключал однополые пары, родителей-одиночек и родителей, продолжающих помогать детям трудоспособного возраста, семьи с детьми от предыдущих браков. Китинг высмеивал Говарда, называя его человеком, живущим прошлым, который хочет вернуть Австралию назад — в удушающую ортодоксальность 1950-х.

Говард был четвертым, самым младшим ребенком в семье владельца автомастерской; он вырос в южном пригороде Сиднея, в 1950-х годах, стал местным стряпчим и кормильцем для собственной семьи. При этом он был способным и весьма решительным политиком, а, вернув себе положение лидера либералов, стал особенно расположен к образности. Теперь он апеллировал к «борцам», «мужчинам и женщинам основной Австралии», интересами которых пренебрегали «крикливые группы меньшинств»: феминистки, защитники окружающей среды, этнические лобби, аборигены и интеллектуалы. Противопоставляя практические заботы своих борцов капризам избалованных лейбористами «элит», Говард подчеркивал общенациональные интересы: коалиция будет править «для всех из нас». Этот лозунг оказался привлекательным для многих в традиционно голосовавшей за лейбористов цен-

тральной части страны на выборах 1996 г., и эти избиратели обеспечили коалиции решительную победу.

Новое правительство проводило политику экономического либерализма и социального консерватизма. Оно приступило к дальнейшему этапу экономической реформы, уделяя усиленное внимание либерализации торговли; изменениям на рынке труда, направленным на ликвидацию дефицита и неконкурентных методов; частичной продаже «Телстры» — крупнейшего из оставшихся государственных предприятий; урезанию предоставляемых государством услуг; сокращению численности государственных служащих. Новому казначею посчастливилось раскрыть «черную дыру» в бюджете, что позволило правительству произвести дальнейшие сокращения государственных расходов и вернуть бюджетный профицит. Обрушение фондовых бирж в Юго-Восточной Азии в конце 1997 г. и последовавшая глубокая рецессия в Азиатском регионе послужили дополнительным подтверждением правильности этой политики. Сокращение спроса потребителей из Азии на австралийские экспортные товары частично компенсировалось новыми рынками, где падение цены австралийского доллара давало конкурентные преимущества. Казначей даже с гордостью заявлял, что он обеспечил «огнеупорность» австралийской экономики.

Правительство Говарда отбросило большинство программ своего предшественника для переобучения безработных, заменив их новой системой «работы за пособие», согласно которой молодые безработные должны были быть заняты на работе по месту жительства. Впоследствии оно распространило принцип «взаимных обязательств» на других получателей социального обеспечения, хотя число получающих пособия продолжало расти. В начале 1990-х годов денежные пособия получали 1,5 млн австралийцев трудоспособного возраста; к концу десятилетия их число возросло до 2,6 млн, составив 20% рабочей силы.

В результате изменений на рынке труда стало больше работающих бедных. Начало этому процессу положило лейбористское правительство в начале 1990-х годов, когда стало поощрять переговоры о ставках заработной платы на уровне рабочего места или на уровне предприятия в качестве альтернативы централизованной общенациональной системе установления ставок зарплаты. Новое правительство пошло еще дальше, приняв Акт об отношениях на рабочем месте 1996 г. Этим законом поощрялись индивидуаль-

ные трудовые договоры в дополнение к коллективным договорам и ограничивалась сфера действия решений Комиссии по трудовым отношениям. Комиссия больше не устанавливала общенациональный уровень зарплаты, а лишь определяла пособия в рамках «социальной защиты» низкооплачиваемым работникам, которым не удавалось выторговать себе бóльшую зарплату при заключении трудового договора.

Коалиционное правительство хотело бы пойти еще дальше в области трудовых отношений, но у него не было большинства в сенате, и оно было вынуждено договариваться о компромиссах с мелкими партиями, которые имели решающее влияние в законодательных органах. В частности, оно хотело ослабить жесткую хватку профсоюзов. Членство в профсоюзах шло на убыль, составив в 1996 г. всего лишь 31% рабочей силы, но оставалось значительным в ключевых отраслях, таких, как морской транспорт. В 1997 г. правительство разработало вместе с Национальной федерацией фермеров и одной из основных стивидорских компаний план ликвидации Морского союза Австралии (МСА). Были набраны новые работники из числа военнослужащих и отправлены в Дубай на стажировку. Вечером 7 апреля 1998 г. охранники в масках и с собаками на поводках вошли в порты страны, чтобы сместить всех членов МСА, работавших в компании.

Министр по трудовым отношениям, прежде отрицавший, что ему было известно об организованном им же плане, торжествовал: «Сегодня правительство, действуя решительно, навело порядок в портах раз и навсегда». Он поторопился с этим заявлением. Массовые пикеты препятствовали перемещению грузов, а суды выносили решения о восстановлении работников на прежних местах. Последующие переговоры завершились новым соглашением, направленным на повышение производительности: за следующие месяцы цена акций компании увеличилась втрое. МСА пришлось согласиться на сокращение численности персонала и отказаться от многих из своих методов, а о тех, кто вызвался заменить на работе членов профсоюза, просто забыли. Среди других пострадавших в портовом споре была Австралийская радиовещательная компания, которую правительство обвинило в предвзятости; оно ввело в состав ее правления бывшего председателя Лейбористской партии штата.

Премьер-министр при вступлении в должность заявил, что он хочет, чтобы австралийцы жили «безмятежно и благополучно». Правительство поднимет завесу политкорректности и будет культиви-

Частный охранник в импровизированном укрытии в помещении грузового терминала порта Фримантл в период портового трудового спора 1998 г. Профсоюз опубликовал эту фотографию как тревожное свидетельство организации трудовых отношений путем устрашения (Tony McDonough)

ровать «широкие общественные ценности». Это «правительство настроено не на идеологию», а на «практические результаты». С этой целью Говард урезал полномочия Управления по положению женщин и приказал руководителям официальных организаций употреблять слово «председатель», а не его нейтральные с гендерной точки зрения заменители*. Основные мультикультурные агентства правительства были ликвидированы, а сам термин «мультикультурализм» на несколько лет исчез из лексикона премьер-министра.

Коренные жители Австралии приняли на себя основную тяжесть упорного стремления правительства к утверждению широких общественных ценностей вместо «шумного, эгоистичного гомона влиятельных привилегированных групп, мало заботившихся о национальных интересах». Коалиция сократила финансирование программ для аборигенов. Она законодательно ограничила недавно признанные Верховным судом земельные права аборигенов на том основании, что такие права являются дискриминационными и сеют рознь. Говард взял на вооружение призыв историка Джеффри Блейни отказаться от «траурного» отношения

* Ср. *англ.* chairman и chairperson — оба слова означают «председатель», но вторая часть слов разная: man — «мужчина», person — «лицо».

к национальному прошлому и осудил тех, кто занимается «бесконечным и мучительным самокопанием» и кто превратил историю Австралии в источник «маниакального, всепоглощающего национального чувства вины и стыда».

Его собственная версия национального прошлого подверглась испытанию, когда в мае 1997 г. в рамках расследования дела об изъятии детей аборигенов, предпринятого по поручению предыдущего правительства, был опубликован доклад «Их возвращение домой». В ходе расследования рассматривались показания сотен свидетелей из числа аборигенов и было установлено, что в период 1910 – 1970 гг. из семей аборигенов были изъяты от каждого третьего до каждого десятого ребенка, в большинстве случаев силой или в связи с бедственным положением семьи. Министр по делам аборигенов отказался обратиться к парламенту с требованием о принесении извинений «украденным поколениям» на том основании, что это могло быть воспринято так, что нынешнее поколение несет ответственность за деяния, которые предыдущие поколения «считали максимально отвечающими интересам этих детей».

Премьер-министр по-прежнему настаивал, что «недостатки» в национальной политике не должны умалять патриотической гордости. В том же месяце, когда вышел доклад «Их возвращение домой», Говард, выступая перед конвентом по примирению с аборигенами, сказал, что, хотя он испытывает глубокое сожаление в отношении аборигенов, страдавших от несправедливости в прошлом, «символические жесты и гипертрофированные обещания» ничего не дадут. Часть присутствующих в ответ встали и повернулись спиной к премьеру, но это только укрепило его в убеждении, что австралийское общество «одно из самых справедливых, самых равноправных и толерантных в мире».

Джон Говард не был одинок в своей кампании по избавлению средних австралийцев от политкорректности. Незадолго до выборов 1996 г. Либеральная партия решила поддержать мелкую предпринимательницу в борьбе за голоса электората в Ипсвиче — промышленном городе в Квинсленде. Позже ей было отказано в поддержке, когда она опубликовала в местной газете письмо, в котором утверждала о наличии дискриминации в пользу аборигенов. Она утверждала, что «правительства осыпают их деньгами, кредитами и возможностями» за счет работающих белых австралийцев. Ее безыскусность, полное неведение относительно национальной политики и несоблюдение принятых правил обеспечили

ей неотразимую привлекательность в глазах СМИ и избирателей, которые избрали ее в палату представителей с наибольшим отрывом от других кандидатов, чем на каком-либо ином федеральном избирательном участке. Ее звали Паулина Хансон.

Дебютное выступление Хансон в парламенте шесть месяцев спустя укрепило ее позиции «нарушителя спокойствия». Она говорила о себе, что «пришла сюда не как изощренный политик, а как женщина, которая испытала достаточно ударов судьбы», как «обычная австралийка, которая хочет, чтобы ее страна была сильной и независимой». Ее главной идеей было «равенство всех австралийцев», что означало положить конец «расизму наоборот», политике мультикультурализма, миграции из Азии («нам угрожает поглощение азиатами», — утверждала она) и «аборигенному производству». Выступление вызвало шквал критики за разжигание предрассудков, однако премьер-министр отказался осудить Хансон. Напротив, выступая в прямом эфире, он сказал радиоведущему, говорившему о ней в злобном тоне, что «кое-что из того, что она сказала, точно отражает настроения людей».

Хансон завоевала традиционный электорат лейбористов благодаря критике политики прежнего лейбористского правительства. Стремительно приобретенная Паулиной Хансон популярность расколола избирателей, составлявших опору лейбористов: она публично оскорбляла дипломированных, свободных от национальных предрассудков, прогрессивных представителей среднего класса, одновременно апеллируя к более возрастным и менее мобильным фабричным рабочим. Презрительное отношение к ней лишь укрепляло ее положение жертвы несправедливости. На вопрос ведущего новостей, испытывает ли Хансон ксенофобию, она ответила одновременно с недоумением и с вызовом: «Объясните, что вы имеете в виду».

А в апреле 1997 г. Хансон образовала собственную Партию одной нации, которая в течение года обрела 25 тыс. членов. Пользуясь рекомендациями бывшего организатора Либеральной партии, она формировала ее по образу корпорации, не допуская рядовых членов к принятию каких бы то ни было решений. Одна нация представляла собой избирательную операцию, набравшую очки за счет ауры своего основателя и выставлявшую себя политической партией, которая испытывает антагонизм к политике и политикам, в том числе в консервативных партиях. Смелое введение Джоном Говардом ограничений на продажу и использование ору-

жия после массового убийства туристов в Порт-Артуре в 1996 г.* поставило его под огонь критики этого все более шумного и заговорщического движения.

Опасность со стороны Партии одной нации стала очевидна во время выборов в штате Квинсленд в июне 1998 г.: кандидаты от этой партии получили 13% голосов, отодвинув либералов на третье место и позволив лейбористам прийти к власти. Опасения относительно возможного повторения этой ситуации на федеральных выборах привели к разногласиям в коалиции. Больше всех риску в связи с поддержкой Одной нации избирателями в буше подвергалась национальная партия; некоторые из ее парламентариев теперь публично принимали политику Одной нации, а ее лидер усилил нападки на организации аборигенов. Несмотря на то что Джон Говард начал критиковать взгляды Хансон, он возражал против предлагавшегося лейбористами отмежевания основных партий от Партии одной нации, до тех пор пока катастрофические для коалиции результаты выборов в Квинсленде не вынудили его с ними согласиться. На выборах Хансон неудачно провела федеральную кампанию и получила лишь 10% общенационального числа голосов. И тем не менее ее взгляды поддержало немногим менее миллиона австралийцев.

Между тем Говард в период выборов в октябре 1998 г. оказался под серьезным давлением. Он сосредоточил свою кампанию вокруг налоговой реформы, обещав ввести налог на товары и услуги. Новым лидером лейбористов стал Ким Бизли — большой и добродушный человек, вызывавший широкие симпатии своей добропорядочностью у избирателей, уставших от конфронтации. Говард и в этом случае пошел в наступление, заявив, что его оппоненту не хватает «храбрости» для принятия жестких решений. Соперничество было напряженным при незначительном перевесе в пользу лейбористов, но распределение голосов оказалось благоприятным для коалиции, и она вернула себе прочное парламентское большинство.

В течение первого срока пребывания у власти правительство Говарда стремилось ликвидировать наследие Китинга во внутренней и внешней политике. Особой критике подвергалась попытка

* Имеется в виду убийство 35 человек, совершенное 28 апреля 1996 г. хорошо вооруженным преступником Мартином Брайантом и ставшее самым массовым убийством в истории Австралии.

лейбористов наладить более тесные отношения в регионе, открыто осуждалась идея о том, что судьба Австралии связана с Азией, предпочтение отдавалось акцентированию особого характера австралийской культуры и традиций. Говард высмеивал утверждения о том, что заявления Паулины Хансон — и его неспособность их опровергнуть — сводили на нет все, что было сделано предыдущими австралийскими правительствами по вытеснению памяти о «Белой Австралии».

Правительство мало интересовало другие региональные объединения — Говард посетил лишь половину совещаний Южно-тихоокеанского форума — и было безразлично к растущим трудностям Папуа — Новой Гвинеи и малых тихоокеанских островных государств. Члены правительства избегали упоминания об Австралии как о «добропорядочном гражданине мира», напротив, упрямо настаивая на заботе о национальных интересах. Поддерживая продолжение либерализации торговли в рамках новой Всемирной торговой организации, Австралия, тем не менее, на Киотской конференции по глобальному потеплению в 1997 г. отказалась принять целевые показатели по сокращению выбросов парниковых газов и выступила с критикой форумов, проводимых Организацией Объединенных Наций. Если лейбористы применяли многосторонний подход к международным делам, то коалиция делала акцент на двусторонние отношения и национальный суверенитет.

Экономический кризис в Азии вынуждал к более активным действиям. Австралия оказалась втянутой в осуществление комплексов спасательных мер, организованных Международным валютным фондом, а также поддержала жесткие условия, введенные МВФ при предоставлении финансовой помощи. Для Индонезии эти условия включали отмену продовольственных субсидий и контроль цен. В 1995 г. 11% ее населения жили в бедности; к 1998 г. почти половина жителей страны терпела лишения, и нарастающие волнения вынудили президента Сухарто уйти в отставку. Его преемник был бессилен остановить межобщинные столкновения и жестокие действия армии по их усмирению, в том числе в Восточном Тиморе.

Западная часть этого острова была голландским владением и вошла в состав Индонезии при образовании республики в конце Второй мировой войны, а западная часть принадлежала Португалии и была захвачена индонезийскими войсками в 1975 г. Условием предоставления помощи МВФ было расширение автономии

для этой провинции, однако перспектива получения независимости привела к усилению акций устрашения населения со стороны местных вооруженных формирований, поддерживаемых индонезийскими военными. В сентябре 1999 г. 10-тысячный контингент международных сил ООН высадился там для наведения порядка, при этом командующий и большинство военнослужащих были предоставлены Австралией.

Эти действия Австралии пользовались широкой поддержкой, многие австралийцы хотели стать добровольцами по оказанию помощи в восстановлении разрушенной молодой страны. Правительство критиковали за медлительность, но оно опасалось негативных последствий в случае усиления давления на находящееся в сложном положении правительство Индонезии, к тому же Лейбористская партия вряд ли могла претендовать на какое-либо моральное превосходство, опираясь на то, как она сама ранее решала эту проблему. Говард был разочарован тем, что США не предоставили больше помощи, но серьезно ошибся, позволив Австралии выступать в образе «помощника» американского «шерифа». Премьер-министр Малайзии д-р Махатхир ссылаясь на эту роль, чтобы накрепко запереть перед Австралией дверь, ведущую в АСЕАН, к тому времени разросшуюся после вступления в нее североазиатских государств: Китая, Японии и Южной Кореи. Говард после Тимора настаивал на том, что «нас перестало волновать, являемся ли мы азиатской страной, находимся ли мы в Азии, неразрывно ли связаны с Азией или входим в мифическое восточноазиатское полушарие», и что мы просто «делаем свое дело — быть самими собой в этом регионе».

Затянувшееся недовольство Индонезии имело еще одно последствие. Сеть ее островов пересекает морской путь, соединяющий континентальную Азию с северным побережьем Австралии, и в последние десятилетия XX в. новые группы людей следовали через архипелаг по маршруту, когда-то проложенному первыми австралийцами. Они составляли лишь малую часть гораздо более широкого движения людей, которых преследования и тяготы вынуждали покинуть родину. Для огромного большинства беженцев эта далекая страна была недостижима. Австралия отреагировала на усугубившуюся гуманитарную проблему: она ввела понятие беженца в иммиграционную программу, обеспечив возможность оценки заявителей и оказания им помощи в приезде в страну. В 1970-х годах в рамках правительственной программы было предоставлено убежище некоторому количеству беженцев из Центральной и Южной

Америки, а также взята ответственность за людей, бежавших из Тимора после вторжения Индонезии.

Прибытие в 1976 г. в Дарвин первого судна с вьетнамскими беженцами, едва державшегося на плаву, вызвало гораздо больше проблем, поскольку прибывшие на нем люди не имели права на въезд, и правительство вступило во взаимодействие с международными агентствами и правительствами стран Юго-Восточной Азии по созданию пересыльных лагерей в рамках программы, получившей название Программы упорядоченного отъезда. Беспорядки в Камбодже и Лаосе привели к еще одному потоку людей, прибывавших на лодках в конце 1980-х годов, и лейбористское правительство ввело политику обязательного задержания, снова призывая соседние страны к сотрудничеству, направленному на сдерживание этого потока. Вооруженные конфликты на Ближнем Востоке и в Афганистане вызвали еще одну волну прибывших в конце 1990-х годов, и на этот раз Индонезия не помогла. Вместо того чтобы сдержать их передвижение, она позволила предпринимателям сажать их на утлые суденышки и везти на территорию Австралии.

Численность их была невелика — 3300 в 1999 г. и 2900 в 2000 г., — но правительство считало их «пробравшимися без очереди» и трактовало «незаконный ввоз людей» как угрозу для суверенитета и безопасности Австралии. Для решения проблемы требовалось международное сотрудничество, но у Австралии все чаще возникали разногласия с учреждениями ООН по вопросам соблюдения прав человека внутри страны, а также по проблеме беженцев. В 2000 г. правительство объявило о намерении принять «более экономичный и избирательный подход» к запросам ООН о предоставлении информации и «более твердый и стратегический подход к участию Австралии в системе договоров».

Аналогичное разочарование вызывали и экономические форумы. Австралия поддержала создание Всемирной торговой организации. Она провела либерализацию экономики, снизила тарифы и сократила помощь промышленности в надежде, что другие страны поступят так же, но и Европейский союз и США продолжали политику протекционизма в отношении своего сельскохозяйственного сектора, защищая его перед лицом австралийских экспортеров. Правительство Говарда приветствовало избрание президента Буша в конце 2000 г., увидев в этом возможность установления более тесных экономических, а также стратегических отношений. В следующем году обе страны приступили к обсужде-

нию соглашения о свободной торговле, однако соглашение, которое было достигнуто в начале 2004 г., сохранило многие из ограничений для доступа Австралии на крупнейший рынок мира.

Правительство Говарда в течение своего второго срока активно продолжало введение предусматривавшихся им экономических мер: налоговая реформа, полная продажа «Телстры», дальнейшее сокращение регулирования производственных отношений и продолжение уточнения условий для получения социальной помощи. В связи с отсутствием у правительства контроля в сенате приходилось вести длительные переговоры с мелкими партиями и независимыми сенаторами для достижения существенных компромиссов. Продолжалась работа по введению налога на товары и услуги, при этом предусматривался ряд освобождений от налога и компенсаций за его выплату. Продажа «Телстры» была ограничена лишь небольшой ее частью, оставляя 50,1% в руках государства. Тони Абботт, воинственно настроенный новый министр по вопросам занятости, не смог добиться изменения законодательства, которое предоставляло защиту против несправедливых увольнений, но ужесточило условия для получения права на пособие по безработице, призывая безработных отказаться от «снобизма».

Введение новой налоговой системы в 2000 г. совпало с падением курса австралийского доллара (в начале следующего года он впервые упал ниже 50 центов США). В обоих изменениях видели причину роста цен на бензин, который еще более возбудил общее недовольство. Банкротство одной крупной страховой компании вскрыло злоупотребления корпораций, а провал броского телекоммуникационного проекта привел в замешательство наследников двух австралийских медийных династий — Мёрдочов и Пакевов. Австралия продолжала испытывать значительный дефицит торгового баланса, продолжая накапливать внешний долг. Она все еще зависела от экспорта товаров, отставала в развитии новых технологий, не имела ни одного глобального бренда. Когда ведущие добывающие компании провели слияние с международными партнерами и переместили свои штаб-квартиры из страны, начались разговоры о том, что экономика Австралии становится «филиальной». В преддверии выборов, которые должны были состояться в конце 2001 г., председатель Либеральной партии предупреждал своих коллег, что правительство воспринимается населением как «скарредное, хитрое, оторванное от жизни и не желающее никого слушать».

Лейбористы все еще усиленно пытались представить убедительную альтернативу, а затем оказались на выборах в условиях военного времени. Разрушение Центра мировой торговли в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. привело к объявлению Бушем войны с терроризмом и оказанию Говардом непосредственной поддержки вторжения в Афганистан. Двумя неделями ранее Австралия оказалась охвачена собственной военной драмой, когда норвежский контейнеровоз «Тампа» пришел на помощь дрейфующему индонезийскому рыболовному судну с 433 пассажирами на борту, большинство из которых были афганцами. Капитан «Тампы» направился к соседнему острову Рождества — австралийской территории к югу от острова Ява, но австралийское правительство запретило ему приставать к берегу. Имея на борту потерпевших бедствие пассажиров, численностью превосходивших его команду в шестнадцать раз, капитан бросил якорь на некотором расстоянии от берега. Отряд австралийских элитных десантных частей особого назначения захватил «Тампу». Некоторые из ищущих убежища были приняты Новой Зеландией, большинство отправили в специально построенный центр для интернированных на крошечном острове Науру, а некоторые позже отправились в другой лагерь — в Папуа — Новой Гвинее. Это назвали «тихоокеанским решением» — страшное название, которое премьер-министр изобрел, очевидно, не понимая, насколько оно созвучно тому, как Гитлер обозначил свой способ устранения нежелательного народа*.

Кризис, связанный с «Тампой», попал в заголовки мировой прессы. Последовало осуждение со стороны Норвегии, конфликт с Генеральным секретарем ООН, отказ президента Индонезии отвечать на телефонные звонки премьер-министра. Тихоокеанское решение исходило из администрации Говарда, ему способствовал специальный закон, исключавший остров Рождества из иммиграционной зоны Австралии, и Канберра имела возможность действовать практически полностью вне судебного надзора. Ищущие убежища содержались в строгой изоляции. Пресс-секретарь министра обороны выпустил инструкцию о запрещении их «персонализации или гуманизации».

* Имеется в виду нацистское «окончательное решение еврейского вопроса», подразумевавшее уничтожение евреев. Термин, изобретенный Говардом, — *pacific solution* — одновременно означает и «тихое решение».

Кризис также превратил выборы в дебаты о пограничном контроле. Лейбористы сначала отказались поддержать специальное законодательство, затем сдались и потерпели двойное поражение. Правительство воспользовалось своим преимуществом, утверждая, что с другого судна, забитого незаконными мигрантами, при приближении военного корабля выбрасывали за борт детей. В ответ на опровержение министр обороны настаивал, что это «непреклонный факт», была опубликована фотография, изображавшая мужчин, женщин и детей, барахтающихся в воде. Фотография, как выяснилось после выборов, была сделана после того, как австралийский военный корабль стал буксировать поврежденное судно, пока оно не затонуло. Страхи и сомнения, родившиеся после 11 сентября, обостряли проблему пограничного контроля. «Неизвестно, есть у них связи с террористами или нет», — сказал премьер-министров о людях, ищущих убежища, незадолго до выборов. Утром в день голосования газеты вышли с рекламой на всю полосу, изображавшей Джона Говарда со сжатыми кулаками, и подписью: «Мы решаем, кому приезжать в эту страну». Он вернулся к власти с незначительно возросшим большинством голосов.

Война с терроризмом началась с удара по Афганистану и расширилась после осуждения «оси зла» президентом Бушем в Послании конгрессу в начале 2002 г. Говард поддержал новую американскую доктрину превентивной обороны и игнорировал болезненную реакцию других стран региона, объявив в конце года, что Австралия также будет рассматривать возможность направления войск в какую-либо соседнюю страну для удара по террористическим ячейкам, если они будут угрожать безопасности отечества. К тому времени террористическая ячейка взорвала туристов в ночном клубе на индонезийском острове Бали; среди двухсот жертв было восемьдесят восемь австралийцев.

Австралия присоединилась к США и Британии в операции по разоружению Ирака, контингент австралийских войск участвовал в трехнедельной войне, в результате которой в марте 2003 г. был свергнут Саддам Хусейн. «У Америки во всем мире нет друга лучше, чем Австралия», — заявил Говард, обращаясь к конгрессу США годом раньше. Общественность совсем не удалось убедить в том, что эта «коалиция доброй воли» может обойтись без одобрения ООН, однако после завоевания Ирака антивоенные выступления стихли. Когда выяснилось, что оружие массового поражения в Ираке не обнаружено и повода для начала военных дей-

«Это факт, что детей выбрасывали в воду», — настаивал министр обороны накануне выборов 2000 г. На фото мужчины, женщины и дети барахтаются в воде, но оно было сделано более чем сутки спустя после того, как корабль австралийских ВМС «Аделаида» обнаружил «подозреваемое в незаконном заходе судно» SIEV 04, при этом по фотографии видно, что судно уже тонет (Австралийский сенат)

ствий не было, это вызвало в Австралии гораздо меньше споров, чем в США и Британии, поскольку было очевидно, что страна следовала в их фарватере. Вооруженное сопротивление оккупации Ирака нанесло австралийскому правительству меньше ущерба, так как Говард воспротивился давлению со стороны США относительно расширения участия в операции.

Австралийский лидер также избегал чрезмерного восхваления успехов, что было свойственно его американским и британским коллегам. Джон Говард зачастую проявлял грубость и недовольство, нащупывая путь к власти. Первоначальное намерение повысить стандарты поведения парламентариев провалилось после ухода в отставку министров, допустивших ряд опрометчивых шагов; проводимое им самим различие между «основными» и «неосновными» предвыборными обещаниями было дискредитирующим в своем цинизме. Но его противники недооценивали поли-

тическую изощренность премьер-министра, особенно его умение оценивать состояние общественного мнения и управлять им. Он усилил контроль над собственной партией и добился ее доминирующего положения над оппозицией.

После своей третьей победы на выборах Джон Говард меньше беспокоился по поводу происшествий с министрами; он обладал опытом устранения осложнений в таких проблемных сферах, как здравоохранение и образование. В отличие от своих менее осторожных коллег премьер-министр старался не совершать опрометчивых поступков. В заявлениях по поводу инцидента с детьми, оказавшимися за бортом, он не забыл уточнить, что «как его информировали, они были выброшены за борт». Линии связи, по которым передавалось опровержение этой дезинформации, явно вели в канцелярию премьер-министра, однако, по-видимому, до него самого не дошли. Один политический обозреватель отмечал умение Говарда использовать что-то вроде так называемого свистка браконьера; он умел подавать сигнал одной группе избирателей так, чтобы другие избиратели его не слышали.

Даже осуждение сенатом назначенного им генерал-губернатора не поколебало власти премьер-министра. А выбор этот был спорным, поскольку в результате на высший государственный пост страны был возведен англиканский архиепископ. Хотя это назначение не было антиконституционным, соединение церкви и государства знаменовало символический разрыв с конституционной традицией, а в связи с тем что генерал-губернатор не сумел в качестве архиепископа справиться с проблемой сексуальных преступлений в его церкви, он оказался втянут в полемику, подорвавшую репутацию самого поста генерал-губернатора. В 2003 г. генерал-губернатор подал в отставку, и премьер ее принял. Говард уже взял на себя многие вице-королевские обязанности, исполняя официальные функции на политических торжественных церемониях, провожая войска в зарубежные миссии и встречая их, даже принимая военный салют вместо генерал-губернатора, являвшегося главнокомандующим вооруженными силами.

Узурпация премьер-министром вице-королевских функций содействовала ему в культивировании традиций анзакв, в акцентировании патриотизма и защиты западных ценностей вместе с военными союзниками Австралии — США и Британией. Правда, это не совсем удачно согласовывалось с его претензией на роль представителя простых австралийцев. Лейбористы после выборов

2001 г. выбрали нового лидера — Саймона Крина, но он не сумел произвести особого впечатления, и в 2003 г. его сменил более молодой человек — Марк Латам. Выходец из западного пригорода Сиднея, Латам быстро откликнулся на призыв Говарда, обращенный к амбициозным «простым австралийцам — стойким борцам». Он был моложе и намного импульсивнее премьер-министра, на его фоне правительство выглядело усталым и реакционным.

Джон Говард был не единственным политическим лидером, процветавшим в эпоху политических разочарований. Премьеры штатов, возродившие жесткий стиль Генри Болта или Чарлза Корта, редко надолго удерживались на своем посту. Джефффри Кеннет пробился к власти в 1992 г., объявив, что он «вновь открывает Викторию для бизнеса», и приступил к стремительным переменам, но за два срока избиратели устали от его бурного энтузиазма. Премьер Нового Южного Уэльса от лейбористов с 1995 г. Боб Карт — лидер новой формации, осторожный, вдумчивый, твердо придерживающийся умеренной позиции. Столкнувшись с неблагоприятным освещением в СМИ в 2001 г. положения в области правопорядка, он заменил министра внутренних дел и комиссара полиции и ввел обязательное по закону назначение наказания. «Стенания левых (борцов за гражданские права) и правых (обиженной оппозиции в штатах)», — отметил он в своем дневнике.

В 1980-х годах периодически вспыхивавшие политические скандалы подрывали доверие к правительству. В Квинсленде, где Бьелке-Петерсен до 1987 г. не признавал никаких законов, кроме собственного мнения, взяточничество и коррупция не знали пределов. Премьер от лейбористов в Западной Австралии настолько расплодил кумовство, что штат стали называть «Западная Австралия Инкорпорейтед». Сделки на льготных условиях для приближенных стали обычным стилем жизни в Новом Южном Уэльсе, замешанным в этом оказался даже судья Верховного суда. К концу десятилетия чередой королевских комиссий некоторые из виноватых в таком положении дел были отправлены под суд. За решеткой оказались комиссары полиции, министры и один премьер.

Публицисты предупреждали о «растущем недоверии к правительству и государственному управлению и разочаровании в них», что угрожало «кризисом цинизма». Они наблюдали отступление от приверженности общественному благу и считали, что пропасть

между народом и его представителями настолько увеличилась, что стала угрожать законности политических институтов. Критики отмечали, что в политическом размежевании нет ничего нового и это не является особенностью данной страны. Они отмечали, что падению доверия к политикам соответствует снижение доверия к адвокатам, врачам и представителям других профессий. Но роль правительства настолько глубоко встроена в историю Австралии, что потери здесь ощущаются весьма остро.

Социологические опросы, касавшиеся веры в честность и этические нормы в различных сферах деятельности, выявили одну из них, рейтинг которой оказался ниже, чем у политиков, — это журналистика. Австралия отличалась поразительной концентрацией собственности на средства массовой информации, и к концу 1980-х годов медиамагнаты — Керри Пакер и Руперт Мёрдок — были самыми богатыми людьми в Австралии (хотя Мёрдок был так называемым отсутствующим собственником, став гражданином США, что было условием расширения там его бизнеса). Игнорировать их мог только безрассудный политик. Когда правительство Хоука отменяло ограничения на концентрацию собственности на средства массовой информации, один из членов кабинета спросил премьер-министра: «Почему вам просто не рассказать, что нужно вашим друзьям?» Задачей СМИ, по общему мнению, было следить за действиями правительства, чтобы избиратели могли привлечь к ответственности своих представителей. Теперь медиамагнаты были непосредственно заинтересованы в действиях власти, касающихся всех вопросов их деятельности.

Хотя социологические опросы в их отношении не проводились, герои спорта пользовались гораздо более широким признанием. Вслед за богатым уловом золотых медалей в Мельбурне на Олимпийских играх 1956 г. последовало нарастающее разочарование результатами последующих игр. Правительством был создан институт спорта, тративший миллионы долларов на каждую медаль. Вложение государственных средств принесло хорошие дивиденды на Олимпиаде в Сиднее в 2000 г. Это был вид деятельности, где слово «элита» имело положительный оттенок, а победа в международных спортивных соревнованиях стала показателем благополучия страны. Самым прославленным спортивным событием 1980-х годов стало завоевание Аланом Бондом Кубка Америки — приза, предназначенного для богатых людей, располага-

ющих средствами, чтобы ходить на двенадцатиметровых яхтах. Боб Хоук впал в такую эйфорию, что выступил на телевидении, призвав руководителей дать выходной своим работникам.

Спорт был одним из видов большого бизнеса. В 1977 г. телевизионная сеть Керри Пакера оплатила услуги ведущих игроков в крикет, нарядила их в броские одежды и превратила спокойную игру в яркое представление. И другие спортивные правила вскоре отступили перед аналогичными соображениями коммерческой необходимости. Спортивные игры стали медийным продуктом, клубы превратились в корпорации, герои спорта становились знаменитостями. Разница между любителями и профессионалами когда-то утверждала превосходство добровольного участника над наемником, удовольствия над вознаграждением. Теперь профессионализм стал синонимом успеха, а кумиры спорта — жертвами обвинений в употреблении допинга, договорных матчах и сексуальной распущенности.

Таковы были развлечения в продолжавшей процветать стране. При всех стрессах, связанных с экономическими реформами 1980-х и 1990-х годов, Австралия оставалась богатой страной. Люди жили дольше, были лучше образованы, приобретали больше имущества и больше времени уделяли досугу. Некоторую тревогу вызывала пропасть, разделявшая тех, кому удалось воспользоваться новыми возможностями, и тех, кто этого сделать не сумел. Чтобы не отставать, приходилось больше и напряженнее работать и больше беспокоиться о семье. Отставание усиливало недовольство и вызывало меньше сочувствия. Международные обследования свидетельствовали о том, что австралийцы были настроены более оптимистично, чем граждане других развитых стран, поскольку они сохранили веру в будущие возможности, но социальные опросы выявляли широкое распространение ностальгии по более простому, более беззаботному прошлому. Процесс национального обновления, адаптировавшего Австралию к преобразованиям в международном сообществе, также вызывал опасения по поводу утраты собственного своеобразия.

Когда закончился продолжительный подъем, в стране было 13,5 млн жителей, в первые годы нового века — уже 20 млн. Тасмания и Южная Австралия находились в состоянии застоя, Квинсленд и Западная Австралия развивались более быстрыми темпами, но концентрация населения в юго-восточной части континента продолжалась. В Сиднее с пригородами насчитывалось более

4 млн жителей, а Мельбурн приближался к этому уровню. Золотой берег Квинсленда, как магнит, притягивал вышедших на пенсию южан, и к концу века через Брисбен протянулся «коридор» с населением 2,4 млн человек.

Более одной пятой населения Австралии были родом из других стран — больше, чем в Канаде, США или любом другом переселенческом обществе. Большинство мигрантов направлялись в Сидней и Мельбурн — возникал контраст между преобладанием европейцев в маленьких городах и космополитической атмосферой двух крупных городов. Мельбурн больше привлекал послевоенных мигрантов из Южной и Восточной Европы, принял многих из 225 тыс. вьетнамцев, поселившихся там после 1975 г., а также другие группы неевропейских мигрантов, а Сидней притягивал вновь прибывших из Восточной и Юго-Восточной Азии, с Ближнего Востока, из Латинской Америки и островных государств Тихого океана. Увеличивался также контраст между смешанным расселением мигрантов в Мельбурне и разраставшимися анклавами отдельных мигрантских общин в Сиднее.

Мультикультурализм — и слово, и понятие оставались расплывчатыми и спорными. Его сторонники превозносили богатство и разнообразие культурных традиций, толерантность и плюрализм мультикультурной нации. Традиционные националисты акцентировали внимание на своеобразии отдельных групп и усилении различий. Приглушаемая двухпартийной поддержкой мультикультурализма правительствами Фрейзера и Хоука, эта полемика периодически выливалась в ожесточенные споры. В 1983 г. историк Джефффри Блейн подверг сомнению принцип недопущения дискриминации, заявив, что уровень иммиграции из Азии превышал уровень притяжения ее обществом. Узвзленный обвинениями в расизме, он в ответ выдвинул доводы о том, что правительство проводило политику «капитуляции Австралии» и что мультикультурализм превращает Австралию в «нацию племен». В конце 1980-х годов Джон Говард снова заговорил о слишком высоком уровне миграции из Азии и критиковал мультикультурализм как «бесцельную, сеющую рознь» политику.

Ни один из этих эпизодов не прояснил значения мультикультурализма. Наоборот, они показали, что культура не более чем эвфемизм, за которым кроется понятие расовых различий. Сторонники этого направления концентрировали все внимание на «азиатизации», а критики отклоняли всякое дальнейшее обсужде-

ние, обвиняя их в том, что они хотят вернуться к концепции «Белой Австралии», и предупреждали о том, что таким образом они нанесут ущерб национальной репутации. И то и другое мнения находили живой отклик в соседних странах Юго-Восточной Азии. Демагогам, вещающим по радио и представляющим Партию единой Австралии, оставалось черпать аргументы из кладезя слепой приверженности идеям мультикультуризма. Однако лидеры мало помогали в этом. Они рисовали прежнюю Австралию как «остров предрассудков», возродившийся к жизни только благодаря усилиям нового послевоенного поколения, которое избавилось от гнета монокультуры. Настаивая на единстве нации, в основе которого лежит многообразие культурной практики как определяющая черта, они свели на нет эту и без того расплывчатую концепцию. Они подвергали критике существовавший ранее порядок, но при этом не могли объяснить, каким образом произошла трансформация. Не признавали того факта, что она имела мирный характер и что Австралии удалось избежать возобновления этнической вражды, то и дело вспыхивавшей в других районах мира. Таким образом, они оказались апологетами изолированности, которую сами же и порицали.

Интеграция новоприбывших — логическая закономерность жизни общества поселенцев, а в Австралии она выражена особенно сильно. Мультикультурализм выполняет функции политики заселения в стране, которая продолжает ежегодно принимать около 100 тыс. постоянных поселенцев (а также более 4 млн туристов, 200 тыс. командированных и 100 тыс. студентов) со всего мира. Отход федерального правительства от идей мультикультурализма после 1996 г. не изменил этой закономерности, и к 2001 г. Говард сам стал публично заявлять о поддержке мультикультурализма. На вопрос, почему он изменил свое мнение, он ответил просто: «Надо принимать жизнь такой, как она есть».

В течение 200 лет Австралия наращивала численность населения страны за счет приглашения поселенцев из-за океана, и вот впервые раздался голос, призывающий к сдерживанию притока иммигрантов. Это был голос сторонников охраны окружающей среды. Окончание долгого периода экономического бума совпало с расширением наших знаний о цене развития. Величайший триумф послевоенного периода оказался иллюзией. Власти района Сноуи-Маунтинс повернули течение рек с юго-восточного побережья для орошения долины Риверайны и отравили солью ее поч-

вы; на реке Орд, протекающей по северо-западному побережью, была сооружена плотина, но зараженная насекомыми вода погубила большую часть урожая; государственная научная организация объявила биологическую войну кроликам, но выжившие в ней особи вернулись, и борьба за пастбища возобновилась. Утрата веры в способность управлять экономическим ростом сопровождалась не меньшими сомнениями в возможностях научного контроля за природой.

Движение в защиту окружающей среды проявило себя рядом акций в 1970-х годах. Профсоюз рабочих-строителей в Сиднее был инициатором «зеленых запретов» в отношении беспорядочного разрушения инфраструктуры города. Участники аналогичной кампании в Квинсленде предотвратили добычу минеральных песков на острове Фрейзер и остановили бульдозерную расчистку тропического леса на материке. В Тасмании Общество защиты дикой природы заблокировало проект сооружения гидроэлектростанции на реке Франклин. По всей стране активисты боролись за предотвращение вырубki лесов на экспорт. Численность объединений по защите природы возросла с 100 тыс. в 1974 г. до 700 тыс. в 1991 г. Они создали новую политическую Партию зеленых, к концу десятилетия пользовавшуюся значительной поддержкой. Под руководством своего лидера Боба Брауна зеленые смогли стать внятной альтернативой лейбористам с их осторожной политикой.

Правительство и промышленные круги сопротивлялись давлению, подключая сторонников этого движения к мероприятиям по охране окружающей среды. Изменению привычной практики содействовало ослабление позиций производителей сырьевых товаров и быстрый рост туристической индустрии. Тяготы приспособления к новым порядкам легли на плечи сельских жителей, обремененных долгами, лишенных преимуществ пользования коммунальными услугами и вынужденных заниматься, казалось, бесперспективным делом. Никогда еще разрыв между городом и деревней не был таким большим. Это обстоятельство было на руку популистам. «Тысячи рабочих мест принесены в жертву в угоду модным тенденциям в интересах тех, кто занимается плетением корзин, под влиянием зеленых и групп защитников окружающей среды, отсиживающихся в роскошных кабинетах». Недовольство выплескивалось в протестных маршах фермеров перед парламентом и демонстративном игнорировании ограниче-

Кампания, проведенная в начале 1980-х годов в защиту реки Франклин, на которой предполагалось строить дамбу для сооружения гидроэлектростанции, отметила победу естественных природных ценностей над проектами благоустройства. Фотографии девственной природы катализировали чувства зеленых (Питер Домбровскис, West Wind Press)

ний на владение оружием. Обострились отношения между аборигенами и неаборигенами, жившими в маленьких городках сельских районов. Дошло до того, что по мере усугубления безработицы и учащения беспорядков в городках с наступлением темноты стали заколачивать досками витрины магазинов.

В последние годы XX столетия присутствие в стране аборигенов стало невозможно не замечать. Перепись выявила резкое увеличение их числа — с 156 тыс. человек в 1976 г. до 410 тыс. к 2001 г. Численность коренного населения стала явно восстанавливаться не только в буше, но также в больших и малых городах. Аборигенов Австралии стали включать в перепись населения только с 1960-х годов, и с тех пор число австралийцев, ставивших галочку в графе «Коренной житель», каждый раз росло. Некоторые из них заявляли о своем происхождении, которое раньше скрывали, а другие находили у себя скрытые аборигенские корни.

Салли Морган, художница и писательница, выросшая в пригороде Перта, поведала свою историю, начавшуюся с умалчивания о ее происхождении в детстве, продолжившуюся обретением се-

мейных уз и закончившуюся возвращением в «Родные места» (*My place*, 1987). Ее книга, поведавшая о превращении позорного клейма в то, чем можно гордиться, стала бестселлером. «То, что началось как неопределенный поиск знания, переросло в духовное и эмоциональное паломничество. Теперь мы сознавали себя аборигенами и гордились этим». Понятие аборигенности менялось, становясь в меньшей мере продуктом биологического развития, нежели признаком духовно-культурного и эмоционального родства. Общины коренных жителей по понятным причинам относились к переменам скептически; они настаивали на своем праве на достойное существование среди остального населения и подвергали сомнению аутентичность происхождения нескольких знаменитостей 1990-х годов, объявивших о том, что их корни ведут к аборигенам.

Принадлежность к аборигенам давала мало преимуществ. Среди тех, кто назвал себя аборигеном при проведении переписи, безработица была выше, а уровень их доходов был ниже, чем у остального населения. Их чаще арестовывали и сажали в тюрьму. Средняя продолжительность жизни аборигенов была на 15 лет меньше среднего общенационального показателя, и все это несмотря на четверть века работы государственных программ по улучшению положения коренного населения. Следуя своей политике самоопределения, Австралийский Союз создал и финансировал организации аборигенов для управления этими программами. Прежние резервации и миссии в отдаленных районах севера были заменены советами по вопросам использования земли и другими органами, нормы распределения продовольствия — денежными выплатами, однако большая часть наличных денег уходила на алкоголь и автомобили, и мало что тратилось на питание. Белые администраторы в городах и поселках юга передавали свои полномочия самоуправляемым агентствам, которых позднее и обвиняли за разочаровывающие результаты работы.

Этим объясняется акцент правительства Говарда на «практическое примирение» вместо, как выразился премьер-министр в 1997 г., символических жестов и преувеличенных обещаний. Правительство имело веские основания для призыва к усилению подотчетности в отношении государственных расходов и особого внимания к программам в области здравоохранения, жилищного строительства, образования и занятости, ориентированным на практические результаты. Ноэль Пирсон, один из представителей

молодого поколения активистов-аборигенов, высказывался о необходимости решения проблем злоупотребления алкоголем, насилия и распада семей в общинах коренного населения; он осуждал зависимость от социальной помощи, в которой видел угрозу для самого выживания своего народа, и призывал его брать на себя больше ответственности за собственное положение.

Одновременно много споров вызвала предпринятая попытка сворачивания прав на землю. Добывающие компании и фермеры и раньше проводили кампанию запугивания в связи с постановлением Верховного суда в 1992 г. по делу Мабо о сохранении права коренного населения на коронные земли, а правительство Китинга в 1993 г. в законодательном порядке предусмотрело уточнение объемов прав собственности коренного населения и введение процедур для определения претензий. В последующем решении, вынесенном в конце 1996 г., Верховный суд определил, что право на аренду пастбищ не отменяет права коренного населения на землю. Принятие этого решения совпало по времени с ростом популярности Паулины Хансон и посеяло панику и страхи, что люди могут лишиться своих домов. Говарду едва ли удалось развеять эти страхи, когда, выступая с телевизионным обращением, он продемонстрировал карту, согласно которой большая часть территории Австралии может потенциально оказаться под контролем аборигенов. Этот аспект политики правительства Пирсон подверг резкой критике. Он назвал законодательные акты премьер-министра «непристойными», а правительство — «расистской мразью».

Те группы, что пытаются исправить существующее неблагоприятное положение вещей, часто обвиняют в стремлении добиться привилегий. Именно такую стратегию применили в отношении людей, лишенных всего. Настаивая на том, что никто из австралийцев не должен обладать особыми правами, правительство восстановило специальные права фермеров-овцеводов в новом законе, сократившем возможности для признания права коренного населения на остатки земель. Какое-то время казалось, что закон, предложенный правительством, не пройдет в сенате, но один независимый сенатор, которому принадлежал решающий голос, допустил принятие закона, поскольку испугался, что борьба по этому вопросу скажется на его собственных электоральных перспективах. Решение по делу Мабо могло создать новый моральный фундамент для австралийской нации, но вместо этого оно лишь усилило разделение.

Принятие аборигенных орнаментов в качестве украшения самолетов австралийской авиакомпании Qantas свидетельствовало о признании коренного населения отличительной особенностью страны (Qantas Airways Limited)

Эта полемика вновь продемонстрировала, что требования аборигенов затрагивали самую суть вопроса об австралийской нации. «Лишение собственности — самый темный аспект истории нашей нации», — заявили два члена Верховного суда в ходе рассмотрения дела Мабо. Они утверждали: «Нация в целом должна чувствовать себя униженной до тех пор и пока не будут признаны прошлые несправедливости и пока мы не откажемся от них». Коренным населением Австралии созданы мощные символы. Среди них флаг аборигенов — удивительная композиция из черного, охры и золота. В 1990-х годах он стал все чаще появляться на публичных мероприятиях, которые нередко открывал кто-то из старейшин-аборигенов с флагом в руках и произносил «приветствие стране», а кто-то из некоренных австралийцев в ответ выражал признательность исконным жителям страны, на земле которой состоялась их встреча. Возрождался язык аборигенов, стали возвращаться в обиход аборигенные имена.

Подъем аборигенной культуры охватывал как традиционную культуру, так и новые формы, которые доходили до более широ-

кой, коммерческой аудитории в музыке, кино, театре, танце, изобразительном искусстве и литературе. Художники-аборигены в Центральной Австралии с помощью акриловых красок перенесли традиционные знания на доски и холст, некоторые возрождали использование коры деревьев. Особенно громко звучали голоса таких деятелей культуры, как драматург Джек Дэвис, композитор Джимми Чай, создавший мюзикл под названием «Совсем новый день» (*Bran Nue Dae*, 1990), и Руби Лэнгфорд — автор романа «Не пускай свою любовь в город» (*Don't Take Your Love to Town*, 1988). Йофу Йинди, аборигенская музыкальная группа Арнемленд, достигла международной известности благодаря своим песням на английском и родном языках. Все они в своих произведениях затрагивали тему лишения собственности, выселения и доказывали право на выживание.

Позднее аналогичные темы были раскрыты в фильме «Забор от кроликов» (*Rabbit-Proof Fence*), вышедшем на мировые экраны. Снятый по одноименной книге Дорис Пилкингтон Рагимары, изданной в 1996 г., фильм рассказывает о матери автора — Молли Крейг. В 1930 г. белые власти забрали Молли из семьи в Северо-Западной Австралии и отправили в далекое поселение на юг, но она бежала с сестрой и кузиной. Три девочки отправились домой, в путь длиной 1500 км вдоль забора, проходившего через дикие районы Западной Австралии и предназначавшегося для защиты штата от насекомых-вредителей. Одну из девочек поймали, а две другие добрались до дома и вместе с матерью бежали в пустыню. Так же как и вышедшая ранее книга Салли Морган «Родные места», это была семейная история, но гораздо более драматичная. Поселение, откуда бежали девочки, было местом принудительного содержания, охранник, пытавшийся их изловить, представлял собой неумолимую угрозу для их свободы, а диджериду* звучит в саундтреке фильма как настойчивое напоминание о жизни аборигенов под постоянным принуждением.

В 1991 г. правительство Хоука инициировало официальный процесс примирения под руководством учрежденного законом органа, в который вошли коренные и некоренные австралийцы. Он приступил к процессу консультаций и обсуждений, который должен был завершиться в столетнюю годовщину Австралийского Союза в 2001 г. Именно на конвенте Совета по примирению

* *Диджериду* — традиционный духовой музыкальный инструмент аборигенов.

Более века австралийцы связывали надежды на благополучие страны и граждан с мечтой о будущей республике. Когда возможность ее установления стала реальной, встал вопрос о способе управления. В этом рисунке антиреспубликанские настроения премьер-министра сравниваются с ветхой моделью устаревшего велосипеда (Питер Николсон).

Надписи на рисунке:

- Как можно двигаться на ЭТОМ к съезду монархистов?
- Если не сломан, зачем его чинить?

с аборигенами в 1997 г. Хоук отказался от символических жестов и чрезмерных обещаний. Совет продолжал работать, но примирение остается незавершенным. В 1995 г. правительство Китинга поручило подготовить доклад «Их возвращение домой» об изъятии детей аборигенов из семей, но в 1997 г. правительство Говарда отклонило содержащуюся в нем рекомендацию о принесении официальных извинений и впоследствии опровергло сам факт существования «украденных поколений».

Крушение надежд аборигенов сопровождалось наступлением на их моральную легитимность. Это выражалось как в отрицании допускавшейся к ним в прошлом несправедливости, так и в отказе от ответственности за долговременные последствия этой несправедливости. Один антрополог, работавший в исследовательском центре «новых правых», который ранее выступал с критикой вы-

водов королевской комиссии по расследованию случаев смерти аборигенов, находившихся в заключении, возглавил нападки на доклад «Их возвращение домой». Он также помогал в проведении кампании по дискредитации группы женщин-аборигенок, возражавших против проекта застройки на острове Хиндмарш, в устье реки Муррей. Лейбористское правительство использовало законодательство об охране исторического наследия, для того чтобы остановить застройку на основании свидетельства женщин о том, что остров имеет священное значение, но этот антрополог взял на вооружение утверждения других женщин-раскольниц, которые настаивали на том, что эти свидетельства сфабрикованы. После рассмотрения вопроса королевской комиссией и последовавших за тем юридических действий, правительство Говарда исключило остров Хиндмарш из сферы своей правовой защиты, а премьер-министр похвалил раскольниц за отстаивание «лейбористской линии на политкорректность».

К этому времени друзья премьера навязывали свои собственные ортодоксальные принципы культурным институтам страны. В 1999 г. его биограф, которого Говард назначил членом совета Национального музея, сообщил, что кураторы открывающейся в нем выставки содействовали «переписыванию истории Австралии в духе политкорректности». Его бывший спичрайтер, которого он также назначил в совет музея, смог дискредитировать директора-аборигена. Пользуясь своим влиянием в администрации премьер-министра, этим двоим удалось добиться пересмотра концепции музея и более положительного представления австралийских достижений.

Национальные праздники омрачались призраками прошлого. Правительство Фрейзера готовило грандиозную программу празднования двухсотлетия заселения Австралии выходцами с Британских островов, но с самого начала ощущало необходимость выхода за рамки этого основательного события. Точное воспроизведение прибытия Первого флота вряд ли стоило осуществлять с участием иммигрантов, приехавших из других стран после этого, и неизбежно вызвало бы обиду у многих австралийских аборигенов. Поэтому Комитет по празднованию двухсотлетия предложил развернуть празднование на весь 1988 год под всеобъемлющим лозунгом «Жить вместе». Фрейзер предпочитал более энергичное: «Австралийские достижения». Правительство Хоука вначале восстановило

изначальный лозунг «Жить вместе», а затем остановилось на «Празднике нации». Официальные вирши были так же бессодержательны, как и общественные праздничные мероприятия.

Вы в Праздник нации
 Нас поддержите, люди!
 И Праздник нации
 Событием пусть будет!
 Мы год 88-й отметить пышно просим.
 Так поддержите же нас, люди!

Такого рода пустая риторика не могла умиротворить ни протестующее коренное население, осуждавшее темную историю «Белой Австралии», ни традиционалистов, обвинявших власти в отрицании британского вклада в наследие Австралии. Аборигены провели свое шествие 16 января 1988 г., а традиционалисты организовали неофициальное воспроизведение событий прибытия Первого флота, повторив весь путь от Англии до Сиднейской гавани, в которую вошел их флагманский корабль под красным треугольным парусом с рекламой американского прохладительного напитка.

Самым большим и дорогим (1 млрд долл.) подарком нации ко дню рождения стало новое здание парламента, разместившееся внутри холма, стоящего над старым зданием. Старое здание парламента было построено из австралийских материалов и имеет простую конструкцию, позволявшую законодателям находиться бок о бок с гражданами. Вместимость этого здания стала недостаточной не столько из-за увеличения состава парламента (который к 1988 г. увеличился вдвое и составил 148 членов палаты представителей и 76 сенаторов), сколько по причине возросшей численности вспомогательного персонала — с 53 человек до более чем тысячи. В австралийской правительственной системе министры работали не в своих департаментах, а группировались вместе с небольшой группой советников рядом с законодательными палатами. В просторном новом здании предусмотрены отдельные входы для министров, членов парламента и населения. Помещение, отведенное для премьер-министра, больше, чем у каждой из законодательных палат.

Поднявшись выше по холму, парламентарии не взяли с собой располагавшийся над креслом спикера королевский герб, который был вырезан из древесины дуба, привезенной из зала заседаний Вестминстерского дворца. Британское прошлое ветшало. Австра-

лийское правительство отменило имперские награды в 1975 г. В 1984 г. оно объявило банальную песенку «Вперед, прекрасная Австралия» государственным гимном к досаде многих монархистов. В том же году правительство Австралийского Союза учредило королевскую комиссию по расследованию британских ядерных испытаний в Австралии в 1950-х годах, но она столкнулась с полным отказом от сотрудничества со стороны британского правительства, когда стала восстанавливать историю захоронения отходов на австралийской земле вероломным Туманным Альбионом, грубо пренебрегавшим благополучием аборигенов.

В 1986 г. Актами об Австралии были разорваны последние оставшиеся связи с Британией в области законодательства и управления. В том же году британское правительство пыталось не допустить издания в Австралии книги бывшего офицера разведки и направил секретаря кабинета министров в Верховный суд Нового Южного Уэльса для дачи показаний. Он удивился, обнаружив, что австралийский суд не собирался принимать его заявление, а при перекрестном допросе, который проводил молодой энергичный сиднейский адвокат Малкольм Тёрнбулл, начал давать уклончивые и двусмысленные ответы. Признание им как главой британской государственной службы того, что правительство Ее Величества, «возможно, что-то недоговаривало», ассоциировалось не просто с действием Закона о неразглашении государственных тайн, а вообще с принятым характером отношений с бывшим доминионом.

Двумя годами позже британский парламент завершил доклад о расследовании судьбы 10 тыс. детей, отправленных из страны в 1950-х и 1960-х годах в Австралию, где они столкнулись, по словам доклада, с «исключительной безнравственностью». Телевизионный сериал «Покидая Ливерпуль» был посвящен отправке сирот из послевоенной Британии в чужую страну. Это рассказ о ссылке, напоминавшей транспортировку заключенных, только теперь Британия и Австралия предстали как совершенно разные страны, а отправка детей из одной страны в другую — как абсолютно недопустимая акция. В результате такого рода исследований событий прошлого, то, что когда-то было предметом национальной и имперской гордости, стало объектом осуждения.

Все больше австралийцев начинали придерживаться мнения о необходимости окончательного разрыва с Великобританией. Пол Китинг активно продвигал идею республики по мере приближения выборов 1996 г., а Малкольм Тёрнбулл возглавил влиятель-

ное республиканское движение. Коалиция пыталась нейтрализовать эту проблему, принимая меры, которые дали бы возможность стране принять решение. Несмотря на то что Джон Говард пришел к власти как монархист, значительная часть его партии и даже его министерство выступали за республику. Казалось, это движение приобрело непреодолимую силу, и, чтобы остановить ее, понадобится все его политическое мастерство.

Говард мог воспользоваться двумя слабыми сторонами республиканской идеи. Первая состояла в самой популярности республиканцев. Движение Тёрнбулла использовало известных писателей и деятелей искусства, привлекало видных телевизионных ведущих, бизнесменов и спортсменов. Их энергичную пропаганду можно было подать как пример оторванности элиты от реальных забот простых австралийцев. Один из ведущих авторов республиканского направления вспоминал, как республиканское движение зародилось за обедом в фешенебельном пригороде Сиднея Вулларе. Один ведущих монархистов утверждал, что этому движению была нужна «уродливая элитарная республика», республика «знаменитостей, бахвальства и социального презрения».

Другую слабую сторону породило решение республиканского движения провести кампанию за минималистскую модель республики — просто заменить монарха президентом и доработать некоторые соответствующие статьи действующей конституции. Более обширные изменения, пересмотр непомерно раздутых полномочий исполнительной ветви власти, по их мнению, могли бы напугать население. Их главным аргументом стало всего лишь апеллирование к национальным предрассудкам — во главе государства в Австралии не должен стоять иностранец. Поскольку австралийский генерал-губернатор уже исполнял функции главы государства, это давало возможность монархистам увести полемику в изощренные дебаты вокруг конституционного закона. Малкольм Тёрнбулл никак не мог устоять против такого вызова и, видимо, не понимал, что в результате его дело теряло привлекательность для народа.

Говард исправил оплошность правительства, созвав Конституционный конвент. Одна половина его делегатов должна была избираться, а другая — назначаться, что было заметным отступлением от избираемого Федерального конвента, который за сто лет до этого работал над созданием Австралийского Союза. В результате выборов в декабре 1997 г. республиканцы получили большинство, хотя некоторые из них были против минималистской модели рес-

публики Тёрнбулла. Благодаря назначениям в конвент вошли члены федерального парламента и парламентов штатов, военачальники, архиепископы, профессора и представители молодежи. Говард приветствовал их в Канберре сразу после начала Нового года как «удивительно многообразный коллектив австралийцев», а через две недели препирательств они незначительным большинством голосов приняли предложение республиканского движения об избрании президента двумя третями голосов на совместном заседании палат федерального парламента.

Премьер-министр на этом не остановился. Он объявил, что разработает новую преамбулу к Конституции для рассмотрения вместе с новой процедурой выбора главы государства. С помощью поэта-единомышленника он произвел на свет изумительно банальную преамбулу, которая провозглашала принцип товарищества, отказываясь признавать, что земля прежде принадлежала аборигенам и наносила неспровоцированный удар по политкорректности. После последовавших споров он вынес преамбулу и минималистскую модель на референдум 1999 г. И то и другое было отвергнуто.

Таким образом, австралийцы отметили столетнюю годовщину своего Союза сохранением его официального статуса конституционной монархии. Столетие ознаменовалось воссозданием событий, которые привели к рождению национального государства, в том числе возвращения в Вестминстер, где австралийская конституция получила силу закона. Главные торжества прошли в Мельбурне, воскрешая в памяти открытие первого парламента Австралийского Союза будущим королем Георгом V в Здании выставок. Такое воссоздание событий вновь подтвердило непрерывность демократического самоуправления в духе всеобщего участия и при этом позволило избежать озлобленности, сопровождавшей празднование двухсотлетия страны.

Один известный австралиец напомнил стране о несовершенстве фундамента Австралийского Союза. «Основатели нашей нации были в общем и целом хорошими, достойными людьми», — сказал он, но они «просто не придали значения трагедии положения коренного населения Австралии». Отмечая столетнюю годовщину, продолжал он, нации пора бы уже признать несправедливость, допущенную в прошлом, и продолжающие существовать проблемы, связанные с неблагоприятным положением аборигенов, принеся безоговорочные извинения за «подлинное и прочное примире-

ние». Это были слова сэра Уильяма Дина — генерал-губернатора, постоянно вызывавшего раздражение правительства Говарда в течение всего срока его генерал-губернаторских полномочий, истекших в год празднования столетия.

На этот пост его назначил Китинг в 1996 г., переведя его из Верховного суда, где в решении по делу Мабо он говорил о «национальном наследии неопишемого позора». Мягкий, отзывчивый, честный человек, он присутствовал на официальных массовых торжествах и на митингах в малонаселенных внутренних районах страны. Генерал-губернатор уделял особое внимание проблемам бездомных, безработных и отверженных. «Окончательной проверкой того, чего мы стоим как поистине демократическое государство, — заявлял он, — служит то, как мы обращаемся с самыми обездоленными и уязвимыми из наших граждан». Он постоянно возвращался к необходимости взаимного уважения и толерантности всех австралийцев.

Сэр Уильям Дин пользовался всеобщим восхищением, но не у правительства и его сторонников. Противники называли его «святошей» — лицемерным благодетелем. Хотя он старательно избегал прямой критики своих министров, неоднократные призывы генерал-губернатора к полному признанию прошлого и прочному примирению с аборигенами свидетельствовали о том, что пост его был более чем номинальным. После истечения срока полномочий Джон Говард постарался назначать на эту должность менее неудобных людей, которые молча соглашались с его привычкой представлять Австралийский Союз на мероприятиях, где когда-то эта функция принадлежала вице-королю. Прошло то время, когда официальный представитель монарха служил совестью нации, и премьер-министр роялистского толка, обративший вспять волну республиканских настроений, занялся внешними атрибутами президента. Очевидно, национальный потенциал изобретательности не иссяк.

Глава 10. Что дальше?

«На исторические события в целом, как и на горную гряду, наблюдателю лучше всего смотреть, находясь на достаточном от них расстоянии». Так когда-то выразился профессор истории (кафедра, которую я возглавляю, названа его именем) на заключительных страницах своей «Краткой истории Австралии». Эти слова Эрнеста Скотта написаны почти девяносто лет назад, и с тех пор образ историка как наблюдателя событий уже никого не привлекает. Сегодня историк находится как бы внутри событий, увлеченный постоянным созданием и воссозданием прошлого. Когда-то история служила авторитетным руководством в процессе принятия решений. Великие историки-литераторы XIX в. порождали всеобъемлющие описания тех сил, которые формировали цивилизацию. В этих уроках управления государством и моральных наставлениях современники черпали веру в то, что они могут постичь свою дальнейшую судьбу. Но представление об историке как учителе или пророке исчезло. Футурология стала вотчиной экономистов, экологов и специалистов по информатике. Каким бы ни возникло перед нами будущее, оно станет совершенно непохожим на то, что было раньше.

Скотт отнес свою рекомендацию к последним 15 годам, охваченным его повествованием. Для него первые годы существования Авст-

ралийского Союза представляли собой «плотный ряд» эфемерных перемен, но, уходя от этих событий в глубь времен, он прослеживал историю Австралии на протяжении лишь пяти веков. Его книга была окончена в тот год, когда его соотечественники вернулись на имперскую службу, чтобы штурмовать склоны Галлиполи. Но само повествование начиналось с «белого пятна на карте», с открытия материка европейцами, и закончилось появлением «нового названия на карте — Анзак». Сейчас история Австралии охватывает уже многие тысячелетия. В этом самым драматичным образом растянувшимся прошлом последние две сотни лет европейского заселения континента можно считать слишком близким периодом, чтобы можно было различить его основные особенности. С большого временного расстояния начавшаяся в 1788 г. колонизация предстает не более чем неустойчивым перерывом в долгой истории Австралии.

Две тысячи лет назад сама Британия подверглась колонизации. После первых путешествий, уточнения карт и налаживания торговли Британия была захвачена римской армией. Сначала римское нашествие не встретило серьезного сопротивления, но, по мере того как границы присутствия пришельцев расширялись, им пришлось подавлять восстания местных племен и отсылать домой завоеванные трофеи. Они строили города, селили на землях бывших солдат, навязывали народу свои законы, язык и обычаи, возводили стены для защиты от нашествий чужаков, эксплуатировали природные ресурсы, создавая отрасли промышленности, нацеленные на экспорт, и поставляли войска для службы в имперской армии.

Когда в регионе появились новые силы, император Константин пришел на помощь острову, но в конечном счете мощь империи угасла, и Британии оставалось рассчитывать только на саму себя. Коренное население переняло многое у колонизаторов, смешав его со своими традициями, и новые волны пришельцев, в свою очередь, немало восприняли из римского наследия. Римская колония как таковая просуществовала более 400 лет, и ее следы все еще видны в исторических местах и названиях местностей, но лишь как один из срезов многослойного прошлого острова. Продержится ли британская колонизация Австралии столь же долго? Повлияют ли на нее языки и образ жизни других народов?

Взаимоотношения поселенцев и коренных народов остаются неопределенными. С самого начала они создали напряжение. Провозглашение суверенитета, захват земли и жестокость противосто-

яния, которую они порождали, беспокоили и некоторых колонистов. Все попытки успокоить их, проводя политику по защите аборигенов, помещая их в резервации, обращая в христианство или даже поощряя ассимиляцию, заканчивались неудачей. Теперь эти взаимоотношения приобрели особенно важное значение, так как условия изменились. Раньше говорили: как только англичане решали, что они нашли ответ на вопрос ирландцев, ирландцы меняли свой вопрос. В конце концов стало ясно, что ситуацию надо перевернуть: теперь это был не ирландский, а английский вопрос.

В Австралии изменение отношений между колонистами и колонизированными проявилось в стремлении аборигенов к самоопределению. Закон Австралийского Союза о правах на землю 1976 г., казалось бы, удовлетворял их требования, но на самом деле передача земли в собственность аборигенам в конце 1970 — 1980-х годов тормозилась правительствами штатов и сводилась главным образом к предоставлению им районов пустынь и саванн в центре и на севере материка. В вопросе о правах на землю как в теории, так и на словах произошел отрыв от прежних представлений о том, что передача прав означает наделение ими аборигенов. Право на землю на практике стало тем же, чем в XIX в. было создание резерваций, — филантропическим актом суверенного колониста. Подобным же образом примирение, к которому стремились коренные жители, зависело в конечном счете от желания белых австралийцев признать несправедливость, допущенную в прошлом. Один комментатор назвал усилия тех, кто участвовал в процессе примирения, «терапией для белых».

Дело Мабо в 1992 г. разрушило гуманитарную основу этого процесса. Решение судей Верховного суда переместило базу политики в отношении аборигенов из области применения действующего законодательства, в рамках которого парламент узаконил реституцию земель аборигенов, в сферу самих основ австралийской правовой системы. Суд не отменил суверенитет правительства, установленный в 1788 г., но признал наличие в обычном праве прав собственности аборигенов, возникших до прибытия европейцев и продолжавших действовать после того, как они заселили материк. В последовавшем затем решении по делу племени вик было подтверждено, что права на землю могут сосуществовать с другими правами на собственность. С тех пор Австралийский Союз узаконил ограничение сферы судебных решений, но их применение еще предстоит проработать, но внедрение этих нова-

ций носит безотзывный характер. Колонизаторы оказались перед лицом того факта, что они владеют землей совместно с колонизированным населением.

Австралия как формально, так и по существу является продуктом господства Европы, которое началось пятьсот лет назад и закончилось во второй половине XX в. Процесс деколонизации в Азии и Африке сопровождался изгнанием или выведением имперских сил и созданием новых государств. Европейцы ушли. В колониях, заселенных европейцами, где раньше уже возникли независимые нации, этого не произошло, но оказалось необходимым изменить отношения между поселенцами и коренным народом. Новая Зеландия и Канада показали, как этого можно добиться мирным путем. Зимбабве — пример того, каковы последствия отказа от этой политики; в Южной Африке результаты остаются неясными. Поскольку на разные подходы к разрешению постколониальной ситуации влияет относительная численность коренного населения, очевидно, что претензии последнего стали гораздо более авторитетными, чем раньше. И их влияние вряд ли уменьшится.

Впервые посетив Австралию в 1987 г., английская писательница Анджела Картер была поражена обществом «бесконечно любопытствующим в отношении себя самого». Ее друзья постоянно размышляли над вопросами национальной идентификации, все время спрашивали друг друга, что значит быть австралийцем. Она подумала, что это и в самом деле результат конца империи. Все писатели, вместе с которыми она участвовала то в одном, то в другом литературном фестивале, «постоянно задавались вопросом о том, какой подтекст является постколониальным». Но эти дискуссии происходили «в контексте общества, в котором точка отсчета больше не была британской», при этом участники обсуждения «все еще пытались разобраться в самих себе». Наблюдения Картер отличались пронизательностью, но ее объяснения, вероятно, были слишком британскими по стилю. Империя не просто закончила свое существование, ей грозило забвение. Точки отсчета перестали быть «британскими» задолго до приезда писательницы; проблема заключалась в том, чтобы найти новые.

Для колоний поселенцев оказалось значительно легче сбросить с себя опеку метрополии, чем самим определиться в качестве полностью автономных субъектов. Австралийский национализм возник в XIX в. в результате осознания австралийцами особенности

места своего происхождения. Этот национализм делал акцент на свободе и возможностях нового мира в отличие от ограниченности и бессилия мира старого. Он стал продуктом деятельности людей, обретших свободу на новом месте, где они могли сбросить тяготившие их оковы. Этот национализм создал Австралийский Союз как страну молодой нации, начавшей свою жизнь на земле неограниченных возможностей.

Однако эта Австралия сохраняла свои корни, оставаясь привязанной к бывшей метрополии деликатными узами торговли и инвестиций, постоянно уповая на могучего защитника и, кроме всего прочего, помня о своем духовном родстве с ним. Между тем, как ни стремились поселенцы освоиться на новой земле, они не могли поделить ее с теми, кто здесь жил изначально, и не захотели делить ее ни с кем-либо еще из этого региона. Подчеркнутый акцент на исключительности своих прав отразился почти в каждом аспекте внешней и внутренней политики страны в первой половине XX в., но привел лишь к появлению ощущения неуверенности в собственной безопасности, к возникновению чувства потерянности, одиночества и уязвимости. Эти ощущения и чувства унаследованы современными австралийцами и очевидны сторонним наблюдателям. Неслучайно один индонезийский журналист охарактеризовал австралийцев как «белое племя Азии». Это же наследие с очевидностью проявилось в кризисе с беженцами и в тревоге, поднятой в связи с охраной границ.

Влияние прошлого так велико, что это название — «Белая Австралия» — остается в силе, хотя оно давно утратило точность. Попытки удержать чистоту народа, переселившегося в Австралию, померкли перед лицом ее современного этнического разнообразия. Двадцать процентов австралийцев родились за рубежом, у 40% граждан страны сегодня хотя бы один из родителей родился за пределами страны. Шестнадцать процентов австралийцев дома говорят не по-английски, а к числу наиболее быстро растущих языковых общин относятся китайско-кантонская, китайско-ханьская, вьетнамская, тагальская, индонезийская, арабская, индийская-хинди и сербская. Здесь этническое многообразие шире, оно более гармонично и больше ценится, чем в других странах региона.

Правда, такая расстановка сил не причинила ущерба доминированию этнического большинства: потомки тех, кто претендовал на исключительное обладание страной, продолжали устанавливать

удобные для себя границы плюрализма. Они делают это постепенно и поэтапно, что позволяет им самим перестроиться, и теперь они в какой-то мере отвечают тем характеристикам, которые некогда были чуждыми и враждебными. Возврат аборигенам Айерс-Рок* и возвращение ему изначального названия Улуру приобрел большое значение для всех австралийцев. Вплетение азиатских народов и азиатской культуры в ткань австралийской жизни неопасно для тех, кого это касается самым непосредственным образом. Проблема такого медленного, часто неохотного перехода заключается в том, что он не позволяет решительно порвать с призраком «Белой Австралии». Возможно, этого сможет окончательно добиться лишь Австралийская Республика, которая в конце концов все-таки будет провозглашена.

Приехав в Австралию молодой женщиной, Кэтрин Спенс** волновалась за то, что новые колонии слишком легко поддаются внезапным переменам, и боялась, что золотая лихорадка все погубила. Уже став «великой бабушкой Австралии» и оглядывая в 1910 г. прожитое и сделанное за всю свою жизнь, она сказала: «В истории молодого общества не бывает ничего неважного, и, главное, кажется, что нет ничего невозможного».

История, которая описана здесь, — это история быстрых перемен. Оказавшись в новых обстоятельствах, колонисты использовали знакомый им опыт, а если делали фальстарт, то очень быстро начинали все заново. Все первые поселения в Новом Южном Уэльсе, Тасмании, Виктории и Квинсленде были оставлены, и люди перешли в другие места, но Сидней, Хобарт, Мельбурн и Брисбен, а также более тщательно спланированные в интересах вновь прибывающих Перт и Аделаида вскоре закрепились в роли постоянных поселений. Они и сегодня остаются центрами своих штатов. Преодолев первые трудности, поселенцы научились обрабатывать землю. Они стали относиться к ней как к зеленым угольям, где можно применять самую передовую технику и добиться высо-

* *Айерс-Рок* (Ayers Rock), или *Улуру* (Uluru) на языке аборигенов, представляет собой уникальное скальное образование, расположенное на Северной территории в центральной части Австралии и является главной достопримечательностью Национального парка Улуру-Ката-Тьюта. Входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (см. также с. 124 наст. изд.).

** *Спенс Кэтрин Хелен* (1825–1910) — выдающийся общественный деятель Австралии, журналист и писатель, первая женщина-проповедник, добившаяся права голоса для женщин в Южной Австралии.

ких результатов в производстве первичных товаров для мировых рынков. Они научились связывать собственное процветание со схемами общего улучшения и с такой же и даже еще большей изобретательностью адаптировали знакомые им институты к местным условиям. Австралия в XIX в. преодолевала препятствия, встававшие на ее пути, уверенная в том, что она в состоянии контролировать свою судьбу.

Через сто лет эта уверенность растаяла. Автомобилист, путешествующий между наиболее крупными городами страны, увидит по дороге заброшенные дома, остатки сельской промышленности, некогда бывшей основой процветания Австралии, а теперь едва сводящей концы с концами. Сжавшийся временной интервал между инновацией и устареванием нигде не очевиден больше, чем в в районах юга. Побурели зеленые уголья, и молодая страна постарела и устала. Потенциал политических инноваций исчерпан. В начале XX в. исследователи приезжали в Австралию, чтобы поучиться у нее успехам; а теперь мы руководствуемся кредитными рейтингами нью-йоркских агентств. Австралийцы не лидеры, они скорее последователи, ведомые, пренебрегающие своими прежними достижениями, потому что многое представляется им незначительным в увядающей памяти людей, которые не учатся больше у своего прошлого.

Каковы же его уроки? Для тех, кто был здесь с самого начала, современная история Австралии представляется глубоко травматичной, и излечение от этого только начинается. Для тех, кто сюда пришел, это рассказ о новых начинаниях. Место изгнания стало землей выбора и прибежищем для новых и новых волн пришельцев, которые постоянно ее перерабатывают. Они ослеплены ее светом, напуганы ее пространствами, угнетены ее безразличием. Она не декларирует своих достоинств. Здесь нет статуи Свободы, чтобы приветствовать вновь прибывших, и никто не оглашает основные принципы поведения.

Их следует искать в образе жизни австралийцев и преимуществах, которые обычно воспринимаются как должное. Большинство людей довольствуются скромными удобствами. Как выразился один из поселенцев в 1960-х годах, это место, «где не надо быть богатым, чтобы быть в тепле». По большинству своему это люди, которым не свойственно стремление к показухе, в трудное время они склонны к сплочению. Пожары и наводнения пробуждают в них самые лучшие качества. Степень свободы здесь велика, противоречия разрешаются в общепринятом правовом порядке, а здоровая подозри-

тельность по отношению ко всем крайним проявлениям защищает австралийцев от деспотизма. Этим и другим успехам пришлось добиваться в прошлом, и в настоящем их необходимо охранять. История Австралии относится к прошлому и к будущему, помогая нам понять, как мы пришли к тому, чем мы сегодня являемся, и она должна существовать. Ее присутствия невозможно избежать. Вникнуть в нее — значит получить способность определить то, что может произойти.

Приложения

Премьер-министры Австралийского Союза (с 1901 г.)

2010 –	Джулия Джиллард
2007 – 2010	Кевин Радд
1996 – 2007	Джон Говард
1991 – 1996	Пол Китинг
1983 – 1991	Роберт Хоук
1975 – 1983	Малкольм Фрейзер
1972 – 1975	Гоф Уитлэм
1971 – 1972	Уильям Макмагон
1968 – 1971	Джон Гортон
1967 – 1968	Джон Макивен
1966 – 1967	Гарольд Холт
1949 – 1966	Роберт Мензис
1945 – 1949	Бен Чифли
1945	Фрэнсис Форд
1941 – 1945	Джон Кэрген
1941	Артур Фэдден
1939 – 1941	Роберт Мензис
1939	Эрл Пейдж
1929 – 1932	Джеймс Скалин
1923 – 1929	Стэнли Брюс
1915 – 1923	Уильям Хьюджес
1914 – 1915	Эндрю Фишер
1913 – 1914	Джозеф Кук
1910 – 1913	Эндрю Фишер
1909 – 1910	Альфред Дикин
1908 – 1909	Эндрю Фишер

1905 – 1908	Альфред Дикин
1904 – 1905	Джордж Рейд
1904	Крис Уотсон
1903 – 1904	Альфред Дикин
1901 – 1903	Эдмунд Бартон

Генерал-губернаторы Австралийского Союза (с 1901 г.)

2008 –	Квентин Эллис Луиза Брайс
2003 – 2008	Майкл Джеффри
2001 – 2003	Питер Холлингворт
1996 – 2001	Уильям Дин
1989 – 1996	Уильям Хейден
1982 – 1989	Ниниан Стефен
1977 – 1982	Зелман Коуэн
1974 – 1977	Джон Керр
1969 – 1974	Пол Хэзлак
1965 – 1969	Ричард Кейси
1961 – 1965	Уильям де Д'Айл
1960 – 1961	Уильям Моррисон
1953 – 1960	Уильям Слим
1947 – 1953	Уильям Маккелл
1945 – 1947	Генри, герцог Глостерский
1936 – 1945	Александр Хор-Ратвен
1931 – 1936	Айзек Айзекс
1925 – 1931	Джон Бейрд
1920 – 1925	Генри Форстер
1914 – 1920	Роналд Манро-Фергюсон
1911 – 1914	Томас Денман
1908 – 1911	Уильям Уорд
1904 – 1908	Генри Норткот
1903 – 1904	Эллам Теннисон
1901 – 1903	Джон Хоуп

Список литературы*

Энциклопедии и справочники

- Frank Crowley and Peter Spearritt (gen. eds), *Australians: A Historical Library*, 5 vols: *A Historical Atlas, A Historical Dictionary, Events and Places, Historical Statistics, A Guide to Sources* (Sydney: Fairfax, Syme and Weldon Associates, 1987).
- John Hirst, Graeme Davison and Stuart Macintyre (eds), *The Oxford Companion to Australian History* (rev. edn, Melbourne: Oxford University Press, 2001).
- David Horton (gen. ed.), *The Encyclopaedia of Aboriginal Australia*, 2 vols (Canberra: Aboriginal Studies Press, 1994).
- James Jupp (gen. ed.), *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins* (rev. edn, Cambridge: Cambridge University Press, 2001).
- Stephen Murray-Smith (ed.), *The Dictionary of Australian Quotations* (rev. edn, Melbourne: Mandarin, 1992).
- Douglas Pike, Bede Nairn, Geoffrey Serle, John Ritchie and Diane Langmore (gen. eds), *Australian Dictionary of Biography*, 16 vols (Melbourne: Melbourne University Press, 1966-2002).
- W. S. Ramson, *The Australian National Dictionary: Australian Words and Their Origins* (Melbourne: Oxford University Press, 1988).

* Данный список содержит книги, рекомендуемые автором. В оригинальном издании на английском языке цитируемые автором работы приведены в конце книги в разделе «Источники цитирования», но они не пронумерованы и не привязаны жестко к тексту. Редактор русского издания счел возможным опустить эту часть справочного аппарата.

Общие работы

- Geoffrey Blainey, *A Land Half Won* (Melbourne: Macmillan, 1980).
- Geoffrey Bolton (ed.), *The Oxford History of Australia* (Melbourne: Oxford University Press, vols. 2-5, 1986-92).
- Ian Breward, *A History of the Churches in Australasia* (Oxford: Oxford University Press, 2001).
- Verity Burgmann and Jenny Lee (eds), *A People's History of Australia since 1788*, 4 vols (Melbourne: McPhee Gribble/Penguin, 1988).
- C. M. H. Clark, *A History of Australia*, 6 vols (Melbourne: Melbourne University Press, 1962-87).
- Donald Denoon and Philippa Mein-Smith, with Marivic Wyndham, *A History of Australia, New Zealand and the Pacific* (Maiden, Mass.: Blackwell, 2000).
- Alan D. Gilbert and K. S. Inglis (gen. eds), *Australians: A Historical Library*, 5 vols: *Australians to 1788*, *Australians 1838*, *Australians 1888*, *Australians 1938*, *Australians from 1939* (Sydney: Fairfax, Syme and Weldon Associates, 1987).
- Jeffrey Grey, *A Military History of Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990).
- Patricia Grimshaw, Marilyn Lake, Ann McGrath and Marian Quartly, *Creating a Nation* (Melbourne: McPhee Gribble, 1994).
- Ann McGrath (ed.), *Contested Ground: Australian Aborigines Under the British Crown* (St Leonards, NSW: Allen & Unwin, 1995).
- J. M. Powell, *An Historical Geography of Modern Australia: The Restive Fringe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).
- John Rickard, *Australia: A Cultural History* (Melbourne: Longman Cheshire, 1988).
- Bernard Smith, with additional chapters by Terry Smith and Christopher Heathcote, *Australian Painting 1788-2000* (Melbourne: Oxford University Press, 2001).

Глава 1. Истоки

- Jim Allen, John Golson and Rhys Jones (eds), *Sunda and Sahul* (London: Academic Press, 1977).
- Geoffrey Blainey, *The Triumph of the Nomads* (Melbourne: Macmillan, 1982).
- N. G. Butlin, *Economics and the Dreamtime: A Hypothetical History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).
- Donald Denoon (ed.), *The Cambridge History of the Pacific Islanders* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).
- Jared Diamond, *Guns, Germs and Steel: A Short History of Everybody for the Last 13,000 Years* (London: Jonathan Cape, 1997).

- Timothy Fridtjot Flannery, *The Future Eaters* (Sydney: Reed, 1994).
- Josephine Flood, *Archaeology of the Dreamtime: The Story of Prehistoric Australia and its People* (rev. edn, Sydney: Angus & Robertson, 1994).
- Harry Lourandos, *Continent of Hunter-Gatherers: New Perspectives in Australian Prehistory* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).
- D. J. Mulvaney, *Encounters in Place: Outsiders and Aboriginal Australians, 1606-1985* (Brisbane: University of Queensland Press, 1989).
- D. J. Mulvaney and Johan Kamminga, *The Prehistory of Australia* (Sydney: Allen & Unwin, 1999).
- D. J. Mulvaney and J. Peter White (eds), *Australians to 1788* (Sydney: Fairfax, Syme and Weldon Associates, 1987).
- Stephen J. Pyne, *Burning Bush: A Fire History of Australia* (Sydney: Allen & Unwin, 1992).

Глава 2. Пришельцы

- Alan Atkinson, *The Europeans in Australia*, vol. 1: *The Beginning* (Melbourne: Oxford University Press, 1997).
- C. A. Bayly, *Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780-1830* (London: Longman, 1989).
- J. C. Beaglehole, *The Life of Captain James Cook* (London: A. and C. Black, 1974).
- C. M. H. Clark, *A History of Australia*, vol. I (Melbourne: Melbourne University Press, 1962).
- Alan Frost, *Botany Bay Mirages: Illusions of Australia's Convict Beginnings* (Melbourne: Melbourne University Press, 1994).
- John Gascoigne, *The Enlightenment and the Origins of European Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).
- John Hardy and Alan Frost (eds), *Studies from Terra Australia to Australia* (Canberra: Australian Academy of the Humanities, 1989).
- Chris Healy, *From the Ruins of Colonialism: History as Social Memory* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).
- E. L. Jones, *The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia* (3rd edn, Cambridge: Cambridge University Press, 2003).
- David Mackay, *A Place of Exile: The European Settlement of New South Wales* (Melbourne: Oxford University Press, 1985).
- P. J. Marshall (ed.), *The Oxford History of the British Empire*, vol. II: *The Eighteenth Century* (Oxford: Oxford University Press, 1998).
- Ged Martin (ed.), *The Founding of Australia: The Argument About Australia's Origins* (Sydney: Hale & Iremonger, 1978).
- Anthony Pagden, *Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 to c. 1800* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995).

- Henry Reynolds, *Aboriginal Sovereignty: Reflections on Race, State and Nation* (Sydney: Allen & Unwin, 1996).
- Bernard Smith, *European Vision and the South Pacific* (2nd edn, Sydney: Harper and Row, 1985).
- Bernard Smith, *Imagining the Pacific: In the Wake of the Cook Voyages* (Melbourne: Melbourne University Press, 1992).
- O. H. K. Spate, *The Pacific Since Magellan*, 3 vols (Canberra: Australian National University Press, 1979-88).
- W. E. H. Stanner, *White Man Got No Dreaming: Essays, 1938-1973* (Canberra: Australian National University Press, 1979).
- Glyndwr Williams and Alan Frost (eds), *Terra Australis to Australia* (Melbourne: Oxford University Press, 1988).

Глава 3. Покорение

- Graeme Aplin (ed.), *A Difficult Infant: Sydney Before Macquarie* (Sydney: University of New South Wales Press, 1988).
- Alan Atkinson, *The Europeans in Australia*, vol. 1: *The Beginning* (Melbourne: Oxford University Press, 1997).
- Frank Broeze, *Island Nation: A History of Australians and the Sea* (Sydney: Allen & Unwin, 1997).
- C. M. H. Clark, *A History of Australia*, vol. I (Melbourne: Melbourne University Press, 1962).
- Joy Damousi, *Depraved and Disorderly: Female Convicts, Sexuality and Gender in Colonial Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).
- Kay Daniels, *Convict Women* (Sydney: Allen & Unwin, 1998).
- Brian Fletcher, *Landed Enterprise and Penal Society: A History of Farming and Grazing in New South Wales Before 1821* (Sydney: Sydney University Press, 1976).
- Lucy Frost and Hamish Maxwell-Stewart, *Chain Letters: Narrating Convict Lives* (Melbourne: Melbourne University Press, 2001).
- D. R. Hainsworth, *The Sydney Traders: Simeon Lord and his Contemporaries, 1788-1821* (Melbourne: Melbourne University Press, 1981).
- J. B. Hirst, *Convict Society and Its Enemies: A History of Early New South Wales* (Sydney: Allen & Unwin, 1983).
- Robert Hughes, *The Fatal Shore: A History of the Transportation of Convicts to Australia, 1787-1868* (London: Collins Harvill, 1987).
- K. S. Inglis, *The Australian Colonists: An Exploration of Social History, 1788-1870* (Melbourne: Melbourne University Press, 1974).
- Sharon Morgan, *Land Settlement in Early Tasmania: Creating an Antipodean England* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992).
- David Neal, *The Rule of Law in a Penal Colony: Law and Power in Early New South Wales* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991).

- Stephen Nicholas, *Convict Workers: Reinterpreting Australia's Past* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).
- John Ritchie, *Lachlan Macquarie: A Biography* (Melbourne: Melbourne University Press, 1986).
- L. L. Robson, *The Convict Settlers of Australia* (Melbourne: Melbourne University Press, 1965).
- L. L. Robson, *A History of Tasmania*, vol. 1 (Melbourne: Oxford University Press, 1983).
- A. G. L. Shaw, *Convicts and the Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and Other Parts of the British Empire* (London: Faber, 1966).
- Keith Willey, *When the Sky Fell Down: The Destruction of the Tribes of the Sydney Region, 1788–1850s* (Sydney: Collins, 1979).

Глава 4. Освобождение

- Alan Atkinson, *The Europeans in Australia*, vol. 2: *Democracy* (Melbourne: Oxford University Press, 2004).
- Alan Atkinson and Marian Aveling (eds), *Australians 1838* (Sydney: Fairfax, Syme and Weldon Associates, 1987).
- C. M. H. Clark, *A History of Australia*, vol. II (Melbourne: Melbourne University Press, 1968).
- C. M. H. Clark, *A History of Australia*, vol. III (Melbourne: Melbourne University Press, 1973).
- Jan Critchett, *A 'distant field of murder': Western District Frontiers, 1834-1848* (Melbourne: Melbourne University Press, 1990).
- F. K. Crowley, *Australia's Western Third: A History of Western Australia from the First Settlement to Modern Times* (Melbourne: Heinemann, 1960).
- Joy Damousi, *Depraved and Disorderly: Female Convicts, Sexuality and Gender in Colonial Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).
- Kay Daniels, *Convict Women* (Sydney: Allen & Unwin, 1998).
- David Denholm, *The Colonial Australians* (Melbourne: Allen Lane, 1979).
- Donald Denoon, *Settler Capitalism: The Dynamics of Dependent Development in the Southern Hemisphere* (Oxford: Oxford University Press, 1983).
- Robert Dixon, *The Course of Empire: Neo-Classical Culture in New South Wales, 1788-1860* (Melbourne: Oxford University Press, 1986).
- Ian Duffield and James Bradley (eds), *Representing Convicts: New Perspectives on Convict Forced Labour Migration* (London: Leicester University Press, 1997).
- Chris Healy, *From the Ruins of Colonialism: History as Social Memory* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).
- J. B. Hirst, *Convict Society and its Enemies: A History of Early New South Wales* (Sydney: Allen & Unwin, 1983).

- K. S. Inglis, *The Australian Colonists: An Exploration of Social History, 1788-1870* (Melbourne: Melbourne University Press, 1974). Grace Karskens, *The Rocks: Life in Early Sydney* (Melbourne: Melbourne University Press, 1997). Bruce Kercher, *An Unruly Child: A History of Law in Australia* (Sydney: Allen & Unwin, 1995).
- Ann McGrath, *Contested Ground: Australian Aborigines Under the British Crown* (Sydney: Allen & Unwin, 1995).
- Roger Milliss, *Waterloo Creek: The Australia Day Massacre of 1838, George Gipps and the British Conquest of New South Wales* (Melbourne: McPhee Gribble, 1992).
- Stephen Nicholas, *Convict Workers: Reinterpreting Australia's Past* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).
- Douglas Pike, *Paradise of Dissent: South Australia, 1829-1857* (2nd edn, Melbourne: Melbourne University Press, 1967).
- R. H. W. Reece, *Aborigines and Colonists: Aborigines and Colonial Society in New South Wales in the 1830s and 1840s* (Sydney: Sydney University Press, 1974).
- Henry Reynolds, *Frontier: Aborigines, Settlers and Land* (Sydney: Allen & Unwin, 1987). Henry Reynolds, *The Law of the Land* (Melbourne: Penguin Books, 1987).
- Henry Reynolds, *Fate of a Free People* (Melbourne: Penguin Books, 1995).
- Henry Reynolds, *This Whispering in Our Hearts* (Sydney: Allen & Unwin, 1998).
- L. L. Robson, *A History of Tasmania*, vol. 1 (Melbourne: Oxford University Press, 1983).
- Michael Roe, *Quest for Authority in Eastern Australia, 1835-1851* (Melbourne: Melbourne University Press, 1965).
- Lyndall Ryan, *The Aboriginal Tasmanians* (Brisbane: University of Queensland Press, 1981).
- Simon Ryan, *The Cartographic Eye: How Explorers Saw Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).
- Kay Schaffer, *In the Wake of First Contact: The Eliza Eraser Stories* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).
- A. G. L. Shaw, *Convicts and the Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and Other Parts of the British Empire* (London: Faber, 1966).

Глава 5. Невольники прогресса

- Alan Atkinson, *The Europeans in Australia*, vol. 2: *Democracy* (Melbourne: Oxford University Press, 2004).
- Bain Attwood, *The Making of the Aborigines* (Sydney: Allen & Unwin, 1988).
- Geoffrey Blainey, *The Rush that Never Ended* (5th edn, Melbourne: Melbourne University Press, 2003).

- Geoffrey Bolton, *A Thousand Miles Away: A History of North Queensland to 1920* (Canberra: Australian National University Press, 1963).
- Tim Bonyhady, *The Colonial Earth* (Melbourne: Miegunyah Press, 2000).
- Graeme Davison, *The Rise and Fall of Marvellous Melbourne* (Melbourne: Melbourne University Press, 1978).
- Graeme Davison, J. W. McCarty and Ailsa McLeary (eds), *Australians 1888* (Sydney: Fairfax, Syme and Weldon Associates, 1987).
- Lionel Frost, *The New Urban Frontier: Urbanisation and City Building in Australasia and the American West* (Sydney: University of New South Wales Press, 1991).
- Bill Gammage, *Narrandera Shire* (Narrandera, NSW: Shire Council, 1986).
- David Goodman, *Goldseeking: Victoria and California in the 1850s* (Sydney: Allen & Unwin, 1994).
- Tom Griffiths, *Hunters and Collectors: The Antiquarian Imagination in Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).
- Andrew Hassam, *Sailing to Australia: Shipboard Diaries by Nineteenth Century British Emigrants* (Melbourne: Melbourne University Press, 1994).
- Roslynn D. Haynes, *Seeking the Centre: The Australian Desert in Literature, Art and Film* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).
- John Hirst, *Adelaide and the Country, 1870-1917: Their Social and Political Relationship* (Melbourne: Melbourne University Press, 1973).
- John Hirst, *The Strange Birth of Colonial Democracy: New South Wales, 1848-1884* (Sydney: Allen & Unwin, 1988).
- H. R. Jackson, *Churches and People in Australia and New Zealand, 1860-1930* (Sydney: Allen & Unwin, 1987).
- Beverley Kingston, *The Oxford History of Australia*, vol. 3 (Melbourne: Oxford University Press, 1998).
- Stuart Macintyre, *A Colonial Liberalism: The Lost World of Three Victorian Visionaries* (Melbourne: Oxford University Press, 1991).
- Dawn May, *Aboriginal Labour and the Cattle Industry: Queensland from White Settlement to the Present* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- Ann McGrath, *Born in the Cattle': Aborigines in Cattle Country* (North Sydney: Allen & Unwin, 1987).
- Clive Moore, *Kanaka: A History of Melanesian Mackay* (Port Moresby: University of Papua New Guinea Press, 1985).
- D. J. Mulvaney, *Encounters in Place: Outsiders and Aboriginal Australians, 1606-1985* (Brisbane: University of Queensland Press, 1989).
- Alan Powell, *Far Country: A Short History of the Northern Territory* (2nd edn, Melbourne: Melbourne University Press, 1988).
- Henry Reynolds, *With the White People* (Melbourne: Penguin Books, 1990).
- Andrew Sayers, *Aboriginal Artists of the Nineteenth Century* (Melbourne: Oxford University Press, 1994).
- Geoffrey Serle, *The Golden Age: A History of the Colony of Victoria, 1851-1861* (Melbourne: Melbourne University Press, 1963).

Duncan Waterson, *Squatter, Selector and Storekeeper: A History of the Darling Downs, 1859-93* (Sydney: Sydney University Press, 1968).

Глава 6. Национальное переустройство

Judith Allen, *Rose Scott: Vision and Revision in Feminism* (Melbourne: Oxford University Press, 1994).

Warwick Anderson, *The Cultivation of Whiteness: Science, Health and Racial Destiny in Australia* (Melbourne: Melbourne University Press, 2002).

Geoffrey Bolton, *Edmund Barton* (Sydney: Allen & Unwin, 2000).

Verity Burgmann, *In Our Time': Socialism and the Rise of Labor, 1885-1905* (Sydney: Allen & Unwin, 1985).

John Chesterman and Brian Galligan, *Citizens Without Rights: Aborigines and Australian Citizenship* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).

Robin Gollan, *Radical and Working Class Politics: A Study of Eastern Australia, 1850-1910* (Melbourne: Melbourne University Press, 1960).

Jeffrey Grey, *A Military History of Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990).

Anna Haebich, *Broken Circles: Fragmenting Indigenous Families, 1800-2000* (Fremantle: Fremantle Arts Centre Press, 2001).

John Hirst, *The Sentimental Nation: The Making of the Australian Commonwealth* (Melbourne: Oxford University Press, 2000).

Helen Irving, *To Constitute a Nation: A Cultural History of Australia's Constitution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).

Susan Magarey, *Passions of the First Wave Feminists* (Sydney: University of New South Wales Press, 2001).

Ann McGrath (ed.), *Contested Ground: Australian Aborigines under the British Crown* (Sydney: Allen & Unwin, 1995).

Russell McGregor, *Imagined Destinies: Aboriginal Australians and the Doomed Race Theory, 1880-1939* (Melbourne: Melbourne University Press, 1997).

Ross McMullin, *The Light on the Hill: The Australian Labor Party, 1891-1991* (Melbourne: Oxford University Press, 1991).

John Merritt, *The Making of the AWU* (Melbourne: Oxford University Press, 1986).

John Rickard, *Class and Politics: New South Wales, Victoria and the Early Commonwealth, 1890-1910* (Canberra: Australian National University Press, 1976).

Michael Roe, *Nine Australian Progressives: Vitalism in Bourgeois Social Thought, 1890-1960* (Brisbane: University of Queensland Press, 1984).

Gavin Souter, *Lion and Kangaroo. Australia: 1901-1919, The Rise of a Nation* (Sydney: William Collins, 1976).

Stuart Svensen, *The Shearers' War: The Story of the 1891 Shearers' Strike* (Brisbane: University of Queensland Press, 1989).

- Stuart Svensen, *The Sinews of War: Hard Cash and the 1890 Maritime Strike* (Sydney: University of New South Wales Press, 1995).
- Roger Thompson, *Australian Imperialism in the Pacific: The Expansionist Era, 1820-1920* (Melbourne: Melbourne University Press, 1980).
- Jan Todd, *Colonial Technology: Science and the Transfer of Innovation to Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).
- Luke Trainor, *British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- David Walker, *Anxious Nation: Australia and the Rise of Asia, 1850-1939* (Brisbane: University of Queensland Press, 1999).

Глава 7. Жертва

- E. M. Andrews, *The Anzac Illusion: Anglo-Australian Relations During World War I* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).
- Bain Attwood, *Rights for Aborigines* (Sydney: Allen & Unwin, 2003).
- C. E. W. Bean, *Anzac to Amiens* (Canberra: Australian War Memorial, 1946).
- Sean Brawley, *The White Peril: Foreign Relations and Asian Immigration to Australasia and North America, 1919-78* (Sydney: University of New South Wales Press, 1995).
- Judith Brett, *Robert Menzies' Forgotten People* (Sydney: Macmillan, 1992).
- Judith Brett, *The Australian Liberals and the Moral Middle Class: From Alfred Deakin to John Howard* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003).
- Joy Damousi, *The Labour of Loss: Mourning, Memory and Wartime Bereavement in Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).
- Joy Damousi and Marilyn Lake (eds), *Gender and War: Australians at War in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).
- L. F. Fitzhardinge, *The Little Digger, 1914-1952: William Morris Hughes, A Political Biography* (Sydney: Angus & Robertson, 1979).
- Bill Gammage, *The Broken Years: Australian Soldiers in the Great War* (Melbourne: Penguin, 1975).
- Bill Gammage and Peter Spearritt (eds), *Australians 1938* (Sydney: Fairfax, Syme and Weldon Associates, 1987).
- Stephen Garton, *The Cost of War: Australians Return* (Melbourne: Oxford University Press, 1996).
- Anna Haebich, *Broken Circles: Fragmenting Indigenous Families, 1800-2000* (Fremantle: Fremantle Arts Centre Press, 2001).
- David Horner, *High Command: Australia and Allied Strategy, 1939-1945* (Sydney: Allen & Unwin, 1992).
- K. S. Inglis, *Sacred Places: War Memorials in the Australian Landscape* (Melbourne: Melbourne University Press, 1998).

- Lesley Johnson, *The Unseen Voice: A Cultural Study of Early Australian Radio* (London: Routledge, 1988).
- Mark Johnston, *Fighting the Enemy: Australian Soldiers and their Adversaries in World War II* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000).
- Marilyn Lake, *The Limits of Hope: Soldier Settlement in Victoria, 1915-38* (Melbourne: Oxford University Press, 1987).
- Marilyn Lake, *Getting Equal: The History of Australian Feminism* (Sydney: Allen & Unwin, 1999).
- Martin Lyons and Lucy Taksa, *Australian Readers Remember: An Oral History of Reading* (Melbourne: Oxford University Press, 1992).
- Stuart Macintyre, *The Oxford History of Australia*, vol. 4: 1901-1942: *The Succeeding Age* (Melbourne: Oxford University Press, 1986).
- Stuart Macintyre, *The Reds: The Communist Party of Australia from Origins to Illegality* (Sydney: Allen & Unwin, 1998).
- Judy Mackinoly, *The Wasted Years? Australia's Great Depression* (Sydney: Allen & Unwin, 1981).
- A. W. Martin, *Robert Menzies, A Life*, vol. 1: 1894-1943 (Melbourne: Melbourne University Press, 1993).
- Janet McCalman, *Struggletown: Public and Private Life in Richmond, 1900-1965* (Melbourne: Melbourne University Press, 1984).
- Janet McCalman, *Journeys: The Biography of a Middle-Class Generation, 1920-1990* (Melbourne: Melbourne University Press, 1993).
- Russell McGregor, *Imagined Destinies: Aboriginal Australians and the Doomed Race Theory, 1880-1939* (Melbourne: Melbourne University Press, 1997).
- David Meredith and Barrie Dyster, *Australia in the Global Economy: Continuity and Change* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).
- Andrew Moore, *The Secret Army and the Premier* (Sydney: University of New South Wales Press, 1989).
- John Mordike, *An Army for a Nation: A History of Australian Military Developments, 1880-1914* (Sydney: Allen & Unwin, 1992).
- Hank Nelson, *P.O.W. Prisoners of War: Australians Under Nippon* (Sydney: Australian Broadcasting Commission, 1985).
- Avner Offer, *The First World War: An Agrarian Interpretation* (Oxford: Clarendon Press, 1989).
- Fiona Paisley, *Loving Protection: Australian Feminism and Aboriginal Women's Rights, 1919-1939* (Melbourne: Melbourne University Press, 2000).
- Peter Read, *The Stolen Generations: The Removal of Aboriginal Children in New South Wales from 1883 to 1969* (Sydney: New South Wales Ministry of Aboriginal Affairs, n.d.).
- John Robertson, *1939-1945, Australia Goes to War* (Sydney: Doubleday, 1984).
- L. L. Robson, *The First A.I.E: A Study of its Recruitment, 1914-1918* (Melbourne: Melbourne University Press, 1970).
- Michael Roe, *Australia, Britain, and Migration, 1915-1940: A Study of Desperate Hopes* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).

C. B. Schedvin, *Australia and the Great Depression* (Sydney: Sydney University Press, 1970).

Alastair Thomson, *Anzac Memories: Living with the Legend* (Melbourne: Oxford University Press, 1994).

Глава 8. Золотой век

Bain Attwood, *Rights for Aborigines* (Sydney: Allen & Unwin, 2003).

Geoffrey Bolton, *The Oxford History of Australia*, vol. 5: *1942-1988: The Middle Way* (2nd edn, Melbourne: Oxford University Press, 1996).

Judith Brett, *Robert Menzies' Forgotten People* (Sydney: Macmillan, 1992).

Judith Brett, *Australian Liberals and the Moral Middle Class from Alfred Deakin to John Howard* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003).

Nicholas Brown, *Governing Prosperity: Social Change and Analysis in Australia in the 1950s* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).

L. F. Crisp, *Ben Chifley* (Melbourne: Longmans, 1961).

Ann Curthoys, A. W. Martin and Tim Rowse (eds), *Australians from 1939* (Sydney: Fairfax, Syme and Weldon Associates, 1987).

Hugh Emy, Owen Hughes and Race Mathews (eds), *Whitlam Re-visited: Policy Development, Policies and Outcomes* (Sydney: Pluto Press, 1993).

Ross Fitzgerald, *The Pope's Battalions: Santamaria, Catholicism and the Labor Split* (Brisbane: University of Queensland Press, 2003).

Graham Freudenberg, *A Certain Grandeur: Gough Whitlam in Politics* (Melbourne: Macmillan, 1977).

Ian Hancock, *National and Permanent? The Federal Organisation of the Liberal Party of Australia, 1944-1965* (Melbourne: Melbourne University Press, 2000).

Lesley Johnson, *The Modern Girl: Girlhood and Growing Up* (Sydney: Allen & Unwin, 1993).

John Lack and Jacqueline Templeton, *Bold Experiment: A Documentary History of Australian Immigration since 1945* (Melbourne: Oxford University Press, 1995).

Marilyn Lake, *Getting Equal: The History of Australian Feminism* (Sydney: Allen & Unwin, 1999).

David Lowe, *Menzies and the 'Great World Struggle': Australia's Cold War, 1948-1954* (Sydney: University of New South Wales Press, 1999).

Allan Martin, *Robert Menzies, A Life*, vol. 2: *1944-1978* (Melbourne: Melbourne University Press, 1999).

David McKnight, *Australian Spies and Their Secrets* (Sydney: Allen & Unwin, 1994).

David Meredith and Barrie Dyster, *Australia in the Global Economy: Continuity and Change* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

John Murphy, *Harvest of Fear: A History of Australia's Vietnam War* (Sydney: Allen & Unwin, 1993).

- John Murphy, *Imagining the Fifties: Private Sentiment and Political Culture in Menzies' Australia* (Sydney: University of New South Wales Press, 2000).
- Mark Peel, *Good Times, Hard Times: The Past and the Future in Elizabeth* (Melbourne: Melbourne University Press, 1995).
- Greg Pemberton, *All the Way: Australia's Road to Vietnam* (Sydney, NSW: Allen & Unwin, 1987).
- Scott Prasser, J. R. Nethercote and John Warhurst (eds), *The Menzies Era: A Reappraisal of Government, Politics and Policy* (Sydney: Hale & Iremonger, 1995).
- Tim Rowse, *White Flour, White Power: From Rations to Citizenship in Central Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).
- Tim Rowse, *Nugget Coombs: A Reforming Life* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).
- Sean Scalmer, *Dissent Events: Protest, the Media and the Political Gimmick in Australia* (Sydney: University of New South Wales Press, 2002).
- Michael Sexton, *Illusions of Power: The Fate of a Reform Government* (Sydney: Allen & Unwin, 1979).
- Tom Sheridan, *Division of Labour: Industrial Relations in the Chifley Years, 1945-1949* (Melbourne: Oxford University Press, 1989).
- Paul Strangio, *Keeper of the Faith: A Biography of Jim Cairns* (Melbourne: Melbourne University Press, 2002).
- Greg Whitwell, *Making the Market: The Rise of Consumer Society* (Melbourne: McPhee Gribble, 1989).

Глава 9. Воссоздание Австралии

- Philip Ayres, *Malcolm Fraser* (Melbourne: William Heinemann Australia, 1987).
- Stephen Bell, *Ungoverning the Economy: The Political Economy of Australian Economic Policy* (Melbourne: Oxford University Press, 1997).
- Geoffrey Bolton, *The Oxford History of Australia*, vol. 5 (2nd edn, Melbourne: Oxford University Press, 1996).
- Grant Fleming, David Merrett and Simon Ville, *The Big End of Town: Big Business and Corporate Leadership in Twentieth-Century Australia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).
- Barry Jones, *Sleepers Wake!* (Melbourne: Oxford University Press, 1982).
- James Jupp, *From White Australia to Woomera: The Story of Australian Immigration* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).
- Paul Kelly, *The End of Certainty: The Story of the 1980s* (Sydney: Allen & Unwin, 1992).
- John Langmore, *Work for All: Full Employment in the Nineties* (Melbourne: Melbourne University Press, 1994).
- Robert Manne, *How We Live Now: The Controversies of the Nineties* (Melbourne: Text Publishing, 1998).

- Robert Manne (ed.), *The Howard Years* (Melbourne: Black Inc., 2004).
- David Marr and Marian Wilkinson, *Dark Victory* (Sydney: Allen & Unwin, 2003).
- David Meredith and Barrie Dyster, *Australia in the Global Economy: Continuity and Change* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).
- Meaghan Morris, *Too Late Too Soon: History in Public Culture* (Bloomington: Indiana University Press, 1998).
- Stephen Muecke, *Textual Spaces: Aboriginality and Cultural Studies* (Sydney: University of New South Wales Press, 1992).
- Mark Peel, *The Lowest Rung: Voices of Australian Poverty* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003).
- Nicholas Peterson and Will Sanders (eds), *Citizenship and Indigenous Australians: Changing Conceptions and Possibilities* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).
- Tim Rowse, *After Mabo: Interpreting Indigenous Traditions* (Melbourne: Melbourne University Press, 1993).
- Peter Saunders, *Welfare and Inequality: National and International Perspectives on the Australian Welfare State* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- Paul Smyth and Bettina Cass (eds), *Contesting the Australian Way: States, Markets and Civil Society* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).
- Hugh Stretton, *Political Essays* (Melbourne: Georgian House, 1987).
- Trevor Sykes, *The Bold Rider: Behind Australia's Corporate Collapse* (Sydney: Allen & Unwin, 1994).
- James Walter, *Tunnel Vision: The Failure of Political Imagination* (Sydney: Allen & Unwin, 1996).
- John Wiseman, *Global Nation? Australia and the Politics of Globalisation* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).

Национальная история

Стюарт Макинтайр

История Австралии

Редактор *О.А. Зимарин*
Младший редактор *Е.А. Игнатенко*
Художник *Е.А. Ильин*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор *И.В. Леонтьева*
Карты *С.А. Голодко*

Подписано в печать 16.05.2011. Формат 60 x 90 ¹/₁₆
Печать офсетная. Гарнитура BalticaС.
Печ. л. 22,5. Тираж 2000 экз. Изд. № 29/06-и
Зак. №

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 117342, Москва,

ул. Бутлерова, д. 17б

Тел.: (495) 739-09-71

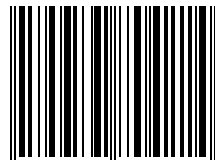
Факс: (495) 334-85-91

E-mail: info@vesmirbooks.ru;

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в Филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0421-4

9 785777 704214